А. А. ГОСТЕВ

ГЛОБАЛЬНАЯ ПСИХОМАНИПУЛЯЦИЯ

психологические и духовно-нравственные аспекты

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. А. Гостев

Глобальная психоманипуляция. Психологические и духовно-нравственные аспекты

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25207541
Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты: Институт психологии РАН; Москва; 2017
ISBN 978-5-9270-0345-7

Аннотация

Тема информационно-психологических психоманипулятивных воздействий на современного человека раскрывается в монографии как многоплановая психологическая проблема. Значительно расширено предметное поле исследования, анализ производится с привлечением междисциплинарного знания, с включением проблемы в глобальный контекст. Помимо традиционных тематик массмедиа, рекламы/маркетинга, политтехнологий, большое внимание уделено изучению воздействия новых информационных

технологий, рассмотрению основных сфер современной глобальной психоманипуляции, анализу информационно-психологических войн за историческую память, за управление социальным восприятием происходящих в мире событий и видением людьми будущего. Показана особая роль духовно-нравственного фактора (религиозного сознания) как в усилении возможностей современной тотальной психоманипуляции, так и в противодействии ей.

Книга адресована широкому кругу специалистов в различных областях психологической науки и гуманитарного знания в целом.

Содержание

Предисловие 14
Введение 47
Глава 1. Многомерная и многоуровневая тотальность психологических воздействий в современной информационной среде 85
1.1. Социальное восприятие как объект психоманипуляции 85
Мифологические и символические представления 94
1.2. Общие сведения о психоманипулятивных информационных воздействиях 101
1.3. Психологическое воздействие как информационное оружие 112
Об истории вопроса и дефинициях 121
О некоторых других свойствах информационно-психологического оружия 131
«Окна Овертона» 137
1.4. Психические процессы в психоманипуляции 143
Духовно-нравственный аспект вопроса 156
1.5. Подмена понятий: 163

«психоманипулятивная герменевтика»
Демократия и «демократия» 171
«Либерализм» и борьба за истинную духовную свободу 180
«Гуманизм» и истинная ценность человека 188
Искажения понятий «свобода» и «права человека» 196
1.6. Иллюзорная свобода информации в СМИиК 204
Глава 2. Воздействие многоликих экранных образов 211
2.1. Образы телевизионной продукции 215
2.2. Психоманипуляции в кино- и видеопродукции 242
Психоманипулятивное воздействие мультфильмов 249
2.3. Интернет: информация и «дезинформационная паутина» 255
Зависимость от сети 261
Интернет в политических психоманипуляциях 268
Мобильные средства связи 272
2.4. Видеоигры как информационный наркотик 274
Глава 3. Воздействие рекламы 284

3.1. Вводные замечания о пользе и вреде современной рекламы 284
Психология рекламы 288
3.2. Психопрограммирующее и «виртуализирующее» воздействие рекламы 301
О сублиминальности рекламы 302
Виртуализация в рекламе 304
О психологии маркетинга 311
3.3. Мировоззренческая атака брендов на традиционную культуру 316
3.4. Сублиминальное суггестирование и виртуализация системы сознания как проблемы психологической науки 330
Сублиминальность информационных воздействий 330
О психологии виртуальной реальности 343
Глава 4. Воздействие политических технологий 353
4.1. Стереотипы и мифы в социально-политической жизни общества 357
Черная мифология 365
Светлые мифы 374
4.2. Манипуляции политическим сознанием: основные аспекты 384
Социальный интеллект как объект 390

информационно-психологического воздействия
Расплывчатые социально-политические и экономические понятия как информационное оружие 395
Скрытое внешнее управлении страной как психоманипуляция 401
Терроризм как реальность и глобальная психоманипуляция 407
Новая «холодная война» 413
Политика двойных стандартов 419
«Мягкая сила» 423
4.3. О психоманипуляциях «выборной демократии» 428
Постсоветская демократия 432
4.4. «Цветные революции» 436
4.5. Манипуляции с исторической памятью 454
Духовный потенциал «памяти русской души» 463
Глава 5. Психоманипуляции в духовно-нравственной сфере 468
5.1. Психология духовно-нравственной сферы как актуальное направление психологической науки 468
Психологическое и духовно- 471

нравственное здоровье личности
Состояние духовной прелести 476
Искажения понимания духовного развития 483
Теоцентризм в изучении психологического здоровья 489
5.2. Традиционная нравственность и «новая этика» 495
О новой этике 507
Ювенальная юстиция 521
5.3. О некоторых главных манипуляторах духовностью и нравственностью 524
Постмодернизм 524
Массовая культура 527
5.4. Информационно-психологические атаки на традиционные религиозные ценности 536
Религиозный менталитет: «стабилизатор» или «деструктор» геополитики? 536
Симулякры и подмены религиозных традиций 546
Манипуляции религиозным сознанием на пути к единой мировой религии 552
Глава 6. Новые информационные технологии социального контроля и 563

глобальной психоманипуляции
6.1. Психология «сетевого общества»: штрихи к портрету 563
Социальный контроль 569
Электронное правительство 572
Психологические аспекты персональных идентификаторов 575
Нетократия 584
Контроль во «всемирной паутине» 588
Сеть – активный участник политических игр 593
6.2. Психоманипуляции в сфере новых информационных технологий 596
Компьютерное зондирование психики 596
НИТ и биополе 598
О психотронных воздействиях 601
О самообучаемости компьютерного интеллекта 604
Компьютерные вирусы как субъекты информационно-психологического воздействия 606
Преступления в НИТ-сфере 607
«Генопитомцы» 608
6.3. Психология homo-киборга и проблемы трансгуманизма 609
6.4. Духовно-нравственная и 615

метафизическая составляющая новых информационных технологий
Метафизические аспекты виртуализации человеческого бытия 616
Метафизика «всемирной паутины» 627
Метафизика «сетевого общества» 636
Метафизика неочеловечества 639
Глава 7. Основные сферы современной глобальной психоманипуляции 646
7.1. Манипулирование образами мировой политики 649
N-полярность мира 649
Элиты и государственный суверенитет 653
7.2. Манипулирование образами глобальной финансово-экономической системы 666
Иллюзии «свободного рынка» 670
Некоторые грани виртуализации современной финансово-экономической системы 673
О новой мировой экономике в России 676
7.3. Новые идеологические манипуляции 680
7.4. Субъекты манипулятивных информационно-психологических воздействий 689
Знакомство с «игроками» 690

О конспирологических представлениях 697
Каналы конспирологического информационно-психологического воздействия 705
Транснациональная элита 709
Мировое правительство 722
7.5. Психоманипуляция – реальная угроза человечеству 725
Образы угроз человечеству в настоящем и будущем 731
Образы военных угроз 741
О роли России в новом военном измерении мира 748
Глава 8. Контрманипулятивные психологические и духовно-нравственные ресурсы 759
8.1. Активность объекта информационно-психологического воздействия как ресурс противостояния 763
8.2. Психологический уровень сопротивления психоманипуляции 771
Простые методы противостояния 772
Имаго-символосфера 777
Защитные меры против рекламы 781
Защита понятийно-логической сферы 789
Защитные механизмы социального 795

восприятия
8.3. Духовно-нравственный уровень сопротивления психоманипуляции 803
Противодействие террористическим угрозам 808
Защита отечественной духовной традиции 816
Послесловие 821
Литература 833

А. А. Гостев
Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2017

Предисловие

Цель предлагаемой вниманию читателя книги – расширить научные представления о природе, содержании и функциях/эффектах информационно-психологических воздействий, о деструктивных последствиях для человека психоманипуляций (различной психологической природы). Большинство людей живут в информационном поле современного мира, не контролируя и не анализируя воздействие, оказываемое на них средствами массовой информации и коммуникации (СМИиК). В этой связи, как мне кажется, психологической науке необходимо выйти на новый уровень понимания информационно-психологической безопасности личности. Но и это возможно только в том случае, если максимально охватить многоаспектность проблемы, введя ее в *глобальный* контекст, и таким образом увидеть тотальность психоманипуляции по отношению к современному человеку.

Понятие «глобализация» берет свое начало от термина «globality» в 1980-е годы (Р. Робертсон), хотя тенденция рассматривать мир системно появилась на Западе еще раньше (например, Римский клуб, один из основных международных центров изучения проблем глобализации, был создан в 1968 г.). Поня-

тие глобализации стало разрабатываться более интенсивно с более четко сформулированными претензиями стран Запада во главе с США (будем далее говорить о некоем «коллективном Западе») на установление мировой гегемонии.

Другое важное для нас, в определенном смысле синонимичное, понятие – «мондиализм». Его содержание, в том числе психологическое, раскрывается по ходу книги. Пока же укажем на то, что мондиализм обосновывает идею построения «единого мира» (от лат. «mundus» – мир). Этот процесс приносит много проблем, в том числе и психологических. Мир претерпевает системное переформатирование. Человечество, подчеркивает известный российский политолог А. И. Неклесса, переходит к новому качеству цивилизации, однако префиксы «пост-», «нео-» и проч. не определяют содержание возникающей ее новизны, комплексный характер преобразований мироустройства.

Сегодня актуальность рассмотрения психологической гуманитарной тематики (в социальной, экономической, организационной, политической, исторической психологии) повышается по причине появления многочисленных сбоев в процессах глобализации. Мы видим волны «глобальной кризисности», создаваемые, в частности, свободой экономической

конкуренции, потребительской психологией, возрастающим индивидуализмом, атакой на национальные культуры и идеологией мондиализма. Понятно, что борьба процессов глобализации и тенденций, им противодействующих, задает огромное поле возможностей для психоманипуляций самой разной природы и содержания. Достаточно указать на все большую относительность понятия «национальный суверенитет». Мы видим, что чем сильнее лояльность национальных правительств «главному центру влияния в мире», тем выше их легитимность в глазах «коллективного Запада». Соответственно, тем выше использование двойных стандартов в мировой политике.

Другим непременным условием более широкого прочтения заявленной в данной монографии тематики является исследование духовно-нравственных аспектов глобальной психоманипуляции, включая рассмотрение религиозного сознания как важнейшего политического фактора современного мира (Гостев, 2012 г). Глобализация – это во многом *религиозно-политический проект*. Он предполагает не только планетарный процесс объединения экономики, политики, создание единых региональных пространств и различных союзов стран. Это сложный процесс взаимодействия духовно-нравственной и религиозной составляющих традиционных элементов «человеческой

цивилизационной системы». От отношения к глобализации может зависеть религиозная верность человека (И. А. Ильин, см. подробнее: Гостев, Борисова, 2012). Применительно к православному христианству и к исламу это очевидно.

Сегодня о новом мироустройстве, которое должно быть порождено глобализационными тенденциями, говорится как о чем-то естественном и прогрессивном. Умалчиваются важные вещи, связанные именно с коррозией духовно-нравственной сферы, с «расчеловечиванием» людей. Говоря о «Новом мировом порядке» (New World Order), мы будем обозначать его латинской аббревиатурой NWO. Это подчеркивает, что современные варианты глобализации не отечественного происхождения чужды представлениям нашей национальной духовной традиции о возможном единении человечества. Здесь можно вспомнить Г. Киссенжера, который указывает, что у каждой цивилизации была своя концепция «правильного» мирового порядка. И Древний Рим, и исламская цивилизация, и Китай представляли себя «центром вселенной». Сегодня в этой роли выступает прежде всего финансовая и политическая элита США, насаждающая свои воззрения в конкретных штатах и на федеральном уровне. Осмысление проекции подобных цивилизационно-центричных представлений на осталь-

ной мир и, соответственно, их восприятие и отражение миром является существенной психологической проблемой и напрямую связано с нашей основной тематикой. Плюралистическая картина мира размывает нравственные критерии и свидетельствует об общем отходе человечества от нравственного закона. Духовный аспект рассматриваемой в книге тематики предполагает осмысление вопроса о том, как все происходящее в жизни людей и мира связано с реально свободным выбором человека. Любое воздействие изменяет что-то в человеке, препятствуя свободе выбора даже на уровне воображения. Возрастающая взаимозависимость людей усиливает это препятствие. Как происходит духовно-нравственная деградация конкретной личности, народов и всего человечества в условиях тотальной манипуляции их сознанием, индивидуальным и коллективным неосознаваемым? Сделаем одно значимое концептуально-терминологическое уточнение в этой связи. В книге, говоря об информационно-психологическом воздействии на сознание, мы будем использовать термин «система сознания», включающий в себя понятия актуального и потенциального сознания (Ганзен, Гостев, 1993; Гостев, 2007). Потенциальное сознание предполагает «неосознаваемое психическое» на индивидуальном и групповом/коллективном уровнях. Именно неосозна-

ваемые сферы психики играют приоритетную роль в информационно-психологических воздействиях.

Предлагаемая вниманию читателей книга является логическим продолжением наших научных исследований, в частности, связанных с психологией образной сферы человека (см., например: Гостев, 1992, 2007, 2008; Gostev, Gilliland, Tucker, 1998; и др.). В то же время проблема информационно-психологического воздействия активно изучается в Институте психологии РАН (см.: Психологическое воздействие…, 2012; Проблемы психологической безопасности, 2012; Психологическое воздействие…, 2014; Психология дискурса…, 2016; Журавлев, Нестик, Соснин, 2016; и др.). Мы будем опираться на эти наработки академической психологии, воздавая им должное. В то же время попробуем сделать посильный шаг в большем соотнесении заявленной проблемы с социально-политическими реалиями жизни, с проблемой безопасности личности перед лицом многопланового информационного воздействия, а также с психологией духовно-нравственной сферы человеческого бытия.

В информационно-психологическом воздействии для нас большой интерес представляет преднамеренная манипуляция со стороны различных субъектов психологического воздействия. На высших своих

уровнях психоманипуляция связана с социально-политическими манипуляциями в жизни общества, государств, мира в целом. И психологическая наука должна помогать видеть, как в социальном управлении присутствуют ложь, обман, замалчивание, искажения социального восприятия, различные другие психоманипулятивные ухищрения с целью оказания влияния на психику и поведение человека и социальных общностей, включая уровни народов, наций, государства. Психологическая наука должна осмыслять информационно-психологические воздействия на внутренней мир конкретной личности и воздействия на групповое сознание, на менталитет людей, на «систему сознания». В книге делаются попытки обобщения имеющихся научных наработок в этой связи. Монография ориентирована на макропсихологический подход (А. В. Юревич) применительно к заявленной тематике. Это предполагает выход из рамок устоявшихся сфер исследовательского интереса – реклама, бизнес, психология демократических выборов, другие традиционные предметы социальной и политической психологии. В книге читатель увидит новые проблемы и аспекты информационно-психологических воздействий.

Так, контроль над информационными потоками приобретает решающее значение в современной ми-

ровой политике. Особое внимание уделяется тому факту, что на определенном уровне информационное воздействие становится «психологическим оружием» в современных информационных войнах. Иллюстрация этому – проигранная СССР «холодная война» и ее активизация сегодня в конфронтации «коллективного Запада» и современной России. Человечество ждет война не только за ресурсы, но и за право переделки «системы сознания» по NWO-лекалам. России предстоит осваивать опыт применения «психологического оружия» в мире. Ведь, например, то, что говорил Аллен Даллес[1] относительно СССР, сбылось (пусть «план Даллеса» – и фальшивка). Ответом является сама жизнь.

Изучение психологической безопасности человека от информационных воздействий должно выходить на глобальный уровень. Он задает общий исследовательский контекст. Поэтому мы говорим *о глобальном психоманипулировании, опосредствующем все виды информационных воздействий на планете и имеющем свою специфику в различных ее точках* (*странах, регионах*) *в зависимости от национально-культурных особенностей*. В данной книге анализирует-

[1] Аллен Даллес – директор ЦРУ (1953–1961 гг.), один из организаторов шпионско-диверсионной деятельности против СССР, идеолог «холодной войны».

ся круг психологических проблем, возникающих в связи с процессами глобализации, и наметившихся тенденций деглобализации как несогласия, протеста части населения Земли против варианта объединения человечества, предлагаемого ему в последние десятилетия. Сознание людей меняется *непроизвольно* под влиянием происходящих событий, объективного хода истории, метаисторических законов, пока гипотетических для академической науки, но ясных для идеалистической философии, теологии (примером служит понятие Промысла Божьего в христианстве), многотысячелетнего человеческого познания в целом.

Но очевидно и *преднамеренное* информационное влияние на людей, которое сегодня сопровождает глобальную трансформацию планетарных реалий. За этим влиянием стоят определенные субъекты/проекты/силы, которые навязывают свое видение будущего и пытаются его реализовать. И это не «мифическая конспирология», неполиткорректностью которой стараются заблокировать поиск людьми самостоятельных ответов на происходящее. Речь должна идти об идеологическом, социально-политическом, экономическом и ином *проектировании*. Именно оно остро ставит вопросы психологической, духовно-нравственной безопасности личности в условиях сложнейше-

го сочетания преднамеренных и непроизвольных информационных воздействий. Отметим, что современное информационно-психологическое воздействие на историческую память людей, на социальное восприятие ими происходящего, на представление о грядущем по своим масштабам и материальным затратам не имеет аналогов. Достаточно оценить те финансовые средства, которые выделяются на помощь «агентам глобального влияния» в различных странах. Например, суммы, вложенные США в «демократизацию» Украины, озвучены официально.

Глубокое сожаление вызывает у меня то, что пиар-обеспечение различных глобализм-проектов эксплуатирует объективное стремление людей к планетарному единству. Более того, толкование используемой символики позволяет видеть духовные смыслы, которые содержатся в безобидных на первый взгляд образах. Образы, циркулирующие в обществе, сдвигают баланс национально-культурных и общечеловеческих ценностей, искажая саму идею последних. Важно понимать, что (и как) под влиянием навязываемых образов возникают определенные представления, имеющие духовно-нравственное содержание. Например, образы «красиво курящих» людей под лозунгом «Мир без границ» прямо предупреждает о сути предлагаемых форм объединения человечества.

В связи с рассмотрением информационно-психологического воздействия на человека в соответствии с интересами проектов мироустройства уточним ряд моментов. Глобальная психоманипуляция происходит на фоне растущего системного кризиса всего человечества, связанного с переходом от одного глобального технологического уклада к другому, с попыткой как реализации модели «однополярного мира», так и отхода от нее к модели мира многополярного, однако с неясным вопросом об управляющем центре в «многополярной глобализации», учитывая уже сформированный «наднациональный» уровень мировой политики и экономики. Кризисные периоды, с одной стороны, благоприятны для изучения восприятия социальной реальности, поскольку обнажается скрытое (показательно, что именно в кризисные времена Россия обретала новое историческое качество). С другой стороны, усиливающаяся хаотизация жизни людей затрудняет изучение суммарного эффекта информационных воздействий на человека, облегчая при этом влияние деструктивных сил, в том числе духовно-метафизического плана. Люди переоценивают свою способность не впитывать информацию из этого источника, равно как и в целом противостоять психоманипуляции. Каждый «кусочек» информации несет «духовно-метафизический элемент» положительного

или отрицательного знака. Поэтому проблема манипуляции информационными воздействиями – это в полной мере предмет духовной и нравственной психологии.

Системное понимание процессов информационно-психологических воздействий предполагает учет взаимосвязи *объективных* и *субъективных* факторов происходящего на планете. Первые – это прежде всего социально-политические и финансово-экономические законы жизни «планетарной системы человечества» и каждого ее элемента – конкретных обществ, государственных образований. Например, это смена технологических укладов, присутствие в финансах стран и в «глобальном фининтерне» реальных сил «невидимой руки рынка» и т. д.

Субъективная составляющая, естественно, является предметом изучения психологической науки. Именно она позволяет раскрывать роль субъективного фактора планетарного бытия на индивидуальном и групповом уровнях (различного масштаба). Это, в частности, возможность выбора любой человеческой общностью своего бытия и путей развития. Хотя такой выбор недостаточно осознается конкретным человеком и рефлексируется общественным сознанием, в том числе на уровне научного знания и художественного отражения действительности (отметим

пророческое творчество Ф. М. Достоевского). Субъективная составляющая – это состояние духовно-нравственной сферы человеческого бытия, в частности, свободы нравственного выбора, порождающего соответствующие действия с их влиянием на соотношение добра и зла в мире. Информационно-психологические манипуляции мешают человеку осознать себя ответственным за зло в стране и мире.

Говорить о «перестройке миропорядка» нельзя вне темы справедливого общечеловеческого будущего – стремления к нему или отказу от него во имя «прав сильного». Представление о «нациях-изгоях» (а это стало приемлемым политологическим термином, причем на фоне торжества политкорректности), несомненно, порождение извращенного политического сознания. Но ксенофобию здесь принято не замечать. И это пример поврежденности социального восприятия, признак психологического нездоровья людей, причем не только на уровне элитарного, но и массового сознания. Мировоззренческая основа «золотого миллиарда» и сходных идей жесткой стратификации планетарного социума с минимизацией «социальных лифтов» (различные проекты социал-дарвинистского характера) достаточно успешно маскируется информационно-психологическими средствами. Хотя в последнее время происходит «снятие масок».

Субъективной составляющей планетарных процессов являются и *образы социального прогнозирования*. Образы *сценариев* развития цивилизации – одна из фоновых тем монографии. Здесь соответствующие представления задаются СМИиК и формируются самим человеком на основе доступных ему фактов. Отметим, что за последние 30 лет эти многие тенденции, с одной стороны, стали более явными, с другой – противоречивость происходящего на планете, особенно за последние 7–10 лет, возросла. Прошедшие десятилетия усилили какие-то сомнения у одних людей, поубавили оптимизма у других в связи с масштабами планетарных проблем, озадачили третьих, заинтересовали четвертых, оставили равнодушными пятых. Отметим, что «эйфория десуверенизации», пусть и по-разному в различных странах, но проходит. То, как люди представляют себе социальную реальность, в какой мере эти представления противостоят психоманипулятивным воздействиям, зависит от национально-культурной принадлежности человека, от его социального и имущественного статуса, пола, возраста, индивидуальных психологических особенностей и пр. Очевидное и желанное для одних может быть абсолютно ложным и неприемлемым для других. И это «призма», фильтрующая информационные воздействия, в том числе манипулятивные. Та-

кой призмой, в частности, выступают и «искренние социальные утопии» (некие «восторженно-оптимистичные» представления о наступлении «рая на земле» после современных кризисных явлений), и «апокалиптические ожидания» (предощущение высококризисных моментов в смене макроэпох земной истории, вплоть до идеи «конца света»). И здесь подчеркнем, что само желание человека не поддаваться настроениям крайних вариантов является контрманипулятивным ресурсом.

Несмотря на различие понимания происходящего, полезно признать взаимодействие двух тенденций, одновременно и противоположных, и взаимодополняющих. Это тенденция к *планетарной интеграции на фоне устремления к инновациям* и тенденция к *сохранению исторических реальностей, накопленного опыта человечества, «богатства традиционности», как она понимается в различных культурах*. Все, что происходит в мире, является отражением противоречий в этой паре, – противоречий, определяющих многообразие изменений (порой, как мы видим, все более драматических) в социально-политической и экономической жизни. Если процесс объединения не будет идти одновременно с сохранением своеобразия каждого из групповых социосубъектов, это приведет к унификации культур и вызовет протесты мно-

гих граждан. В качестве иллюстраций укажем на центробежные процессы в ЕС сегодня и на крах формирования «общесоветского человека».

Глобализация с 1990-х годов подавалась в СМИиК как многосторонняя взаимозависимость в мировом масштабе. Она трактовалась в первую очередь как экономическое явление, которое определяет все прочие аспекты – политико-правовой, идеологический, культурный и т. д. Декларировалось, что глобализация выводит страны на путь экономического роста, повышает объем торговли, ускоряет инновационные процессы, положительно меняет политическую структуру государств, дает возможность свободного перемещения людей, информации и товаров и т. д. Соответственно, мы видели и продолжаем видеть положительные и достаточно навязчивые образы «глобальной перестройки». Активно «пиарился» образ будущего счастливого человечества. В то же время под счастливчиками почти уже нескрываемо подразумеваются лишь вписавшиеся в процесс. Журнал «National Geographic», например, освещает только благоприятные аспекты жизни стран. Картинки счастливой жизни «вползают» в сознание и подсознание людей, усыпляя бдительность и мешая увидеть возможность «неофеодального варварства». Из стран же «третьего мира» мировые СМИиК ненавяз-

чиво формируют образ завидующего и неспособного «правильно» работать населения, к тому же склонного при этом к терроризму (естественно, как к способу выхода протестно-завистливых чувств). Примерами негативных стереотипных представлений могут быть растиражированные представления об особенностях русского этноса (из серии фильмов «Особенности национальной…»).

Итак, в книге мы будем говорить о важных гранях представлений людей о «глобальной перестройке» и о тех основаниях, на которых образы нового миропорядка могут основываться – об объективных основаниях (достаточно явных, проверенных) и об информационно-психологических манипуляциях. Знакомя читателя со спектром классов представлений людей о современной социально-политической реальности, мы опираемся на экспертные оценки, публицистические тексты, мнения граждан на уровне обыденного группового сознания, данные бесед, опросов и пр. Особый интерес представляют точки зрения людей, чувствующих недоговоренность или ложь официальных потоков информации в описании происходящего на планете и ее будущего. Из спектра мнений мы выделяем то, что в значительной мере упускается из виду – и на уровне академического знания по теме, и в массовом сознании, – но присут-

ствует в общественном сознании в качестве «мнения меньшинства», прозревающего о происходящем. В книге, в частности, внимание читателей привлекается к *преднамеренным* манипуляциям в их соотнесении с *естественно-спонтанными* информационно-психологическими воздействиями. Их суммарный информационный прессинг все сильнее подталкивает людей к утрате способности самостоятельного анализа социальной реальности. Но это означает, что человек постепенно становится объектом психоманипулирования с использованием все более изощренных его методов. Незаметная для сознания информация усваивается, влияя на потребности, желания, вкусы, взгляды, мировоззрение конкретного человека. Подобному воздействию трудно противостоять.

Отметим высокую значимость системного осмысления: а) глубинно индивидуальных информационных воздействий на конкретного человека, и б) психоманипуляций, затрагивающих различные «цивилизационные пространства» и «глобальный социум».

Изучение многоаспектного, многомерного, многоуровневого информационно-психологического воздействия на человека предполагает междисциплинарность, привлечение данных из различных познавательных каналов (Гостев, 2007а, б, 2008; Гостев, Борисова, 2012). В этой связи отметим, что совре-

менная психологическая наука не работает с данными вне официально признанных форм гуманитарного знания, игнорирует социальные процессы непубличного характера. Но происходящее на планете рационально понять нельзя. Это предполагает новый уровень сознания исследователя, в частности, его открытости метаисторическому подходу, признанию метафизических основ человеческого бытия. Книга восполняет дефицит таких знаний, необходимых для изучения психоманипуляции и возникающей в связи с этим темой информационной безопасности личности. В монографии, в частности, подчеркнуто то, что волнует православное сознание в его ощущении возрастающей апостасийности мира. Опора на православно-христианские идеи в подходе к теме глобальной психоманипуляции является вариантом развития концепции методологического плюрализма (А. В. Юревич) (Гостев, 2007а, 2011а, б; Гостев, Борисова, 2012).

Иными словами, междисциплинарный подход (в том числе «вненаучное знание») используется для осмысления эффектов информационных воздействий – внешних и внутренних (это сложившиеся мнения, социальные установки, идеалы, другие мировоззренческие компоненты). Внутренний источник информации рассматривается как ретранслятор уже воспринятых личностью внешних информационных

воздействий на различных уровнях организации субъективного мира и с различной степенью осмысления получаемой информации.

Во Введении представлены данные академической психологии, в частности, с акцентом на исследования авторов – сотрудников Института психологии РАН. Это сделано для подчеркивания преемственности нашей работы в теме информационно-психологических воздействий, для демонстрации знаний психологической науки, полезных для ее осмысления.

В главе 1 социальное восприятие рассматривается как объект информационно-психологических воздействий. Помимо данных о социальных установках, стереотипах, представлениях, большое внимание уделяется процессам символизации и мифологизации социального восприятия. Даются общие сведения как о простых формах психоманипуляции, так и об уровне, на котором она сопоставима с «психологическим оружием». Это оружие может строить реальность через создаваемые виртуальные образы, их проекцию и материализацию, или может надевать «шапку-невидимку» на действительность. Замалчивание некоего события равносильно отказу ему в праве на существование. Еще Э. Тоффлер говорил, что массмедиа создают фиктивный мир, на который правительства, народы, люди реагируют как на реальный (Тоффлер,

2005). Отмечается, что главные мировые массмедиа в той или иной мере подконтрольны транснациональному уровню планетарной власти. И мы будем говорить о таком влиянии, осуществляемом через иллюзии о «свободных СМИ». Подчеркивается, что информационно-психологические войны – неотъемлемый фактор не только мировой политики, но и крупного бизнеса, финансовых рынков. В главе рассмотрены также «тонкие» психоманипулятивные технологии. К ним относятся, например, «окна Овертона» – модель, описывающая процесс изменения отношения в общественном сознании к ранее неприемлемым для него идеям. В целом же в главе показано взаимодействие социально-психологических, «глубинно-психологических» и метафизических влияний на человека и на сообщества людей.

Отдельный раздел посвящен рассмотрению роли психических процессов (в частности, воображения, антиципации и эмоционально-мотивационной сферы) в искажении социального восприятия. Вводится понятие о «психоманипулятивной герменевтике». Она связана с подменой бытовых представлений, с примитивизацией речи, «словесным мусором», нецензурной бранью, иноязычными заимствованиями, а также подменой важных понятий в области социально-политической жизни общества.

Глава 2 посвящена психоманипулированию в многоликом экранном воздействии. Изучается информационно-психологическое воздействие имаго-символосферы общества – различных видов экранных образов – на внутренний мир личности, на психологическое здоровье общества и человечества в целом. Акцент делается на рассмотрении отрицательных воздействий телевидения, кино-видеопродукции, интернета, компьютерных игр. Подчеркивается духовно-нравственный аспект деструктивного влияния этих каналов имаго-символосферы социума. Ее воздействие следует изучать в контексте многоплановой «информационной экранной зависимости», готовности к психологическому «погружению в Экран». При рассмотрении влияния телевидения обсуждается спектр мнений – от подчеркивающих положительные стороны телевидения до отрицательных, озабоченных его душепагубным потенциалом. Анализируются различные приемы телевизионного воздействия, в результате которых итоговый образ может не иметь с действительностью ничего общего, однако восприниматься как «объективное» отображение фактов.

Большое внимание в главе уделяется информационно-психологическому воздействию интернета. Виртуальный мир, создаваемый человеком с его помощью, становится второй реальностью. Это дает ос-

нование говорить о деструктивных воздействиях, о сознательном искажении информации и конструировании дискурсов как о веяниях времени. Интернет воздействует на людей неодинаково. Поэтому интернет-зависимость имеет свое дифференциально-психологическое измерение, которое следует более предметно и глубоко изучать. В главе обсуждаются также психологические последствия возможностей социального контроля в сети, роль интернета в манипуляции политическим сознанием и многое другое.

При рассмотрении видеоигр как вида «экранных манипуляторов» подчеркнуты духовно-нравственные аспекты их воздействия на человека, особенно на детей.

Глава 3 посвящена рекламному воздействию как ярчайшей иллюстрации психоманипуляций. Подчеркивается значимость научного осмысления роли в рекламе «инстинктивно-организмических» слоев психики, подпитывающих низшее Я человека. Исследователи психологии рекламы могут не касаться этого вопроса в силу определенных рамок – темы, методов исследования. Но специалистам желательно отдавать себе отчет в том, что рекламный компонент имаго-символосферы общества превратился в эффективное средство суггестирования, создающего и усиливающего искусственные приземленные потреб-

ности человека и тем самым изменяющего социальные установки, ценности, нормы и даже мировоззрение людей в целом. Это акцентирует значимость духовно-нравственного плана анализа на уровне психоаналитических закономерностей функционирования образов в рекламе.

В связи с психологией рекламного воздействия мы также рассмотрим важные общие проблемы информационных воздействий – виртуализацию «системы сознания» и сублиминальные воздействия. Анализ последних позволяет увидеть в рекламе один из видов психопрограммирования. Особую роль в виртуализации играют *бренды*, предлагающие человеку притягательный образ товара, услуги и т. д. Образ-бренд, ассоциируя рекламируемое с позитивными социально-культурными событиями, активно распространяет свои мировоззренческие ценности. Вытесняя из сознания традиционные национально-культурные ценности, он становится их разрушителем. Брендинг создает эффективный канал для проведения определенных идей/интересов/проектов.

В главе 4 рассматривается проблема воздействия политических технологий на внутренний мир человека. Психологические знания, например, о стереотипах, предрассудках, страхах позволяют манипулировать народами, нациями, государствами. Отмечает-

ся, что применение психоманипулятивных информационных технологий породило театр «политического спектакля»: на разных «подмостках», разного масштаба «сценического действия» и уровня профессионализма исполнителей. Важным игроком в «глобальном политическом театре» видится терроризм. Этот образ выступает оружием в информационно-психологической войне, – оружием, которое все увеличивает свою силу, причем в руках различных политических структур. Работе «театра» помогают система стереотипов и мифов, функционирующих в социально-политической жизни общества.

В главе рассматриваются основные взаимодействующие технологии политических манипуляций (пиар, агитация, имиджмейкерство и пр.), а также некоторые актуальные вопросы в манипулировании политическим сознанием. В частности, это воздействие на социальный интеллект, использование расплывчатых политических и экономических понятий, психология двойных стандартов и пр. Исследуется также образ внешнего управления страной как результат информационно-психологических операций. Психологической проблемой является адекватность представлений людей об основных субъектах, объектах, каналах таких операций.

В отдельном разделе рассмотрены манипуляции в

предвыборных технологиях и избирательных кампаниях, когда можно говорить лишь о «манипулятивной демократии»: человек считает, что сделал свободный, осознанный политический выбор, который таковым не является. Глава завершается рассмотрением психотехнологий «цветных революций».

Глава 5 посвящена психоманипуляциям в духовно-нравственной сфере человеческого бытия. Данная проблема соотносится с тематикой психологического здоровья (Психологическое здоровье личности…, 2014), которое анализируется с позиции метафизических оснований психологического знания, обретая статус духовно-нравственного здоровья. Привлекается историко-психологическое знание, в частности, православная христианская традиция, раскрывающая когнитивно-эмоциональные искажения в духовно-нравственном познании. С этих позиций рассматривается проблема измененных состояний индивидуального сознания, которые на фоне субъективного его «расширения», «просветления» способны породить искажения в познании духовном. Отмечаются аналогии с групповым сознанием. В этой связи указывается на современную западную ментальность, отвергающую традиционные нравственные ценности, воспевающую потребительские интересы «атомарного человека» и пр.

Рассматривается проблема противопоставления традиционной нравственности и новых этических форм – достаточно зловещая система ценностей, где «белое» легко становится «черным», и наоборот. В качестве главных манипуляторов в духовно-нравственной сфере выступают философия постмодернизма и массовая культура.

Поскольку наиболее сильно сопротивляются деструктивным информационным воздействиям *религиозные традиции,* отдельный раздел посвящен атакам на них. Подчеркивается важная роль религиозного менталитета в мире, в частности, как «стабилизатора» или «деструктора» геополитики. Большое внимание уделено теме разрушения мировых религий, подменой их традиционного содержания симулякрами и тенденцией создания единой универсальной религии. Плюрализм псевдорелигиозного опыта в сектах, психологических школах личностного роста и т. п. структурах манипулирует религиозным сознанием людей.

Название главы 6 говорит о главном содержании представленного в ней материала. Особое внимание уделяется осмыслению воздействия новых информационных технологий (далее – НИТ) на области неосознаваемого внутреннего мира личности, на духовно-нравственную сферу человеческого бытия. Данная тематика связывается с проблематикой пси-

хологии формирующегося глобального «сетевого общества». Отмечается недооценка психологических и духовно-нравственных проблем, которые возникнут в «обществе тотальной сети». Подчеркивается, что мир «обволакивается» сетью как орудием глобального управления. Идея глобальной сети вместе с тем пропагандируется как закономерная и неизбежная стадия развития человечества. Но это как раз является свидетельством глобальной психоманипуляции, имеющей геополитические цель и последствия. Под предлогом неизбежности сетевого общества обосновывается исчезновение независимых государств. Определяющей характеристикой сетевого общества провозглашается коренная реорганизация управления мировым сообществом, что позволит сделать психоманипулирование людьми практически неограниченным. В этой связи отмечаются возрастающие возможности слежки в сети за человеком, группами людей. Изучение психологического аспекта слежки в сети интересно в плане того, что знание человека о сетевом контроле над собой и другими людьми изменяет его сознание и поведение. Т. е. мы получаем вариант сильной, хотя и опосредованной, психоманипуляции. Отдельный вопрос – участие сетевых сообществ в политических процессах, – в частности, сетевое обеспечение «цветных революций».

Среди других психоманипулятивных аспектов в сфере НИТ рассматривается «психология неочеловечества» и «психология homo-киборга». Внутри данной проблематики отмечается широкий спектр психологических проблем, которые не ставятся в психологической науке. К значимым вопросам манипуляций в сфере НИТ отнесены также атаки НИТ на биополе человеческого организма, компьютерное психозондирование, самообучаемость компьютерного интеллекта, компьютерные вирусы как субъекты информационного воздействия.

В главе 7 обозначены актуальные задачи изучения манипулятивных информационно-психологических влияний на личность относительно идеологического, социально-политического, экономического и иных видов глобального проектирования. В области восприятия людьми глобальной политики речь идет о содержании и особенностях образов многополярности мира в ее противопоставлении миру однополярному. Изменяется вся архитектура внешнеполитических процессов. Вокруг этих процессов и происходит локальная, региональная и глобальная манипуляция сознанием. Отмечается, что поле «геополитической информационно-психологической войны» дает простор для самого широкого спектра политических психоманипуляций. Они направлены на выбор чело-

веком, групповыми субъектами «образа полярности». В связи с данной полярностью рассматривается вопрос о представлениях людей относительно реального суверенитета стран. Возникает тема психологической маргинальности элит между национальными и наднациональными центрами власти. Это, несомненно, актуальный вопрос социальной и политической психологии. Главной тенденцией в образах новой мировой политики как объектах информационно-психологического манипулятивного воздействия выступает антидемократическая «новая централизация власти» с новыми официальными и неформально-теневыми субъектами глобального управления. Интересными объектами изучения социального восприятия должны стать образы планетарных центров силы на публичном и «теневом» уровнях.

Изучение манипуляции представлениями о глобальной финансово-экономической системе также ставит интересные вопросы, имеющие отчетливое психологическое содержание. Экономическая информация является одним из самых мощных психологических воздействий, тем более что она подается в значительной мере на малопонятном профессиональном языке. Сведения о сложных финансово-экономических закономерностях, управляющих «глобальным рынком», способны кого-то подавлять

авторитетом, кого-то завораживать, кого-то ставить в тупик.

Значимый аспект изучения представлений о современной экономике связан с темой иллюзорных образов «свободного рынка». Необходимо изучение осведомленности людей о «тайных пружинах» мировой экономической политики. Иллюзорность современных экономических представлений соотносится с общей проблемой виртуализации современной финансово-экономической системы. И это интересный вопрос экономической психологии. По сути, современная экономика есть торговля воображаемым.

Раздел главы посвящен новым идеологическим манипуляциям, имеющим место вокруг реализации глобализм-проекта. Предметом изучения становится мифология глобализации. Рассматриваются психологические проблемы в связке «религиозный фактор-идеология – политика – наука». Психоманипулятивные воздействия в информационном поле человечества должны изучаться, осмысливаться относительно основных субъектов глобального действия на информационно-дезинформационном планетарном поле. Актуален и вопрос изучения каналов конспирологического информационно-психологического воздействия. Наконец, изучение глобальной психоманипуляции предполагает более глубокое и предмет-

ное осмысление ложных (как продукт психоманипуляций) и реальных угроз человечеству. Это тем более актуально, что образы ложных угроз могут породить реальные угрозы.

Глава 8 посвящена контрманипулятивным возможностям личности и общества. Обсуждаются возможности противодействия управляемым «информационным вливаниям» в сознание, задающим «правильные на сегодня» мировосприятие, самоидентификацию, систему социальных представлений, политические установки. Необходимо изучить более тонкий, высокий и одновременно скрытый уровень психоманипулирования современным человеком, который «слеп» к духовной сущности формирующегося «нового мироустройства», к психологическим последствиям «транснационального сетевого общества» и тенденции «киборгизации» человечества.

Тезис о том, что человек является активным субъектом, строящим свою картину социальной реальности, а потому не подвластным «промыванию мозгов», требует рамок своей применимости. В противостоянии психоманипуляциям сработает лишь реальный потенциал принципа активности человека.

Противодействие психоманипуляции рассматривается как на психологическом, так и на духовно-нравственном уровнях. На первом из них большое внима-

ние уделяется сопротивлению имаго-символосферы общества. При рассмотрении манипуляций посредством воздействия на понятийное мышление/речь отмечается актуальность изучения защитных механизмов социального восприятия. Духовное противостояние облегчается движением человека по «духовной вертикали». Велика роль исторической памяти в защите от манипуляций.

В Послесловии делаются дополнительные обобщения, формулируются перспективные задачи исследования.

Введение

Проблематика данной монографии, как видно из текста предисловия, чрезвычайно широка. Теоретическое осмысление возникающих вопросов предполагает не только соотнесение научных подходов в различных областях психологической науки, – прежде всего, в социальной, политической, исторической психологии, – но и привлечение наработанных материалов из других областей человекознания. Изучением социальных последствий информационных воздействий на человека занимаются, в частности, социология, политология, лингвистика и пр. Сложности анализа интересующей нас тематики усиливаются тем, что нет однозначного понимания терминов «психологическое воздействие», «информационно-психологическое воздействие». Эти понятия очень объемны, к ним относится широкий круг явлений: от межличностного общения до массовых коммуникаций различного уровня и содержания (например, в политике, экономике/бизнесе и др.). Информационно-психологическое воздействие на людей представляет собой огромный арсенал средств, механизмы влияния которых изучены недостаточно. Не найдены общие основания данного понятия, которые были бы применимы, соответ-

ственно, в психотерапии, политике, сфере социального управления, педагогике и пр. Отмечается, что сами характеристики информационно-психологического воздействия, специфика используемых приемов, стоящие задачи влияют на содержание данного понятия.

А. Н. Лебедев различает содержание терминов «средство воздействия», «прием манипулирования», «метод воздействия», «механизм воздействия», «психологическое влияние» и др. (Лебедев, 2014). Тема психологического воздействия в психологии, отмечает он, является одной из самых обширных по количеству прикладных публикаций и самой неразработанной по количеству публикаций теоретических. И психологические воздействия, имея различную природу, объединяются в одну группу явлений (создавая иллюзию универсального психологического механизма) (там же, с. 97). Изучение разнообразия информационно-психологических воздействий осложняется тем, что человек не способен рефлексировать все многообразие психоманипуляций, с которыми он имеет дело и на которые влияет социокультурный контекст. Наконец, сложности теоретического осмысления темы связаны с тем, что психология духовно-нравственной сферы человеческого бытия, которая включена в анализ проблематики «на первых ролях», является на-

правлением, только что начавшим свое возвращение в систему научного психологического знания.

Виды информационно-психологических воздействий, следовательно, нуждаются в классификации.

Так, Г. А. Ковалев описал основные стратегии информационного воздействия (Ковалев, 1991). «Императивная» стратегия ориентирована на действие простых правил и законов, жестких причинно-следственных связей. Психика человека рассматривается как пассивный объект воздействия и продукт исключительно социальных условий. Цель воздействия на нее при манипуляции – изменение сознания человека – открыто не провозглашается, а достигается посредством скрытого или неявного побуждения к совершению определенных действий, к следованию конкретным правилам и образцам поведения. «Развивающая» стратегия основывается на принципах нелинейного детерминизма, неочевидного с точки зрения конечного результата (его планирование допускается), и базируется на представлении о том, что психика человека находится в постоянном диалоговом взаимодействии с другими людьми и социальными группами.

С развитием НИТ и СМИиК спектр психологических воздействий расширяется. В указанных в Предисловии коллективных монографиях Института психологии РАН описаны основные виды информаци-

онно-психологических воздействий. Существуют воздействия прямые (непосредственные) и косвенные (опосредованные), одномоментные и рассредоточенные во времени, вербальные и невербальные, осуществляемые различными способами и методами, имеющие различные стратегии и тактики. Материалы данных коллективных монографий позволяют ориентироваться в феноменах, принципах психологического воздействия в разных сферах современной жизни, рассматривая их как аспект информационной безопасности личности. В то же время очевидна необходимость дальнейших исследований данной темы с реализацией известной методологической триады «теория – эксперимент – практика» (Б. Ф. Ломов). Особо подчеркнем необходимость большего соотнесения теории вопроса с современной жизнью. Рекламой, менеджментом и политическими выборами не ограничиваются сферы, в которых надо осмысливать психологию психоманипуляции. Нерелевантность получаемых данных в этих областях хорошо видна на примере мировой политики. Например, балканские события 1990-х, события в Грузии в «нулевые» годы, на Украине («оранжевая революция» 2004 г. и последних трех лет) не нашли должного осмысления в психологической науке. Указанные и прочие события на мировой сцене ставят задачу понимания происходя-

щего с точки зрения теории и практики информационно-психологической войны. Академические наработки в этой области тоже должны быть использованы. Важным методологическим вкладом в разработку темы является системный подход (Латынов, 2013), который полезен для усвоения содержания данной монографии.

В истории исследования психологического воздействия выделяется три этапа (Латынов, 2012б).

На первом этапе, в 1940–1950-е годы, главной была идея о двух основных механизмах, действующих одновременно, независимо друг от друга: а) логический анализ сообщения, б) эмоциональная обусловленность воздействия, объясняющая информационное влияние даже тогда, когда смысл сообщения усваивался недостаточно.

На втором этапе, в 1960–1970-е годы, под влиянием противоречивых экспериментальных данных начинает доминировать скептицизм в отношении универсальных закономерностей воздействия. Проводятся анализ психологического воздействия в реальной жизни и разработка проблемы сопротивления ему. В. В. Латынов акцентирует внимание на модели В. Макгира: человек должен обратить внимание на информационное воздействие, понять и принять содержание, запомнить возникшую новую установку,

трансформировать ее в поведение. В теории когнитивной реакции Э. Гринвалда для нас полезны следующие полученные им данные: эффективность психологического воздействия зависит от того, насколько позитивны/негативны переживания человека, вызванные сообщением. С точки зрения рассмотрения роли духовно-нравственных аспектов психоманипуляций показательны исследования С. Милгрэма, продемонстрировавшие значительные возможности принуждения людей к поступкам, противоречащим их моральным ценностям.

Третьему этапу изучения темы психологического воздействия (1980-е годы) были присущи методический и методологический плюрализм, произошло расширение круга изучаемых феноменов, усложнение теоретических моделей. Психологическое воздействие стало рассматриваться в качестве сложно детерминированной многоуровневой системы. Разрабатываются идеи и об одном когнитивном процессе с несколькими стадиями в анализе человеком поступающей к нему информации. Особое внимание стало уделяться изучению психологических механизмов, опосредующих воздействие сообщений на социальные установки и представления людей. Было установлено и доказано, что при обработке поступающей информации человек может активно размышлять над

ней, соотносить с собственными убеждениями и знаниями аргументы в поддержку навязываемой позиции. Но признавались и иные способы обработки информации, делающие излишним детальный анализ сообщения (например, использование тезисов «Специалистам следует доверять», «Большинство всегда право»).

В. В. Латынов указывает на эвристико-систематическую теорию, согласно которой у людей обнаруживается порог субъективно приемлемой уверенности в истинности мнения, сложившегося под воздействием сообщения. Значимым является наличие двух способов обработки информации при воздействии: *систематического* (человек активно размышляет над информацией, соотносит доводы с собственными знаниями; результатом является более выраженное и устойчивое изменение аттитюдов) и *эвристического* (основан на очевидных признаках ситуации воздействия, что делает излишним анализ сообщения; более важны авторитетность и привлекательность источника, социальные стереотипы). Эти два способа обработки информации задают два способа воздействия: силой аргументов и привлекательностью/компетентностью источника воздействия. Выбор способа воздействия зависит от мотивации объекта воздействия, типа предъявления сообщения, времени

для обработки сообщения. Когда вероятность анализа информации низка, характеристики источника сообщения (привлекательность, компетентность) используются в качестве доказательства его истинности. При средней степени аналитичности информация от экспертов и приятных лиц рассматривается внимательнее, чем сообщения неспециалистов и людей неприятных. При высокой степени анализа сообщения компетентность источника рассматривается в качестве дополнительного аргумента в пользу транслируемой позиции. Когда неясна сила аргументов, сообщения экспертов воспринимаются более позитивно, чем неспециалистов. Было бы интересно посмотреть проявление этой закономерности в информационном поле «послемайданной» Украины.

Сегодня исследователи все чаще обращаются к теме групповой идентичности и групповой динамики как значимых факторов эффективности психологического воздействия (Латынов, 2012б). Если ранее психологическое воздействие исследовалось в ограниченном спектре социальных ситуаций относительно непродолжительных контактов незнакомых людей, то в последние десятилетия стали изучаться интегральные эффекты информационно-психологического воздействия, приемы воздействия, а также факторы, определяющие их выбор и использование.

Неудовлетворенность лабораторными экспериментами усилила интерес к выявлению социально-психологических и индивидуально-личностных факторов, влияющих на использование стратегий и тактик воздействия, возрос интерес к его кросс-культурной специфике.

Понимание целостности психологического воздействия предполагает, в частности, изучение: активности объекта воздействия (человек остается активным участником ситуации воздействия); полимотивированности объекта воздействия; эмоционального компонента воздействия; амбивалентности аттитюдов (об этих принципах мы поговорим в главах 1 и 8) (Латынов, 2012б, 2013). Основными элементами концептуальной модели психологического воздействия В. В. Латынова являются следующие:

• *субъект воздействия* – лицо или группа лиц, целенаправленно или невольно изменяющих поведение, когнитивную и эмоциональную сферу других людей;

• *объект воздействия* – лицо или группа лиц, изменение психологических характеристик которых вызывает субъект воздействия;

• *сфера воздействия* – совокупность сходных ситуаций, в рамках которых происходит взаимодействие субъекта и объекта воздействия (обычно выделяют

межличностное общение, групповую коммуникацию, опосредованное СМИиК-общение);

• *средство воздействия* – речевое сообщение (от кратких до развернутых), совокупность вербальных и невербальных стимулов, комплексы символов;

• *контекст воздействия* – совокупность характеристик, влияющих на выбор, реализацию и эффективность используемых средств воздействия (подчеркнута роль ситуативно-группового и национально-культурного контекста);

• *результат информационного воздействия* – запоминание информации, изменение представлений об объекте/явлении/ проблеме, изменение к ним отношения, намерение в реальном поведении.

Важно просчитать, благоприятствует ли конкретное воздействие стратегическому успеху. Политическая выгода может обернуться политическим кризисом.

Теоретическая основа психологии психоманипулятивного воздействия предполагает выделение критериев и факторов его эффективности (Латынов, 2012б). Прежде всего, следует учитывать новые возможности «персонализации воздействия». К каждому из эффектов воздействия (когнитивным, эмоциональным и поведенческим) возникает вопрос: мы имеем изменение групп аттитюдов, ценностей, стратегий по-

ведения, либо воздействие затрагивает что-то одно? Относительно изменения оценочности важно различать, идет ли речь о формировании новых аттитюдов или об изменении уже существующих. Отметим *эффект простого предъявления:* многократное предъявление объекта в эмоционально нейтральном контексте вызывает у человека позитивное к нему отношение («знакомое – значит хорошее»), часто не фиксируемое сознательно. Поведенческие эффекты различаются на непосредственные реакции (например, избегание/приближение) и продуманные действия. Эмоциональные эффекты воздействия исследованы меньше. Значимый критерий – длительность существования эффектов воздействия: *кратковременные* (несколько часов) и *долговременные*. Результат воздействия может появиться с течением времени.

В. В. Латынов выделяет три группы факторов эффективности психологического воздействия. К первой группе относятся *характеристики субъекта воздействия:* компетентность, надежность и привлекательность. Значима установка на анализ получаемой информации. Человек может быть настроен на анализ аргументации, намерений, компетентности субъекта воздействия, а может прилагать к обработке информации минимум усилий. Если психологическое воз-

действие не побуждает человека к анализу информации, повышается значимость влияния характеристик субъекта воздействия. Люди значительно позитивнее оценивают информацию от более компетентного источника.

Фактор *особенностей средств воздействия* касается прежде всего аргументации. Взаимосвязь качества аргументов и эффективности воздействия определяется настроем человека на тщательный анализ информации. При низкой мотивации и невозможности анализировать информацию даже слабая аргументация усиливает воздействие. При глубоком анализе слабая аргументация приводит к падению эффективности воздействия.

Фактор *характеристики объекта воздействия* предполагает учет индивидуальных особенностей людей – пола[2], возраста (максимальная устойчивость к воздействию – в среднем возрасте), личностных и индивидуальных особенностей (в частности, интеллекта), показателей этического сознания и мировоззрения (Латынов, 2014б).

Для понимания глобальной психоманипуляции полезно знание о существовании трех точек зрения от-

[2] Современные исследования, например, уже не обнаруживают половых различий в подверженности психологическому воздействию (ранее считалось, что женщины более подвержены ему).

носительно воздействия СМИиК на человека (Латынов, 2014а). Каждый подход имеет свое рациональное звено, однако не раскрывает полностью проблему информационно-психологических воздействий на человека и сообщества людей.

1. *«Теории минимального эффекта»* признают воздействие СМИиК несущественным. Межличностные контакты считаются более значимыми для распространения информации. Информация от массмедиа передается через лидеров мнений в различных социальных группах. Заметим, однако, что мнение может принадлежать представителю группы, коллективное сознание которой подвержено манипуляции. В. В. Латынов отмечает, что теории минимального эффекта, распространенные в 1950–1960-х годах, снова становятся популярны; люди оказываются субъектами массмедийной активности.

2. «*Теории среднего эффекта»* говорят об ограниченном влиянии СМИиК на внутренний мир личности. В рамках данного подхода изучается влияние традиционных и новых массмедиа на человека, в частности, формирование «рамочного» эффекта. Суть его заключается в том, что в СМИиК для конкретных периодов времени задаются определенные спектры и границы обсуждаемых тем. Экологическая тематика, избирательные кампании, чрезвычайные ситуации име-

ют разное время проявления «рамочного» эффекта. На «рамочный» эффект влияют длительность и «массированность» освещения темы, специфика подачи материала и пр. Важны также характеристики аудитории (например, ее избирательная активность, ориентация на массмедиа как источник знаний).

А. В. Юревич и Ф. О. Марченко, говоря о *теориях ограниченных эффектов,* распространенных в 1960–1970-х годах, отмечают их главную идею: влияние массмедиа на аудиторию не носит тотального характера, не приводит к необратимому и радикальному изменению поведения (Юревич, Марченко, 2012). Воздействие СМИиК на человека опосредовано его ближайшим социальным окружением, позицией группы, к которой он принадлежит, мнением отдельных ее членов, отбором той информации, которая согласуется с собственными ценностями.

Интересны отдельные акценты, которые делают в данных теориях А. В. Юревич и Ф. О. Марченко (там же). Так, теория распространения инноваций подчеркивает многоступенчатость процесса принятия новых идей, т. е. наличие стадий внимания, интереса, оценки, проверки, принятия, подтверждения. Подход Дж. Клаппера говорит о том, что средний человек преувеличивает значение массмедиа, которые влияют на уже сформировавшиеся стереотипы, оценки,

социальные установки. Согласно концепции Э. Роджера, СМИиК влияют только на «продвинутых» пользователей, от которых уже «заражаются» остальные (психология рекламы подтверждает эффект подобного «вторичного влияния»). Теория *элитарного плюрализма* подчеркивает, что поведение типичного избирателя (политически безграмотного, малоактивного, который находится под влиянием своего социального окружения) не соответствует моделям демократического поведения. Тем не менее, интересы населения могут все же учитываться. Теория *социального научения* затрагивает вопрос влияния сцен насилия, показанных по телевидению, на человека, прежде всего на детей. Сделан странный вывод: никто не знает, какое влияние оказывают массмедиа на детей, но для основной части детей это влияние незначительно.

3. *«Теории сильного эффекта»* подчеркивают зависимость мнений и поведения людей от СМИиК, которые формируют представления о социальной реальности, социальные установки, оценки, суждения, влияют на поведение. Начиная с 1980-х гг. эти теории приобретают все больше сторонников. Подчеркивается, например, что человек зависит от СМИиК в силу необходимости удовлетворять свои потребности и достигать цели. При конфликтах в обществе у людей появляется потребность в переоценке систе-

мы ценностей, что усиливает интерес к массмедиа. Заметим, что эта закономерность сработала в период перестройки и реформ в нашей стране. Так называемая *культивационная теория* полагает, что СМИиК оказывают определенное воздействие на социальное восприятие. Транслируемые ими образы реальности влияют на представления человека о мире, воздействуя на психику глубоко и многопланово. Максимальный культивационный эффект достигается в случае, когда обращение к СМИиК побуждается потребностью в информации, отсутствуют альтернативные источники информации, а человек верит в реальность массмедийной «картинки». Э. Ноэль-Нойман (Ноэль-Нойман, 1996) указывает, что СМИиК играют большую роль в определении того, какое мнение в обществе является доминирующим, оказывают влияние на индивидуальное восприятие общественного мнения. Человек при этом побуждается либо обнародовать свои взгляды при совпадении своего мнения с мнением большинства, либо оставить свои взгляды «при себе», пока некая точка зрения не станет принятой в обществе или не исчезнет из общественного сознания. Механизм имеет спиралевидную структуру, в результате чего некоторые позиции попадают в центр внимания, а другие оказываются на периферии общественного интереса.

Отметим существование теорий пассивной и активной аудитории (Бакулев, 2010). В теории активной аудитории А. В. Юревич и Ф. О. Марченко (Юревич, Марченко, 2012) отмечают несколько позиций. Главным становится публичный дискурс – решающая роль в определении смысла сообщения принадлежит аудитории. Таким образом, понятый аудиторией смысл сообщений может не совпадать с тем, который заложен в них. В *дискурсивной модели массовой коммуникации* (Дж. Фиске) объект информационного воздействия (телезритель, например) использует индивидуальный опыт в конструировании смыслов сообщений. *Конструкционистская модель массовой коммуникации* (У. Гэмсон) говорит о том, что общественное мнение является частью процесса, с помощью которого участники массовой коммуникации развивают значения в публичном дискурсе. *Теория обретения пользы и удовлетворения* рассматривала, чем руководствуется индивид при выборе СМИ. *Теория игры* указывала, что люди удовлетворяют через массмедиа потребности, что может усиливать влияние СМИиК. Согласно *теории фрейминга,* массмедиа могут контролировать восприятие людьми смыслов через «упаковывание» высказываний во «фреймы». Это порождает одни интерпретации и исключает другие.

Вместе с тем отметим, что в рамках парадиг-

мы «сильного эффекта» все же недостаточно свидетельств о воздействии СМИиК на установки, социальные представления и поведение людей. На мой взгляд, это подчеркивает необходимость большей соотнесенности исследований информационно-психологических воздействий с реальной жизнью. А жизнь на планете показывает, что такие воздействия весьма существенны: стали реальностью толерантность к половым извращениям, двойные оценки политических событий в различных странах, другие факты, о которых мы говорим в книге.

Итак, касаясь темы глобальной психоманипуляции, пытаясь как минимум охватить ее феноменологию, мы видим отсутствие единой теоретико-методологической базы исследования. Согласно В. В. Латынову, создание единой теории, объясняющей психологическое воздействие СМИиК, вряд ли возможно. На человека влияет много факторов, их взаимовлияние и взаимодействие крайне сложно, и потому выявить единый механизм их воздействия на чувства, мысли и поступки человека невозможно. Современные теории могут объяснить лишь ограниченный круг феноменов. Существенную роль играет глубина погруженности человека в информационные потоки. При низкой и средней степени включенности людей в массмедийный дискурс его воздействие на внутренний мир

личности незначительно. Однако в отношении людей, которых трудно оторвать от СМИиК, эффективность воздействия резко возрастает.

Отметим ряд других моментов, значимых для нашего исследования.

Важные закономерности психоманипуляции вытекают из *информационной неопределенности,* – таких ее приемов, как умолчание информации, «дозирование правды», «неполнота описания события». Речь идет о скрытых причинно-следственных связях событий, вызывающих некий спрогнозированный результат, о формировании субъективно целостной картины мира под влиянием неполной, «правильно ограниченной» информации или даже при ее отсутствии. При этом объекты воздействия на уровне индивидуального или группового сознания уверены в знании действительного положения вещей. Вспомним, что С. Московичи показал роль сочетания информационной неопределенности и социального влияния в формировании убеждений (Moscovici, 1984). Феномен групповой поляризации также оказался связанным с информационной неопределенностью.

Отсутствие информации особенно значимо для глобальной психоманипуляции, ибо на этом уровне деятельность планетарных субъектов мировой политики и экономики скрыта, искажена умалчиванием де-

талей. Основой глобальной манипуляции является сокрытие реально происходящего на планете, маскировка социально-политического и идеологического проектирования под прикрытием неолиберальных и псевдодемократических представлений и ценностей.

Результаты изучения психологического воздействия, связанного с информационной неопределенностью, изложены в работе А. Н. Лебедева (Лебедев, 2014). Он подчеркивает, что информационная неопределенность – важный фактор создания социальной установки, на основе которой люди строят собственную систему представлений о мире, формируют мировоззрение. Указывается, что информационная неопределенность возмещается воображением, верованиями, «информационным мусором» (например, из «желтой прессы»). А. Н. Лебедеву интересен психологический механизм формирования субъективно непротиворечивой картины мира при наличии «информационных пустот», заставляющий одних людей стремиться к информационной полноте, а других – оставаться удовлетворенными неполной информацией. Отмечается, что неопределенность может дать более сильный эффект психологического воздействия, чем непосредственное психологическое давление, – достаточно игнорировать факты и выстраивать нужную систему представлений (отдель-

ным политикам или государственной власти в целом). А. Н. Лебедев отмечает еще один важный для нашего исследования момент: разговоры о целенаправленном информационном суггестировании часто оказываются маскировкой манипулирования через «воздержание от распространения нежелательной информации». Подчеркнем, однако, что оба приема могут работать вместе, повышая эффективность информационно-психологических воздействий на людей. В Украине, например, существует и антироссийская пропаганда, и жесткая цензура информационных потоков.

Актуальность изучения фактора информационной неопределенности следует из повседневной жизни российского общества. Людям в деталях сообщаются интимные подробности жизни голливудских звезд, но замалчиваются или подаются как третьестепенные важные события жизни нашей страны, связанные с возрождением Отечества. Многие ли знают о победе боксера Федора Чудинова над германским боксером в символически памятную дату 9 мая 2015 г. (газета «Русский Вестник», № 13, 2015)? Носители псевдонеолиберального сознания, верящие, например, в «прозрачность» мировой политики, во всесильную «невидимую руку рынка», «слепы» по отношению к информации, которая показывает данные социаль-

ные представления как успешно навязываемое миру заблуждение благодаря дефициту информации о процессах глобализации.

Важные грани информационно-психологических воздействий раскрываются в исследованиях Н. Д. Павловой (Павлова, 2012; см. также Григорьева, Павлова, 2012, 2014). Актуально, например, также понимание роли расплывчатых понятий в лингвистической манипуляции, которая может быть как преднамеренной, так и результатом непроизвольного употребления лингвистических структур. Показано, что приемы выбора информации связаны с т. н. «интенциональными комплексами»; виды массмедийного дискурса имеют присущие им интенциональные характеристики, опосредствующие использование приемов речевого воздействия. Одним из важных направлений исследования становится описание интенционального пространства дискурса, без обращения к которому невозможно уяснить, зачем нечто было сказано. С интенциями оказались связанными выбор информации, детализация описания, ссылки на очевидцев и авторитет, эмоциональное заражение, использование повторений, экспрессивных слов и жаргона. Показано, что виды телевизионного дискурса (ток-шоу, телебеседы, предвыборные дебаты) различаются по своим интенциональным характеристикам и приемам рече-

вого воздействия (Григорьева, Павлова, 2012, 2014).

Среди каналов информационного воздействия с манипулятивным эффектом мы особо выделяем *канал воздействия образов*. Мы вводим и по ходу изложения материала раскрываем понятие «имаго-символосфера общества», охватывающее всю совокупность таких образов, воздействующих на образную сферу личности (Гостев, 2007, 2008). Образная сфера человека рассматривается как интегральная характеристика личности (через процессы «персонификации образного опыта»), как субъективная форма существования ее внутреннего мира. Учитывая современный масштаб информационного воздействия на человека посредством образов, рассмотрение его образного опыта как канала психоманипуляции становится актуальной задачей психологической науки.

Концепция образной сферы личности вносит свой вклад в осмысление психоманипулятивных информационно-психологических воздействий. Она раскрывает, например, ряд важных тем в изучении социальных представлений: а) взаимовлияние мировоззренческой картины мира человека и конкретных образов его социального восприятия; б) соотношение личностной и «надындивидуальной» семантик внутреннего мира (Петренко, 2010); в) зависимость социального восприятия от индивидуальных особенностей

образной сферы человека; г) значение духовно-нравственной, религиозной ориентации людей и др. Именно духовно-нравственное начало обеспечивает реализацию позитивной силы образной сферы человека, ее положительное влияние на мир через «материализацию» образов. Психология образной сферы личности показывает роль защитных механизмов в построении и изменении картины мира: взгляды человека обычно сопротивляются пересмотру, и он непроизвольно отбирает факты, подтверждающие имеющиеся представления. Изучение *мифологического* и *символического компонентов* социального восприятия укажет на проблему понимания и переживания духовных смыслов.

Отметим важный методологический аспект, лежащий в основе теоретических положений подхода автора к теме психоманипулятивных информационных воздействий. Подчеркивается регулятивный аспект образной сферы человека, предполагающий *актуализацию* и *материализацию* образов во внутреннем мире личности и во внешней действительности. Люди смотрят на мир сквозь призму своих представлений о нем. Благодаря таким проекциям образов мир объективно изменяется. Иными словами, образы являются яркой иллюстрацией известного тезиса о том, что «мысль материальна».

Поэтому влияние на содержание образов социального восприятия – вид информационно-психологического оружия. Достаточно понять, что лозунги «Догнать и перегнать Америку», «Социализм с человеческим лицом» и т. п. приводили к непроизвольному формированию соответствующих образов. Советский человек стал интересоваться своим «мировоззренческим оппонентом» и геополитическим противником, и многие люди «потянулись» к нему. В то же время на всех этапах «холодной войны» для американцев советское/ русское оставалось источником опасности. Поэтому, когда в книге говорится о существовании каких-то идей и о выражающих их образах, порой экзотических, не принадлежащих к «информационному мейнстриму» и даже неполиткорректных, – не следует их отбрасывать. Представления такого рода участвуют в делах конкретных стран и планеты в целом.

Образы любого содержания создают некий «информационно-энергетический» потенциал, сила которого определяется опорой на используемые данные, факты, аргументации, интерпретации и пр. И это делает понятным другой теоретический акцент в монографии – призыв к реализации императива *движения к максимальной адекватности познания мира и глобального социума*. Известный тезис «Этого не может быть, потому что не может быть никогда» является

для меня неприемлемым, ибо он блокирует это движение. Вместе с сокрытием, умалчиванием некой информации он составляет один из главных «китов», на которых базируется глобальная психоманипуляция.

В заключении Введения сформулируем ряд установочных принципов.

Информационно-психологическое воздействие (вне субъект-субъектного взаимодействия, от которого мы абстрагируемся) предполагает передачу информации от некоего источника к человеку, группе (аудитории в широком смысле) с целью изменения содержания системы сознания, психологических характеристик объекта воздействия, его поведения. Предметом воздействия выступают убеждения, мотивы, ценностные ориентации, идеалы и пр. Информационно-психологическое воздействие происходит на осознаваемом и неосознаваемом уровнях. Оно может основываться на логике и аргументах и/или играть на чувствах, быть направленным (убеждения и внушения) и ненаправленным (подражание и «психическое заражение»), прямым, директивным и ориентированным на социальную среду объекта воздействия. СМИиК используют механизмы суггестирования, подражания, социального научения, конформизма, идентификации и т. д.

Методология книги тяготеет к макропсихологиче-

скому подходу (А. В. Юревич) применительно к взаимодействию социальной, политической, исторической психологии с междисциплинарным гуманитарным знанием. Идеи, предположения, выводы данной монографии основаны на академическом знании, которое, однако, должно быть соотнесено с реалиями глобальной психоманипуляции и применено для поиска средств противодействия ей. Некоторые научные положения из озвученных во Введении уже имеют свое подтверждение в реальности, и это отмечается в тексте. Определенное практическое применение теоретических данных в объяснении современных информационно-психологических войн увидит сам читатель.

Исследователям информационно-психологических воздействий следует озаботиться появлением рентабельного бизнеса по формированию сознания, – например, экономического сознания потенциальных потребителей или политического сознания электората. Общественное сознание становится «полем боя», на котором «врагов, одетых в твою форму» и владеющих высокоточным информационным оружием, трудно различать. В этой связи психологическое воздействие СМИиК вызывает опасения не только на уровне массового сознания, публицистики, но и на академическом уровне. В книге приводятся высказыва-

ния многих академических психологов, которые говорят о прививке чуждых или социально неприемлемых норм поведения и образа мыслей, о навязывании товаров/услуг, снижении критичности восприятия, формировании нереалистичной картины мира. А. Е. Воробьева и А. Б. Купрейченко, например, подчеркивают, что современная российская молодежь подверглась сильному воздействию через массмедиа и коммерческую рекламу ценностей, несвойственных традиционному российскому обществу (Воробьева, Купрейченко, 2012а, б).

Принцип *активности человека* как объекта информационно-психологических воздействий требует уточнения с учетом возможности пребывания человека под влиянием психоманипуляции на более тонких духовно-нравственных уровнях воздействия. Относительно всех идей о том, что человек в поиске способов удовлетворения своих желаний сам определяет, какую информацию ему следует «потреблять», отметим, что речь идет о потребностях уже подвергшегося манипуляции обывателя. Активный субъект творческого поиска информации, являясь в то же время объектом информационного воздействия, подходит к процессу противодействия психоманипуляции, уже находясь во власти иллюзий и искажений социального восприятия. В этом случае он может быть

неадекватно политкорректен (на фоне краха европейского мультикультурализма), наполнен ложными либеральными идеями, – в частности, уверен в объективности мировых массмедиа, в справедливости образа «агрессивной России». Он может не признавать Нравственный Закон как духовную основу мироздания, не понимать метаисторического контекста происходящих в мире событий. Понятно, что любой творческий поиск истинной информации будет обречен на существенные искажения. В то же время активность человека – это залог его большей успешности в контрманипуляции, чем у пассивного потребителя информации.

Важнейшим ресурсом понимания глобальной психоманипуляции выступает учет принципа умолчания истинного положения вещей. С позиции проблем глобальной психоманипуляции подчеркнем, что ее главной задачей становится недопущение того, чтобы люди осознавали суть происходящего, анализировали события, подвергали сомнению информацию в СМИиК. Необходимо включить в научный анализ потенциал непубличных влияний в ходе идеологического, социально-политического, экономического проектирования на глобальном наднациональном и национально-государственном уровнях. Предметом изучения должно стать то, как и насколько мировые СМИ-

иК ориентируются на интересы своих владельцев и спонсоров.

К сожалению, несмотря на то, что понятия «тайной дипломатии», «непубличной политики» являются общепринятыми в науке, «тайные пружины истории» признаны и изучаются историками, очень многие продолжают считать, что все в мире полностью публично, «происходит само собой». В связи с темой активной аудитории, стремящейся самостоятельно искать информацию в СМИиК, т. е. желающей противостоять информационно-психологическим манипулятивным воздействиям, отметим усилившуюся на сегодня тенденцию запроса на альтернативную информацию. Эта тенденция актуальна и в том плане, что на Западе заговорили о цензуре информации как информационной защите. Возник очередной двойной стандарт, неприемлемый для человека, нежелающего «промывки мозгов»: цензура уместна «для себя» внутри информационного пространства «коллективного Запада», но продолжает оставаться объектом жесткой критики с позиций демократических свобод и прав человека в других странах. Именно с этими моментами связано, например, то, что телеканал «Russia today» набирает популярность в мире. (В телепередаче «Право знать» на ТВЦ от 08.02.2015 данные вопросы обсуждались.) Цензура в мировом

информационном поле хорошо видна через сокрытие информации, например, о грузинских событиях 2008 г., об украинском майдане 2004 и 2013–2014 гг. и послемайданной Украине. Прорвавший информационную блокаду фильм Поля Марейры имел «эффект разорвавшейся бомбы», и, соответственно, были предприняты попытки его дискредитации.

Тенденция усиления поиска новых источников информации, несомненно, положительна в том смысле, что это шанс раскрывать людям глаза на негативные аспекты процессов глобализации, на ее рукотворную проектность. Но надо учитывать, что желание уходить от «информационного мейнстрима», слышать альтернативные трактовки событий, в том числе и неполиткорректные, не застраховывает от психоманипуляции. Через организацию альтернативности мнений можно вести вполне определенную информационную политику.

Еще один важный установочный момент связан с существованием в мире взаимовлияния, взаимообусловленности *спонтанно* возникающего и *экспортируемого* социально-политического и информационно-психологического хаоса. С одной стороны, например, против России идет целенаправленная информационно-психологическая война, исходящая из метаисторических, проектно-цивилизационных, страте-

гических и текущих тактических геополитических целей, с учетом происходящих событий «в роли» обратной связи. Информационные воздействия на граждан Российской Федерации ведутся на фоне идеологического, мировоззренческого проигрыша, поражения в «холодной войне». Это «дает фору» субъектам информационных воздействий в их влиянии на внутренний мир личности современного россиянина и одновременно ослабляет возможности его противодействия психоманипуляциям. Поэтому, с другой стороны, необходимо изучать те социально-психологические внутренние условия, через которые осуществляются внешние информационно-психологические атаки. В этом плане спонтанно возникающий информационно-психологический хаос выходит в число первоочередных тем исследования. В мире есть силы, заинтересованные в уничтожении традиционной государственности. Все происходящее сегодня с Россией является результатом длительной целенаправленной работы (Шалыганов, 2012).

Предметом нашего интереса выступает выстраивание концептуально-терминологических мостов между пониманием глобальной психоманипуляции и «стратегической психологией глобализации» (Стратегическая психология глобализации, 2006). Стратегическая психология изучает будущее человека, круг проблем,

которых еще нет, но появление которых можно предсказать. Глобализация в понимании стратегической психологии – это глобальные психологические изменения в мировоззрении людей, в их жизненной позиции и образе жизни. Отметим, что предмет стратегической психологии находится в конце сложной цепочки научных понятий, которые в психологической науке не рассматриваются. Для разработки объяснительных принципов процессов глобализации, подчеркивает А. В. Юрьев, необходимо привлечение психологии бессознательного, психологии воли, психологии веры. Для раскрытия механизмов глобальной манипуляции важно знать о совершающихся подменах значимых понятий. *Усилия разума заменяет готовая информация* (которая может быть легко фальсифицирована). *Эквивалентом бессознательного выступает виртуальность:* происходит погружение человека в мир несуществующего, но представляемого как реальность; создан глобальный рынок нереального. *Эквивалентом веры становится лицедейство:* вера (в широком смысле) заменяется изображением внешних атрибутов культа (одежда, манера держаться и т. д.). Многочисленные тренинги учат «казаться», учат изображать вторичные качества личности и признаки веры. Имиджмейкерство, политмаркетинг, избирательные технологии – это технологии имитации. *День-*

ги подменяют волевые усилия по достижению цели: они гарантируют преодоление жизненных трудностей, покупают любую информацию, создают любой китч, обеспечивают любое лицедейство (там же, с. 32–35).

Актуальной проблемой является рассмотрение психологических элементов системы глобализации, – самостоятельных, но пересекающихся. Элементы глобализации влияют на психику человека, вызывая у него изменения в картине мира, жизненной позиции и пр. Огромное предметное поле для изучения задает анализ А. В. Юрьевым психологических функций системы глобализации, механизмов влияния глобализации на человека и общество. Рассмотрены изменения политики, в частности, в связи с идеей ее «театрализации». С точки зрения изменения мировоззрения глобализация анализируется как новая культура, виртуальная реальность, символическая среда, «мир без границ», сетевое общество, «разрыв поколений», «новый демографический переход», изменение демографического баланса мира. Психология призывается осмыслять глобализацию как кризис национальных государств. Главная же психологическая проблема глобализации – изменение человеческого капитала, стратегии его формирования и накопления. Это, соответственно, тема изменения самоуправления че-

ловека как личности (политическая свобода), субъекта (экономическая свобода), индивида (личная свобода), индивидуальности (интеллектуальная свобода). «Свободный человек, подчеркивает А. В. Юрьев, – человек, защищенный от искушений глобализации и извлекающий пользу от ее возможностей» (там же, с. 99). Со своей стороны, заметим, что стать свободным в этом прочтении можно лишь осознавая духовно-метафизический и метаисторический смысл происходящих в мире событий.

Опираясь на заданные акценты в понимании роли субъективного фактора происходящих процессов, в главах этой книги мы выскажемся по многим поднимаемым в стратегической психологии глобализации вопросам.

Особо значимый теоретический момент связан с рассмотрением духовно-нравственных аспектов информационно-психологических воздействий[3]. Нега-

[3] Здесь хочу отметить соотнесение моего подхода со следующими работами: Воловикова, 2005, 2011, 2012; Воловикова, Журавлев, 2016; Воробьева., Журавлев, Купрейченко, 2007; Воробьева., Купрейченко, 2012а, б; Нравственность современного российского общества: психологический анализ, 2012; Проблемы нравственной и этической психологии в современной России, 2011; Психологические исследования духовно-нравственных проблем, 2011; Психологические исследования нравственности, 2013; Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества, 2014; Психология нравственности, 2010; Соснин, 2012а; Юревич, 2012.

тивность их социальных последствий, по мнению А. Н. Лебедева, состоит не столько непосредственно в самих воздействиях, сколько в пропаганде их силы, в закреплении представлений о технологиях воздействия (Лебедев, 2012). Можно согласиться, что информирование человека о манипулятивных психотехнологиях способно усилить эффект их воздействия. Но вряд ли стоит сегодня продолжать упорно говорить о человеке исключительно с материалистических позиций. Психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия тесно в этих рамках, особенно при наличии новых знаний о природе сознания в рамках «новой физики» (Гостев, 2008, 2011а, б; Гостев, Борисова, 2012). Поэтому я подчеркиваю, что осмысление психологического воздействия на человека современных информационных потоков с необходимостью предполагает рассмотрение духовно-нравственных смыслов, области метафизики. «Чтобы осмыслить ситуацию на планете, нужно выйти в область метафизики и связать ее с окружающей действительностью» (Шалыганов, 2012). Система человеческого сознания, способная противостоять глобальной психоманипуляции, должна быть высоконравственной, духовно просвещенной и освященной. Это должно быть сознание, охватывающее с подобных позиций баланс глобальности и национально-культурного разнообра-

зия, признающее вкупе вселенскую ценность общечеловечности и ценность уникальности локальных культур и традиций.

* * *

Итак, читателю предлагается разноплановое и вместе с тем достаточно целостное видение проблемы тотальной манипуляции внутренним миром личности, которая подвергается различным информационно-психологическим воздействиям. В каждой из глав психоманипуляция освещается под определенным углом зрения, задаваемого принципом множественности описания предмета.

Автор выражает надежду, что книга будет полезной для широкого круга читателей, интересующихся проблематикой информационно-психологических воздействий, вопросами защищенности внутреннего мира личности от деструктивности и психоманипулятивности некоторых из них. Монография содержит знания, актуальные как для ученого-теоретика, так и для практика, работающего с проблематикой индивидуального и общественного сознания, духовно-нравственной сферы человеческого бытия. Представленный материал призван сформировать более целостное понимание тематики психоманипуляции, ее де-

структивной роли на различных уровнях социальной жизни людей, включая глобальный. Книга рассчитана на специалистов в области психологии, философии, социологии, политологии, культурологии, других областей человекознания, а также на всех тех, кто просто интересуются тематикой социальной, политической, исторической психологии.

Глава 1. Многомерная и многоуровневая тотальность психологических воздействий в современной информационной среде

1.1. Социальное восприятие как объект психоманипуляции

Необходимым аспектом изучения проблемы информационно-психологического воздействия является исследование социального восприятия, формирования систем социальных представлений и мировоззрения в целом под влиянием поступающей к человеку информации. Исследования закономерностей воздействия на социальное восприятие характеризуются многозначностью, фрагментарностью, малой практической применимостью научного знания, недостаточным учетом духовно-нравственного контекста. Такое состояние проблемы понятно: вопрос предполагает многоуровневое исследование – на философско-ми-

ровоззренческом, социально-психологическом, индивидуально-личностном уровнях – с созданием целостного, системного видения темы.

Любые представления о социально-психологических реалиях – это и понятийные знания, и конкретные предметные образы. Например, у памяти на исторические события всегда есть полимодальный образ-референт. Именно через переживание образа человек способен на уровне инсайта прочувствовать и даже понять некую социально-политическую проблему. Роль образов просматривается в психологии общения в связи с усвоением человеком групповых норм, пониманием внутреннего мира других людей. Важной проблемой, следовательно, является изучение *субъективной формы* социальных представлений. Актуально определить и типологию социального восприятия в связи с личностными особенностями (Абульханова, 1997). Аналогичную задачу следует поставить и относительно изучения социального прогнозирования. При исследовании роли образной сферы человека в отражении происходящего и перспектив страны/человечества встает проблема адекватности образов относительно и «искренних социальных утопий», и «апокалипсических ожиданий», а также навязываемого видения будущего в интересах авторов и исполнителей определенных социально-политиче-

ских и экономических проектов.

Изучение манипулирования представлениями людей о социальной реальности связано с проблематикой *социальной установки* (аттитюда), которая описывает устойчивую систему социальных представлений, предрасполагающих к определенным реакциям. В частности, речь идет об особенностях сохранения людьми *ценности* объектов социального восприятия, несмотря на изменения социальной среды. Выход на аксиологический аспект образного опыта обеспечивает «жизненность» идеологических форм, через которые осуществляется социальная регуляция (Шихирев, 1999). В раскрытии взаимовлияния социальных установок и образов социального восприятия (аттитюды влияют на образы, сами подвергаясь их влиянию) значимо соотнесение особенностей социальной установки как с глубинной психологией человека, так и с его духовно-нравственной сферой. Для изучения психологических воздействий полезно учитывать различия в теоретической интерпретации социальной установки, – например, в понимании ее как переживания ценности социального объекта, или состояния готовности (предрасположенности) к социальному действию, или фактора устойчивости к социальным влияниям (там же).

Изучение манипулирования внутренним миром че-

ловека предполагает опору и на понятие *социального стереотипа* – устойчивую совокупность представлений, складывающихся у человека на основе жизненного опыта совместно с влиянием других источников информации. Уместно вспомнить об «утонченности» и исключительной силе внушения на основе стереотипов (Липпман, 2004). Это неудивительно, так как в подобном случае широко используются метафоры и мифология. Актуальность изучения стереотипов в связи с воздействием на социальные представления людей возрастает. Достаточно указать на создание «политика по заказу», имидж которого выстраивается в соответствии со стереотипами массового сознания. Для нашего анализа важно, что стереотипы являются одновременно и «автоматизмами» внутренней жизни человека, и компонентами группового сознания различного уровня. И тот, и другой вид стереотипов имеет образную форму. Люди предметно представляют себе социальные явления и как-то их оценивают, прежде чем непосредственно сталкиваются с ними. Стереотипы не только фиксируют социальные отношения, но и выступают «фильтрами» социального восприятия, защищающими внутренний мир личности от инновационных потрясений и манипулятивных воздействий. Поэтому в изучении информационно-психологических воздействий надо рассматри-

вать и *охранительную*, и *разрушительную* роль стереотипов. Заметим, что стереотипизация традиционно связывается с механизмами психологических защит, также имеющих двойственное значение, особенно относительно духовно-нравственных смыслов (Котенева, 2010, 2013). Изучение групповых стереотипов помогает выявлять отрицательные воздействия корпоративной этики.

Психоманипуляция эффективно использует инерцию стереотипов, за счет которой люди могут не видеть происходящие социально-политические и идеологические процессы. Поэтому актуально знание о факторах, обеспечивающих отбор или отвержение навязываемых человеку образов, о соотношении в обществе стереотипов новых и старых. Применительно к российской аудитории следует отметить существующие советские стереотипы, стереотипы, традиционные для менталитета «исторической России», и прозападные стереотипы, сформированные за три последних десятилетия. К роли стереотипов в информационно-психологических воздействиях мы вернемся в главе 4.

Закономерности формирования *социальных представлений* играют ключевую роль в понимании механизма психоманипуляции. История изучения собственно социальных представлений восходит к

Э. Дюркгейму, который подчеркивал роль коллективных представлений в регуляции общественной жизни. Указывалось, что формы общественного сознания (религии, идеологии и т. п.) образованы совокупностью соответствующих коллективных представлений в процессе социального взаимодействия – тайна общественной жизни находится в мифах, в верованиях людей. Это подчеркивает значение духовно-нравственного начала для противодействия психоманипуляциям. Традиционные формы общественного сознания – религия, идеология, мораль – образованы соответствующими представлениями.

В истории изучения социальных представлений (Абульханова, 2002; Воловикова, 2012; Емельянова, 2006; Московичи, 1995; Шихирев, 1999; и др.) для нас особый интерес представляет тезис о единстве образной формы и смыслового содержания – *перевод понятийного знания* о личностно-значимом объекте *в образную форму* и присоединение данного образа к представлениям, уже имеющимся у человека. Исследования показали, что социальные представления, являясь каналом связи человека с миром, выполняя функции описания, интерпретации и объяснения реальности, регулируют общественную жизнь. Социальные представления, связанные с культурой, зависящие от контекста и условий своего возникновения,

от взаимодействия человека с действительностью, а также от каналов циркуляции, а) выступают универсальным механизмом социального познания (в функциях описания, интерпретации и объяснения), соотносящим индивидуальное и общественное сознание; б) выражают отношение как некой общности к тому или иному объекту/событию, так и мнение человека как члена группы, класса, культуры; в) охраняют стабильность сознания и здравый смысл в интерпретации фактов при их включении в уже существующую у человека «картину мира»; г) являются социально обусловленным продуктом обыденного мышления. Социальные представления могут быть констатирующими, консервативными, ригидными, установочными. Их формирование осуществляется понятиями, нормами, идеалами, традициями общества и т. п. Показано, что этот опыт может актуализироваться лишь в проблемных социально-политических ситуациях в зависимости от индивидуальных особенностей человека. Так, для одних людей представления о финансово-экономической сфере всегда актуальны и интересны, а у других они находятся на периферии социального восприятия.

Законы функционирования социальных представлений объясняют как механизмы психоманипулирования, так и устойчивость к нему людей, – и на

индивидуальном, и на групповом уровнях. Характеристики социальных представлений и индивидуальные особенности их носителя взаимосвязаны цепью сложных закономерностей. Их прояснение предполагает изучение сознательного и неосознаваемого уровней детерминации социального восприятия. Для раскрытия каналов психоманипуляции важны знания о барьерах проникновения групповых представлений в индивидуальное сознание (по сферам жизнедеятельности людей). Так, представления могут выражать мировоззренческую позицию человека, являться для него абстрактным знанием, требовать «внутренней ломки», блокироваться психологическими защитами (Абульханова, 2002). Важны также особенности образов социального восприятия. Конкретность, четкость образов помогает интерпретировать происходящее, осознавать противоречия в получаемой информации. Личностно-значимые представления связаны со всей системой психического отражения-регулирования, а нейтральные, неопределенные представления более изолированны. Поэтому с изменением конкретных представлений меняется вся система социального восприятия.

Личностно-значимые представления в силу большей субъективности могут создавать «бреши» для психоманипуляции. С другой стороны, именно лич-

ностная значимость образов социального восприятия, определяющая то, насколько ясно человек что-то представляет, помогает осознавать противоречия, существующие между классами представлений, по генезу и содержанию (например, моральные и правовые представления людей могут противоречить друг другу). Ценностная иерархичность представлений дает характеристику их консерватизма («привычности»), обеспечивающую определенность картины мира. Актуальная проблема в этой связи – экстраполяция личного опыта на глобальный уровень социального восприятия.

Важная особенность психоманипулирования социальным восприятием связана с тем, что одни представления могут накладываться на другие, совпадая или не совпадая по содержанию, могут подтверждать их, способствуя возрастанию субъективной уверенности в образах, не нуждающейся в обосновании. Но новые образы могут и опровергать сложившуюся систему социальных представлений, что подталкивает человека к поиску путей преодоления сложившегося диссонанса.

Для изучения механизмов манипуляции социальными представлениями актуально также рассмотрение следующих аспектов:

1. Влияние на внутренний мир личности жизнен-

ных обстоятельств, социального положения человека и его групповой принадлежности. Так, человек, столкнувшийся с бюрократизмом судопроизводства, будет иметь иные образы о судебной системе страны, чем тот, кто считает справедливым решение его дела. В СССР по-разному воспринимали страну и мир люди «выездные» и «невыездные».

2. Понимание человеком ценностно-смыслового содержания своего социального восприятия; взаимодействуя друг с другом, социальные представления дают ценностные ориентиры в построении «картины мира».

3. Влияние и интерференции различных идей планетарного, национального, корпоративного и пр. масштабов.

Мифологические и символические представления

Изучение образной сферы человека как канала психоманипуляции касается феноменологии символических образов и ярких экзистенциальных переживаний, имеющих метафизическое содержание. Актуально и изучение *мифологических представлений*. Они могут содержать в себе иррациональную компоненту, часто религиозно-мистического содержания, а

могут проявлять и «секулярную манипулятивную силу» – способность замещать в сознании страшные образы действительности. Художественная литература, например, может заменить реальный образ войны мифом. Во Франции в 1940 г. были сильны пацифистские представления на основе романов А. Барбюса, Э. М. Ремарка (Кара-Мурза, 2000).

Мифологические представления, отражая особенности картины мира у различных народов, глубинные пласты их самосознания, выражая мировосприятие в конкретную эпоху, являются составной частью социально-политических традиций народов или доминирующих в данный момент коллективных представлений. Миф – это некая коллективная фантазия народа, обобщенно отражающая действительность в виде конкретных персонификаций (Аверинцев, 2006). О мифе как продукте коллективного духовного творчества конкретного народа говорил В. Вундт.

Мифологические образы достоверны в плане своего переживания человеком, что и делает их важным регулятором социальной жизни. Раскрытие в мифах идеалов людей, их потребности в гармонизации отношений с миром очевидно на примере сказок и легенд. Религиозно-мистическая компонента мифологических представлений соединяет повседневную жизнь людей с высшими аспектами их бытия и тем са-

мым воздействует на образы социальной реальности на индивидуальном и групповом (разного масштаба) уровнях.

Особая роль в рассмотрении мифологического сознания принадлежит выдающему отечественному философу А. Ф. Лосеву, который подчеркивал связь мифа с метаисторией, говорил о его особой познавательной функции в этом контексте (Лосев, 1990, 1997, 2001). Мифология не является иллюзией, вымыслом, некой низшей формой отражения реальности (свойственной детскому и первобытному мышлению), а выступает специфической формой выражения некой идеи или события. Философ анализирует миф как *реальное непосредственное событие, как подлинно-конкретную действительность:* для субъективного отражения действительности мир является таким, каким его репрезентирует миф. Опираясь на идеи философа, мифологические образы мы будем рассматривать как *особую специфическую форму символического отражения объективной реальности, включая и события метафизической природы*. Также отметим, что мифологические образы соединяют социально-политическую реальность (всегда, как известно, опирающуюся на мифологемы) с глубинными областями психики, хранящими опыт человечества в его взаимосвязи с «вселенскими из-

мерениями» и их метафизическими влияниями. С этих позиций следует рассматривать и *символические* образы: миф выступает символическим отражением событий в невидимом духовном мире, а символы имеют и свои неземные законы (Кара-Мурза, 2000, с. 442). Метафорическо-символический язык значим для трансляции (в искусстве и религии) духовных смыслов и содержания религиозной веры. Символ воздействует на человека, потому что в нем объединяются две реальности – материально-физическая (вид символа) и духовно-метафизическая (смысл и содержание символа) (подробнее см.: Гостев, 2008).

Важным аспектом изучения психоманипуляций является раскрытие роли мифологизированных представлений в трансформации социального восприятия. Именно такие представления способствовали идеализации реформ/перестройки в 1990-е годы или, наоборот, сгущали краски над «рыночным обманом». Психология должна осмыслить мифы, появившиеся за последние почти тридцать лет. В частности, в какой мере образ советского прошлого был искажен манипулятивным воздействием (например, насколько представление об «убожестве народного хозяйства» было иллюзией)? При этом следует подчеркнуть необходимость с осторожностью подходить к демифологизации социальных представлений. Сегодня

видны плоды пренебрежения к реальным ценностям в российском общественном сознании – «героическому труду народа», «подвигу в войне» и т. п.

Носителем символа выступает сигнал, имеющий любую физическую природу и доступный органам чувств. Информация символа, как подчеркивает И. С. Смирнов, – значение, которое уже имеется в психике получателя или тут же ему присваивается (это к вопросу, может ли символ воздействовать, если человек не знает значения символа). Количество информации символа не сопряжено со значимостью символа для конкретного человека. Значимость символа поэтому является семантической мерой количества информации символа при его восприятии и последующей обработке в психике. Значимость символа можно описать как *смысл* (Смирнов, 2003). Соответственно, изучение информационно-психологических влияний предполагает раскрытие роли понимания людьми содержания/смысла воздействующей символики. Народами правят символы. Но их надо не только правильно воспринимать, но понимать, что толкование символики может быть предложено в соответствии с заказом на определенное информационно-психологическое воздействие.

Сциентистский подход к влиянию символики на внутренний мир человека выразил А. Н. Лебедев,

который указывает, что символика сама по себе не способна влиять на человеческое сознание/ подсознание, если человеку неведом ее смысл (Лебедев, 2012). Воздействие обязано знанию о конкретной символике, которое ему предшествовало.

Но все же проблема восприятия символики, ее «непроизвольного излучения», в том числе независимо от осознания человеком смысла символики, представляется мне более сложной. Особенно если вспомнить о существовании определенной феноменологии, достаточно известной в различных религиозно-мистических традициях. Индивидуальные «обереги», имеющие свою специфику и рамки применимости, «работают» без знания человека о содержащейся в них символики. Так, «охрана» жилищ на уровне защитной символики также предполагает, что она будет работать и без знания ее смыслов. Символы применяются и для «духовной приватизации», – например, для «метки территории» – символическом обозначении «Это принадлежит мне» (например, масонские пирамидки на крышах зданий в городах – далеко не случайный креативный инсайт архитектора, вызванный его эстетическими предпочтениями).

Смысл символа может быть записан в архетипической памяти, и в этом случае его влияние будет иметь место при раскодировании подобной информа-

ции на уровне неосознаваемых сфер психики. Отметим и феномен «тонких переживаний» человека от контакта с определенной символикой, когда он чувствует специфику ее энергоинформационного влияния («излучения»).

Итак, мифологизированные представления несут в себе как иррациональную компоненту, в том числе метафизического содержания, так и «секулярную манипулятивную силу», способную замещать в сознании образы действительности. Эти представления, отражая особенности картины мира различных народов в конкретную эпоху, являются составной частью социально-политических традиций народов или доминирующих в данный момент коллективных представлений. В связи с ними рассматриваются и *символические образы*. Метафизическое содержание данных образов расширяет научное представление о многоуровневости субъектов информационных воздействий.

1.2. Общие сведения о психоманипулятивных информационных воздействиях

Предисловие к монографии ясно обозначило в теме информационных воздействий геополитический контекст. Поэтому данный раздел начнем с примеров манипуляций общественным мнением в сфере мировой политики.

Вспомним события в Югославии в 1990-е годы. Антисербская позиция мирового сообщества была создана на основе преднамеренно искаженных образов происходящего. Показательна фотография «сербского лагеря смерти», на которой мы видим лицо боснийского мусульманина за решеткой. Но оказалось, что изображен был пункт сбора беженцев (Кара-Мурза, 2000, с. 207). Фальшивкой оказались и кадры «радости палестинцев» 11 сентября 2001 г.: данный видеоматериал был заснят в 1991 г., в ходе информационной компании относительно оружия массового поражения в Ираке.

Показательна информационная подача украинских событий 2013–2016 гг. в мировых СМИиК. Здесь искажение фактов достигает фантастических масштабов

(например, ополченцы Донбасса убивают мирных жителей). Сирийские события добавляют иллюстраций.

Исходя из актуальности изучения духовно-нравственного аспекта информационных воздействий, отметим и роль СМИиК в формировании отрицательных установок относительно православия. Афонский старец Паисий, например, отмечал умение журналистов правдоподобно, но ложно отобразить жизнь монастыря в неприглядном виде. Создание негативных образов относительно Русской православной церкви мы видим и в России.

Разоблачение фальсификаций и искажений, как правило, замалчивается или дается на малочитаемых страницах газет и в неудобное время телевещания (Назаров, 2003, с. 75).

С помощью приемов информационно-психологического воздействия можно добиться значительного снижения адекватности социального восприятия. И люди начинают искаженно представлять происходящее в мире, события в своих странах, перестают разбираться в ситуации, давать правильные оценки, доходя до путаницы «белого» и «черного». Главное направление манипулирования социальными представлениями – отрыв от реальности, виртуализация внутреннего мира человека. Манипулирование массовым сознанием форматирует и дозирует источники инфор-

мации, задавая «правильное» ее восприятие. Еще Э. Фромм указывал, что работа, потребление, досуг современного человека манипулируются с помощью рекламы и идеологии. Человек становится «отрегулированным», и любое поведение, действие, мысль или чувство, которое не укладывается в некую общую тенденцию общественного сознания, создает ему дискомфорт, который устраняется преодолением когнитивного диссонанса. Это приводит к парадоксальным вещам. Например, люди, придерживающиеся либерально-демократических принципов, не видят роста психоманипуляции через кино- и видеобизнес, рекламу, СМИиК, пиар-технологии, имиджмэйкерство, отнимающее реальную свободу нравственного самоопределения.

В итоге человек начинает, не осознавая этого, думать, чувствовать, вести себя в соответствии, как минимум, с общим спонтанным потоком информации от имаго-символосферы страны и мира в целом, а как максимум – с целями конкретных заказчиков психоманипуляций. Последние могут преследовать различные цели – тактические, отражающие текущие в мире события, и более замаскированные стратегические. Конечно, психоманипуляция происходит с различной степенью эффективности, в зависимости от тех факторов, которые мы рассматривали во Введе-

нии. Принцип активного, творческого восприятия информации, индивидуальные и личностные особенности воспринимающих, другие факторы-фильтры информационных воздействий, несомненно, создают определенную «информационную подушку безопасности». Но тенденцию значительных искажений массового сознания это не отменяет.

Циркулирующие в обществе образы, символы становятся частью внутреннего мира личности. Все, что воспринимается человеком, остается в его подсознании навсегда – таковы законы функционирования его образной сферы. На сегодня нет способов стирать память, но возможно закрывать и вновь открывать доступ к памяти (Смирнов, 2003). Информация часто покидает сознание и перемещается на более глубокие уровни психического отражения-регулирования. И информация с отрицательным духовным зарядом будет продолжать свое разрушительное действие. «Информационное потребление» может быть ядом, «информационным мусором», который выплескивается в мир, негативно воздействуя на него. Психика людей вынуждена обрабатывать громадные массивы вредной для души информации, поступающей по всем каналам имаго-символосферы. Мы видим, что в ее воздействии все активнее используется «приземленное», а порой и «животное» начало в человеке. По-

литкорректный обыватель уже запрограммирован на эскалацию удовлетворения «искусственных потребностей» в достижении максимального качества жизни на фоне размывания нравственных критериев.

Нельзя недооценивать действие образов деструктивного (для духовно-нравственной сферы личности) содержания. Пора буквально кричать о *«войне образов»,* в которой все глубже размываются духовные, нравственные основы бытия. С одной стороны, мы все еще видим семантику образов, способствующую духовно-нравственному развитию личности, с другой – личностно-деструктивное содержание образов. В результате «войны образов» традиционно понимаемое добро становится «злом», а зло – «добром», и на этом фоне возможна любая психоманипуляция.

Способность человека фильтровать и оценивать воспринимаемую информацию, несмотря на весь потенциал активного потребителя информации, противостоящего манипуляциям с ней, имеет предел. Огромный поток информации в современных СМИиК создает условия для некритичного ее усвоения людьми. Специалисты и простые пользователи каналов СМИиК отмечают возникновение равнодушного и даже циничного отношения к воспринимаемой информации. Появляющиеся эмоции сходны с пережи-

ваниями виртуальных потерь в компьютерной игре, – яркий показатель «общества спектакля», в котором люди знают, что живут среди вымышленных образов, но подчиняются их содержанию (Кара-Мурза, 2000, с. 260). И стоит ли удивляться, что кадры последствий обстрелов Донецка и Луганска и другие транслируемые «картинки» проявления насилия, агрессии, враждебности в мире не рождают адекватного эмоционального отклика, вызывающего мобилизующие опасения относительно безопасности в настоящем и угроз будущего? Равнодушие и установка «Моя хата с краю», которые отчетливо видны сегодня в нашей стране, могут не пройти, пока не «грянет гром».

Социально-политическая жизнь любого общества невозможна без манипуляций с массовым сознанием. Но какие воздействия на общество приемлемы (например, способствуют умиротворению, успокоению людей относительно неких событий), а какие – нет, ни при каких обстоятельствах? Где грань, за которой начинается деструктивное действие психоманипуляций? В каком-то смысле содержание данной монографии представляет поиск ответа на данный вопрос.

В вопросе о допустимости преднамеренного влияния на социальные представления людей существуют две точки зрения. Одна из них говорит о том, что переход от прямого принуждения к манипуляции сознани-

ем является прогрессивным шагом в управлении обществом. Другая точка зрения считает недопустимой любую психоманипуляцию, поскольку в этом случае происходит посягательство на свободу духовно-нравственного самоопределения человека. Психоманипуляция лишает людей свободы выбора в определенном смысле в гораздо большей степени, нежели физическое принуждение, поскольку она обладает незаметным влиянием, превращая человека в существо, социальные установки и представления которого программируются (Кара-Мурза, 2000, с. 47).

Под психоманипуляцией мы будем понимать не замечаемое человеком психологическое и духовно-нравственное воздействие, программирующее внутренний мир личности задаваемыми мнениями, социальными представлениями, мировоззренческими смыслами и т. п. Для этих целей используются вымышленные идеалы, мифотворчество, искажение, конструирование исторического знания и пр. В результате искажения социального восприятия люди начинают жить в виртуальной реальности, способной даже «заставить человека действовать против собственных и национальных интересов» (Филимонов, 2003, с. 29).

Главный принцип психоманипуляции – создать видимость свободного выбора и сознательного форми-

рования убеждений. Фактически же такой возможности человека лишают. Один из значимых критериев успеха манипуляции заключается в том, что манипулируемый верит, что всё происходящее естественно и неизбежно, что лично он действовал независимо, свободно, добровольно, сознательно.

В работах С. Кара-Мурзы (Кара-Мурза, 2000, 2002) мы находим ряд других определений и пояснений анализируемого понятия, важных для исследования тематики информационного воздействия. В частности, психоманипуляции – это тайно производимое психическое воздействие в ущерб лицам, на которых оно направлено (Франке, 1964). «Пропагандистская манипуляция» (Борецкий, 2011) – последовательно и целенаправленно осуществляемое управление массовым сознанием и поведением в сторону отклонения его от реальной действительности и обращенное преимущественно к иррациональной сфере восприятия. Необходимо также различать обман и манипуляцию. Если, например, спрашивающего дорогу в магазин человека направить в ложном направлении – это обман; если же человеку помочь захотеть пойти в другое место, то это манипуляция.

Отметим использование авторитета науки в психоманипуляции: это важный аспект влияния на мировоззрение человека, его картину мира. Имитируется,

например, беспристрастность экспертов, обосновывается «нужное» абстрагирование от «второстепенного», подбираются ученые с «нужными» мнениями (Кара-Мурза, 2000, с. 223–230). Процесс облегчается тем, что в современной науке царит плюрализм «научных картин мира»: никакая истина не абсолютна и любое мнение имеет право на существование. Это дает манипуляторам возможность более гибко подбирать нужную версию обоснования.

Существуют различные термины, относящиеся к теме манипуляции информационно-психологическими воздействиями, – например, «психотронное оружие». В широком смысле под ним подразумевается управление состоянием и поведением человека, скрытыми сублиминальными информационными воздействиями, идущими мимо его сознания и вопреки его свободной воле. В более узком смысле – «технотронное» воздействие с применением «полевых» и даже «техномагических» влияний (Файдыш, 2013). Близкими по смыслу научными терминами являются «программирование психики», «ментальный контроль». Но встречаются и ненаучные заимствования, относящиеся к эффектам психоманипуляции, особенно в научно-популярной литературе и публицистике: например, «промывание мозгов», «психозомбирование» и пр. Нам представляется допустимым пользо-

ваться данными терминами как некими «научными метафорами», тем более что интерес и внимание в околонаучных кругах к теме психоманипуляций значительны, а сами эти «научные метафоры» на образно-ассоциативном уровне подчеркивают суть проблемы. Еще один термин, относящийся к информационно-психологическим воздействиям, – «мягкая сила» (soft power). Рок-музыка, джаз и кока-кола сделали для влияния Америки на мир больше, чем ее военная мощь. Подробнее о данных и других терминах мы будем говорить в тексте, соотнося дефиниции с содержанием рассматриваемого материала.

Итак, манипулирование социальным восприятием людей – это влияние на него посредством специальных приемов с целью *информационно-психологического воздействия на психику* конкретного человека, на поведение социальных общностей людей, включая народы и государства. Методы информационно-психологического воздействия позволяют человеку, субъективно не меняя убеждений, менять оценки социально-политических явлений или не замечать «помощи/подсказок» в интерпретации фактов. СМИиК, как известно, придают некоему событию значимость (приоритетность) за счет объема его освещения и места в информационном потоке. Во все времена пропаганда основывалась на многократном вос-

произведении смыслов. При этом, как подчеркивает И. В. Смирнов, некорректная или злонамеренная компоновка аудио- и видеоматериалов и печатной продукции имеет фатальное значение для психики (Смирнов, 2003). Иными словами, манипуляция основана на разных формах обмана, ложной, искаженной информации, ложных обоснованиях и толкованиях, при сокрытии содержания, направленности, целей субъекта информационных воздействий. Примерами могут быть принятие в «новой России» законов с замалчиванием их целей и последствий для страны и людей. В 1990-е годы в Российской Федерации была конституционно оформлена подчиненность законодательства России международным законам, что явилось мощным ударом по ее суверенитету. И на этом уровне мы сталкиваемся с инструментом деструкции государств – с «информационным и организационным оружием». Знания об этом оружии, накопленные в информационно-психологических войнах, становятся неотъемлемой частью нашего анализа.

1.3. Психологическое воздействие как информационное оружие

Понятие информационной войны часто употребляется для обозначения войны психологической. Уместно объединять оба термина и говорить об информационно-психологической войне, ибо главное в ней – это достижение психологического эффекта посредством информационных/дезинформационных атак. *Информационно-психологическая война представляет собой многоплановое, широкомасштабное длительное применение методов/способов/ средств информационного воздействия на психику людей – на системы индивидуального, группового и общественного сознания – для достижения различных целей субъекта воздействия* (*главными являются цели политические, дипломатические, экономические, военные*).

В этой войне в жизнь общества насаждается многоуровневый «хаос сознания» на основе лживых фактов, фальсифицированной исторической памяти, задаваемых новых ценностей, кому-то «нужных» иллюзий и искажений социального восприятия, дискредитации социально важного и политически значимого. Оружием в данной войне становится СМИиК,

особенно «независимая журналистика». *К информационно-психологическому оружию относят совокупность информационных психотехнологий как открытого, так и замаскированного, скрытого воздействия на психику людей.* Соответственно, необходимо остро ставить вопрос о защите объекта информационно-психологических атак от действий информационного агрессора. В. Ф. Прокофьев, например, рассматривает информационно-психологическую войну как средство обеспечения чьих-то национальных интересов (Прокофьев, 2003)[4]. Подчеркнем в этой связи, что подобные войны против нашей страны вызывают на серьезный разговор о психологических факторах ее национальной безопасности.

Поскольку информационно-психологические войны являются неотъемлемым фактором мировой политики, отметим, что управление современными демократическими государствами во многом базируется на идее Макиавелли: политика – это искусство манипулирования людьми. Будем учитывать и то, что психоманипулятивное воздействие на массовое сознание в бифуркационных социально-политических

[4] Если сражения на полях информационно-психологической войны не столь масштабны, длительны или нет достаточного ответа одной из сторон, эксперты говорят о конкретных психологических операциях. По ходу изложения материала мы будем указывать на таковые.

ситуациях способно привести к огромным социально-политическим последствиям в конкретных странах и на планете в целом (известно, что минимальные воздействия в точках бифуркации системы способны породить последствия колоссальной силы). Это оружие страшной разрушительной силы, способное отключать критическое мышление на уровнях индивидуального и группового сознания, становясь генератором массовых психозов в конкретном обществе, его «шизофренизации» и других проявлений «патологии общественного сознания». В ходе информационно-психологической войны раскрывается взаимодействие социально-психологических, «глубинно-психологических» и духовно-метафизических факторов в их влиянии на человека и сообщества людей. Методы информационно-психологической войны «помогают» человеку – объекту воздействия – даже при субъективной уверенности в сохранении убеждений, мнений, социальных установок и пр. реально изменять оценку социально-политических явлений, не замечая усвоенных им «подсказок» в интерпретации фактов. В частности, найдены способы обхода психологических защит на уровне личности и группы. Но результатом информационно-психологической войны может быть и осознанное изменение мировоззрения. В этой связи отметим, что неслучайно особое внимание психо-

логическая война уделяет атакам на священные для объектов воздействия образы и символы. Об этом мы поговорим в главе 4 в связи с манипуляциями образами исторической памяти.

Известный отечественный специалист в области информационных войн профессор И. Н. Панарин, идеи которого использовались в «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» 2000 г., а также в американских и китайских документах, определяет *информационную войну как воздействие на информационное пространство противостоящей стороны в его влиянии на сознание/неосознаваемое людей для достижения неких целей* (Панарин, 2006, 2010, 2012). По его версии, информационная война есть основное средство современной мировой политики и экономики, доминирующий способ достижения политической, финансовой и экономической власти. И. Н. Панарин вводит также понятие *«информационного противоборства»* как взаимного воздействия на информационную среду противостоящих сторон и защиты от негативных информационных воздействий друг друга. Речь идет о формах борьбы сторон с применением специальных методов, способов и средств воздействия (политических, экономических, дипломатических, военных и иных) на информационную сферу противостоящей стороны, а также в

целях самозащиты. В качестве субъектов информационно-психологической войны выступают государства, международные и неправительственные организации, незаконные вооруженные формирования и террористические/экстремистские структуры, транснациональные корпорации, включая медиа-корпорации, а также организации и лица, действующие внутри страны (коммерческие компании, национальные некоммерческие организации, СМИиК и т. д.). В качестве основных *объектов* информационно-психологического противоборства выступают: политическая элита и население страны в целом, социальные группы, негосударственные структуры, отдельные лица (глава государства, министры, представители оппозиции и т. п.). В информационном противоборстве задействованы и невоенные государственные структуры (в США это Государственный департамент, ЦРУ и др.). Для обозначения этих форм противоборства используются термины *публичная дипломатия, тайные операции* и т. п.

Информационное противоборство подразделяется на *информационно-психологическое* и *информационно-техническое*. В первом случае объектом воздействия/защиты являются психика личного состава Вооруженных Сил и населения противостоящих сторон, общественное сознание/мнение и системы его

формирования, принятия государственных решений. В информационно-психологическом противоборстве, с одной стороны, необходимо защищать принятие собственных политических решений и формировать общественное мнение. Так, например, если в 1998 г. только 10 % американцев поддерживали войну США против Ирака, то в 1999 г., когда Хусейна стали сравнивать с Гитлером, – 88 %. С другой стороны, надо искать способы воздействия на оппонентов, – в частности, заставить лидера и элиту противоположной стороны действовать в соответствии со своими целями. Эффективным приемом является введение ее в стрессовое состояние. Особую роль играет обещание личной неприкосновенности представителям элиты страны при сдаче государственных интересов (С. Милошевич попался на этом).

В информационно-техническом противоборстве главными объектами воздействия и защиты являются информационно-технические системы (системы связи, компьютерные сети и т. д.), а также система передачи данных, перехват и дешифровка информации, система защиты информации, радиоэлектронная борьба.

Информационно-психологические войны проводятся в различных сферах – *политической* (выборы в Украине, Грузии были операциями по приведению

к власти прозападных и наднациональных сил), *дипломатической* (например, укажем на действия Виталия Чуркина в ООН в связи с грузинскими событиями в августе 2008 г. и в контексте событий на Украине в 2014 г., деятельность Сергея Лаврова в сирийском конфликте), *финансово-экономической* (отметим борьбу за сохранение доллара в качестве главной мировой валюты, экономические санкции против России), *военной* (в августе 2008 г. телезрителям на Западе показывается разрушенный Цхинвал после грузинской агрессии, но сообщается, что это уничтоженный российскими бомбами г. Гори). Информационной войной является также и «выкачка мозгов» из страны.

И. Н. Панарин подчеркивает важность «информационного щита» в виде Федерального законодательства, доктрины об информационной безопасности, защиты информационного пространства правовыми, организационными и техническими средствами. Но наш щит слабее американского, отмечает он, в частности, по причине либеральной политики массмедиа, оказывающей антигосударственные информационные влияния. Россия, к тому же, в отличие от США не имеет глобального телевидения (типа CNN), дающего возможность информационно-психологического воздействия в любой точке мира. Отечественный те-

леканал Russia Today хотя и набирает, как уже было отмечено, силу, но пока несопоставим с возможностями стран «коллективного Запада».

Определение информационно-психологической войны близко к термину «пропаганда», имеющему свою специфику. Он был введен Папой Римским в 1622 г., когда в связи с потерями католиков в 30-летней войне была создана Конгрегация пропаганды веры. Первая Мировая война породила специальные подразделения для ведения пропаганды в войсках. Гарольд Лассуэл в своей книге впервые заявил о том, что пропаганда является особым видом оружия (Лассуэл, 1929).

Информационно-психологические войны используют «оружие семантического фактора»: человек любую воспринятую информацию автоматически ассоциирует с элементами своего жизненного опыта (семантическая память), и результат этого когнитивного процесса передается в сознание[5] (Смирнов, 2003).

[5] И. С. Смирнов указывает, что у ребенка семантический фактор может не иметь психосемантических ассоциатов, и воспринятая информация становится психосемантическим ядром для будущих ассоциаций (импринтинг). После импринтинга любая воспринятая информация уже является семантической, поскольку наличествующий опыт приводит к установлению связей между психосемантическим эквивалентом этой информации и какими-либо элементами субъективного опыта (Смирнов, 2003, с. 68). Этот механизм объясняет сугубо отрицательное воздействие манипуляций на детей.

Из сказанного ясно, что перед политической и социальной психологией стоят большие и неотложные задачи. Исследователи должны прежде всего видеть, что информационно-психологическое оружие используется против «исторической России», достижений ее народа, суверенитета страны. Это признают сегодня даже отечественные либералы (достаточно познакомиться с форумами во «всемирной паутине»). Но исследователю психологической войны следует также ясно понимать, что ее ведение подается изощренно, лицемерно и демагогически. Декларируется, что война ведется против политического режима страны ради демократии, свобод и прав человека (ибо граждане Российской Федерации – жертвы несвободы и коррупции). О геополитических целях уничтожения реально суверенной России как независимого субъекта мировой политики, естественно, не сообщается. Необходимо оперировать знаниями о том, что в 1980–1990-е годы в СССР/РФ западные спецслужбы конструировали разжигание ненависти к России и русским в союзных республиках. Сегодня можно говорить об усилении глобальной русофобии средствами информационно-психологических воздействий на население планеты. Истоки русофобии – в подсознательных социальных установках и стереотипах людей. Это очень глубокий слой сфер коллективного неосознаваемого

на Западе и у носителей прозападного сознания. Поэтому исследователи должны осознавать, что апелляцией к здравому смыслу и разоблачением аморальности не победить подобных установок. Контрманипулятивные ресурсы противостояния русофобии надо искать в «глубинной социальной психологии».

Заказчиками информационно-психологических операций являются различные национальные и транснациональные субъекты политической, идеологической, экономической и др. активности. СМИиК всегда работают на тех, кто их содержит. Поскольку, например, телевизионная информация прямо или косвенно продвигает в сознание людей те или иные идеи, субъекты информационно-психологического воздействия, как правило, выступают заказчиками/ спонсорами телепередач (а могут быть и владельцами телевизионных каналов). Заказ исполняется через правительственные и неправительственные организации, например, различные «благотворительные» фонды, имеющие свои каналы в СМИиК.

Об истории вопроса и дефинициях

Применение информационно-психологического оружия имеет долгую историю: слухи, дезинформация, искажение и подмена фактов практиковались

всегда. В информационных атаках и по сей день используются, в частности, некоторые положения древних китайских военных трактатов. Например, полководец и философ Сунь Цзы (IV в. до н. э.) советовал разлагать все хорошее в стране противника, вовлекать его элиту в преступные деяния для подрыва ее престижа, разжигать социальные конфликты, быть щедрым на покупку информации и сообщников.

История показывает, что в военное время психологическая война успешно дезориентировала и деморализовывала противника. В мирное же время она используется как для организации властных структур внутри страны, так и для влияния одних государств на другие[6]. И надо учитывать, что временные и пространственные возможности информационных войн изменились в огромной степени – глобальная информационная среда позволяет мгновенно распространять информацию, обеспечивая нужные атаки на противника, желаемые реакции на события и т. п.

---

[6] В качестве исторических примеров информационной войны против России укажем на следующие (Беляев, 2015). Известно некое «Завещание Петра Великого», оправдывающее вторжение Наполеона в нашу страну. В этой фальшивке провозглашались «воинственные цели» России по покорению мира. Также и в начале XX в., перед революцией, активно тиражировались сплетни о Распутине, в СМИ создавалась атмосфера ненависти к высшей власти в государстве. Во власти были свои агенты влияния; видные деятели как царского, так и Временного правительства являлись масонами.

Термин «информационная война» ввел главный организатор психологической войны против СССР, уже упомянутый нами Ален Даллас. Под данным термином понимались разведывательные и диверсионные действия по подрыву тыла противника. В указанной работе есть много интересного о тайных переговорах между США/Великобританией и Гиммлером в Швейцарии.

Надо отметить, что Запад был успешен в информационно-психологических войнах. Самыми эффективными операциями во времена «холодной войны» можно назвать Карибский кризис, блеф со «Звездными войнами» (профинансировавшие американские ВПК/армию), обвал мировых цен на нефть.

Понятие «психологическая война» оформилось к концу 1940-х годов в связи с «холодной войной». Психологическая война в 1950-х годах определялась как планомерное ведение пропаганды, главная цель которой заключается в том, чтобы влиять на взгляды, настроения, ориентацию и поведение войск и населения противника, населения нейтральных и союзных стран с целью содействия осуществлению государственных задач. В 1959 г. уже появились структуры управления/командования психологической войной (см. ниже материал А. А. Смирнова). П. Лайнбарджер (Лайнбарджер, 1962), одним из первых исполь-

зовавший данный термин, рассматривает его содержание *в широком смысле как использование основ психологии в военном деле и в узком – как использование пропаганды в вооруженной борьбе с одновременным ведением боевых действий, которые дополняют пропаганду.*

Одним из авторов термина «холодная война», необходимого для раскрытия всей палитры информационно-психологических войн, был Уолтер Липпманн (его серия статей по данной теме была издана в 1947 г.). «Холодная война» понималась как специфический механизм управления длительной международной конфликтной ситуацией. «Холодная война» предполагает информационно-психологическое воздействие на страну, в результате которого разрушаются ее историческая память, символы, духовно-мировоззренческие смыслы, и страна, как показал трагический опыт разрушения СССР, «сдается без физического боя». В ходе же «холодной фазы» противостояния предполагается структура международных отношений с обозначением линий, которые нельзя переступать, и существуют средства коммуникации, позволяющие противникам вести переговоры. К теме «холодной войны» мы будем обращаться в других главах монографии.

В отечественной литературе советского периода

информационно-психологическая война с 1960-х годов трактовалось как комплексная форма подрывной деятельности империалистического государства, включающая разведывательные, пропагандистские, дипломатические, военные мероприятия, направленные на подрыв политической власти, морально-психологического состояния населения и вооруженных сил их политических противников, изменение их внутренней и внешней политики. Это было частью идеологической борьбы. Д. А. Волкогонов, например, говорит об *идеологических диверсиях*, под которыми он понимал конкретную акцию, направленную против общественного сознания граждан социалистических стран с целью изменения в нем жизненных установок (Волкогонов, 1984). Такие диверсии осуществляются, по его мнению, как в теоретической плоскости (искажение марксизма-ленинизма, фальсификация исторических концепций, извращение принципов права, этики и др.), так и в психологической (муссирование заявлений социальных отщепенцев, фабрикация политических фальшивок, популяризация антисоветских сборищ и т. п.). Иными словами, история изучения информационно-психологической войны проходила в СССР в рамках идеологического противоборства; данный вопрос хорошо представлен, в частности, в книге В. А. Лисичкина и Л. А. Шелепи-

на (Лисичкин, Шелепин, 1999). Отметим также диссертационную работу А. Ф. Бобикова, который одним из первых официально использовал в ней данное понятие (Бобиков, 1966).

В 1995 г. в российских СМИиК и научных кругах начинаются дебаты на тему информационных войн. Это интересный факт, ибо большинство экспертов продолжали пребывать в эйфории от сближения с Западом. И отрадно, что в те годы были люди, которые понимали, что «холодная война» не прекращалась и что на Западе психологическое оружие продолжало оттачиваться. Например, в США в 1998 г. появляется документ, посвященный опыту проведения операции «Буря в пустыне».

Анализ понятийного аппарата информационно-психологической войны дает А. А. Смирнов (Смирнов, 2013). Термин «Information Warfare» можно перевести и как «информационная война», и как «информационное противоборство». В дальнейшем у многих авторов появился термин «информационные операции» – «спланированные операции по передаче определенной информации иностранной аудитории с целью оказания влияния на эмоции, мотивы, целеполагание людей и в конечном итоге на поведение иностранных правительств, организаций, социальных групп. В американской доктрине информационной

войны выделяются различные категории информационно-психологических операций. Например, это операции против структур государственного управления и/или военного командования; операции по деморализации личного состава вооруженных сил; организация влияния на культуру страны. В конце 2000-х годов появился термин «операции информационной поддержки военных действий».

Понятие «психологическая операция» в своих работах широко применяет В. А. Соснин (Соснин, 2014). Он подчеркивает спланированное использование СМИиК для воздействия на социальные установки и поведение людей. Речь идет о политических, военных и идеологических действиях (тактического или стратегического плана), направленных на сознание потенциального противника с целью вызвать у него желаемое поведение, эмоции и установки. Подобные психологические операции проводятся во время войны или на потенциальном театре военных действий. Психологические операции в военное время в основном использовались на тактическом уровне (но как компонент стратегического плана). Они должны были предшествовать формам применения силы, сопровождать их и следовать после них, т. е. быть интегральным компонентом общего стратегического плана.

А. А. Смирнов отмечает, что в США информационная война в официальных документах предстает как противоборство двух или более государств в информационном пространстве с целью нанесения ущерба критически важным информационным системам, процессам, ресурсам, структурам, подрыва политической, экономической и социальной систем, массированной психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны.

Направлениями информационных войн в официальных документах США выступают радиоэлектронная борьба, психологические операции, сетевые операции, оперативная маскировка, обеспечение собственной безопасности.

Основными целями информационно-психологической войны, согласно А. А. Смирнову, выступают: а) обеспечение принятия решений и совершения действий объектами воздействия, отвечающих интересам субъекта ведения информационно-психологической войны; б) подрыв легитимности политической власти, международного авторитета атакуемой страны; в) дестабилизация ситуации в стране, провоцирование политических протестов, социальных конфликтов; г) провоцирование возникновения и развития

иных негативных социальных явлений в стране, способствующих снижению ее жизнестойкости; д) подрыв морально-психологического состояния населения страны; е) подрыв обороноспособности государства, включая боеспособность вооруженных сил; ж) содействие самоуничтожению объекта воздействия или причинения им себе вреда; з) изменение социально-культурной идентичности населения страны, национальных ценностей и устоев.

А. А. Смирнов называет также следующие основные сферы ведения информационно-психологической войны:

1. *Психологические операции военного назначения,* воздействующие на политическое и военное руководство страны, личный состав вооруженных сил и гражданское население. Осуществляются в угрожаемый период или во время вооруженного конфликта в целях деморализации противника, принятия ошибочных решений руководством страны и пр. Проводятся спецподразделениями вооруженных сил при поддержке гражданских внешнеполитических ведомств.

2. *Публичная дипломатия* – совокупность методов информационного влияния на общественное мнение зарубежных государств и международного сообщества в целях реализации политических, дипломатических и военных задач. В качестве основных задач вы-

ступают: а) улучшение международного имиджа страны; б) влияние на элиту зарубежных стран; в) улучшение экономического и инвестиционного климата для национального (и связанного со своей страной транснационального) бизнеса в зарубежных странах.

3. *Внешнеполитическая пропаганда* – распространение идей для формирования у масс определенного мировоззрения, системы социальных представлений. Пропаганда может быть рассмотрена и как форма влияния на зарубежную аудиторию, и как воздействие на собственное население в целях дискредитации иностранного государства[7].

4. Тайные психологические операции специального назначения, проводимые в целях вмешательства во внутренние дела другого государства для дестабилизации обстановки в нем, провокации социальных конфликтов, протестных выступлений, а также для оказания воздействия на культуру и ценностно-нормативную систему общества. Их можно подразделить на тактические подрывные операции (психологические диверсии) и стратегические операции. Основную

[7] Комментируя позиции (2) и (3), укажем, что в этих сферах ведения информационной войны присутствуют положительные моменты. А. А. Смирнов, очевидно, выделяет данные сферы с точки зрения возможностей информационно-психологических влияний. Элементы «войны» лишь включены в более широкий контекст межгосударственного взаимодействия.

роль в их проведении играют спецслужбы. В реализацию подобных операций активно вовлечены лица, группы людей, общественные институты, являющиеся гражданами государства, которые были завербованы или участвуют в психологических операциях добровольно (агентура влияния, или «пятая колонна»).

Говоря о современных информационно-психологических войнах, укажем и на введенное С. Е. Кургиняном понятие *организационной войны,* которая понимается как влияние атакующего субъекта на мотивацию организационных решений противника во всех частях его социально-государственной системы (Кургинян, 2007). Иными словами, речь идет о формах организации деструктивных информационно-психологических воздействий на государство-противника.

О некоторых других свойствах информационно-психологического оружия

Информационно-психологическое оружие широко применяется и на уровне крупных корпораций. Например, оно используется для сокрытия целей определенных групп и людей в крупном бизнесе, в финансо-

вой сфере.

Важное положение теории информационно-психологической войны заключается в том, что внешние информационно-психологические воздействия работают через внутреннюю поддержку навязываемых извне идей, программ и т. п. со стороны тех, кого обычно называют «пятой колонной». Мы видели это явление в нашей стране в течение 30 последних лет, когда массмедиа фактически управлялись из-за границы через внутренние каналы влияния. Российские СМИиК долго не могли преодолеть достаточно выраженной тенденции 1990-х годов к созданию пронизанной американскими оценками системы представлений о мире.

Важным элементом теоретической основы информационно-психологической войны является концепция Антонио Грамши (Грамши, 1957). Изменения в обществе вызваны незаметным влиянием на системы представлений человека о мире, о добре, разрушением символов, социальных традиций и пр. «Культурное ядро» общества «мягко» разрушается организованными информационными потоками. Любое государство держится на неуловимом консенсусе, неформальном единодушии – «согласии». Иерархия социальных представлений внутри государства описывается термином «гегемония», обозначающим управле-

ние, которое не осознается людьми. Наличие гегемонии не декларируется, открыто не провозглашается, не фиксируется в законах. Гегемония как бы подразумевается, но с ней считаются. Согласие общества в этом случае поддерживает превосходство в силе, влиянии какого-либо класса внутри общества. Революция же – это подрыв согласия внутри общества, слом гегемонии правящего класса. Если его гегемония оказалась несломленной, то революция не удалась. В попытке удержать согласие перед революцией правящие классы поднимают уровень насилия в государстве. Но это насилие и разрушает общественное согласие, и государство саморазрушается от сверхнасилия, неподкреплённого достаточным уровнем согласия.

Метод использования информационно-психологического оружия опирается на общие принципы разрушения любых систем. Это атака на целевое ядро, элементы и управляющие связи противника. К принципам информационно-психологической войны относятся: деформация целей и приоритетов в социальной системе (убедить людей в социальной полезности чего-то реально вредного для них – например, в приватизации в 1990-е годы); разрыв/переключение социальных связей; обострение противоречий (например, спонсирование революционной деятельно-

сти в России в период Первой мировой войны).

В качестве информационно-психологического оружия используется: а) подброс целей, кажущихся позитивными, но нереализуемых (примером является массовое заражение идеей евроинтеграции Украины) или деструктивных (например, вступление Российской Федерации в ВТО); б) «давление обстоятельствами», вынуждающими принимать неадекватные решения (югославские и ливийские события являются иллюстрациями); в) внедрение представлений, не позволяющих включить мобилизационные механизмы (в 1990-е годы активно насаждалось представление о том, что холодная война закончилась и люди на Западе теперь наши «друзья и партнеры»). Отметим, что эффективность информационно-психологической войны усиливается террористическими угрозами. Срабатывают даже ложные звонки в милицию о «заминированности» какого-либо объекта (усиливают тревогу у спецслужб и простых людей). В качестве информационно-психологического оружия могут быть использованы: влияние ассоциаций, упор на жалость, создание ложной дихотомии, обращение к гордости и тщеславию, нерелевантные доводы и аналогии, опора на авторитеты и др. (Д. Халперн, цит. по: Лебедев, 2014, с. 39).

Роль информационно-психологического оружия

видна в августовской войне 2008 г., причем как в версии о том, что Саакашвили поддался на провокацию России, так и в варианте неверной трактовки им «сигналов из Вашингтона». Интересно, что в Грузии присутствовали ведущие мировые массмедиа, которые принято считать не только независимыми, но жестко конкурирующими между собой, но они «не заметили» бомбардировки Цхинвала. При контрнаступлении же российских войск в эфир стали даваться сюжеты о бомбежках мирных грузинских городов и сел, признанные, однако, впоследствии недостоверными. Ясно, что без организации специальной информационной компании (а это под силу лишь США либо транснациональному уровню влияния) подобное невозможно.

Удачным применением информационно-психологического воздействия на население стало употребление киевскими властями понятия «отечественная война». Многие украинцы, в частности, убеждены, что ополченцы Донбасса сражаются вместе с российскими войсками за Януковича.

Для анализа тематики информационно-психологических войн полезна метафора игры людей в виртуализирующемся политическом и социально-экономическом пространстве, правила которых им навязываются. Человек, принимая «правила игры», стро-

ит виртуальные миры и постепенно становится профессиональным игроком. Признаком виртуализации сознания является восприятие общественной жизни в виде некоего «спектакля», который люди созерцают на «сцене» городов и стран, не вопрошая о том, кто является его автором. В этом и воплощается психология «человека играющего». Международное право, международные организации, мировая дипломатия и международные форумы в еще большей степени превратились в отрежиссированные театральные постановки. Для многих реальностью становятся задаваемые имаго-символосферой образы, смешанные с проекциями собственных фантазий, социальных иллюзий. «Театр психоманипулятивного абсурда» делает ставку на пассивность, дезинформированность, виртуализированность своей аудитории. Подмены понятий, создание терминов, призванных отражать «новую реальность», помогают политическим играм в мире (Панарин, 2000). В «тотальном мире спектакля-игры» все становится игрой, а сам игрок попадает в игровую зависимость. Современные же информационные технологии удовлетворяют возрастающие игровые потребности людей. Человеку все труднее заметить подмены, поскольку в игре реальное и виртуальное смешаны. Но «мир игры», указывает политолог А. И. Неклесса, при определенных условиях (в

том числе и организуемых информационными манипулятивными воздействиями) может выпустить на волю «мир распада» (Глобальное сообщество…, 2000, с. 136).

«Окна Овертона»

Книги американского социолога Джозефа Овертона показывают и раскрывают тонкие психоманипулятивные технологии, – в частности, обозначают техники сознательной манипуляции рамками общественной дискуссии. «Окна Овертона» (Overton window) является концепцией о наличии рамок допустимого спектра мнений в публичных высказываниях с точки зрения общественной морали. В этом смысле можно говорить об «окне дискурса». Согласно модели Овертона, в жизни конкретного общества в каждый момент времени некоторые идеи составляют действующую в общественном сознании норму (точка отсчета). Остальные идеи либо входят в диапазон допустимых, либо нет.

Овертон описал процесс изменения отношения общественного сознания к традиционно неприемлемым для него, отторгаемым идеям и социальным представления. Эти идеи под воздействием определенной психотехнологии становятся не только приемлемыми,

но в итоге законодательно закрепленными.

Овертон утверждает, что в обществе существует некое «окно возможностей» в признании чего-то: от немыслимого, полностью отвергаемого, совершенно чуждого общественной морали, через статус радикального, далее приемлемого, разумного – до принятого массовым сознанием. Иными словами, некие идеи, представления, проблемы могут обсуждаться, публично поддерживаться, пропагандироваться или нет. Организованные информационно-психологические воздействия вызывают динамику в общественном мнении. И, как результат данной психоманипуляции, в обществе начинает обсуждаться нечто ранее неприемлемое для его членов. Затем люди начинают считать это уместным и в итоге смиряются, перестав видеть проблему.

После смерти Овертона его концепция в основном развивалась в русле воздействий политических событий и медиадискурса. Было показано, что наиболее устойчивые сдвиги политического дискурса являются следствиями глубоких социально-политических изменений в обществе.

Для иллюстрации данной технологии обратимся к совершенно неприемлемой, запретной для обсуждения теме каннибализма. Предполагается следующая последовательность информационно-психологи-

ческих акций по продвижению данной темы в общественное сознание (Горжалцан, 2014):

1. Перевод темы в область «свободы слова». Можно для начала на научном симпозиуме рассмотреть историю предмета, обсудить «обряды племен Полинезии», ввести в научный оборот авторитетные высказывания о людоедстве. Далее в интернете появляется «Общество каннибалов». Запускается образ «плохих каннибалов», который будет соотнесен с теми, кто «призывает сжигать на кострах не таких, как они». Тема введена в оборот, табу десакрализовано.

2. Перевод темы в область возможного. Цитирование научных авторитетов продолжается. Отказывающиеся обсуждать тему объявляются ханжами. Название темы переформулируется, и каннибализм становится сначала антропофагией, а потом антропофилией. Новые названия уводят суть проблемы от её обозначения, лишают оппонентов опоры на язык. Параллельно создается прецедент (исторический, мифологический, выдуманный), например, легенда о матери, напоившей своей кровью умирающих от жажды детей.

3. В общественном сознании создаётся «поле боя» за проблему. Декларируется, что «желание есть людей генетически заложено в природе человека», «в определенных обстоятельствах съесть человека бы-

вает необходимо», «есть люди, желающие, чтобы их съели», «свободный человек имеет право решать, что ему есть», «пусть каждый решит, кто он – антропофил или антропофоб», и т. п. «Ученые» и журналисты доказывают, что человечество на протяжении всей своей истории время от времени поедало друг друга. Тема забалтывается журналистами, ведущими телепередач и т. п. От дискуссии отсекаются авторитетные противники происходящего абсурда. Создается положительный образ современного каннибала: «антропофилы придерживаются строгой морали». На крайних флангах размещаются радикальные сторонники и противники людоедства. Из людей, не согласных с де-табуированием людоедства, создают образ агрессивных, «фашиствующих ненавистников», призывающих уничтожать людоедов, коммунистов и негров. Присутствие в СМИиК обеспечивают всем, кроме противников легализации каннибализма. Антропофилы же осуждают «фашистов всех мастей».

4. Перевод темы в категорию популярной. Тема выводится в топовую и начинает самовоспроизводиться в массмедиа, шоу-бизнесе и политике, проникает в телевизионные новости и ток-шоу. Людей едят в кинопрокате, в текстах песен и видеоклипах.

5. При переводе темы в сферу актуальной политики начинается подготовка законодательной базы. Публи-

куются социологические опросы, «подтверждающие» высокий процент сторонников легализации каннибализма. Политики начинают публично высказываться за законодательное закрепление антропофилии. В общественное сознание на фоне усиления пропаганды толерантности вводится догма – «запрещение поедания людей запрещено». Здоровые силы общества еще как-то сопротивляются, но в целом общество сдалось. Тема неизбежно докатится до школ и детских садов; следующее поколение вырастет с идеей людоедства как нормы.

Думаю, описание данной технологии напомнило читателям громкие и абсурдные кампании последних десятилетий, касающиеся некоторых нравственных аспектов общественной жизни. «Окна Овертона» уже практически сработали на теме разрушения традиционной семьи, половых извращений, толерантности ко многим проявлениям зла. «На подходе» – педофилия, детская проституция. В духовно-нравственной и религиозной сферах в «Окна» пролезет признание статуса и значимости отрицательных метафизических сил в жизни человечества. В плане более нейтральных возможностей обоснования «всего что угодно» интересен фантастический вариант информационно-психологической компании по «присоединению

Индии», который дает И. В. Смирнов (см.: Смирнов, 2003, с. 24–29).

1.4. Психические процессы в психоманипуляции

Информационно-психологическое воздействие целостно, однако оно имеет свои закономерности в различных сферах психики в зависимости от условий, задач и особенностей аудитории. Когнитивные, эмоциональные и поведенческие структуры человеческой психики обладают различной степенью «податливости» воздействию СМИиК. Результат такого воздействия определяется и тем, на какую область психики оно преимущественно направлено. Поведение человека, например, изменить труднее, чем его оценки политических событий.

Методы информационно-психологического воздействия способны влиять на социальное *восприятие*, направляя его в определенное русло, на активно участвующее в социальном восприятии *воображение* (во всем богатстве его разновидностей – от активного и конструктивного творческого до пассивных непроизвольных «грез наяву»). Это и особая подача фактов с употреблением сочетания образов, слов и чисел, воздействие на воображение метафор/ аллегорий и др. Роль воображения обнаруживается в попытках человека понять, что происходит с людьми во вре-

мя социальных кризисов. При изучении воздействия метафор и аллегорий на воображение следует подчеркнуть, что красочный образ-метафора способен подавлять здравый смысл. Особенно сильно воздействие парадоксальных метафор. Использование метафор полимодально. Широко применяются, в частности, метафоры запаха: «запахло жареным», «запах крови» и др. С. Кара-Мурза анализирует целый букет «демократических» психоманипулятивных метафорических образов, ставших основой современных устойчивых высказываний, способствующих катастрофическим явлениям в стране: «наш общий европейский дом», «столбовая дорога цивилизации». Использовались также пословицы, например, «коней на переправе не меняют» и т. д.

Отметим, что даже спонтанные фантазии могут отражать предчувствия социальных изменений. Власть учитывает «народное воображение» потому, что людей поражают не факты сами по себе, а то, как эти факты представляются (Лебон, 2011). Это помогает подавать информацию в нужном для субъекта информационного воздействия ключе.

Большой интерес представляет роль процессов *апперцепции*. Связь воображения с процессами социального *прогнозирования* приводит к преждевременным действиям, социальной истерии («украин-

ские мечты» последних 12 лет о «принадлежности к европейскому пути» тому пример) или разрушению инстинкта самосохранения в обществе, «усыплению бдительности». Вспомним, как в перестроечные годы в нашей стране высмеивались или табуировались страхи конфронтации с Западом и создавалась иллюзия национальной безопасности. Происходящее в мире сегодня показывает, что неадекватный пацифизм является болезнью общественного сознания.

Сильные средства информационного воздействия открываются через опору на взаимосвязи *воображения, эмоциональной сферы и мотивации*. В состояниях фрустрации, например, начинают доминировать грезы, возникает стремление к «бегству от реальности» через алкоголь и наркотики. Через мотивацию и систему потребностей возможно эффективно влиять на ценности. Изменяя же их, можно заставить людей «захотеть чего угодно». Большую роль играет известный феномен «эмоционального заражения», особенно в кризисных ситуациях – техногенных катастрофах, террористических актах, социальных конфликтах и т. п. В повышении эмоциональности, увеличивающей доверие к информации извне, используются чувства того и другого знака.

Сильный синергетический эффект (воображение + эмоции), наблюдаемый, в частности, во время про-

ведения избирательных кампаний, дает совместное употребление образов, слов и чисел (печатные тексты, радио- и телепередачи, кино-, теле-, видео-картинки). Много интересного, как отмечает С. Кара-Мурза, можно найти при изучении идеологической машины фашистской Германии, превратившей народ в «толпу визионеров в искусственно созданном космосе» (Кара-Мурза, 2000). Примером роли воображения является использование и создание географических карт, актуализирующих социальные предрассудки, выражающих ложные представления о геополитической реальности и помогающих создать нужный образ. Карта «утраченных исконных земель» воздействует на национальные чувства безотказно. Это мы видим на примере реакции Украины на воссоединение Крыма с Россией: эмоции бурлят, хотя исторически и этно-демографически Крым не был украинской территорией до «хрущевского подарка». В последние годы фабрикация географических карт стала эффективным средством разжигания этнических конфликтов.

Иными словами, создание эмоциональных состояний человека с использованием воображения всегда рассматривалось как эффективный прием психологического воздействия. Наиболее известен прием апелляции к страху. Использование воображения эффек-

тивно в усилении панических настроений под воздействием слухов, распространяемых через СМИиК. Телевидение особо ответственно за создание и распространение фобий. Показ терактов, катастроф по силе психосоматического травматизма сопоставим с переживаниями очевидцев. Некоторые люди, лишь посмотрев кадры некой трагедии, обращаются к врачам и психологам (стресс от события 11 сентября 2001 г. подтвердил это). На действенность приема апелляции к страху влияет наличие у человека переживания своей уязвимости, подверженности различным угрозам. В романе Дж. Оруэлла «1984»[8] показано, что большой обман удобно выстраивать на основе страхов перед «коварными врагами». Подчеркнем существование страхов, специфичных для западного, в частности, американского менталитета. Это страхи мистической природы, имеющие истоки в «страшилках» протестантских проповедников в США в прошлые века; это страхи ядерного апокалипсиса в советскую эпоху и возрождающийся на Западе страх новой «русской угрозы». С. Кара-Мурза отмечает, что в России человеку никогда в сознание не вводился «вирус мистического страха»: вплоть до перестрой-

[8] Джордж Оруэлл (псевдоним) во время Второй мировой войны работал журналистом на ВВС. Британские спецслужбы имеют к этой радиостанции непосредственное отношение.

ки *экзистенциальный* страх в нашей стране не играл существенной роли. Страхи были вполне реалистичными. Поэтому страх перед ядерным апокалипсисом был иной, нежели на Западе (подробнее см.: Гостев, 2008).

Эмоциональная сфера ответственна за особенности переживания того или иного социально-политического, экономического события, за формирование искусственных потребностей и желаний «хотеть всего». Эмоциональное состояние влияет на эффективность информационно-психологического воздействия. Воздействие на эмоциональную сферу приводит к появлению у людей страха, отчуждения и способно породить «эмоциональный взрыв». Даже когда человек просто не справляется с поглощением новой информации по каналам имаго-символосферы, у него создается внутренний дискомфорт по случаю переживания «отставания» от жизни. Но может быть и другой вариант эмоциональной реакции. В огромном потоке взаимоисключающей дезинформации человек начинает холодно и даже цинично реагировать на трагические события, на тысячи убитых в различных странах, на уничтожение народов и государств (как на некие виртуальные потери). Эмоции людей, в зависимости от своего знака и особенностей ситуации воздействия, меняют мышление и реакцию на сообще-

ния, влияют на уверенность в собственных суждениях и пр.

Роль эмоциональной и мотивационной сферы хорошо раскрывается в исследованиях В. В. Латынова (Латынов, 2012а, б, 2013, 2014в). Отмечается значимость изучения *полимотивированности* объекта воздействия. Она предполагает наличие у человека: а) мотива (не всегда осознанного) иметь ясное и адекватное представление о действительности; б) склонности поддерживать непротиворечивую систему установок и социальных представлений, соответствующую личным ценностям и потребностям; в) желания иметь позитивную групповую идентичность, придерживаться принятых в референтной группе норм и правил. В итоге человек получает некие «линзы», сквозь которые он оценивает поступающую информацию. Ориентация на группу приводит к отторжению источников внегрупповой информации. В ходе социальных кризисов, однако, формируются новые групповые идентичности. «Перестроечно-реформаторские» десятилетия в нашей стране продемонстрировали, как групповая идентичность людей может меняться резко и неоднократно. Иными словами, полимотивированность предполагает определение того, что движет человеком в социальном познании, особенно если психологическое воздействие – лишь элемент более об-

щей системы воздействий, масштабы которой человек не осознает. Это положение важно для анализа глобальной манипуляции относительно формирования NWO, содержание которого многие не видят.

В. В. Латынов указывает на недостаточное внимание к эмоциональной компоненте в психологии воздействия (и на перекос в сторону когнитивно-поведенческих аспектов), на противоречивость результатов ее исследования. В то же время получены важные данные. Отмечается, например, что характер эмоций влияет на восприятие ситуации воздействия, во многом определяет выбор средств воздействия и их практическое использование. Значимой является степень выраженности переживаемой эмоции. Переживание негативных эмоций стимулирует усиление анализа воспринимаемой информации. И это делает человека более подверженным воздействию в тех случаях, когда ему предъявляются веские аргументы, и более устойчивым к воздействию, если аргументация слаба. Эффективность психологического воздействия зависит от того, насколько поступающие эмоционально насыщенные сообщения соответствуют соотношению когнитивной и эмоциональной компонент того аттитюда, который стремятся изменить. Человек также в большей мере уязвим сообщениями, эмоциональный тон которых оказывается созвучным его

эмоциональному состоянию. Следует учитывать, что эмоции влияют на эффективность воздействия разными способами. В зависимости от своего настроения человек по-разному оценивает вероятность позитивных или негативных вариантов развития событий. Люди, переживающие негативные эмоции, будут избегать анализа болезненной для них информации. Если эмоциональное состояние человека позитивно, то окружающий мир кажется ему безопасным и значительных размышлений по поводу поступающей информации не требуется. В хорошем настроении люди склонны проявлять больший оптимизм. Они более восприимчивы к аргументам, сформулированным позитивно. В плохом настроении человек переоценивает вероятность негативных событий и восприимчив к негативной аргументации.

Влияние эмоционального состояния на эффективность психологического воздействия не носит прямой характер и опосредовано особенностями когнитивной обработки поступающей информации. Пониманию роли эмоций в информационном воздействии помогает выделение следующих типов ситуаций:

– человек слабо заинтересован в теме и полагается на простейшие эвристики;

– человек не мотивирован ни к анализу сообщений, ни к использованию простейших эвристик; позитивное

эмоциональное состояние сокращает время размышления об аргументах; влияние аргументов менее выраженное;

– человек высоко мотивирован и имеет возможность глубокого анализа информации; эмоциональное состояние определяет общую направленность размышлений об аргументах.

В. В. Латынов рассматривает также воздействие на человека художественных произведений (в печатной и аудио-визуальной форме), приводящих к трансформациям социальных представлений. Уход в виртуальный мир нарратива характеризуется сдвигом внимания от реального мира на переживания образов воссоздающего воображения. Показано, что люди с высокой потребностью в познании легче погружались в мир художественного произведения при чтении, а люди с низкой потребностью в познании – при просмотре экранизации этого произведения.

В раскрытии роли процессов *внимания* в информационно-психологических воздействиях главным выступает изучение возможностей его переключения, например, привлечения внимания к некоторым событиям, фактам или отвлечения от них. Существуют определенные приемы для того, чтобы некая информация «врезалась в память», ушла в сферы неосо-

знаваемого, а затем в определенный момент вернулась в сознание, породив нужные манипулятору ассоциации. Главная роль принадлежит непроизвольному запоминанию. Частое повторение в СМИ некоего утверждения, идеи, образа действует на людей независимо от их оценки данной информации. Даже отвергнутая точка зрения может превратиться в смутное представление или быть в конце концов принята. Особыми возможностями манипулировать всеми видами внимания обладает телевидение, которое сосредотачивает внимание человека на показе событий с комментариями, и на этом фоне возникает возможность внедрения в систему сознания человека-зрителя любой информации. На него могут быть направлены профессиональные способности всех категорий работников телевидения, особенно тележурналистики, телережиссуры, операторского искусства. Исключительно сильно сосредотачивает внимание на определенных темах освещение неких «невероятных событий», на фоне которых и можно давать любую информацию.

Роль *памяти* в информационно-психологическом воздействии – обеспечить запоминание информации или ее уход в подсознание, чтобы потом актуализироваться, например, в образном опыте и его ассоциациях.

Велика значимость ассоциаций эмоциональных образов памяти и воображения. Отметим важные теоретические постулаты, помогающие это понять (Смирнов, 2003, с. 57–64). Память многомерна, один и тот же ее элемент может одновременно существовать в различных семантических сетях и в зависимости от этого иметь разное значение. Все категории психического являются дериватами многомерных связей памяти, являющей из себя постоянно самоорганизующуюся семантическую систему. Семантическая память в активной форме представляет собой непрерывно флюктуирующий нелинейный и нестационарный процесс взаимодействия семантических элементов. Психосемантические элементы в активной памяти существуют в связи с другими элементами. Количественная представленность психосемантического элемента в различных измерениях семантической памяти может быть определена и соответствует понятию «значимости сигнала». Дискретом изменчивости соотношений семантических элементов является категория состояния (например, «эмоциональное состояние», «диссоциированное состояние» и т. п.). Воспринятая информация приобретает психосемантический эквивалент, совокупность которых составляет внутреннюю картину мира. Процесс памяти непрерывен: нельзя разорвать его без разрушения матери-

ального субстрата памяти. Каждое измерение памяти – это «программное обеспечение» поведения. Совокупность таких матриц в семантическом пространстве может быть описана в терминах: «личность», «сознание», «мотив» и т. д.

Данные теоретические и эмпирические положения касаются механизмов участия памяти в информационно-психологических воздействиях. Но для нас важно также рассмотрение феноменологии и закономерностей психоманипуляции на уровне исторической памяти. Этот вопрос мы обсудим в главе 4.

Роль *мышления* в информационно-психологических воздействиях заключается прежде всего в сохранении способности к рациональному анализу-синтезу поступающей информации, к выявлению логических противоречий, нестыковок версий и т. п. В следующем разделе мы поговорим о роли *подмен понятий* в психоманипуляции. Но один аспект в искажении мышления при психоманипуляциях отметим сейчас. Так, интересны искажения психического отражения, возникающие из столкновения понятийно-логических и экраннообразных стимулов (Гостев, 2007). Современные школьники, например, подвержены «клиповому сознанию», склонному, как известно, к субъективному «монтажу» информационных выжимок. Понятна высокая психоманипулятивность такого «мон-

тажа» за счет клиповой оторванности от информационного контекста. Мысль чуждается абстрактного мышления, хочет видеть мир симультанно, а потому должна быть упакована в образ. Сознание же стремится к целостности отражения мира, и оно потенциально способно к этому, будучи многомерным по природе. Сознание способно «режиссировать мышление». Но как реализоваться данной способности сознания на фоне отрицательных аспектов «клипового сознания»? (подробнее о клиповом сознании см.: Гиренок, 2012, 2016).

Духовно-нравственный аспект вопроса

Осмысление роли психических процессов в информационно-психологических воздействиях углубляется рассмотрением духовно-нравственного аспекта их искажений (Гостев, Елисеев, Фомин, 2006). Православная святоотеческая традиция говорит о *формах искажения основных «сил души»,* что может быть сопоставлено с психологическим знанием о психических процессах. В результате первородного греха в человеке повреждены и разобщены все силы души. Поскольку для современной психологии более привычно иметь дело с психическими процессами и функ-

циями, то допустимо рассматривать духовные нарушения в соответствии с принятой в психологической науке классификацией.

1. *Восприятие*. В результате грехопадения мир воспринимается людьми через призму социально-биологических потребностей. В человеке доминирует низшее начало. В восприятии смешиваются реальные и иллюзорные компоненты. Человек воспринимает окружающее с индивидуальной позиции, искаженной негативным личным опытом. Наиболее тяжелым расстройством восприятия являются галлюцинации, которые имеют в большинстве случаев ярко выраженную духовную природу. Главным же изменением в сфере восприятия, согласно святоотеческой психологии, является атрофия духовного зрения – за внешними образами человек перестал видеть духовные прообразы и Первообраз. На уровне *представлений* наиболее значимым вкладом святоотеческой традиции является введение категории духовно-нравственного «прельщения», раскрывающей когнитивные, эмоциональные и поведенческие искажения в познании высших духовных смыслов (феномен подробно описан с психологических позиций: см. Гостев, 2008).

2. *Мышление.* Искаженный ум человека утрачивает

единство процессов мышления, которое становится внутренне противоречивым, разорванным. Отдельные помыслы начинают управлять когнитивной сферой в целом. Система знаний приобретает фрагментарный характер. Множественность источников знания, не имеющих единого основания, ставит человека перед постоянной проблемой личностного выбора. При этом любой выбор, который осуществляет человек, живущий вне Божьего Откровения, есть выбор между большей или меньшей неправдоподобностью.

3. *Внимание*. Человеку трудно концентрироваться на духовных процессах – молитве, чтении духовной литературы и т. п. Внимание направлено к земным предметам повседневной жизни, управляется социальными и биологическими («плотскими») факторами.

4. *Память*. Верующий человек старается постоянно помнить о Боге. Соответственно, противоположным выступает забвение Бога и Его заповедей. Фиксированность человека на негативных воспоминаниях и неспособность возвращаться к позитивным моментам своей жизни также является проявлением нарушения памяти. Память становится избирательной. То, что не соответствует иллюзиям восприятия и искаженным представлениям о мире и о самом себе, забывается. Если для православного христианина важ-

но размышление о собственных грехах, то человек, живущий вне Бога, об этом не помнит.

5. *Эмоционально-волевая и мотивационно-потребностная сферы*. Для верующего человека характерно переживание любви к Богу и окружающим людям (хотя он может испытывать тревогу, сомнения, страхи, гнев, отчаяние и пр.). Основной его целью является соединение с Богом, поэтому человек стремится исполнять волю Божью, совершать богоугодные дела и удерживать себя от злых дел и помыслов. Людей неверующих негативные эмоции захлестывают, подчиняя ум и волю. Человек, в душе/личности которого духовные чувства и смыслы не занимают главного положения, свою волю направляет на реализацию самости. Целью жизни становится занять высокое положение в обществе, что позволит ему реализовать весь спектр страстей. Извращается вся мотивационная сфера: в качестве главных выделяются низшие потребности.

6. *Сознание*. Святые отцы подчеркивали важность в духовной жизни процесса «трезвения» как прояснения сознания. Сознание в человеке есть внутренний свет, о котором Господь сказал: «Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» (Мф. 6: 23). Эти слова характеризуют состояние искаженного ума «падшего человека». О просветлении как об из-

менении такого состояния говорится во многих религиях, но если этот свет исходит не от Бога, то человек, увлеченный им, может попасть в обольщение оккультизмом и сатанизмом. Измененные состояния сознания, которые сегодня так активно пропагандируются, не есть «просветление ума», а есть его помрачение. Нужно говорить не об «интеграции сознания», а о внутреннем единстве нового преображенного человека во всех его проявлениях и устремлениях к Богу.

Для раскрытия темы психоманипуляции полезно рассмотреть святоотеческую позицию относительно приспособления человека к «*жизни во грехе»* с точки зрения *психологических защит.* Отпав от Бога в результате первородного греха, человек лишился «боготканных одежд», которые обеспечивали ему благодатную жизнь в раю. В Библии говорится и о «кожаных ризах», которыми Бог отделил человека от отрицательных метафизических воздействий. Вероятно, на психологическом языке они могут быть описаны как психологические защиты, которые исполняют двоякую функцию: с одной стороны, защищают душу и «образ Божий» (сохраняющийся в человеке при любых условиях) от влияния отрицательных социальных и метафизических факторов, с другой – скрывая от человека «недолжное в нем», придают страстям со-

циально приемлемое оформление и позволяют людям контролировать свое внутреннее состояние. Психологические защиты, следовательно, играют как положительную, так и отрицательную роль. Необходимо указать, что, вступая в контакт с отрицательным метафизическим фактором, психологические защиты могут приобретать черты и свойства, характерные для отрицательных духовных сил. Психологические защиты создают компромисс между жизненно важными условиями существования человека и негативными свойствами как внешней, так и внутренней среды. Будучи изначально полезными, психологические защиты со временем приобретают форму стойких стереотипов поведения и восприятия. Человек оказывается зависим от психологических защит, которые он сформировал и которые при определенных обстоятельствах превращаются в главенствующий фактор его внутренней жизни. Вследствие своей связи с духовной природой человека они могут стать проводником чуждой «демонической воли». Такого рода психологические защиты принято называть патологическими. Если благодатная защита освобождает человека и позволяет ему реализовать свое подлинное предназначение, то патологические защиты, напротив, порабощают личность, делая ее исполнителем деструктивных программ. Тема психологических защит с уче-

том святоотеческих идей детально раскрыта А. В. Котеневой (Котенева, 2010, 2013).

Вернемся, однако, к обозначенному вопросу о подмене понятий как чрезвычайно значимому для рассмотрения роли мышления в реагировании человека на манипулятивные информационно-психологические воздействия.

1.5. Подмена понятий: «психоманипулятивная герменевтика»

Речь идет об изменении (подмене) смысла слов, понятий, о тонком навязывании их толкования в нужном направлении[9]. История России в постсоветский период дает много тому примеров. С изменением экономического устройства сферы социальных отношений возникла необходимость оправдать в сознании людей то, что раньше было для них неприемлемым (вспомним об «окнах Овертона»). Лингвистическое манипулирование прекрасно справляется с поставленной задачей. Так возникает тема «психоманипулятивной герменевтики». Почувствуйте разницу между словами «биржевой спекулянт», «наемный убийца», «проститутка», «убийство ребенка во чреве», «самоубийство», «сырьевой придаток Запада», «поиск нового собственника» и соответствующими им сло-

[9] О возможностях различного толкования одной и то же информации хорошо говорит известная притча. Один правитель увидел во сне, что у него выпали все зубы. Толкователь снов сказал, что это предупреждение о смерти родственников правителя, за что был посажен в тюрьму. Другой же толкователь сказал, что правитель переживет всех родственников, и был вознагражден.

вами – «брокер», «киллер», «жрица любви», «прерывание беременности», «суицид», «энергетическая сверхдержава», «разграбление страны». Лингвистические перекодировки размывают смысл понятий и затушевывают нравственную окраску их содержания. Примитивизация речи, «словесный мусор», нецензурная брань, иноязычные и непривычные для нашего слуха слова («консалтинг», «кастинг» и т. п.), изъятие из употребления русских слов мешают освоению духовно-нравственного и религиозного наследия отечественной культуры. Манипулирование подменами понятий предполагает исключение из информационных сообщений слов, вызывающих отрицательные ассоциации. Слово «война», например, заменяется «миротворческой операцией», и, согласитесь, меняется наше отношение к этому событию: нельзя ведь плохо относиться к тому/тем, что/кто творит мир. В сегодняшней японской истории нет слова «агрессия». В войне в Юго-Восточной Азии Япония освобождала порабощенные восточные народы от колониализма Запада. О жестоком японском колониализме и о том, против кого воевала Япония, умалчивается. То, что атомная бомба была сброшена Соединенными Штатами, не озвучивается, а в школьных учебниках говорится, что 9 августа 1945 г. СССР вероломно напал на Японию.

Подмены понятий проявляются и в том, что ищутся лозунги, направляющие восприятие человека, создаются так называемые «новоязы». Для убеждения или разубеждения используются телепередачи с участием «подсадных уток», некомпетентно отстаивающих некие идеи в полемике (эти идеи, соответственно, публично дискредитируются). Подменяется и сам предмет спора переводом с важного вопроса на нечто другое. Используются особые приемы подачи информации в нужном ключе (например, тембр, паузы и пр. в произношении текста). Большую роль сыграло постмодернистское мировоззрение: «равноценность всего» максимально облегчает подмены. Уравнивание абсурда и логики, например, позволяет не видеть нестыковки в навязываемой системе взглядов, не вызывает отторжения.

Полезное для понимания роли лингвистических подмен в психоманипуляциях мы находим в работах Н. Д. Павловой и ее коллег (Павлова, 2012; Григорьева, Павлова, 2012, 2014). Сразу отметим их мысль о том, что использование лингвистических подмен могут быть как проявлением манипулятивного воздействия в рамках политического заказа (например, в наклеивании нужных ярлыков типа «мятежники», «террористы», «сепаратисты», в противовес «повстанцам», «революционерам»), так и непреднамеренным

использованием неких слов (Павлова 2012, с. 57). Укажем и на то, что широко распространенные в последние десятилетия иностранные лингвистические заимствования, имеющие психоманипулятивное влияние на сознание, могут быть и непроизвольным результатом уважения к английскому языку, ставшему глобальным средством общения.

Основу приемов манипулятивного воздействия составляет сочетание образа объекта и его вербального описания, употребление эмоционально окрашенных слов («успех», «предательство»), использование эвфемизмов («военная помощь», «зачистка»), замена активных конструкций пассивными, позволяющая снять вопрос об ответственности («заложники захвачены»). В исследованиях политического, рекламного, повседневного дискурса мы находим прием помещения нужного смысла в подтекст высказывания, в оценочный контекст, в ассоциативный ряд, а также использование намека, «стертых метафор». Последние побуждают видеть мир то «сквозь прорезь прицела» («война с бедностью»), то как стройку («выстраивание вертикали власти») и т. п. Н. Д. Павлова выделяет речевое оформление известной оппозиции «свой – чужой». Подчеркивается гиперболизация «своего» положительного при затушевывании негативного и одновременно гиперболизация от-

рицательного с замалчиванием положительных черт у «чужих». Помимо оценочной лексики (в том числе бранной), используется табуирование определенных тем, «наклеивание ярлыков» («фашист», «предатель»). Выявляются приемы создания «своего круга», «широкого социума», от имени которого выражается идея. Употребляются местоимения («мы», «наш»), лексика со значением совместности («каждый», «россияне»), указание на многочисленность своих адресатов («ко всем патриотам»).

К оппозиции «свои – чужие» в политическом дискурсе тяготеют такие известные манипулятивные стратегии, как дискредитация противника с оскорблениями, обвинениями, описанием его действий как неприемлемых. В парламентских дебатах, предвыборных кампаниях используются ирония, аллюзии, метафоры, вызывающие отрицательное отношение. Оперирование отрицательно-оценочными номинациями подает аудитории те или иные факты как требующие неотложного вмешательства («народное бедствие» и т. п.). Это позволяет искать виновных. Субъект воздействия получает возможность, принизив «других», осуществить выигрышную самопрезентацию. Стратегия нейтрализации проявляется, в частности, в формулировании высказываний, которые представляют все связанное с оппонентом как

незначительное. Изменение оценок реализуется с помощью выбора номинаций по принципу подмены слов, позволяющих замаскировать содержание оценок («бережливый – скупой», «застой – нулевой рост» и т. п.), а также посредством употребления семантики обобщения («каждый ищет свою выгоду»).

Большие психоманипулятивные возможности имеет использование устойчивых словосочетаний типа «национальные интересы», которые апеллируют к базовым ценностям и имеют выраженную аффективную составляющую. Показательны слова, отсылающие к определенной системе взглядов и одновременно навязывающие их высокий статус. Постоянное употребление подобных слов выхолащивает их смысл («эксклюзивная баранина»).

Особую роль в информационно-психологических войнах за мировоззрение людей имеют искажения в содержании главных понятий западной цивилизации: «демократия», «права человека», «гуманизм», «свобода», «либерализм» и т. п. В информационных воздействиях на другие «цивилизационные пространства» данные понятия применяются без учета подмен их содержания. В 1990-е годы в России они активно перетолковывались. Так, слово «гуманизм», например, усиленно ассоциировалось с чем-то «безусловно и абсолютно добрым», хотя исторически о термине

следует говорить скорее обратное. Отмечается, например, что обоснование колониального ограбления и уничтожение народов было связано именно с понятием «гуманизма». Действительно, политика колонизации мира в прошлых веках основывалась на идее о том, что «более цивилизованная» страна имеет право на порабощение народов. Известно, что среди американцев в середине XIX в. популярна была доктрина, утверждавшая, что завоевание Северной Америки было предопределено свыше, что уничтожение индейцев, лесов, бизонов, осушение болот и повороты рек, развитие экономики, основанной на эксплуатации людей и природных богатств, является проявлением Божьей воли.

Сегодня «борьба за демократию, права человека, общечеловеческие ценности» становится главной точкой приложения информационного оружия. Это оружие, изменяя человеческое сознание, традиционные моральные устои, воюет с неугодными (с позиции однополярного мира во главе с США) правительствами, странами. Лидеров стран, которые нарушают «права человека», информационное оружие превращает в «очень плохих парней». И мы видим, что информационное оружие может быть заменено крылатыми ракетами. Становится возможным убивать, калечить, ввергать в социальный хаос человека во имя

его абстрактных прав. Данный абсурд уже реализовался в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии, Украине и других странах. Признание человеком правомерности такого положения дел означает успех глобальной психоманипуляции.

Выделим и углубим характеристики понятий «демократия», «гуманизм», «свобода», «либерализм», значимые для использования в психоманипулятивных информационно-психологических воздействиях. Перетолковывание этих понятий – главная цель глобальной манипуляции системой сознания людей. Характеристики данных понятий выступят элементами их содержания, компонентами образов, возникающих у человека в связи с ними. Подчеркну, что эти характеристики призваны дать более реалистичные образы – за счет определенной контрманипулятивной дискредитации «парадной картины» псевдолиберальных ценностей. При этом подчеркну, что все выделяемые положительные стороны понятий сохраняются. Иными словами, не отрицая заложенного в данных понятиях некоего «идеального содержания», следует изучать психологические эффекты деструктивных психоманипулятивных подмен в современном использовании данных терминов, а также их нравственный статус с точки зрения высших духовных и метафизических смыслов. Читателю предлагается самостоятель-

но скорректировать имеющиеся у него представления при возникновении такого желания.

Демократия и «демократия»

Для противодействия «психоманипулятивной герменевтике» вокруг понятия «демократия» нужно знать об истории ее возникновения, идеологической сути демократических институтов в обществе, их роли в истории человечества, – в частности, в российской истории. Исторически «западная демократия» служила иллюзиям свободы, обслуживая рабство, феодализм, эксплуатацию человека человеком при капитализме, о чем говорила социальная философия XX в. Напомним, что еще в прошлом веке геноцид индейцев и рабство у многих американцев не вызывали чувство покаяния, а для некоторых были и символом национальной гордости. Показательный штрих к портрету «демократии» дает, например, Николай Данилевский, который писал о парламенте как об учреждении, имеющем «серьезную наружность при полнейшей внутренней пустоте и бессодержательности». Сегодня демократия все больше превращается в некое «политическое заклинание», используемое для прикрытия строительства тоталитарного по своей сути американоцентристского мироустройства, а «демо-

кратичность» – это, соответственно, показатель принадлежности к «клубу его строителей», признак «прозападности» системы сознания.

М. Г. Делягин указывает, что современные взаимоотношения элиты и общества уничтожают демократию, так как представления, мнения, интересы, рождаемые обществом, не воспринимаются элитой (Делягин, 2016). Элитарное и массовое сознание вкладывают разный смысл в одни и те же слова и делают разные выводы из одних и тех же фактов, обладают разными системами ценностей и преследуют не воспринимаемые друг другом цели. Демократия подменяется информационной войной политико-экономических групп, что повышает угрозу дестабилизации российского общества.

При «демократии» власть реально не принадлежит народу; правят его «представители» – политическая аристократия. Монархическое сознание, основанное на православном христианстве, не считает «народоправство» богоустановленной властью (Серафим Соболев, архиепископ, 2002, 2009). Показательно, что в политической элите Запада много представителей родовой аристократии (т. е. не любой может стать президентом, как это утверждает «миф демократии»[10]). На заре «демократии» большинство лю-

[10] Клан Бушей связан с британской аристократией, а Б. Клинтон гене-

дей вообще было лишено избирательных прав. Потом господство элиты было замаскировано «играми в демократию». Милтон Фридман писал, что любое ограничивающее рынок правительство является антидемократическим. «Пусть хоть 100 % голосует против рынка – это не демократия», – говорят его последователи. Сегодня главы государств/правительств, находясь под сильным влиянием транснационального уровня власти, должны учитывать общественное мнение. Это и обеспечивает сохранение положительного образа «демократии», позволяет затушевывать то, что она является ширмой для многих тревожных процессов на планете в идеологической, социально-политической, экономической сферах, как, например, для продвижения глобального тоталитаризма, власти «финансово-экономического интернационала». «Демократия» прикрывает перераспределение богатств планеты в интересах мировой элиты. Современные формы «демократии» в мире – это свобода от ответственности властей перед обществом, средство прикрытия интересов «власть имущих» и формирующегося «демократического тоталитаризма» новых форм мироустройства, способ для властных и финансовых структур «легитимно» осуществлять свою непубличную деятельность.

тически родственен дому Виндзоров и семье Рокфеллеров.

В мировой политике «более демократичная» страна всегда права в войне с «менее демократичной». Поскольку «демократичность» объявлялась выше национальных интересов, Запад всегда оправдывал военную агрессию по отношению к другим странам «несением демократии». Недемократическим и недостаточно демократическим странам, по сути, не разрешено защищать свои интересы. Россия будет признана демократической страной, если отдаст контроль за национальным достоянием транснациональным корпорациям (см.: Рогожников, 2014).

Для формирования человеком адекватного образа демократии (назовем это «расколдовыванием от прельщения демократией») приведем следующие ее оценки. Так, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) в своих выступлениях и публикациях подчеркивал, что идеи демократии замешаны на лжи, что в постсоветской России государственный распад – следствие применения принципов демократии в государственном строительстве, что на Западе демократическая государственность служит декоративным прикрытием реальной власти (международного капитала, транснациональных корпораций, мировой элиты). И не случайно то, что выдается за «демократию» в России с 1990-х годов, национально-патриотическим сознанием воспринимается

как форма наднациональной диктатуры (Шалыганов, 2012).

Даже от западных политиков все чаще можно услышать высказывания об отсутствии реальной демократии на Западе. Бывший премьер и президент Чехии, а ныне евроскептик Вацлав Клаус прямо пишет, что демократии и свободы в Европе и в мире нет (Клаус, 2014). Действительно, как указывает А. И. Неклесса, все большее распространение получает симбиоз декораций демократии и реальной власти олигархии. Видна парадигма «неодемократии» – достаточно гибкой структуры, имеющей аналоги с мафиозными механизмами социального управления. Вспомним, что Б. Березовский цинично определил суть демократии как «власть денег», а неолиберализм рассматривает ее с точки зрения обслуживания корпоративных интересов. Сегодня традиционная демократия критикуется как не соответствующая новым принципам глобального управления. Но кризис декларируемой «демократии» осознается на Западе уже с середины 1970-х годов. Угрозы борьбы людей за свои права привели к использованию психоманипуляции для отвлечения масс от политики. «Холодная война» и соревнование двух социальных систем вынуждала к этому, причем наряду с необходимостью поднять жизненные стандарты. Коррозию западной «демокра-

тии» мы видим в разрушении представления о правах человека под страхом терроризма. Ирак в течение нескольких последних лет цинично предлагался в качестве примера демократического развития. Прибалтийские страны с их параапартеидными элементами и двойными стандартами во внутренней политике уже много лет провозглашаются «образцами демократии».

Прогнозы судеб западной демократии неутешительны. Примечательно: кто-то из экспертов обратил внимание на то, что XX в. начинался книгой Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс», а закончился книгой К. Лэша «Восстание элит». Многие эксперты (выделим, например, значимые для исторической и политической психологии работы историка и политолога Андрея Фурсова) считают, что неодемократия Запада будет характеризоваться: а) кастовой иерархичностью с ограничениями доступа к образованию и науке; б) сниженным интеллектуальным уровнем людей, их ориентацией на массовую культуру и развлечения; в) превращением политики в шоу-бизнес; г) мутацией правящего слоя в невидимок, живущих в изолированном пространстве и даже физически отличающихся от «неэлиты» (за счет применения биотехнологий) более, чем это было всегда.

М. Г. Делягин в своих выступлениях и публикациях

(Делягин, 2016) проводит мысль о том, что в развитых странах демократические инструменты способствуют достижению личного комфорта граждан. Но этому начинают мешать усилия по поддержанию научно-технического прогресса. Западная демократия нежизнеспособна без внешней мотивации для общества, вроде угрозы от СССР, и потому, «оставленная в покое», имея приоритет индивидуальных интересов над коллективными, погружается в потребительство, в «постдемократию» (как сейчас происходит в американском обществе).

В то же время, как отмечалось, демократические институты дают возможность влияния на институты власти, определенного контроля за ней и пр. В большей мере это касается низовых уровней властной вертикали. Но и на ее высоких уровнях демократия сдерживает тоталитарные тенденции в обществе. Транснациональный уровень власти вынужден мимикрировать, скрывать, маскировать свои хищнические планы, проекты в формировании NWO. Иными словами, демократия, даже далекая от своего идеала, как-то работает в положительном ключе. Нужно также отдавать себе отчет в том, что демократический процесс – это очень сложный процесс. Государственная машина работает по своим правилам. Люди в парламентах и правительствах могут просто

не знать многого о функционировании государственной системы. Сложности усиливаются соотношением публичной и непубличной политики, тайнами взаимодействия государственного и наднационального уровней.

Отдельная тема – роль политических лидеров, особенно глав государств. Это важнейший аспект роли личности в истории, который следует осмыслять с психологических позиций. Надо изучать, в частности, не только каналы влияния глав государств на внутреннюю и мировую политику/экономику, но и определенную зависимость главы государства от транснационального уровня власти. При этом предметом изучения является психологический и духовно-нравственный выбор самого лидера, степень и содержание его ориентации на национальные интересы или на их предательство через сдачу целям и проектам глобальной корпорократии.

Транснациональные силы, как показывает история, способны взаимодействовать с любым государственным лидером, проталкивая при этом свои интересы. Особенно это явно в странах с развитыми демократическими институтами.

Но подобное взаимодействие имеет свою специфику и зависит от индивидуальных особенностей, личностных качеств лидера страны, значимых политиче-

ских деятелей в его окружении (и в оппозиции) на уровне официальной и непубличной политики. Иными словами, есть основания считать, что глобальное и внутринациональное влияние на политику глав государства не сильно изменяется при их смене в ходе демократических выборов. Инерция политических установок в обществе, общий настрой национальной элиты и ее элементов является стабильным мощным фактором влияния на избранного национального лидера. Однако любой глава государства непременно вносит свои нюансы во внутреннюю и внешнюю политику, и это является актуальной темой для политической психологии в ее междисциплинарных связях.

Также важно учитывать, что транснациональный уровень власти, политическая элита в конкретной стране влияют на демократические выборы. Это подбор и подготовка возможных кандидатов, спонсирование их программ, лоббирование своих интересов в парламентских играх и т. п. Поэтому выбор народом своего лидера выступает противодействием глобальной психоманипуляции в сфере демократических институтов и соответственно, мощным геополитическим фактором. Глава государства является своеобразной социально- и политико-психологической «призмой», фильтрующей и демпфирующей влияния на властные структуры как народа, так и мировой элиты. От лич-

ности главы государства и его окружения в современном мире многое зависит, особенно в плане образа геополитической и цивилизационной полярности.

В России необходимо наполнять понятие народовластия опытом собственной истории. Это поможет понять, что призывы западной пропаганды бежать от «неправильной российской истории», от наследия царского и советского тоталитаризма в западную агонизирующую демократию – явная политическая психоманипуляция. Здесь уместно отметить, что с духовно-нравственной точки зрения, в частности, в святоотеческой традиции «открытое общество западной демократии» – это общество, открытое для свободы греха. И это подводит нас к следующему понятию «психоманипулятивной герменевтики».

«Либерализм» и борьба за истинную духовную свободу

Либералы в истории России были в основном «западниками» и говорили об индивидуальной свободе личности, о социально-экономическом прогрессе, были ориентированы на сильную внутреннюю и внешнюю политику страны. И российская литература во многом опиралась на либеральные идеи. В то же время М. Е. Салтыков-Щедрин считал, что нет зверя бо-

лее лютого, чем либерал[11]. Взгляды Ф. М. Достоевского на российский либерализм также известны. Рассматривая некоторые «плоды» либерализма в данном разделе, мы будем говорить о псевдолиберализме, не касаясь и не отрицая существования идеала – некоего «хорошего либерализма» и носителей соответствующей ментальности (Юревич, 2014).

Выстраивая образ псевдолиберализма, начнем с некоторых его идеологических и метафизических характеристик. Прежде всего отметим, что он претендует на сохранение положительных черт классического либерализма, главное в идеологии которого – защита свободы личности, достоинства человека, его прав, борьба с любыми формами тирании. Но псевдолиберализм унаследовал и отрицательные черты своего источника. Надо признать, что либерализм – по своей сути антихристианская идеология. В ней отрицаются Божественное бытие, онтология духовного мира. Эти реалии если и признаются верующими либералами, то поверхностно, как бы метафорически. Либерализм культивирует:

– поклонение человеческому разуму;

– идею самодостаточности человека в своей и об-

[11] Архимандрит Рафаил добавляет, что «из всех зверей наиболее похож на либерала крокодил, который, пожирая свою жертву, плачет» (Рафаил Карелин, архим., 2001, с. 166).

щественной жизни (общество «атомарных граждан», живущих по принципам «контрактного мира»; интересы индивида ставятся «во главу угла»);

– свободу человека от духовных законов мироздания (заповедей Божественного Закона); добро и зло – равны;

– замену христианской нравственности правовым регулированием: человек имеет право предаваться любым аморальным действиям, если эти действия не запрещены законом;

– разрушение традиционно понимаемого соотношения прав и обязанностей;

– власть рынка, священность частной собственности, доминирование меркантильных интересов;

– унификацию человечества – ориентацию на уничтожение национальных культур, религиозно-мировоззренческих систем;

– современное идолопоклонство, выдаваемое за выражение «свободы» человека (удовлетворение искусственных потребностей, развлечения, стяжательство, погоня за плотскими удовольствиями и пр.);

– двойная мораль и двойные стандарты в общественной и политической жизни;

– идею господства элитарного меньшинства над другими народами[12].

[12] Вспомним, что с XVII в. Англия отождествлялась с «библейским Из-

Исходя из данных характеристик образа либерализма, легко обрисовать портрет современного российского либерал-демократа: эгоцентричный антихристианин (часто борец с Православием), презирающий «историческую Россию» и народ в современной Российской Федерации, рассматривающий страну как источник обогащения. Дополнительные штрихи к образу можно увидеть в статье Н. Конькова и А. Нагорного, к которой и обратимся (Коньков, Нагорный, 2015). В ней даны «портреты» наиболее известных представителей российского «либерального сообщества». Несмотря на очевидные провалы и катастрофические для большинства наших сограждан последствия действий пришедших к власти после 1991 г. «демократов-рыночников-либералов», несмотря на то, что их всегда поддерживало явное меньшинство российского общества, они продолжают не только считать себя «элитой», но и реально управлять страной. М. Делягин (которому принадлежит целый цикл ста-

---

раилем». Англичане считали себя «расой господ» и высокомерно отзывались о европейцах (кельты, равно как и русские, считались «низшей расой»). Понятно, что геноцид туземцев при колониальных захватах приписывался Провидению. Характеристика господства элитарного меньшинства важна для понимания всех информационно-психологических манипуляций (в частности, через умолчание знаний по этому поводу) вокруг переустройства современного мира в жестко стратифицированную структуру под прикрытием «либерал-демократических ценностей».

тей по данному вопросу) помогает понять, что объединяет этих людей в гигантскую силу, определяющую судьбы и перспективы России, чем обусловлены ее победы (Делягин, 2016). Опираясь на факты советской истории[13], Н. Коньков и А. Нагорный выделяют среди отечественных либералов-западников «уничтожителей государства Российского» и строят их обобщенный портрет. Они – безусловные сторонники «либеральных», «общечеловеческих» ценностей, трактовка которых дается «коллективным Западом». То, что исходит из этого источника, автоматически признается «либеральным» и «общечеловеческим», а все остальное – «нелиберальным», «нечеловеческим», подлежащим отрицанию, осмеянию, уничтожению. Эта зависимость отечественных либералов от источника либерализма является важным элементом в механизме формирования общественного мнения. Имеет место высочайшая сплоченность либералов. Налицо также цинизм и отсутствие моральных ограничителей. Либеральное сообщество носит

[13] Авторы рассматриваемой статьи указывают, что все доморощенные «диссиденты», «перестройщики-рыночники», сегодня позиционирующие себя в качестве «либералов», в идейном отношении являются «детьми XX съезда», который ознаменовал собой отказ отечественных «элит» от альтернативного «коллективному Западу» пути русской цивилизации. «Изоляционисты» вполне предсказуемо проиграли «глобализаторам» и в рамках парадигмы 1970–1980-х годов.

паразитарные черты: оно ведет подготовку к «утилизации ресурсов» в интересах управляющего Центра с максимальной прибылью для «хозяина», в роли которого выступают структуры крупного глобального капитала. Происходит встраивание в стратегические цели мирового глобализма: фрагментацию крупных государств и формирование мирового управляющего центра, которому подчиняются осколки национальных государств. Либералы – это «коллективный квазисубъект», лишенный собственной проектности, «среднее звено строителей Вавилонской башни», выполняющих задачи в рамках данного глобального проекта. Но без внешнего управления и финансовой подпитки «киборги либерализма» превращаются в нечто бесформенное. Характерной их чертой является антипатриотизм, отрицание самобытности русской государственности и культуры, антисоветизм. Неприятие России/Советского Союза происходит из-за несоответствия своим идеалам, которые могут носить самый разный характер. Но утверждается одно: страна и народ – «неправильные», «неполноценные» по сравнению с некими идеальными прообразами. В предельном варианте утверждается, что «эта страна» не имеет права на существование. Можно говорить о некой «либеральной ненависти» к стране и ее народу.

Есть еще один важный штрих к обобщенному порт-

рету современного либерального мировоззрения, он связан с понятиями ультра- и неолиберализма[14]. Влияние на бизнес-элиту мира этой идеологии и вытекающих из нее психологических следствий непререкаемо. Мы видим претензии на единственную истину – философию рационального эгоизма и индивидуализма с отсутствием моральных обязанностей человека перед другими, ориентацию на отчуждение национальных ресурсов. У истоков неолиберальных идей стояла Айн Рэнд (эмигрантка из России Алиса Розенбаум, рассматриваемая многими как величайший философ XX в.).

Вот главные идеи неолиберализма, являющиеся психологическим оружием против духовно-нравственной сферы человеческого бытия. Торговец – символ справедливости. Свобода – это свобода торговать. Человек – набор продаваемых и покупаемых свойств. Морально только то, что защищает стремление к личной выгоде, которое, в свою очередь, порождает свободу, прогресс и счастье человека. Врагами объявляются вера в добро и справедливость для всех, забота о ближнем, ибо все это препятствует здоровой конкуренции. Поэтому существует лишь право человека работать, если его наймут. Нет «права на справедливую оплату», если никто не хочет оплачи-

[14] См., например, цикл статей Маринэ Восканян (Восканян, 2011).

вать работу или купить товар. Не существует прав стариков, детей и пр. Творчество, созидание – удел лишь разумных эгоистов в конкурентной среде. Отвергается любое мировоззрение, которое ставит перед человеком цели, мешающие личному комфорту. Христианский идеал самоотречения, помощи слабому, естественно, является особой мишенью для атак.

Сегодня мы видим, как сбывается социальное пророчество русской религиозно-философской мысли (это идеи Ф. М. Достоевского, представителей русской философии и богословия, в частности, Л. Тихомирова). Укажем также на идеи Ю. Эволы, согласно которому «либерализм с хорошими намерениями» неизбежно переходит в то, что я называю «либерал-тоталитаризмом». Последний воплощает известный идеал сверхчеловека, претендующего на абсолютную свободу и вседозволенность, узаконенное неравенство, рабство большинства «лузеров». Сегодня в ЕС старые структуры традиционной демократии ломаются. И для обманутых потребителей с большой вероятностью открывается выбор между окончательным сломом «старой доброй Европы» (под обломками иллюзий мультикультурализма) и жестким порядком нацистского толка. Блогосфера «Всемирной паутины» полна обсуждений таких перспектив.

Надо также понимать: ультра-неолиберальные

ценности не только идеологически завершают постановку государств на службу глобальному бизнесу. Налицо философско-антрополого-психологическая манипуляция. Неолиберализм, по сути, подает себя как единственная система, соответствующая *рациональной природе* человека. И здесь уместно поговорить о психоманипуляциях вокруг следующего понятия.

«Гуманизм» и истинная ценность человека

Понятие гуманизма многозначно, что создает основу для психоманипуляций. В «Большой советской энциклопедии» о гуманизме говорится как о признании права человека на творческое развитие и проявление своих способностей, о благе человека как критерии оценки общественных отношений. Реально же гуманизм воплощается в коммунизме, практически осуществляясь уже при социализме. В постсоветском «Новейшем философском словаре» гуманизмом называется «мировоззрение антропоцентризма», постулирующее высшую, самодостаточную значимость человека. Постмодернизм говорит уже о «сверхчеловеке», формируя идеологию трансгуманизма и «неочеловечества», о которых мы будем говорить в главах 5, 6, 7.

Западные социальные доктрины строились на кальвинистском учении о предопределенности спасения души человека. Отсюда «гуманизм» – понятие условное (как и «античная демократия», при которой рабы в «демос» не входили). Убеждение, что люди иной культуры не являются ближними, было необходимо колонизатору. Сегодня мы видим скрытый расизм в кинофильмах[15]. Идеологи реформ перестройки в нашей стране, представив отношения между гражданами на Западе за всеобщий тип отношений всех людей, совершили подлог. Наивны те, кто думает, что в «правильной цивилизации Запада» отношение ко всем людям будет как к «своим» (подробнее см.: Кара-Мурза, 2000).

Исходя из особой роли духовно-нравственной сферы человека в глобальной манипуляции системой сознания (данная сфера выступает и объектом, и контрманипулятивным ресурсом), подчеркнем, что общей чертой различных «Гуманистических манифестов» является атеизм. П. Бьюкенен («Смерть Запада») на-

[15] В фильме «Ночной экспресс» американец провел каникулы в Стамбуле и, уезжая, решил подзаработать на контрабанде наркотиков. Но попался и оказался в тюрьме. Зритель видит страдания американца. Фильм, естественно, имеет счастливый конец – юноша убивает надзирателя и убегает из тюрьмы. Симпатии зрителя на стороне американца: просто нельзя быть в такой плохой тюрьме. С. Кара-Мурза предлагает представить в такой же ситуации турка (Кара-Мурза, 2000).

зывает «гуманистов» заговорщиками, которые подорвали семейные устои и культурные традиции в Европе и Америке. В Манифесте 1933 г. традиционные религии объявлены неадекватными современности. В Манифесте 1973 г. не говорится о том, что наука не смогла опровергнуть Божественное бытие. В Манифесте 2000 г. религия уже объявлена ответственной за защиту отсталых социальных институтов, за торможение научного познания и т. п.[16]

В противопоставление одностороннему, исключительно положительному представлению о современном гуманизме приведем интересный с духовно-нравственной и социально-психологической точек зрения комментарий к фильму «Планета обезьян: революция»[17] редактора веб-проекта «Однако», публициста Виктора Мараховского (Мараховский, 2014). По его словам, в фильме представлены иллюстрация состояния постиндустриального общества и архетипы со-

[16] Среди тех, кто подписал Манифест 2000 г., были и известные российские ученые, в том числе академики В. Гинзбург и Ж. Алферов. Гинзбург, однако, не присоединился к известному протесту 139 академиков против внедрения в школы пропитанной оккультизмом валеологии.

[17] После мировой эпидемии остались лишь островки цивилизации. В одном из них несколько тысяч граждан одеваются, кормятся, лечатся из запасов. Они решают запустить малую ГЭС неподалеку от города. В тех местах обитает племя полуразумных обезьян, которыми руководит вождь, сторонник мирного сидения в резервации. Но его «зам» разжигает войну.

временного человека. Высказанные мысли актуальны и в связи с апокалиптическими предчувствиями, на которых играет современная глобальная манипуляция. Речь идет о выживших в глобальной катастрофе людях, которые вынуждены воевать с теми, кто не отдает ресурсы. Дикарю-обезьяне не нужна одежда, бензин и пр. «Настоящему человеку» для выживания надо больше. Поэтому войны между людьми и обезьянами не избежать. «Обезьяны» с копьями – метафорическое обозначение «незападных» народов, которые должны мирно сидеть под деревьями в гармонии с природой. Дикарь, схвативший автомат, объявляется врагом человека. В. Мараховский отмечает, что «цивилизованный мир» скорбит по белым *людям,* разбившимся в «Боинге», и обвиняет во всем «русских *дикарей*» с Донбасса – «обезьян с автоматами», не замечая их гибели в больших количествах. Четко прослеживается идея о том, что партнерами Западу мы никогда не будем.

Для понимания манипулятивных возможностей гуманизма полезно знать, что современное представление о нем включает следующие черты:

– на место Бога ставится человек или научно-технический прогресс;

– происходит смена нравственных ориентиров, установка на блокирование передачи традиционных

религиозных и культурных ценностей (согласно ювенальной юстиции, например, родителям, по сути, запрещается передавать детям собственные нравственные представления и ценностные ориентации);

– провозглашено требование контроля рождаемости и свободы «убийства во чреве»;

– пропагандируется «нормальность» всех сексуальных извращений, включая педофилию; предполагается отмена запрета на родственные браки, в том числе и однополые;

– утверждается право людей на эвтаназию;

– происходит унификация национально-культурных особенностей народов: государства обязаны делегировать часть суверенитета транснациональной власти, на защитников национальной культуры и государственных интересов ставится клеймо национализма.

Особое место в манипуляции современным «гуманистическим сознанием» играют *политкорректность* и *толерантность,* понимаемые мной как то, что может мешать осознаванию глобальной психоманипуляции и, соответственно, противодействию ей. Иными словами, это своеобразные *блоки* в системе индивидуального и коллективного сознания. И в этом качестве данные социально-политические установки выступают уже не только как гуманистические

ценности, а парадоксальным образом обретают качество информационно-психологического оружия. Любую тему можно закрыть для обсуждения под предлогом неполиткорректности (ведь даже погодные предпочтения могут быть для кого-то неприятны). И уже большинство людей с этим согласится. Говорить о негативных моментах в содержании данных терминов трудно. Прикрытие солидное – человеколюбие, благие цели. Заметим также, что политкорректно-толерантная блокировка движения к адекватности социального восприятия происходит на фоне деклараций о свободе слова и иных проявлений демократичности и либерализма.

Надо знать, что термин «толерантность» появился для обозначения «терпимости» организма по причине ослабления иммунологического ответа на патогенное воздействие. Говоря обобщенно и упрощенно, речь идет о неспособности организма сопротивляться заразе. Самым толерантным является организм, умирающий от рака. Обратим внимание и на духовно-нравственное прочтение проблемы. Аналогии с толерантностью западного общества очевидны. Оно не может в своем сегодняшнем состоянии противостоять многоаспектной коррозии. Толерантность – это отсутствие удерживающего фактора против распространения деструктивных идей, культов. Социаль-

но-психологическая установка на толерантность противоположна совести, призванной указывать, что есть добро и правда, а что – зло и ложь. Полезно также вспомнить, что еще апостол Павел учил не толерантности, а, напротив, нетерпимости к греху: «Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6: 9–10) (Владислав Цыпин, протоиерей, 2016).

Принцип толерантности призывает принимать любые «способы проявления человеческой индивидуальности» и отказаться от «абсолютизации истины» (Декларация ЮНЕСКО, 1995). Но если снять блок в сознании, связанный с навязываемым понятием «толерантность», то мы увидим, что в предельном своем развитии она ведет к смерти свободы слова и мысли, к уничтожению нравственности. Также можно отметить, что наиболее нетерпимыми к иным мнениям оказываются именно защитники толерантности. Например, защитники прав секс-меньшинств отказываются считаться с правом нормальных людей на соблюдение традиционных семейных ценностей.

В сборнике «Беспощадная толерантность», интересном для нашего анализа вопроса, заложена линия социальной фантастики на тему «толерантного ли-

берального апокалипсиса» – спрогнозированы варианты общественной жизни, в которой толерантность возведена в абсолют, описаны все ее проявления, включая агрессивное нашествие иных культур. (Мы живем…, 2012).

Итак, толерантность в обществе, опираясь на идею «безгрешной вседозволенности» на фоне отсутствия нравственных идеалов, критериев добра и зла, социальных табу, может достичь уровня, при котором ее проявления станут показателями психологического и духовно-нравственного нездоровья. Обсуждение сакральных понятий, высших духовных смыслов будет запрещено. Свобода же превратится в свободу расчеловечивания, толкающую человеческую цивилизацию к самоуничтожению. Европа уже приступила к легализации педофилии, инцеста. События последних лет с мигрантами является еще одной иллюстрацией опасности толерантности для общества.

Нельзя не обозначить тему «трансгуманизма». Это не просто понятие, концепция, но социально-политический проект, масштабное международное движение, выступающее за использование НИТ для «улучшения» человека, увеличения его физических и интеллектуальных возможностей. При этом духовно-нравственный аспект проблемы уходит далеко на второй план, хотя речь идет об опасности изменения

человеческой сущности, – например, утраты способности любить, сострадать. Конечной целью объявлено мифическое «бессмертие в физическом теле». В главе 6 мы вернемся к разговору о трансгуманизме.

Искажения понятий «свобода» и «права человека»

Анализом данных понятий мы завершаем рассмотрение основных взаимодействующих смысловых «игроков» в «манипулятивной герменевтике». Духовно-нравственная составляющая либеральных идей – ложное понимание сущности свободы человека, которое оправдывает «недолжное в нем», связанное с проявлением его «низшего Я» – страстей и пороков. И такая «свобода» способствует деградации, препятствует очищению внутреннего мира личности, возвышению человеческого бытия.

Для рассматриваемого вопроса большое значение имеют идеи И. А. Ильина (Гостев, Борисова, 2012). Важными характеристиками центрального понятия его философско-психологического наследия – духовной личности – выступают *дар свободы и сила личного самоуправления.* Современная психология недостаточно внимания уделяет духовным аспектам волевого акта. Но воля – это способность свободного са-

моопределения, сознательного выбора, способность принимать решения с точки зрения нравственных критериев. *Свобода воли* человека поэтому выражается в способности принять для себя исполнение законов духовной жизни. И в этом ключ к пониманию сущности человеческой свободы – сотворения человеком собственной жизни в соответствии с Промыслом Божьим о себе. Свобода – это способность владеть и своими страстями, и своими талантами, а также строить свою жизнь по критериям добра.

Можно выделить три основных смысла понятия свободы. Во-первых, это *понимание свободы как разрешенных социально-политических действий*. Свобода – это преодоление всего, что подчиняет человека извне (К. Ясперс). Но социальные свободы без нравственно-духовных критериев превращаются в насилие одних над другими. Возникает очевидный вопрос: как быть с тем фактом, что любую свободу можно использовать во зло? Права одних – это беззащитность других. Свобода информации приводит к праву на дезинформацию и психоманипулирование. Свобода слова позволяет очернять святыни. «Свобода ради свободы и без ограничений» стала «наркотиком», и все большее число людей попадает в зависимость от него, обретая сущностную несвободу. При «внешней безбожной свободе» конкретный че-

ловек растит в себе зло, которое выступает разрушительной силой для человечества. Прогресс становится регрессом, цивилизация – одичанием, свобода – деспотизмом. Сегодня, однако, подобные перевертыши скрыты двойными социально-политическими стандартами.

В этой связи следует отметить некоторые полезные психологические идеи, касающиеся последствий трансформации человечества в постсекулярный мир. В работах А. И. Неклессы (см., например, Глобальное сообщество…, 2002) подчеркивается, что секулярность ограничивает власть традиции над человеком, утверждает автономность от традиционалистской конфессиональности, дает человеку статус свободной личности. Но секуляризация – следствие воздействия библейской веры на мировую историю (Ф. Гогартен), которое дало «представительную демократию», национальное государство, породило левые идеологии, представление о государстве как о политической машине и взгляд на личность как на «винтик» в ней. Сегодня же классовые, национальные перегородки перестраиваются; происходит революция элит, на историческую арену выходит третий мир, реабилитируется метафизическое измерение бытия. И традиционная светскость «раскалывается», расчленяя привычные представления. Постсе-

кулярность проявляется в альтернативной социальной практике, массовой индивидуализации на фоне неоархаизации сознания, в идеях постчеловечества и трансгуманизма, в перспективах «киборгизации» тела и интерактивной техносферы и пр. Все это является реакцией на разрушение представлений о прогрессе и «исходно добром» человеке, ответом на моральный релятивизм, деградацию культуры. Став свободнее в выборе ценностных ориентиров, люди переживают крушение мироустройства. Происходящее активирует темную сторону человеческой природы. Мир, отмечает А. И. Неклесса, пребывает в ожидании самовосстановления человечества, которое, однако, может закончиться инволюцией.

Показательно, что оруэлловские романы «1984» и «Скотный двор» стали реальностью в странах либерал-демократии. Эдвард Сноуден продемонстрировал, что в США нарушаются права человека, связанные с неприкосновенностью личной жизни. Ответ же мировой общественности показал, что свобода и права человека остаются для людей ценностью. И вызывает удивление реакция на это «пятой колонны» и даже представителей спецслужб у нас в стране. На телевидении можно было видеть, как некоторые ведущие шоу иронизировали по поводу поступка Сноудена, объясняя его личными проблемами и психопати-

ческими особенностями, а сам Сноуден представлялся «изменником родины и ее спецслужбам».

Также отметим, в принципе, известное: в случае войны или чрезвычайной обстановки в стране президент США получает неограниченные полномочия в осуществлении жесткого контроля над жизнью общества и государства. «Американской мечте» противоречит отсутствие социальной справедливости. Государство не обеспечивает равные возможности; окончание же элитных школ и университетов гарантирует карьеру. Чрезвычайные полномочия могут быть запрошены уже в преддверии предчувствуемых событий. Джордж Сорос указывал, что с ростом недовольства в обществе неизбежны бунты в американских городах. И это станет поводом для «закручивания гаек», использования грубой силы для восстановления порядка, появления репрессивной политической системы. Не совмещаются со «свободой» и вмешательства в дела суверенных государств под флагом несения им «демократии и свободы».

В связи со сказанным особую актуальность приобретают трактовки свободы с духовно-метафизических позиций.

Свобода человека в самоопределении между добром и злом. Никто не властен над такой свободой, даже Бог, создавший человека со свободой воли и

возможностью отпадения от Него. Римо-католический архиепископ Лефевр, не принявший новаций Второго Ватиканского собора, считал, что свобода существует, чтобы повиноваться Богу, но из нее хотят сделать нечто абсолютное, безотносительное к чему бы то ни было. И это приводит к разрушению семьи, Церкви, религиозных сообществ (см.: Грачева, 2010, с. 216–217).

Еще одно прочтение понятия свободы – *духовная свобода как власть человека над собой.* Только преодолевший «рабство страстям» становится истинно свободным человеком.

Вопросы свободы в первых двух аспектах имеют смысл только при наличии свободы от страстей и греха. В целом же *свобода должна заботиться о благе другого человека* – вот ключ к пониманию того, чем должна быть свобода в ее многоплановости. Только те права человека могут быть признаны выразителями добра, которые искореняют эгоизм и способствуют произрастанию в людях любви к Богу и ближнему. Для психологической науки полезной представляется православная мысль о том, что там, где свобода становится идолом, там начинается «человек-зверь», а свобода превращается в узаконенное орудие зла.

И. А. Ильин раскрывает именно духовное понимание свободы. Он говорит, что *свобода по существу*

своему есть именно свобода духа. Каждый человек призван к такой свободе. Он должен превратить свой земной путь в непрерывное духовно-нравственное очищение, сделать свой дух главным, определяющим фактором и «свободным двигателем личной жизни». Свобода, отмечает И. А. Ильин, не дана человеку как абсолютная независимость от всего, но *задана ему* как возрастающая независимость от зла и пошлости (анализ психологического наследия И. А. Ильина см.: Гостев, Борисова, 2012). Поэтому человек, утверждая свою свободу, должен «допросить себя о своей духовной зрелости», проявляющейся в том числе в чувстве ответственности.

Итак, в условиях манипуляции системой сознания «свободное открытое общество» является мифом в указанном в предыдущих разделах смысле. Иллюзорный компонент данного мифологического представления – иллюзия свободы – обладает, тем не менее, пока достаточной силой, чтобы на нем строилась пропаганда западных ценностей. В то же время растет число тех, кто более адекватно воспринимает реальность и понимает, что речь может идти лишь об относительной свободе для «избранных». Однако еще недостаточно осознается, что свобода порока и нравственного разложения свободой не является. Следующий раздел посвящен еще одной грани темы свобо-

ды.

1.6. Иллюзорная свобода информации в СМИиК

Во Введении уже отмечалось, что свобода информации в мире искажается психоманипулятивными принципами (и системой соответствующих приемов) *умалчивания* и *«дозированной правды»,* вызывающими у человека иллюзию полной или хотя бы достаточной информированности. Это освобождает вольных или невольных манипуляторов от уличения во лжи: ее нет, а есть только частичная правда по обстоятельствам. Но когда невозможно скрыть, изъять, уничтожить опасную информацию о некой ситуации, в информационный оборот вбрасывается огромное количество правдоподобной ложной информации, проверка которой потребует слишком много времени и сил. Вихрь аргументов и контраргументов захлестывает сознание, блокируя адекватность социального восприятия.

Но потребитель информации имеет право знать о последствиях ее потребления: о возможности стать зависимым от «информационного наркотика», – ведь любая зависимость лишает человека свободы.

С. Кара-Мурза показывает, как тезис о свободе распространения информации обслуживает интере-

сы заказчика психоманипуляции (Кара-Мурза, 2000, с. 254–259). И государство, чтобы не стать соучастником заказа, должно найти формы приемлемого контроля над идеями, образами и пр., циркулирующими в обществе, не боясь *обвинения в цензуре,* – апробированного оружия в информационно-психологических войнах современности. «Свобода слова» на Западе, отмечает он, была философской категорией. Свобода информации предоставляется только в той мере, в которой у власти есть уверенность в силе психоманипуляции и сохранении контроля над политикой информационно-психологических компаний. Позиция Сербии по косовской проблеме не освещалась в западных СМИиК или освещалась искаженно. Позиция России по грузинским (2008 г.) и украинским событиям (2013–2015 гг.) также не доносилась до аудитории. Далее в тексте читатель найдет много данных по умалчиванию информации.

Принцип умалчивания и дозирования правды устраняет проблему правды-лжи в планетарной и государственной имаго-символосферах в том смысле, что люди становятся зрителями «виртуальных спектаклей» с запрограммированным отношением к событиям с позиции политкорректного обывателя-потребителя. Но мир политизируется, и надо видеть, как при кажущемся разнообразии информационно-психо-

логических воздействий внушается набор главных социально-политических установок, предлагается по сути одна версия, подаваемая через разные образные решения. Различие же политических взглядов конструируется для создания образа «демократичности» и «свободы информации».

Для подобных целей используются различные приемы. Образ события формируется отбором информации и помещением ее в нужный контекст, он искажается неточностями, рекламой, комментариями, сменой сенсационных тем. Неким сообщениям придается повышенная важность, но «в нужное время» тема почему-то вдруг исчезает. Повторение образов в различных версиях и контекстах/ дискурсах не только дает «чувство очевидности», но возводит психологический барьер против иных точек зрения. Фрагментация проблемы, абстрагирование от каких-то значимых ее аспектов затрудняет создание ее целостного образа. Используется также и следующий принцип: факты, противоречащие интересам «заказчика», не умалчиваются или показываются скупо. Так, информация об убийстве священника в Польше в период холодной войны была в 140 раз ценнее информации об аналогичном случае в зоне влияния США (Кара-Мурза, 2000). Элементы массмедийного спектакля обычно ложью не являются, а потому трудно предъявить

претензии к итоговому продукту. Имеет место и сознательная дезинформация, работающая на «нужную объективность».

Отсутствие реальной свободы информации на Западе становится все более очевидным. Российскому англоязычному телеканалу RT (по признанию британских СМИ, это единственный источник альтернативной информации для зарубежной аудитории) неоднократно давали предупреждения за отсутствие «беспристрастности» при освещении событий на Украине. Предвзятость же со стороны BBC не замечалась. На Западе любую альтернативную точку зрения о России называют «пропагандой». В целом не признаются двойные стандарты в информационной политике, а тем более то, что они являются искажающими правду фильтрами.

Главные мировые СМИиК (агентства новостей, телеканалы, сетевые ресурсы и т. д.), не являясь свободными в порождении информации, формируют свою реальность: чего нет в мировых массмедиа – того в ней не существует. Создается фиктивный мир, на который люди реагируют как на реальный (мы уже приводили эту мысль Э. Тоффлера). Подконтрольность мировых СМИиК – тема отдельного разговора в других главах, в которых мы будем говорить о субъектах информационных воздействий, в частности, о ро-

ли непубличной политики, влияющей на формирование мировых новостей.

Джульетто Кьеза отмечает (см.: Кобзев, 2016; Панкин, 2014), что объективных сведений о происходящем в мире люди на Западе почти не получают. Новости подаются тенденциозно, российская точка зрения или не представлена, или сфальсифицирована. Он выражает сожаление об отсутствии на Западе информационных каналов, доносящих версию о мировых событиях глазами России. Между тем, уровень фальсификации при освещении украинских событий превзошел времена «холодной войны». Все СМИиК создают образ России как агрессора, а Путина ставят в ряд «зловещих диктаторов» (Милошевич, Хусейн, Каддафи и пр). Многие итальянские газеты писали, что сожжение людей в Одессе было организовано русскими. Кадры, снятые в Одессе, которые помогли бы понять произошедшее, не показываются. В результате 95 % итальянцев уверены, что Россия хочет захватить Украину. Журналисты мало осведомлены об истории Украины, ее тесных отношениях с Россией, а также о том, что значительная часть граждан Украины – это этнические русские. Депутаты итальянского парламента не усматривали роли США в украинских событиях. Не поднимается вопрос о закономерной реакции России на возможное вступление Укра-

ины в НАТО. Но интересно, что среди населения настроения гораздо менее русофобские, чем следовало бы ожидать, судя по информационным атакам СМИиК.

Дж. Кьеза указывает на важные элементы механизма координации западных СМИиК. Когда в России или в связи с Россией в мире происходит что-то важное, массмедийный плюрализм заканчивается и американская, английская, французская, германская пресса начинают повторять один и тот же набор тезисов, «фактов», комментариев. При этом важно, что свобода информации в определенных темах кончается и без указаний сверху. Журналисты, исходя из глобального геополитического информационного контекста, сами догадываются, что нужно говорить, писать, показывать. Они понимают, что неправильное освещение некой ситуации опасно с финансовой и карьерной точек зрения. И это очень интересная для социальной психологии информация, ибо она говорит о *непроизвольном формировании социальных установок, общих представлений работников СМИиК в некоем условном «поле единомыслия-единочувствия» под влиянием сложившихся стереотипов* относительно чего-либо. В данном случае мы имеем в виду Россию, и здесь следует отметить русофобские установки западного и прозападного (в незападных странах)

сознания. Неформальный «центр», который задает тон для всех мировых СМИиК, есть, и он состоит из газет «New York Times», «Washington Post», телеканала CNN, британского информагентства «Reuters» и американского «Associated Press». Все иные версии объявляются маргинальными. Непроизвольное формирование «международного журналистского единомыслия», конечно, не исключает и влияния различных форм давления со стороны владельцев телеканалов, газет, в соответствии с их информационной политикой. Это давление может быть «мягким» и политкорректным, вписывающимся в идеалы «свободы слова». Но оно может требовать «писать по заданию редакции» или быть «настоятельной рекомендацией». Важным источником информации служат сообщения в соцсетях и ролики на Youtube, но многие из таковых создаются спецслужбами, о чем и не догадываются большинство пользователей интернета.

Перейдем к следующей важнейшей макротеме в раскрытии многоаспектности глобальной психоманипуляции.

Глава 2. Воздействие многоликих экранных образов

Исследуя закономерности манипуляции внутренним миром личности, следует отметить особую роль воздействия – непроизвольного и преднамеренного – на образную сферу человека (Гостев, 2008, 2010, 2012б, в, 2014а). Действительно, учитывая масштаб воздействия на людей именно образной информации, изучение образной сферы человека как канала психоманипуляции является высоко актуальным, теоретически и практически значимым. В эпоху текстовой информации как основного канала получения знаний внутренний мир человека опирался на *читаемое.* Печатное слово приводило к образам, но это были образы воссоздающего воображения (отражающие идеи авторов печатного текста), проекции собственных представлений о мире, фантазии, мечты. Экранное воздействие сегодня дает мгновенную передачу готовых образов, порождает эффект непосредственного свидетельства, присутствия в неких ситуациях, сценах из жизни. Мы часто фиксируем агрессивное влияние навязанных образов имаго-символосферы на внутренний мир человека, факты его принуждения

к пассивному восприятию реальности.

Любой образ, порожденный человеком или извне попавший в его внутренний мир (через сознание или минуя его), «оседает» в нем, взаимодействуя с психикой, участвуя в регуляции жизнедеятельности, «материализуясь» в общественной жизни. И в этой связи хочу сразу отметить один важный момент: я буду преднамеренно акцентировать негативную сторону воздействия экранных образов. Позитивные примеры подобного воздействия, естественно, тоже существуют, и я признаю эти аспекты проблемы. Несомненно, телевидение информирует и помогает отдохнуть и расслабиться, хорошие художественные фильмы расширяют культурный диапазон человека, советские мультфильмы признаны прекрасным средством нравственного воспитания детей, интернет объединяет мир, «некровавые» компьютерные игры способны развивать внимание и повышать скорость реакции, «мобильник» может спасти человеку жизнь. Об этих положительных сторонах воздействия многоликого экрана и в психологии, и на уровне здравого смысла мы знаем больше. Об отрицательных же сторонах влияния экрана известно меньше. Данный аспект в определенной мере недооценивается, в частности, потому, что общая проблема психоманипуляции, ее механизмов, отрицательных последствий для

личности нуждается в своем более глубоком научном осмыслении. Вот причина, по которой основное внимание в книге будет уделено именно *деструктивному экранному воздействию*.

Итак, прежде всего важной задачей видится изучение проблемы осознания человеком факта манипуляции его внутренним миром посредством образов, взаимодействующих в имаго-символосфере общества. Современный человек живет в виртуальной реальности, порожденной СМИ, рекламой, компьютеризацией, «интернетизацией» и т. д., «обволакивающей» его образами, символами. Через произвольно и непроизвольно усваиваемое содержание образов происходит манипулирование. В символах, в образах отображен некий объект/прообраз (символизируемая сущность), и за образным опытом стоит реальность, в том числе – отрицательные личностные деструктивные духовные смыслы/сферы. Поэтому уже обозначенная нами идея о «войне образов» в имаго-символосфере, о противостоянии и борьбе сил, стоящих за семантикой образов, является одной из стержневых тем данной монографии. Именно она раскрывает вопрос о психоманипуляции как «информационно-психологическом оружии».

Воздействие имаго-символосферы социума следует изучать в контексте многоплановой «информаци-

онной экранной зависимости» – готовности к психологическому «погружению в экран», которая, по мнению многих специалистов, может быть уподоблена социально-психологическому наркотику (Акопов, 2008; и др.). Через Экран, отмечает А. Ю. Акопов, человек с удовольствием «подглядывает за миром», строит псевдо-реальный мир, позволяющий в иллюзиях изживать страхи, тревогу. Экран есть полотно, на котором, благодаря нашей фантазии, воображению, видовой и индивидуальной памяти, ассоциациям, отождествлению, переносу, проецируются виртуальные образы (там же, с. 135). Идея о взаимодействии перцепции, социальной фантазии и образов архетипического содержания очень важна для понимания экранных манипулятивных воздействий, ибо это взаимодействие уводит сознание человека от реального и приводит к субъективному чувству расширения познаваемой реальности. Говоря о «фантастическом реализме» виртуальных образов, следует иметь в виду их роль в упорядочивании «социально-шизофренического хаоса» современной действительности, в формировании картины грядущего или образов глубокой древности.

Перейдем, однако, к разговору об основных «экранных манипуляторах».

2.1. Образы телевизионной продукции

Психоманипуляция средствами телевидения основывается на любви и привязанности людей к телеэкрану. Он расширяет представления о реальности, показывает мир за пределами непосредственного опыта, «развлекает». При этом человек не всегда задумывается о том, что телевидение претендует на законодателя «правильного мировоззрения»: формирует социальные нормы и стереотипы восприятия, идеологические ценности и установки обыденной жизни. Поэтому и среди исследователей телевидения, и у простых телезрителей крепнет мнение, что в целом оно играет отрицательную роль в обществе. Достаточно задаться вопросом: каков процент непосредственной и правдивой информации на телевидении?

В данной главе мы поговорим о многомерном влиянии, которое оказывает телевидение на человека. В оценке этого влияния будем опираться на аналитические обзоры уже упомянутых авторов, – В. В. Латынова, А. В. Юревича и Ф. О. Марченко.

Конкретизируем прежде всего сказанное во Введении об активности/пассивности человека как объекта

информационно-психологического воздействия. Сторонники *теории активной аудитории* считают, что зрители активно перерабатывают телевизионную информацию, поэтому эффекты телевидения ограниченны, иногда минимальны. Зрители могут, например, влиять на некоторые телепередачи (голосованием в прямом эфире, звонками в студию и пр.), стать участником программы, в частности, в роли эксперта. СМИиК становятся средствами индивидуальной информации/коммуникации. Понимание СМИиК как «средства массового поражения» подобные подходы к теме стараются представить устаревшим, отражающим мировоззрение эпохи «холодной войны». Но сегодня уже ясно, что эта надежда преждевременна. Информационно-психологические войны не только никуда не уходили, но разгораются с новой силой и на новых уровнях. Телевидение, по меткому сравнению С. Кара-Мурзы, снова превращается в «особую спецслужбу», ведущую войну против сознания соотечественников.

Сторонники *теории пассивной телевизионной аудитории* подчеркивают: реакции и поведение зрителей *зависят* от замысла авторов телепрограммы, которые манипулируют аудиторией, побуждая имитировать чуждые им модели поведения. В предельном выражении аудитория становится «жертвой» обмана

и злонамеренных действий со стороны заказчиков телепродукции. Отрицательная роль телевидения проявляется и в понятии «мейнстриминг», которое обозначает унификацию представлений телезрителей о мире под воздействием СМИиК. Отметим наличие эмпирических подтверждений того, что чем больше человек смотрит телевизор, тем ближе его представления о действительности образу мира, показываемому телевидением, т. е. тем больше виртуализация реальности. «Телеманы» не случайно более подозрительны, считают мир полным опасностей, преувеличивают масштабы преступности в обществе (заметим попутно, что подобные «культивационные эффекты» могут порождаться и компьютерными играми). Значимым оказалось время просмотра программ определенного жанра. Сконцентрированный просмотр телевидео- и кинопродукции одного и того же жанра (например, детективов) усиливает деструктивность воздействия.

Широкое влияние телевидения отмечают и приверженцы других теорий информационных воздействий на человека, о которых говорилось во Введении. Эти теории покрывают весь возможный спектр вариантов телевизионного воздействия. Важно, что в целом не сложилось однозначной концепции поведения телевизионной аудитории. Но на основе разных подходов

можно выделить поведенческие типы телезрителей (Юревич, Марченко, 2012, с. 122–123)[18]. Зрители различаются по стилям телеповедения. Эти стили обусловлены следующими факторами: представлением зрителя о месте телевидения в жизни общества, уровнем его культуры и образованности, ролью телевидения в его жизни, степенью критического отношения к телепрограммам, предпочтениями зрителя (любимые каналы, темы, программы, жанры, фильмы, ведущие), силой идентификации с участниками программ, особенностями телесмотрения – развлечение (лежа на диване), фон (во время обеда), информирование (внимательный просмотр новостей или научно-познавательных программ).

«Телеповедение», включающее реагирование человека на содержание программы до, во время и по-

[18] Это может быть: пассивный реципиент, который будет смотреть все, что ему предложат; наивный адепт, который будет поступать так, как демонстрирует ТВ; «аддикт», который не может прожить и дня без ТВ; фанат, смотрящий все с участием любимых телезвезд; заинтересованный, отвечающий на вопросы телеведущих; активист, стремящийся лично участвовать в программе, чтобы высказаться; «игрок», также стремящийся лично участвовать в программе, дабы стать телезвездой или выиграть приз; скептик, ничего серьезного не ждущий от ТВ; критик, смотрящий телевизор, чтобы получить подтверждение своему пессимизму; борец с ТВ, считающий (по различным причинам), что все зло в мире от ТВ; представитель определенной телеаудитории; пользователь, формирующий свое индивидуальное теле-смотрение.

сле просмотра, следует отличать от «телесмотрения» как процесса зрительского выбора, управления каналами во время просмотра телепрограммы. Объектом анализа становятся стили *телесмотрения:* фоновый и сосредоточенный, непрерывный и «клиповый». Человек может быть занят чем-то своим на фоне работающего телевизора, а может сконцентрировать внимание на содержании телепрограммы. Прямые трансляции со спортивных чемпионатов, например, у многих вызывают полную включенность в экранное событие. При *клиппинге* программу смотрят урывками, переключаясь на другие каналы или отвлекаясь на иные виды деятельности. Разновидностью клиппинга выступает *сёрфинг* – плавное скольжение по каналам. Появился и *заппинг* – одновременное смотрение нескольких программ на разных каналах. Продолжительный одновременный просмотр двух программ длительного формата получил название *флиппинга* (Юревич-Марченко, 2012, с. 124).

Для осмысления телевизионного воздействия отметим актуальность изучения видов телевизионного дискурса (ток-шоу, телебеседы, предвыборные дебаты), которые различаются по своим интенциональным характеристикам и приемам речевого воздействия (Григорьева, Павлова, 2012, 2014). Показано, что интенциональную структуру телевизионного дис-

курса определяют четыре основные направленности субъектов общения: на себя, на ситуацию, на зрителя и на героя передачи. Каждая из этих направленностей представлена совокупностью конкретных интенций: осуществить самопрезентацию, привлечь внимание, проявить отношение, побудить к действиям и др.

Итак, отсутствие единой теории воздействия телевидения на аудиторию не дает оснований говорить об аудитории как о единстве зрителей с устойчивыми социально-психологическими характеристиками и одинаковым типом реагирования. Сложные процессы взаимодействия телевидения и аудитории не могут быть описаны с помощью упрощенных бихевиористских (прямое воздействие) и когнитивных (отсроченное воздействие) схем. Следует делать акцент на опосредованном воздействии телевидения на активную и компетентную аудиторию.

Зрительская аудитория отличается динамичными и неустойчивыми характеристиками, что приближает их анализ к условиям полевых наблюдений. Зритель получает возможность все большего влияния на телевидение, начиная от игнорирования и заканчивая созданием своих телепроектов в интернете (Юревич, Марченко, 2012. с. 126–127).

Желательно без «розовых очков» видеть виртуализацию реальности телевидением и ответить на сле-

дующие вопросы:

– Не воспринимается ли некоторыми телезрителями как реальность только то, что отражено или сотворено «системой ТВ» (совокупностью традиционного официального и индивидуально подобранного телевидения)?

– Народы по-прежнему видят одни и те же «картинки событий в мире», смотрят похожие сериалы и т. д. Насколько это способствует унификации человечества, уменьшению потенциала национально-культурного разнообразия?

– Насколько телеэкран является «жевательной резинкой для глаз»?

Телевидение продолжает захватывать внутренний мир человека, делать подконтрольной его образную сферу в целом (телеобразы – материал для воображения, сновидений, искажения образов памяти и пр.), создавать искусственные понятия, ценности, подрывать способность адекватно воспринимать социальную реальность. Телевидение не перестает стандартизировать сознание, психотизировать человека. Зрительные и слуховые образы телеэкрана по-прежнему бомбардируют человека, приучая его к насилию, разврату и магическим обрядам. Телевизионные образы остаются предметом подражания для милли-

онов людей, и подобные суггестивные модели создаются на основе образов аморального, бездуховного содержания. Телевидение не перестало быть самым сильным средством распространения «массовой культуры» и, соответственно, псевдодуховности. Православные авторы в оценке телевидения могут продолжать подчеркивать, что оно остается проводником антихристианских идей, социальных установок, оценок. Как не вспомнить известное изречение многих современных православных священников: «Телевизор в доме – нет благодати в семье». Еще в 1960–1970-е годы преподобный Амфилохий Почаевский отмечал, что после просмотра телевизионных программ человеку не хочется молиться. А афонский старец Паисий Святогорец «духовными очами» видел, как устами ребенка говорят «телевизионные бесы» (Паисий Святогорец, 2011).

То, что телезритель стал более активным и тем самым получил большую возможность сопротивляться психоманипуляции, не перечеркивает фактов негативного влияния телевидения. *Телеэкран для современного человека не перестал быть конструктором-программистом картины мира, образа мыслей, переживаний и поведения.* Телевидение остается самым мощным политическим манипулятором – средством внушения и убеждения масс, формирования

взглядов людей в нужном направлении Поэтому остановимся на ряде вопросов, которые должны оставаться в зоне внимания социальной психологии СМИиК.

М. Маклюэн в 1955 г., с восторгом говоря о телевидении, указывал, что важно само действие телевидения на подсознание и сферу чувств человека. Но уже в 1974 г. он заговорил о том, что телевидение постепенно уничтожает цивилизацию, и призвал устранить телевизор из повседневной жизни (Маклюэн, 2014). Он говорил о «магическом очаровании» телеобраза, который подобен рыболовной сети, опутывающей зрителей тончайшими ячейками. Телевидение – это самое сильное средство, «заражающее» людей, «очарованных пустотой». В 1970-е годы мнения, что телевидение изменило людей более глубоко, чем можно было предположить, что оно разбивает американскую нацию, насаждая отчужденность в семьях, звучат и из уст других исследователей (Латынов, 2013; Юревич, Марченко, 2012).

На телевидении лежит ответственность за обслуживание гедонистических, агрессивных, потребительских установок современного человека. Достаточно указать на навязывание образа насилия как средства достижения успеха, особенно если насилие встраивается в контекст искаженного представления о добре и зле. Масштабы образов агрессивного содержания

провоцируют не только агрессивное поведение людей в реальной жизни, но нагнетание чувства страха. Демонстрация насилия по телевидению (подробностей убийства, издевательств, аморальных действий и т. п.) порождает у людей гремучую смесь страха и агрессии, что уменьшает число факторов, сдерживающих агрессию, притупляет их чувствительность к агрессии. А. В. Юревич и Ф. О. Марченко говорят об особой остроте проблемы влияния насилия на экране на детей (Юревич, Марченко, 2012; Ениколопов, 2002). Телевидение, разрушая координаты морали, помогает субъективно не видеть нарушения нравственных норм, не чувствовать «усыпления» совести. Люди видят тысячи убийств, на человека обрушивается поток образов катастроф и т. п. – и постепенно растрачивают сострадательность, становятся равнодушными к проявлениям зла. Неудивительно, что многие преступления являются имитацией увиденного на экране. Человек же, привыкший к политическим и «желтым» сенсациям, к показу жестокости, похотливости, осознанно и неосознанно испытывает постоянную и все возрастающую потребность в образах такого содержания, ищет показа «новых видов аморальности» (Кара-Мурза, 2000). Людям демонстрируется то, что они видеть не должны по нравственным соображениям. Телевидение, указывает С. Кара-Мурза,

нарушая социально-этические нормы и используя подобные образы в политических целях, вводит зрелище смерти в каждой дом.

Вспомним, как в 1990-е годы на телевидении демонстрировали работу похоронной команды в Чечне – кадры с растерзанными телами (цинично перебиваемые рекламой), позирование репортеров перед убитыми солдатами российской армии, репортажи об идентификации тел погибших… На показе смерти настаивают рекламодатели, ибо «комплекс танатоса» возбуждает интерес зрителей (там же, с. 261). Телевидение может показать агонию человека, детей, умирающих от голода. С. Кара-Мурза отмечает, что в США баснословно прибылен показ смерти в прямом эфире. Подчеркнем также, что многие «хэппенинги» и «флешмобы» также работают на разрушение этических и эстетических норм. Телевидение узаконило англоязычный и воровской жаргон, сквернословие (например, на MTV).

Телевидение-манипулятор опирается на внушение. Популярность Кашпировского, в частности, являлась ярким свидетельством силы внушения с телеэкрана. При трансляции образов жестокости, разврата и других проявлений безнравственности человека именно через механизмы суггестирования и идентификации телезрители подталкиваются к нарушению мораль-

ных запретов, увлеченные авторитетом своих кумиров. К тому же, как правило, телевизионное внушение происходит на фоне ослабления воли и внимания, поскольку телевизор в основном смотрится после работы усталым человеком – в состоянии расслабленности и часто в темноте.

Отметим, что телеэкран обладает удивительной способностью «стирать» различие между правдой и ложью. Дефицит нормального человеческого общения усиливает эффект: человек как бы раскрывает пред экраном свою душу, находит в нем кумиров и начинает им подражать (включая в том числе и резонанс «низшего Я»). Вспомним, что отечественный философ В. С. Соловьев указывал: исходным нравственным отношением является отношение к инстинктивным отправлениям, чувство стыда. Далее идет сострадательное отношение к другим людям. Вершина нравственного отношения – благоговейное отношение к Богу и высшим ценностям. В телевидении мы можем найти разрушение ценностей всех трех порядков. Мы видим идею достижения успеха любой ценой. Убийцы героизируются, а жертвы показываются жалкими существами. Более того, на телевидении есть даже передачи откровенно демонического содержания (Сапунов, 2001, с. 64–65). Особая роль в создании телевизионной аморальности принадлежит

массовой антикультуре, задающей моду на вульгарность, пошлость, на уродливое, на проявления психопатологии. Понятен эпитет «безобразная культура», т. е. лишающая человека образа Божьего.

Самый сильный удар телевидение наносит по детям, воспринимающим телесобытия как реальные (см., например: Сергиенко, Таланова, Лебедева, 2013). Даже шутливое подражание злобной мимике с экрана влияет на маленького человека. Чувства ребенка начинают двигаться по руслу, проложенному идентификацией с телеэкранными образами. И. Я. Медведева и Т. Л. Шишова подчеркивают, что современная «идеальная» модель подростка, формируемая СМИиК, такова: потенциальный потребитель наркотиков с агрессивным отношением к обществу и его нормам (Медведева, Шишова, 2012). В целом, данные авторы отмечают, что образы именно людей с психопатологиями транслируются телеэкраном как примеры для подражания. Психологи и педиатры указывают, что ранний просмотр даже вроде бы безобидных детских телепередач негативно сказывается на развитии ребенка. Например, доказано, что у детей, часто смотрящих телевизор, замедляется речевое развитие (Абраменкова, 2008). Перегрузка и искажения зрительного восприятия бьет по сенсорным системам, психическим процессам и функциям. Ребе-

нок приучается познавать не объемный трехмерный мир вокруг него, а плоскостной телеэкранный.

Информация о ворах, убийцах, насильниках, гомосексуалистах, наркоманах и подобных им персонажах записывается в душе ребенка. Идентифицируясь с убийцами, например, ребенок усваивает агрессивные модели поведения, причем научается испытывать торжество и наслаждение от боли другого. В экспериментах А. Бандуры показано, что после наблюдения агрессивных сцен по телевидению дошкольники начинают вести себя агрессивно, причем дополняя поведение фантазией. Примеры тому я приводил в своих работах (Гостев, 2007, 2008).

Возведение садизма в модель для подражания следует рассматривать как эффективную психотехнологию, программирующую ребенка на разрушение еще даже не осознанного «человеческого в себе». В итоге дети даже из благополучных семей оказываются недоразвитыми в нравственном плане. Подростковая имаго-символосфера формирует отрицание традиционных ценностей, ориентацию на девиантное, преступное поведение. Есть корреляции между количеством проводимого в детстве перед телевизором времени и склонностью к асоциальному поведению во взрослом возрасте. Если проводимое каждый день перед телевизором время увеличивается на час, то

риск проблемного поведения возрастает на 30 % (Абраменкова, 2008).

Но личностная деградация – невротические страхи, подростковая жестокость, наркомания, другие виды антисоциальной направленности – только видимая часть психического неблагополучия, приобретаемого через телевидение. Есть опасность и физического вырождения через то, что можно назвать «духовно-нравственной психосоматикой: «недолжное в человеке» неизбежно воплощается в его телесной организации.

Дадим лишь несколько иллюстраций к сказанному. К лидерам эффективной «подзарядки» подростков сексом, наркотиками и алкоголем следует отнести MTV. Отметим и канал «2×2», на котором, в частности, 21.05.2008 был показан кощунственный мультфильм «Mr Hankey's Christmas Classics» (сериал «Южный парк»), глумившийся над религиозными чувствами христиан (Старикова, 2009, с. 104). В мистическом сериале «Ангел или демон» подростки занимают сторону демонов, которые воспринимаются ими как герои (на роль «демонов» подобраны привлекательные актеры). В фильме мы видим, как соперник брошен под поезд метро, как зарезаны родители старшеклассницы, не пустившие ее на вечеринку.

Примечательно, что телевидение изначально по-

нималось как достоверный информатор о событиях (Саппак, 1988). Считалось, что оно дает изображение «подлинной реальности», и «репортажность», соответственно, была его стержнем. Это создало образ телевидения как «доверительного собеседника». Данная социальная установка усилила воздействие телепередач. Однако сегодня экранный образ может иметь с действительностью очень мало общего. Тем не менее, он продолжает восприниматься как «объективное» ее отображение. Телевидение позволяет создавать любые версии происходящего. Установка на достоверность «событий с экрана» питает некритичность их восприятия телезрителем, усиливая психоманипулятивный потенциал телевидения.

Доверие телеаудитории усиливается феноменом «рентгена характера»: возможностью телекамеры вскрыть и показать зрителю психологические особенности телегероев, подчас глубинные характеристики внутреннего мира личности. Но сегодня проявление «рентгена характера» осложнено и смазано успехами имиджмейкерства. Например, у зрителя может возникнуть иллюзия показа ему внутреннего мира телегероя, скрытых черт характера. Именно на этом и будет строиться манипуляция. Отметим также деструктивную роль «достоверности» в различных телеиграх, и особенно в «реалити-шоу» вроде «Дом-2», осно-

ванных на подглядывании за удовлетворением низменного в человеке, за эксгибиционизмом и цинизмом участников. Подобные телепередачи работают также над формированием у человека спокойного отношения к постоянному социальному контролю за ним, к жизни на виду у «Большого брата» (об этом мы поговорим в главе 5).

Манипулятивное телевизионное воздействие усиливается конкретными приемами, например: соединением репортажа с видеозаписью, не связанной с ним[19], со специальным речевым и звуковым сопровождением видеоряда, способным создать желаемый контекст[20]; прерыванием видеоряда (репортаж о теракте, прерванный рекламой, уменьшает способность отделять «информационную шелуху»); последовательностью подачи информации (задаваемой телережиссером); различными невербально-коммуникативными приемами (интонация, мимика, паузы и др.); теле-монтажом. Можно применить операторское

---

[19] Когда в 1996 г. между США и Китаем возникла напряженность, комментарии западных телеведущих и кадры с американскими авианосцами стали сопровождаться зрелищем расстрела наркоторговцев в КНР.

[20] Текст, читаемый диктором, воспринимается истинным, если дается на фоне образов, снятых «на месте событий» (даже если видеоряд не связан с текстом). Комбинация обрывков высказываний и визуальной информации способна изменить контекст используемых образов и их комментариев.

искусство (например, при съемке снизу человек выглядит чванливо). «Особенности техники и субъективные позиции операторов, режиссеров, художников и др. существенно влияют на конечный результат изображения действительности или трансляцию того или иного сообщения. Опытные операторы хорошо знают цену утверждения, что телекамера сама „отражает мир“. Камера снимает то, что хочет снять оператор», – подчеркивает Б. М. Сапунов (Сапунов, 2001, с. 51). Причем, добавим от себя, часто она акцентирует какие-то неосознаваемые оператором детали репортажа.

Итак, «итоговое целое» может не иметь с действительностью ничего общего, однако восприниматься как «объективное» отображение фактов. Зависимость от подобных экранных образов усиливается и соучастием в телесобытии зрителей в «кресле с ужином», и непрерывным переключением каналов, и отвлечением на посторонние дела.

Богатые резервы психоманипулирования с экрана хорошо видны на примере телесериалов. Телезритель, сопереживая героям, как бы вводит их в свой домашний круг. Привыкая переживать душевное состояние этих персонажей, он неосознанно учится «играть в жизнь». Отметим, что криминальные сериалы, например, не только стимулируют у зрителя развитие

чувства опасности перед преступностью. Они в то же время создают образ правоохранительного защитника в лице государства или др., который с этой преступностью якобы успешно борется («Час суда», «Суд идет» и пр.). Создается образ благонадежности правоохранительной системы, что не всегда соответствует действительности; происходит усыпление бдительности, включая уровень национальной безопасности страны.

Любимый сериал создает инерцию доверия, распространяемого и на передачу новостей, и на рекламные образы. Реклама же, в свою очередь, лучше усваивается в высокоэмоциональных сценах телесериала (равно как и в шоковых новостях). Рекламные вставки, помимо того, готовят почву для восприятия «объективной» информации, убеждают в правдоподобности новостей. Об особой роли телевизионной рекламы мы поговорим в следующей главе.

Отметим, что современные кинофильмы иногда скрыто рекламируют наркотики, используя при этом уже названный арсенал средств: наркоман в фильме часто принадлежит к высшему классу или как-то связан с ним, наркодилером обычно выступает красавец-мужчина с деньгами, окруженный девушками, и т. д. (Маркова, 2005).

Особый интерес представляют экранные воздей-

ствия, подобные «образам от 11 сентября», которые должны изучаться не только как иллюстрации силы прямого телерепортажа, но и в связи с семантикой планетарной имаго-символосферы, создаваемой Голливудом. Его уже следует называть не столько «мировой фабрикой грез», сколько «фабрикой мирового ужаса». В базовой метафоре «американской *мечты*» видна *иллюзорность образа мира* в индивидуальном и коллективном бессознательном американской нации. «Американская мечта» оказалась неспособной противостоять более адекватным действительности образам деструктивного содержания в имаго-символосфере. Тиражируемые десятилетиями апокалиптические образы сработали, и 11 сентября некоторые из них материализовались. Не стоят ли в очередь на «эффект бумеранга» другие образы? Ведь у экранов телевизоров мы видим «бегство в болезнь, в хаос, в бездушие. Характерный сюжет фильмов – завоевание земли инопланетянами: груды трупов, взрывающиеся здания. Здесь неосознанное чувство души как бы облекается в символы и образы, это – прозрение того, что земля завоевана демонами, пришельцами из того неведомого мира, из тех „темных бездн“, которые называются „адом“ и „преисподней“. Это – ощущение того, что некуда бежать, что города – ловушка, огромное „кладбище духа“» (Рафаил

Карелин, архим., 2001, с. 166).

Хотелось бы избежать аналогии с известной идеей Т. де Шардена, согласно которой все человечество вынуждено выражать себя в терминах западной культуры, т. е. избежать самовыражения в образах, созданных на фабриках мелодраматических грез и апокалиптических видений, тем более что подобные образы создаются согласно американским мифологемам («герой американского мессианизма», «заговор против демократии» и др.), неактуальным для других культур. Представленное в глобальном телевещании огромное количество продукции Голливуда можно понимать как символическое проявление сильного влияния в мире американской культуры.

Телевидение – многоплановый канал влияния на наш мир. Важнейшим фактором телевизионного воздействия является духовная экология, – энергоинформационные, «полевые» и даже метафизические ее аспекты (Гостев, 2008, 2010). Телевещание связывает различные пространства, каждое из которых несет свое энергоинформационное содержание. Специалисты в этой связи говорят о психотронном воздействии (Файдыш, 2013). Телевизионное суггестирование предполагает, что через телеэкран различные пространства, в том числе метафизические, попадают к зрителю. Зрители же создают «коллективное по-

ле смотрения и переживания». Подробнее об этом мы поговорим в главе 6.

Неотъемлемый аспект манипулятивного воздействия телевидения – его высокая эффективность в обеспечении социально-политических акций. Изучение политических ожиданий людей позволяет создавать на телеэкране отвечающие им иллюзии. Т. В. Грачева в своих книгах указывает на важное следствие социально-политических манипуляций на телевидении. Когда на человека направлен поток разнородной взаимоисключающей дезинформации, он реагирует на события в мире холодно, цинично, отрешенно, без сопереживания, без внутренней мобилизации к действию. По ту сторону экрана гибнут люди, но это – некая «виртуальная потеря». Создание массовой дезинформации планетарного масштаба на примере событий в бывшей Югославии – тревожный сигнал. Т. В. Грачева также пишет о «политических спектаклях» на российском телевидении, дающих зрителю иллюзию понимания происходящего. Политтехнологами целенаправленно создаются нужные образы политиков. Это происходит как на уровне государств, так и на наднациональном уровне (например, через частные благотворительные организации) (Рябинин, 2009). К этому добавим, что даже развлекательная передача может способствовать продвиже-

нию тех или иных политических идей и проектов.

Итак, телевидение является создателем иллюзорной реальности, информационно-психологическим оружием массового поражения, как удачно выразился С. Кара-Мурза. Искажения действительности в телеэкранном образе очень большие. Люди под влиянием телепередач незаметно для себя меняют взгляды, начинают придерживаться ранее чуждых им ценностей. Манипуляция человеческим сознанием идет в направлении освобождения от заветов взаимопомощи и сострадания (телепередачи типа «Слабого звена» показательны в этом плане). Воздействие телеэкрана на подсознание лишает человека истинной свободы нравственного выбора: он пропитывается духом нигилизма, вседозволенности, «развлекаловки» и прочими проявлениями бездуховности.

В этой связи следовало бы задуматься о следующих вопросах, имеющих в себе междисциплинарное психологическое содержание:

– Насколько люди представляют себе истинный масштаб влияния телевидения и в какой мере они согласны признать это влияние лично на себя?

– Насколько люди понимают зависимость «свободного телевидения» (всей системы СМИиК) от спонсорского финансирования?

Показательно, что на XIII Международном фестивале журналистов «Вся Россия – 2008» доклад известного с советских времен классика отечественного телевидения Г. Юшкявичуса назывался «Телевидение – спецназ, разрушающий Россию». На данном форуме многие его участники выразили озабоченность тем, что телевидение отдает приоритет сомнительным идеям и моральным ценностям, проповедует реализацию низших потребностей человека и т. п. Отмечено, что телевидение является средством массовой *дезинформации*, что оно участвует в информационно-психологической войне против России.

Сказанное больше относится к каналам обычного, общего, государственного телевещания. Многоканальное спутниковое и кабельное телевидение позволяет в определенной мере отстраняться от навязываемых образов, выбирая программы в соответствии с уровнем культурных предпочтений и духовно-нравственного развития. В этом смысле отмеченные отрицательные моменты телевидения смягчаются, однако не устраняются вовсе. Например, остаются энергоинформационные и «духовно-метафизические» воздействия. По независимым телеканалам также может идти специфическое адресное воздействие, хотя телезритель будет считать, что он уже сделал познавательный и моральный выбор и свободен от пси-

хоманипуляции. К выбору каналов подходит уже достаточно «отманипулированный» человек, по крайней мере, человек с определенными мировоззренческими взглядами, социальными установками, в формировании которых участвовали все предыдущие информационно-психологические воздействия.

Отдельной темой является *интернет-телевидение*. Через него можно не только смотреть некоторые телевизионные каналы. Интернет-телевидение создает свою собственную продукцию (видеосюжеты, передачи, интервью, новостные блоки и пр.). Оно доносит до своей аудитории нестандартное знание, не проходящее цензуру других каналов СМИиК, и постепенно, становясь все разнообразнее, отбирает все больше зрителей у телевидения традиционного. А. В. Юревич и Ф. О. Марченко отмечают, что для сетевого телевидения характерна интерактивность (Юревич, Марченко, 2012). Этим завоевывается индивидуальный зритель. Интернет-телевидение реализует тенденции к индивидуализации СМИиК. Отмечается, что от огромных залов, миллионных аудиторий, контролируемых центральных каналов происходит переход к небольшим аудиториям, напоминающим «клубы по интересам», к возникновению сотен каналов, к индивидуальному программированию телесмотрения, к архивированию программ через интернет, к про-

извольному фрагментированию телематериала и, наконец, к индивидуальному производству видеосюжетов, которые могут быть доступны неограниченному числу зрителей. Интернет-телевидение завоевывает зрителя и за счет того, что оно как бы уменьшает дистанцию между создателем и потребителем, ограничивая экспансию официальных массмедиа в жизнь человека, имитирует доверительные отношения со своим зрителем. Предпочтение отдается разговорным жанрам, ток-шоу, уличным опросам, интервью. Отсутствует закадровый голос, который в традиционном телевидении расставляет акценты. Видеоконференции приходят на смену технологиям телемостов. Зрительская аудитория фрагментируется, становится все более избирательной и активной. «Интернет-телезрители» предпочитают короткий, до 5 минут, формат; среди жанров преобладают новости (61 %), фрагменты комедийных шоу (57 %) и анонсы фильмов (51 %). Большинство видеосервисов предоставляют услуги по требованию. Зритель может смотреть то, что выберет, в удобное время и многократно, он может отправить ссылку «сетевым друзьям», комментировать увиденное, отправлять свои видеоролики (в которых сам может стать участником видеосюжета). Интернет-аудитория строится по типу социальных сетей, а сами социальные сети образуют разные

конфигурации, напоминая децентрированные виртуальные ассоциации самих пользователей. В отличие от анонимной толпы зрителей в кинозале или многомиллионной аудитории традиционных каналов, интернет-телезрители находятся в виртуальном контакте с остальными участниками сети, интересуются их мнением и предпочтениями.

Да, это все так, и положительные черты у интернет-телевидения, несомненно, есть. Но надо изучать, не являются ли они иллюзией прогрессивности в сфере СМИиК. Какие новые и, возможно, более тонкие механизмы психоманипулирования информационно-психологическими воздействиями они содержат? Например, за внешне политкорректным стилем изложения могут скрываться особый сарказм и нигилизм, (например, «жесткое творчество» С. Доренко, см.: Семикин, 2012). Иными словами, интернет-телевидение дает хороший дополнительный повод для размышления о тонкостях психоманипуляции.

2.2. Психоманипуляции в кино- и видеопродукции

Относительно кино- и видеопродукции, в принципе, актуально все то, что было сказано о воздействии телевидения, однако не в такой значительной степени, в силу невключенности в энергоинформационное «поле телевещания» и возможности выбора материала для просмотра. Отметим ряд других значимых для нас моментов.

Восприятие кино является активным творческим процессом воссоздания зрителем идей, образов, видения мира, заложенных в кинопродукте. Этот процесс тесно связан с личностью зрителя, с семантикой его картины мира, образов себя, других людей (Петренко, 2010). Личность зрителя определяет выбор фильма (мотивация), его просмотр и оценку (восприятие), последствия просмотра (эффект воздействия) (Кубрак, 2014). Важными для воздействия фильма (даже до его непосредственного просмотра) являются следующие факты: актуальность тематики, популярность актеров, предыдущие работы создателей фильма, а также ситуация просмотра, характер ожиданий зрителей, связанный с потребностью в отдыхе, в эмоциональной разрядке, в эстетических пе-

реживаниях и др. Именно совокупность этих факторов, по мнению Т. А. Кубрак, влияет в том числе и на изменение социальных установок, норм, представлений и поведения у зрителей. Целостность восприятия фильма, понимание его общего замысла в большей степени определяется познавательной направленностью зрителя и может порождать когнитивные последствия. Привлекательность фильма связана с захватывающим сюжетом, хорошими актерами, интересной идеей, спецэффектами, «общим позитивом». Эти характеристики в значительной степени влияют на зрителя, формируя оценки фильма и способствуя силе его воздействия.

Иными словами, на выбор кино- и видеопродукции в значительной степени влияет система мировоззренческих, социально-психологических, политических и иных установок, сформированная в том числе предыдущими информационно-психологическими воздействиями. И здесь важно подчеркнуть, некую предопределенность выбора человеком фильма на основе состояния его духовно-нравственной сферы. Посредством кино- и видеопродукции он соприкасается с образами, влияющими на развитие его личности, – как в плане положительных изменений, так и в направлении личностной деградации.

Важный аспект рассмотрения воздействия кино и

видео связан с тем, что кино становится языком, посредством которого люди могут общаться независимо от своей национально-культурной принадлежности. Но глобализация породила свои проблемы, которые надо учитывать в плане их отражения в образах кинопродукции. Национально-культурное видение этих проблем через призму кино не менее значимо для исследования, чем «общий киноязык». Современные отечественные кинокритики метко говорили о «культурологическом глобализме голливудского Вавилона», «переваривающего» национальные кинематографии.

Говоря об отрицательном воздействии кино и видео с духовно-нравственной точки зрения, особо отметим киноиндустрию боевиков, которые, формируя циничное и жестокое отношение к миру, питая культ «сверхчеловека» и его блуд в широком смысле, наносят огромный вред психике взрослого человека и особенно ребенка. Другими разрушительными темами являются оккультная и парапсихологическая тематика в жанре мистического кино. Набирает обороты и тема гомосексуализма и других сексуальных извращений. Следует также подчеркнуть, что материализация будущих событий «засеивается» в сознание людей образами из блокбастеров. И это вытекает не только из регулятивного аспекта образной сферы

личности. Даже просто названия фильмов на афишах кинотеатров и в кинорекламе оказывают информационно-психологическое воздействие (Кубрак, 2014).

Широко распространены фильмы со сценами насилия. Однако идея о том, что просмотр сцен насилия или проявления агрессии снижает уровень агрессивности в обществе, несостоятельна. Результат идентификации с криминальным персонажем в комментариях не нуждается. В процессе эмоционального отреагирования в духовно-отрицательном информационно-энергетическом поле человек входит в контакт с силами/сущностями, присутствующими в этом поле (Гостев, 2007, 2008 и др.) Вид страданий жертвы лишь провоцирует агрессивность наблюдателя. Не только С. Милгрэм продемонстрировал несостоятельность теории катарсиса экспериментально. Французское телешоу «Игра смерти» также показало, как легко может произойти превращение законопослушного гражданина в садиста и убийцу. Участникам шоу разрешали применять пытки электрошоком за неправильные ответы (актеры весьма правдоподобно изображали боль и даже смерть). И зрители в студии, и игроки спокойно относились к происходящему, как бы не осознавая его бесчеловечности.

Приведем ряд иллюстраций воздействия кино с элементами психоманипуляции скрытыми смыслами.

В американо-французском боевике «Люси» американская девушка Люси, приехавшая на Тайвань, по воле случая становится контрабандисткой, перевозящей наркотики в своем животе. Случилось так, что ее ударяют в живот, пакет с наркотиками разрывается, и в Люси во всей полноте раскрывается потенциал ее мозга. Она выходит на связь с профессором, который занимается темой резервных возможностей человека. Фильм заканчивается тем, что некий сверхкомпьютер считывает все знания о мироздании, имевшиеся у Люси, которые затем передаются профессору. С точки зрения тонкой психоманипуляции в зрителя «впечатывается», например, идея о том, что знания о мире можно получить через психоактивные вещества, что, более того, – передозировка наркотиком «полезна (Шишкин, 2014).

Мощный информационно-психологический удар российским зрителям был нанесен фильмом «Левиафан»[21] (Носиков, 2015). Роман Носиков задается вопросом, почему С. Звягинцев получает мега-премии и чем он отличается от остальных прозападных отечественных «кино-креаклов». Публицист высказыва-

[21] В 2008 г. режиссеру фильма С. Звягинцеву рассказали историю американского сварщика Марвина Химейера, у которого местный цементный завод пытался отобрать дом, после чего он заперся в бульдозере, разрушил здание завода и ещё несколько сооружений, а затем покончил жизнь самоубийством.

ет мысль о том, что киноискусство не осталось в стороне от процесса формирования отношения к русским на Украине. Задача определенных фильмов заключается в показе, что Россия – лишённая надежды, переполненная грехом, захлебывающаяся от отчаяния страна. И поэтому по отношению к представителям «русского мира» позволено всё, тем более, что, убивая людей, их спасают от жизни в «аду – в России». Как же за такое – не наградить? Восторженные (либеральная общественность, радующаяся любой русофобии) и гневные (патриотическая общественность) рецензии свидетельствуют, что фильм не оставил никого равнодушным. Патриотическая часть «всемирной паутины» считает, что фильм лишает зрителя надежды на счастье в России, упрекает в желании выслужиться перед Западом. Критикуется и то, что фильм получил господдержку. Может быть, режиссер и хотел напугать Россию, чтобы она ужаснулась и стала «красавицей и умницей», но получилось глубинно-психологическое обоснование геноцида. Автор фильма, обосновав преступления против «русского мира», стал соучастником политической кампании против Родины. И Роман Носиков жестко завершает статью: режиссера заслуженно можно назвать политруком батальона «Азов»: не надо лгать, прикрываясь «художественной правдой».

Уместно привести мысли Виктора Мараховского (Мараховский, 2015) о важном аспекте воздействия отечественного кино. Он отмечает, что в мировом кинематографе есть мрачное, но великое кино. Приводятся два списка отечественных и зарубежных художественных фильмов. Первый состоит из фильмов, выдвинутых Россией, второй – различными зарубежными странами на премию «Лучший фильм года». Второй список демонстрирует: награждаются фильмы, которые показывают, что даже в беспросветной ситуации всегда можно совершить поступок и победить, что герои побеждают превратности. Зритель переживает и восхищается, наполняется силами и желанием жить. Первый же список свидетельствует о том, что современная отечественная кинокультура исчерпывается «примитивом», «чернухой» и малоинтересными комедиями, что «мрачная беспросветность» – глубоко укоренившаяся традиция отечественной творческой интеллигенции, ее главная тема. Стоит вспомнить, что в советское время снималось кино про преодоление тягот жизни. Но современный российский кинематограф изображает советский период в темных тонах. И это, несомненно, может быть отнесено, как минимум, к непроизвольной психоманипуляции массовым зрителем.

Последнюю иллюстрацию предварю напоминани-

ем того, что мысль, образы, слова, переживания человека материальны в своем воздействии на мир, что содержание образной сферы воплощается в реальность. И потому так опасны воображаемые катаклизмы, кошмары любого содержания. К общей закономерности материализации образного опыта добавляются и влияния отрицательно-метафизические. Относительно мистического кино отметим существующий список «проклятых фильмов» Голливуда (Проклятые фильмы…, 2008). Во всяком случае, феноменология говорит о «метафизике сублиминальных воздействий».

Психоманипулятивное воздействие мультфильмов

Отрицательное влияние зарубежных мультипликационных фильмов на детскую психику и поведение – тема известная. Некоторые авторы (см., например: Абраменкова, 2008, 2012; Маркова, 2005; Медведева, Шишова, 2012) отмечают, что именно под влиянием многих зарубежных «мультиков» у детей возникают сильная скованность, застенчивость, недоразвитость речи наряду с сильной демонстративностью в поведении, кривлянием, неприличными жестами и выражениями. Современная мультипликация не про-

сто деформирует психику, она изменяет ее в определенном (часто осознанном создателями мультфильмов) направлении.

Детские психологи И. Медведева и Т. Шишова приводят следующие примеры подобного влияния на сознание и установки детей. После развала СССР одним из первых мультфильмов, которые стали показывать российским детям, была история о Скрудже Макдаке. Черты его характера противоположны традиционным ценностям русской/советской культуры: он корыстен, расчетлив и эгоистичен. Но именно такой образ преподносится как положительный. Понятно, что, полюбив этот мультфильм, дети будут, как минимум, терпимее относиться к индивидуалистическим ценностям, а как максимум – сами станут претворять их в жизнь.

Герои мультфильмов «Бивис и Баттхед» были первыми персонажами, которые стали приучать западную, а затем и российскую аудиторию к диким моделям поведения. Дети повторяют то, что видят на экране, и подражание «мультяшному герою» ломает что-то в ребенке. «Зверские» образы дают привыкание к зверству в окружающем мире. Многие мультфильмы формируют не свойственные детям агрессивные установки и модели поведения. Показательно, что после просмотра таких мультфильмов многие дети отка-

зываются смотреть отечественные, рассчитанные на «естественно-детское» восприятие.

Различные «покемоны»[22] (pocket monsters, т. е. «карманные чудовища») и «телепузики» взращивают в детях демонстративность поведения, закладывают наклонности к шокирующим или аморальным действиям, дебилизируют ребенка, затормаживая развитие (Абраменкова, 2008; Маркова, 2002). Повторяющиеся замедленные действия (шествие зверей, движение кораблей и т. п.) формируют тягу к экрану и некритическое восприятие информации. Телепузики поощряют смену пола (переодевание в платьица), внедряют невосприимчивость к опасности, закладывая модели рискованного поведения[23].

---

[22] В 1997 г. в Японии зарегистрирован случай массовой телеэпилепсии детей (конвульсии, потеря сознания, временная слепота, рвота, трудности с дыханием) в результате просмотра завоевавшего необыкновенную популярность у японских детей мультфильма «Покемоны». Сотни детей были госпитализированы, тысячи не смогли пойти в школу из-за головных болей. Заболевание было вызвано чередованием на экране красных и белых бликов с частотой 10–30 мельканий в секунду. Телесериал был спешно снят с эфира по всей стране и изъят из видеопроката.

[23] Вот телепузик качается на качелях. За кадром говорится: «Ляля качается». Потом телепузик падает, встает и опять качается, а голос проговаривает это. Утверждается «беспроблемная» связь качелей и падения с них, которая в реальности может обернуться серьезными травмами. На призыв «Пора спать» телепузики прыгают в люк в холме, который ассоциируется с уютным домом; образ люка становится положительно окрашенным, и в жизни кто-то может последовать за любимым персо-

Укажем и на внушаемые с экрана ненависть, отвращение к детям. Так, в сериале «Ох, уж эти детки», например, младенцы представлены омерзительными существами, вытворяющими «жуткие пакости». И дети переносят возникшие под воздействием экрана чувства на реальных младенцев. Заметим, что манипулятивность задаваемых образов и социальных установок понятна с точки зрения глобальной программы «планирования семьи», нацеленной на уменьшение населения планеты.

Отметим также развиваемую во многих мультфильмах тему цинизма, неуважения к родителям и старшим у подростков, глумления над старостью, болезнью (например, сериал «Симпсоны»). Программа девиантного поведения успешно закладывается в фильме «Улица Сезам». В фильме «Kids Next Door», например, дети объединяются против взрослых всего мира и борются за то, чтобы не чистить зубы, не мыться, чтобы не существовало младших братьев и сестер. Девочки подражают кукле Братц – дерзкой и наглой, «прожигающей жизнь» на тусовках. Следует добавить то, что интерес к подобным персонажам активно поддерживается через торговлю соответствующими игрушками (Абраменкова, 2012).

Есть мультики, в которых содержится пропаганда

нажем.

наркотиков. Так, в «Гриффинах» кокаин оказывается «вкусным, как торт». Упомянутые «Симпсоны», по сути, выступают за легализацию марихуаны (толпа, например, «повелась» дымом от подожженной марихуаны). Отмечены и мультфильмы, в которых психоделическая музыка ведет к измененным состояниям сознания. Через просмотр некоторых мультиков ребенок соприкасается и с сатанинскими обрядами, с кощунством относительно христианских ценностей (Старикова, 2009, с. 98–116).

Следует отметить, что известные в России и любимые детьми сериалы могут быть порождением «наркотического бреда». Руководство BBC разрешало своим сотрудникам употреблять наркотики и галлюциногены для стимуляции «нестандартного мышления» (Сотрудники…, 2009). Понятно, почему детские передачи BBC вызывают вопросы своим странным содержанием, почему «телепузики» пропагандируют гомосексуализм (это в 2007 г. решили официальные власти Польши).

Обсуждаемым вопросом являются многочисленные псевдообразовательные «развивающие» DVD, мелькающие картинки которых не содержат подчас никакого обучающего эффекта. Генеральный директор психологического центра «Квартет» детский и подростковый психолог кандидат психологических на-

ук А. Сорин, например, настроен к ним достаточно скептично.

В заключении раздела отметим, что сегодня появилась возможность создавать и собственные «мультики» (flash-анимация), и это отдельный предмет для научного осмысления в плане проблемы психоманипулятивных воздействий, в данном случае манипуляций с самим собой в том числе.

2.3. Интернет: информация и «дезинформационная паутина»

О влиянии интернет-сети на человечество существуют противоположные мнения. Интернет объединяет мир, дает уникальные возможности доступа к знаниям (через электронные библиотеки, телеконференции и пр.), в положительном смысле меняет механизм получения и переработки информации человеком, создавая среду для диалогичности и полилогичности, – в частности, при обсуждении каких-то вопросов на форумах. С другой стороны, уже сам термин «всемирная паутина» рождает далеко не светлые ассоциации. При таком количестве информации и той огромной скорости, с которой человеку надо принимать решения, просто не может быть ее достоверной оценки[24]. Отрицательная роль интернета видится

[24] Происходит скачкообразный нелинейный рост количества сайтов и блогов. Например, в конце февраля 2009 г. в интернете работали 224749695 сайтов и блогов, и это на 9 миллионов больше, чем в январе. Что произойдет, если информационный прессинг усилится в последующие годы в такой же или большей степени? Если поискать аналогичные данные сегодня, то они, несомненно, впечатлят. Главное же, что из этого вытекает: адаптация человека к неслыханному росту количества информации будет покупаться ценой ее все более поверхностной ее переработки.

в создании виртуальных реальностей, отчуждающих человека от действительности и уводящих в мифологизированную иллюзорную внутреннюю реальность. Эта реальность не только претендует на интерпретацию внешних событий, но и способна сама создавать события через материализацию образов, ложной интерпретацией порождаемых. Доказано, что интернет-общение разрушает естественные связи между людьми, непосредственные контакты. Жизнь «в чатах», в странствиях по сети[25] не дает людям того, что возникает в непосредственном общении, – например, искренности и глубины чувств, сопереживания[26]. Действительно, насколько, например, человек остается самим собой и сохраняет необходимую искренность для общения, когда он представлен виртуальным персонажем?

Информационно-психологическое воздействие интернета проявляется и в том, что он лишает людей отдыха: даже в отпуске человек часто остается в «паутине». Поэтому по сей день актуальны появившиеся с начала интернет-эпохи разговоры об усилении фено-

---

[25] «Интернет-сёрфинг» – бесцельное блуждание по сети, перескакивание с одного сайта на другой – является формой зависимости.

[26] Каждый час пользования интернетом в неделю сокращает прямые личные контакты пользователя на 2,7 % и увеличивает на 1 % его «депрессивный потенциал» (Кара-Мурза, 2000).

мена интернет-зависимости, особенно проявляющейся в играх, виртуальном общении и т. д.

Дети и подростки редко целенаправленно пользуются интернетом для интеллектуального развития. Более того, от долгого пребывания в сети уменьшается их способность сосредотачиваться, усиливается навык переключения внимания (социальные сети, компьютерные игры, музыкальные клипы). Подростки стараются использовать компьютер для развлечения. Под воздействием интернета чтение стало поверхностным, «просмотровым»; внимание рассеивается уже после нескольких страниц. Даже на научных сайтах люди часто перепрыгивают с одного текста на другой.

Между тем, психоманипулятивный потенциал «паутины» может быть уменьшен созданием сетевого Кодекса этики интернета и его правовых основ. Существуют ли в сети границы приемлемого выражения себя? Интернет начинался как зона свободного самовыражения. Но сегодня он, став массовым, дает коммерческий результат, и к нему, соответственно, увеличились требования.

Тема регулирования сети – правового и нравственного – является реакцией на общественный запрос. Люди заговорили о неприемлемых формах самовыражения в сети. Так, существуют крупные полити-

ческие и общественные интернет-форумы (как при крупных массмедийных структурах, так и самостоятельно), в которых люди анонимно и порой очень агрессивно обсуждают различные социально-политические вопросы. Имеют ли право люди на «виртуальной территории» писать все, что им «взбредет в голову» (тем более если она больная), клеветать, оскорблять, издеваться[27]? Ведь подобное выступает конфликтогенным фактором, порождает широкий спектр самых разнообразных проблем – от межличностных ссор до международных скандалов. Из виртуального www-пространства политизированный «праведный гнев», человеконенавистничество злобных карикатур, слоганов и пр. входит в реальную жизнь и питает возрастающую атмосферу враждебности, непримиримости на планете. Манипуляция может совершаться через строгость модерации и некоторые ее особенности на конкретных сайтах.

Следует отметить, что негативные с точки зрения нравственности социальные явления часто подаются в сети рядом с образами успеха, «крутизны», «гламурности». Для усиления психоманипулятивно-

[27] Е. Старикова указывает на нарушение этических норм в молодежной интернет аудитории. Так, существует сайт «дети-отбросы», на котором можно создать собственного «мерзкого отброса». Можно поиграться с модификацией «плюшевых мишек», создавая любые образы, – например, мишки, пытающего кота утюгом, и т. п.

го эффекта используется специальная лексика (слова «любой», «каждый», «большинство»), которая способствует убеждению молодых людей в «нормальности» культивируемых ценностей. Перекодируются значения слов, традиционно обозначающих отрицательное: «Беспорядок в квартире демонстрирует свободу», «Быть плохой девчонкой – это хорошо» и т. д. Соответственно, даются советы, как «разбудить в себе дрянную девчонку», «стать стервой»; отмечается, что достичь идеала «плохой девчонки» может даже самая правильная и стеснительная девушка (Старикова, 2009).

Отметим также легкость, с которой человек может непроизвольно оказаться на сотнях сайтов, пропагандирующих наркотики. Укажем и на влияние сайтов, связанных с конкурсами красоты, на рост педофилии в обществе. Часто именно детские модельные агентства вовлекали девочек в проституцию. Соответственно, опасность педофилии усиливается ранним половым просвещением в интернете. Особо подчеркнем размещение в сети видео хулиганских действий: погромов, поджогов, нападений на людей, убийств, пыток.

Значимый аспект психологии интернет-пользователя связан с его отношением к блокировке в сети определенной информации, например, научной.

Мировое научное и культурное наследие в печатных текстах постепенно закрывается от людей частными корпорациями: некоторые научные статьи можно прочитать только за деньги. Психоманипулятивная составляющая данного вопроса очевидна: информация дает власть (как известно «Знание – сила»), и есть желающие обладать этой властью эксклюзивно. Но существует «движение свободного доступа», которое борется за право ученых свободно публиковать свои работы в интернете. Показательна история американского интернет-активиста Аарона Шварца (Левин, 2014), покончившего жизнь самоубийством в 2013 г. в ожидании суда, который мог приговорить его к тюремному заключению за скачивание научных статей и размещение их в свободный доступ. Такое перекачивание научной информации не являлось для него «пиратством», это был нравственный императив. Снабжать же научными статьями только элитные университеты и принуждать научных сотрудников платить деньги за чтение работ коллег он считал недопустимым.

Яркий вариант интернет-манипуляции – персональная (под пользователя) подгонка информации в поисковых системах, социальных сетях, СМИ-сайтах, т. е. создание фильтров информации, чтобы пользователь получал лишь то, что соответствует его миро-

восприятию (Берд, 2011). Это, по сути, является чем-то большим, чем просто цензура информации в сети. Запрошенную информацию автоматически подменяют похожими по смыслу сообщениями, лишая человека возможности видеть «некомфортные» противоположные точки зрения. Разным людям на один и тот же запрос поисковик предоставит в значительной степени разные подборки ссылок, – например, об актуальных политических событиях. Интернет-фильтры сегодня более понятны после разоблачений АНБ в США – организации, располагающей встроенным в «Windows» доступом для входа в личные компьютеры.

Зависимость от сети

Это одна из главных проблем в изучении информационного воздействия интернета. Тревога по поводу эйфории человека от пребывания в нем, навязчивого желания находиться в сети, неспособности выйти из «всемирной паутины» возникла еще в середине 1990-х годов. Непрерывный навязчивый поиск информации в сети был назван «информационным вампиризмом». Он связан с уклонением от социальных контактов с близкими, родными, друзьями, с резким снижением социальной адаптированности. Люди, «зависающие»

в сети по любому поводу, находятся в измененном состоянии сознания, схожем с состоянием транса. Выходя в реальность, в которой невозможно испытать тех эмоций, которые имели в сети, они стремятся как можно скорее вернуться в виртуальный мир.

Интернет-зависимость особенно сильно проявляется у игроков и у тех, кто пребывает в виртуальном общении. Конечно, понятно, что и у взрослого человека сохраняется потребность проявить своего «внутреннего ребенка». Но в интернет многие убегают от реальности, чтобы иметь возможность самолюбования, псевдореализации, «победы над врагами», чтобы доказать чужую неправоту на форумах, проявляя, в частности, агрессию, т. е. в целом чтобы создать для себя иллюзию востребованной личности. И это держит человека в «паутине», ибо она реализует иллюзорный психотерапевтический эффект.

Говоря об интернет-зависимости, надо понимать, что интернет строит интерактивную виртуальную реальность, с которой можно взаимодействовать. Экран компьютера дает возможность псевдоуправления ситуацией на нем – иллюзорное могущество, «игру в жизнь». Исследователями подчеркивается (см., например, Акопов, 2008), что симбиоз виртуальной реальности и объективной действительности рождает чувство глубокой вовлеченности в возникающие об-

разы. Могут возникать измененные состояния сознания, галлюцинаторные переживания, психопатологические расстройства, провоцирующие агрессию не только по отношению к персонажам виртуального мира, но и к реальным людям. Это происходит в соответствии с неосознаваемыми и непроработанными сторонами «низшего Я» человека, с «греховными зацепками» в его душе, и во многом объясняет, почему интернет-зависимость порождает депрессию, тоску, злобное настроение, замкнутость, угрюмость, инфантильность.

Полезно знать предвестники и признаки интернет-зависимости. У детей они следующие: стремление регулярно проверять электронную почту, увеличение длительности компьютерных сеансов, нежелание отвлечься от компьютера (на домашние дела, школьные задания, спорт, общение с приятелями, на еду), приуменьшение времени, проведенного за компьютером, чувство эйфории даже от одного только предвкушения работы на компьютере, увеличение количества денег, тратящихся на компьютер, пренебрежение здоровьем и личной гигиеной, сужение круга общения (там же, с. 144–145).

Социальные сети интернета ставят перед психологами свои задачи исследования. Например, полезным было бы изучение развития комплекса неполноцен-

ности и ревности к успехам виртуальных друзей. Надо понять и то, почему некоторые люди не могут спать из-за желания проверить обновления в «Одноклассниках», почему не могут отключить компьютер, даже осознавая приносимый им вред. Отмечено снижение социальной адекватности под влиянием сетевого общения. Интересен факт положительной корреляции между компьютерной зависимостью детей и телевизионной зависимостью родителей (Юренкова, 2012).

Первые исследования социальных сетей во многом строились на парадигме опасности интернет-зависимости, онлайн-угроз. Отметим, что, когда появились телефоны, также активно говорили об их вреде естественному человеческому общению (Социальные сети…, 2012). Но сегодня многие исследователи стали избегать резких суждений об опасности «жизни онлайн». Она – рискованный, но, к сожалению, для многих детей и подростков неотъемлемый элемент. Для последних – это новая среда для взросления, позволяющая учиться использовать ее для расширения навыков общения со сверстниками, познания мира, самоидентификации. Также отметим, что анализ информационного взаимодействия в сети дает возможность выявлять проблемы у людей всех возрастов. Соответственно, возникает возможность поддержки человека близкими людьми. Например, задачей родителей мо-

жет быть помощь детям в избегании опасностей новых средств общения, в защите их от агрессии, травли в сети, снижение рисков совершения ошибок, хотя, конечно, это довольно сложно.

Интернет-общение, и в том числе интернет-зависимость, должны стать объектом научного исследования. Есть мнение, что понятие «интернет-зависимость» (Войскунский, 2001; Асмолов, Цветкова, Цветков, 2004; и др.) выходит из употребления, поскольку диагноз придется ставить слишком большому числу людей в мире. Одновременно множатся и формы активности в сети: это, например, может быть бизнес, обучение, online консультации, различные голосования и пр. Целесообразно говорить о разной степени погруженности человека в интернет, о видах профессиональной деятельности, которые он обеспечивает (Алмаев, Сордия, 2014).

Важной психологической проблемой является изучение личностных изменений пользователя. Интернет-среда воздействует на людей неодинаково, и, соответственно, интернет-зависимость имеет свое дифференциально-психологическое измерение. Н. А. Алмаев и Г. М. Сордия указывают, что «вытеснение реальности виртуальностью» влияет не только на общее отношение к себе (2014, с. 75-93). Для лиц, глубоко погруженных в интернет-среду, характерны уси-

ление нетерпимости к чужому мнению, ослабление восприятия другого человека как равного себе. Пребывание в сети усиливает «эрозию верхних слоев личности»: возникает гипертрофированное желание превосходства, обнажаются этнические, классовые и прочие идентификации личности. Радикализации взглядов человека способствует высокая стереотипизация социального восприятия в сети. Повышенная личностная тревожность и нарциссизм помогают погружению в интернет, тогда как восприятие другого человека как равного себе препятствует сетевой виртуализации. Люди, характеризующиеся большей полезависимостью и худшими показателями решения интеллектуальных задач, погружены в сеть больше. Авторы отмечают, что при формировании массового тренда (информационно-психологического «поля» воздействия в сети) возрастает подверженность психоманипуляции.

Следующий важный аспект – изучение психологических последствий от масштабности и изощренности контроля в сети. Проект «светлого будущего» глобального сотово-сетевого информационного общества (о котором мы будем говорить в главе 6) предполагает сбор конфиденциальных данных. Достаточно указать на события вокруг Эдварда Сноудена, чтобы понять, что пророчества Оруэлла, Хаксли, Брэд-

бери о «Большом Брате» становятся реальностью. В то же время я хотел бы обратить внимание на проблему самопоказа человеком себя в сети, – в частности, на содержание, степень подробности такого самораскрытия, на его психологические особенности, этические аспекты и пр. При глубоком самораскрытии применение специальных программ слежения в сети становится ненужным.

В вопросе «сетевого эксгибиционизма» следует отметить следующее. С одной стороны, мы имеем естественную для человека и социально приемлемую реализацию его потребности рассказать о себе, представить себя миру. Не все, кто ведет блог и общается в сетевых коммуникативных ресурсах, описывают подробности личной жизни. В сети люди чаще обмениваются новостями, мыслями, фотографиями и пр. С другой стороны, в соцсетях нередко люди дают о себе излишнюю служебную информацию, а порой и сугубо интимную. Каждое действие в интернете так или иначе является публичным, но человеку кажется, что он сохраняет приватность. С психологической точки зрения важно понять, почему люди добровольно и с удовольствием раскрывают тайны своей и чужой личной жизни. Почему они не понимают, что такое тайна личной жизни? Почему подавляется даже чувство самосохранения? Почему не видится нравственная подо-

плека этого, ее сродство эксгибиционизму и подсматриванию? Что еще скрывается за желанием стать «сетевой знаменитостью»? (Акопов, 2008).

Отмечая положительные характеристики использования сети (общение, особенно для инвалидов, самообразование, развлечение), А. Ю. Акопов указывает на общий негативный момент – «радость аутиста», получившего возможность доверить «паутине» свои тайны, даже зная, что они могут быть доступны другим. И это важный вопрос темы интернет-зависимости.

Интернет в политических психоманипуляциях

Интернет все более широко используется в манипуляции политическим сознанием. События в мире за последние годы показывают, как сеть используется для организации «оранжевых революций», конкретных политических акций во многих странах (в главе 4 читатель найдет многочисленные тому иллюстрации). Для привлечения внимания к любой новости в интернете, в том числе и к сфабрикованной политической новости, используются особые приемы, в частности, формулировки, сочетания текста и образов.

Собирая данные о пользователе, социальные се-

ти могут предложить сведения, подталкивающие его, например, к участию в определенных политических событиях. В качестве примера укажем на роль интернета в политических событиях «арабской весны» 2010 г., в частности, в Египте (в этой стране информационным посредником-организатором был Твиттер), на украинском Майдане в 2004 г. и в 2013–2014 гг. и др. Сегодня активно разрабатываются технологии «теневого интернета», которые позволят оппозиции в различных странах координировать свои действия в случае социального контроля и отключении интернета и сотовой связи (США создадут…, 2011). Подробнее этот вопрос будет обсуждаться в главе 6.

Важным показателем информационно-психологической войны в сети выступают *информационные вбросы, которые будем понимать как преднамеренное дезинформационное манипулятивное воздействие на интернет-аудиторию со стороны определенных субъектов*. Вбросы в основном связаны с постоянной публикацией (размещением в сети) скандальных новостей. Но важны и другие критерии их различения от иных новостных потоков. Известный специалист в области интернет-технологий Игорь Ашманов предлагает анализировать все интернет-публикации по конкретной теме и прослеживать то, как новость возникла и какой путь прошла, пока не ста-

ла масштабно обсуждаемой (Мацан, Ашманов, 2012). Признаком вброса является характер освещения события в сети. Одно дело, когда разные авторы из разных мест в разное время пишут разные вещи. Суточный же манипулятивный вброс выглядит иначе – много «авторов» перепубликовывают практически одно и то же и зачастую в одно и то же время (часто это 9: 00). Т. е. вброс подготовлен накануне – созвонились, списались с блоггерами, раздали деньги. Если подготовка проводилась с утра, то вброс происходит после обеда. Иными словами, признаком вброса выступает соотношение количества перепечаток и оригиналов авторских сообщений о событии. У вброса оригиналов очень мало, много копий, у реального же события оригиналов много. Про него пишут много корреспондентов, не знакомых друг с другом. Было установлено, что вбросы в течение недели могут быть представлены волнистым графиком. Это показывает, что как только какая-то информация себя изживает, вбрасывается новое сообщение, которое приводит к следующему пику ее тиражирования.

Признаком вброса является также характер аккаунта в социальной сети. Часто он начинается с малопопулярных аккаунтов. Например, некто «Вконтакте», размещая фотографии кошечек, несколько месяцев изображает реальный аккаунт. И вдруг здесь же

появляется эмоциональный политический текст, который затем широко копируется, а через несколько часов аккаунт закрывается. Если малопопулярный аккаунт провоцирует резкий взрыв интереса, ясно, что на эту страничку указали: установили контакт, вбросили ссылку в другую социальную сеть и т. д.

Используется и другой вариант развития событий: новость вбрасывают некие анонимные блоггеры, в соцсетях ее подхватывают, начинают обсуждать, делать выводы. Запущенный ментальный вирус провоцирует «сетевую болезнь» – страшную возбудимость на любую новость по данной теме. Человек говорит штампами, услышанными от других, с той же аргументацией, с теми же выводами, но подает это как собственное мнение[28]. Затем массмедиа подхватывают информацию и делают новость («В интернете пишут, что…»). Так вброс «раскручивается» и доходит до газет и телевидения. При этом массмедиа снимают с себя ответственность: уже не надо проверять источники информации (они лишь пересказывают сообщения).

[28] На основе всех этих признаков, отмечает Игорь Ашманов, информационную кампанию против Русской православной церкви можно считать информационной атакой (Мацан, Ашманов, 2012).

Мобильные средства связи

Отметим существование еще одного экранного манипулятора – мобильного телефона, имеющего подчас очень привлекательный вид (красивый экран, виртуальные начинки, связь с интернетом). Подчеркнем, что сегодня его технические возможности стали намного шире, чем несколько лет назад, и содержат новый потенциал для информационно-психологических воздействий. Мобильный телефон – уже не просто переносной телефон: этот маленький приборчик гармонично влился в изменение жизни и общения современного человека. На нем можно играть в игры, выйти в сеть, скачивать информацию, общаться в чатах.

У многих возникает зависимость от сотового телефона. Широко известны страх остаться без мобильного телефона или вдалеке от него (номофобия), «фаббинг» («телефонное залипание»), разрушительное влияние просмотра сообщений во время разговора.

Отмечают следующие признаки зависимости: высокая степень удовольствия при пользовании (приятно держать в руках, любоваться, листать меню и т. д.), невозможность обходиться без телефона (плохое настроение, потерянность, ощущение ущербно-

сти), увеличение числа и длительности разговоров, наличие нескольких сотовых, желание постоянно звонить и отвечать на звонки, широкое использование виртуальных приложений (Акопов, 2008, с. 154–156).

А. Ю. Акопов отмечает, что мобильные телефоны могут представлять угрозу обществу. Это и помеха вождению автомобиля, и социально-психологические аспекты «болтовни по сотовому» (демонстративное привлечение к себе внимания и выражение пренебрежения к окружающим при якобы невольном «посвящении» их в свои проблемы). Такие громкие, пустые, вульгарные разговоры неэтичны. Пользование телефоном может привести и к виктимным последствиям (привлечение преступников).

Отдельной темой является sms-безопасность. Смс-сообщения участвуют в мошеннических схемах вымогания денег (например, в связи с «призами», для получения которых надо выслать деньги). Смс-реклама типа «знакомство по-взрослому» с большой вероятностью является посланием педофилов и пр.

2.4. Видеоигры как информационный наркотик

Данный вид «экранных манипуляторов» создает наиболее сильный разрушительный поток фантазий. Экранный образ соединяется с активным зрительно-моторным участием в игровой деятельности. Видеоигры поэтому очень успешно задают представления о мире, аморальные установки и модели поведения. Персонажи видеоигр воздействуют на внутренний мир личности. Видеоигровые образы, связанные с насилием, агрессией, аморальными чувствами, прочно впечатываются в память и могут породить агрессивное поведение в реальной жизни. Считается, что люди, играя в виртуальном пространстве, как бы сбрасывают агрессию. Но агрессия переходит в реальный мир – «мысль материальна», и образная сфера личности также материализуется (Гостев, 2007). Показано, что после месяца постоянных игр агрессивного содержания испытуемые существенно изменяли свои оценки распространенности в мире определенных преступлений, прототипы которых имели место в виртуальном мире (Латынов, 2014а, с. 22). Во множестве компьютерных игр добровольно нарушаются социальные и моральные нормы. Растет статистика

случаев, когда подростки, «наигравшись до одури», убивают людей, подражая виртуальным героям (Кара-Мурза, 2000; Гостев, 2008)[29].

Отметим, что компьютерные игры создавались с целью снять отвращение к убийству у американских солдат (многократное убийство на экране помогает снять внутренний запрет с этого действия). И со своей задачей игры хорошо справлялись. Г. Киссинджер както высказывался, что компьютерные игры – инструмент психологического воздействия. Он выражал удовлетворение, что американская молодежь прекрасно разбирается в играх-боевиках. Действительно, игры задают модели будущего поведения. Так, игра «Call of Duty Modern Warfare 3» отражает ближайшее будущее человечества. Этой игрой современные дети программируются на то, чтобы быть хорошими солдатами.

Компьютерные игры работают и с историческим сознанием. Например, игра «Company of Heroes 2» посвящена событиям на Восточном фронте во время Второй мировой войны. В ней советские войска изоб-

[29] Убийства на основе подражания компьютерным героям совершают не только подростки. Норвежский преступник Брейвик, совершивший теракт в 2011 г., был фанатом игры World of Warcraft. Спустя год после норвежского теракта московский юрист, активный поклонник изобилующей сценами насилия игры (Manhunt), совершил преступление в офисе своей компании.

ражены крайне негативно: они добивают пленных, сжигают деревни с мирными жителями, используют солдат как «пушечное мясо».

Понятно, что очень сильно видеоигры влияют на детей: игровое поведение имеет особый статус для них. Компьютерные игры более глубоко, чем другая экранная продукция, задействуют фантазию ребенка, более прочно задают установки и модели поведения. Многие игры различаются исключительно по степени аморальности, обеспечивая свободу выбора лишь форм жестокости и «кровавости»[30].

Некоторые люди и даже специалисты-психологи полагают: человек, понимающий, что он действует в виртуальном мире, переносить из него события в мир реальный не станет. Но знания о закономерностях формирования социальных установок позволяют говорить о наивности подобного мнения. Человек с неизбежностью будет переносить виртуальное в реальное – вследствие единства психического отражения-регулирования на уровне вторичных обра-

[30] Герой может стрелять в монстров, а может и в медсестер, как в популярной игре Postal 2, запрещенной во многих странах. В игре Half Life 2 действие происходит в некоем городе (на стенах домов – афиши на русском языке), жители которого – союзники «телепортировавшихся монстров». Играющий управляет симпатичным парнем, который убивает монстров и «плохих русских», задавая установку на приход «хороших парней».

зов (Гостев, 2007). «Глаза компьютерного героя» работают на чувство реальности происходящего, т. е. через идентификацию с героем подчас происходит идентификация с совершением злого кровавого действия. А потому правомерно задаваться вопросами о психологических и духовных последствиях такого переноса на сознательном и неосознаваемом уровнях. Без последствий не остается даже принятие игрового псевдоимени (известно, что любое имя влияет на личность) или отождествление себя с виртуальной куклой.

Е. Старикова приводит хорошие примеры влияния ряда известных игр на сознание детей и подростков (Старикова, 2009). Вряд ли не оставят следа в душе ребенка игры, в которых игрок устраивает гадости учителям, одноклассникам, коллегам по работе, начальнику, «приносит в жертву людей», демонизирует сознание архетипом смерти, доступом к черной магии, оккультными символическими действиями, делает много других аморальных вещей. Речь идет, в частности, об играх «Оторва», «Оторва в школе», «Жертвоприношение», «Аль Капоне», «Miss Bimbo», «Doom Ultimate», «Quake», «Hexen».

Поэтому следует особо подчеркнуть феномен отрицательного духовно-нравственного влияния в игровой зависимости. Игрок – исполнитель чужой воли, в

том числе и метафизического характера. К влиянию игр применимо также все, что в книге говорится об использовании субсенсорных воздействий и символики (см. главу 3, а также, например: Гостев, 2008; Файдыш, 2013).

Специальная тема – игровая страсть, усиливающаяся и проявляющаяся в зависимости от особенностей игровой активности и вовлеченности в игру. Привязанность к видеоиграм на уровне страсти – болезнь, психическое расстройство. Игровой азарт особенно выражен у детей за счет их эмоциональности и непосредственности. А. Ю. Акопов отмечает, что сосредоточение на компьютерных играх деформирует у человека конструктивное целеполагание в реальной жизни: эти цели остаются на периферии интересов личности (Акопов, 2008). «Виртуалоголия» способна довести человека до истощения, блокировать личностное развитие (такие люди становятся черствыми, жестокими, некоммуникабельными). Мотивация перехода на следующий игровой уровень при наличии виртуального аморального действия вряд ли полезна людям для личностного, духовно-нравственного развития. Показано, что мозг реагирует на виртуальные сцены насилия так же, как на реальную жестокость. Молодые люди, имеющие компьютерно-игровую зависимость, обладают заниженной самооценкой, у них

плохие отношения с родителями и сверстниками, присутствует склонность к наркотикам и алкоголю. При приеме наркотика (их принятие при игре стало популярным) возникает эффект двойной наркотизации. Нередкими стали и смертельные случаи в среде игроманов. Еще в 1993 г. в Англии от психического расстройства из-за компьютерной игры (а они в то время были более примитивными) умер 14-летний подросток. Поэтому даже 2–3 часа, проведенные за игрой, имеют негативные последствия для психологического здоровья человека. С увеличением же этого времени возрастает вероятность «духовного инфицирования». Показательно, что многие опытные православные священники могут «на глаз» определить, увлекается ли ребенок видеоиграми или нет. «Бесоодержание» активно играющих детей и подростков иногда обнаруживается при «отчитках» – «темный дух» может даже сообщить, из какой игры он вошел в человека и за какие поступки (грехи).

С духовно-нравственных позиций отметим синдром «тамагочи»: забота о «телепупсиках» становится имитацией человеческих чувств, ложным самоутверждением (Акопов, 2008, с. 159). И хотя «тамагочи» уже вышли из употребления, общая потребность продолжать «игру в заботу», может остаться и длиться месяцами, влияя на проявление реальной заботы ребенка

о своих ближних.

Во властных структурах, похоже, начали осознавать деструктивное влияние компьютерных игр на человека. В Госдуме обсуждалась возможность создания экспертного совета, который будет ограничивать доступ к жестоким или непатриотичным компьютерным играм, пресекать искажение в них исторических фактов. Эксперты, однако, скептически отнеслись к подобным инициативам. В этой связи укажем на проблему улучшения имиджа России в среде геймеров. Помимо тематики Великой Отечественной войны предлагалось, например, использовать отечественное культурное наследие. Но отечественные игры часто получают разгромные оценки. Почему же не получают подобных оценок популярные зарубежные игры, действие которых происходит в России? Так, в немецкой «бродилке» «Ulitsa Dimitrova» разворачивается история семилетнего бездомного Петра из Санкт-Петербурга, страдающего от никотиновой зависимости, а потому ворующего и попрошайничающего на сигареты. А в игре «Call of Duty: Modern Warfare 2» предлагается расстрелять мирных пассажиров аэропорта «Шереметьево». В игре «Sniper Elite» игрок-снайпер (американец) массово отстреливает в Берлине 1945 г. советских солдат. Комментарии, как говорится, излишни.

Справедливости ради отметим и положительные моменты компьютерной игровой деятельности. Помимо уже выделенного – это развитие внимания, повышение скорости реакции в некровавых «игралках», тренировка зрительно-моторной координации и пр. Показано, что в виртуальном мире игры ослабевает боль (Виртуальные игры…, 2010). Воздействие виртуальной реальности на снижение активности «болевой матрицы» мозга было сопоставимо с влиянием опиоидных анальгетиков. Погружение пациента в мир компьютерной игры позволило снизить болезненные ощущения на более чем 30 %. Например, игра «Снежный мир» снижает интенсивность боли при ожогах. Но польза может оказаться очень сомнительной. Уход в виртуальность имеет свои духовно-нравственные последствия, о которых в данной монографии много говорится.

* * *

Итак, изучение психоманипулирования внутренним миром личности через различные виды экранных образов актуально, теоретически и практически значимо, однако проблема исследована недостаточно. Необходимо исследование эффекта суммарного влияния всей имаго-символосферы общества по всем ин-

формационным каналам, т. е. всех видов экранных образов с раскрытием специфики их взаимодействия при оказании воздействия на человека.

Следует особо учитывать, что переживание теле-видео-компьютеро-образов дает человеку чувство слияния с «миром за экраном», тем самым изолируя его от внешнего мира. Все чаще расширение образного опыта происходит через иллюзорную реальность, куда и убегает человек – телезритель, «интернетонавт», видеоигрок. Пора ставить вопрос о кумулятивном эффекте всех рассмотренных в статье негативных аспектов экранной манипуляции. Многоликий экран в целом, в многоплановом своем воздействии, является мощнейшим средством насаждения и усиления в людях потребностей «низшего Я», всего «недолжного» и неполезного для развития личности («комплекса» греховных страстей, в терминологии христианской антропологии). Это определяет «духовное одичание» человека, а у некоторых людей, говоря святоотеческим языком, – «скотоподобие». Современная информационная среда в своем суммарном влиянии подталкивает человека в этом направлении. Наглядным примером «оскотинивания» людей являются все «застекольные шоу».

Осмысление синергии всех элементов имаго-символосферы, соответственно, должно включать духов-

но-нравственные и метафизические аспекты. Особое внимание следует уделить психоэнергетическому «инфицированию» внутреннего мира личности через различные «экран-пространства» (на осознаваемом и неосознаваемом уровнях), включая участие отрицательных метафизических сил. К этой теме мы вернемся в главе 6, углубив понимание психоманипулятивного потенциала экранного образа.

Глава 3. Воздействие рекламы

Мне нравится смотреть по сторонам, любуясь открывающимися видами и пейзажами, но я еще никогда не видел, чтобы рекламный щит украшал пейзаж. Там, где все вокруг радует глаз, человек совершает отвратительную мерзость, воздвигая рекламный щит посреди этого великолепия. Когда я уйду в отставку… я обязательно создам тайное общество, члены которого будут путешествовать по миру на мотоциклах и по ночам, при свете луны, крушить рекламные щиты. И кто из присяжных осудит нас, если однажды мы сознаемся в совершении этих полезных для общества деяний?

Дэвид Огилви, основатель рекламного агентства

3.1. Вводные замечания о пользе и вреде современной рекламы

Реклама провоцирует желания, создает у людей искусственные потребности (см. об этом безбрежный океан книг по психологии рекламы). Реклама в традиционном общем смысле – это информация о то-

варе, услуге, идее, человеке, организации и пр., переданная различными способами, ориентированная на широкую или конкретную аудиторию и призванная вызвать у нее интерес к рекламируемому и тем самым способствовать его реализации. Также достаточно определенно говорится, что эффективность рекламного воздействия зависит от характеристик рекламы, особенностей каналов ее распространения, соответствия рекламы запросам потребителя. Реклама, как указывают специалисты, – это оплачиваемое информационное сообщение, предназначенное для массовой аудитории с целью убеждения, информирования, содействия, побуждения или изменения отношения к характеру потребления, поддержки или одобрения конкретных товаров, услуг, идей или организаций (Лебедев, Гордякова, 2012, с. 131).

В зависимости от того, что именно реклама проповедует, можно говорить о ее пользе или вреде (Лебедев, Боковиков, 1995; Лебедев-Любимов, 2006). С одной стороны, без рекламы в современном мире не обойтись, поскольку она, выступая информационным гидом в расширяющемся мире товаров и услуг, подсказывает много полезного. Положительный аспект рекламы как информирования о качестве товара, услуги раскрыт детально. Реклама способна воспитывать эстетические потребности. Она пыталась делать

это, например, в социалистических странах (Усов, Васькин, 1982). Данный опыт следовало бы учитывать в преодолении негативных тенденций современной рекламы, ее мощного разрушительного психологического воздействия. И это взгляд на рекламу с другой стороны, который я акцентирую в данной главе.

То, что рекламные образы усиливают безнравственные и антидуховные ценностные ориентации и потребительские установки современного человека, тоже достаточно очевидный факт. Реклама работает на фиксацию интересов человека на сфере низменных инстинктов. Реклама, справедливо заслужившая у многих обычных людей и экспертов эпитеты «лживая» и «оглупляющая», в начале XX в. была даже в шутку причислена английским писателем Джоном Рескином (Рескин, 2006) к черной магии. Еще раньше М. Вебер подчеркивал, что конкуренция не должна основываться на соблазнении покупателя. Сейчас идея психологии соблазна помогает видеть все более усложняющиеся и изощренные рекламные трюки.

В других определениях рекламы подчеркивается присутствие в ней психоманипуляции как обязательного элемента. Словарь Брокгауза и Эфрона, например, так определяет рекламу: «Реклама – объявление о продаваемых товарах или предлагаемых услугах с целью привлечь потребителей расхваливанием,

часто преувеличенным, качеств товара»[31]. А. Веригин в 1898 г. пишет о рекламе как о силе, совершенно безразличной к тому, чему она служит; ее цель – обратить внимание возможно большего числа людей на что-то (Лебедев, Боковиков, 1995, с. 10). Другие определения рекламы уже говорят *об искусстве внедрения* единственного в своем роде потребительского мотива в головы наибольшего числа людей (Р. Ривз), *о планомерном воздействии* на человеческую психику в целях вызвать в ней возможно полную волевую готовность купить объявленный предмет (Т. Кениг) (Усов, Васькин, 1982). Очень метко о рекламе высказывался Ф. Энгельс, отмечая, что «торговля есть узаконенный обман», ибо первым правилом в торговле является умалчивание, утаивание всего того, что могло бы понизить цену данного товара; в торговле позволено извлекать возможно большую пользу из неосведомленности, доверчивости противной стороны и приписывать своему товару такие качества, которыми он не обладает. Этим определяется идеологический смысл и направленность капиталистической торговой рекламы, ее формы и методы. Оставим на время критические замечания в адрес манипулятивности рекламных воздействий и обратимся к некоторым наработкам современной психологии рекламы.

[31] URL: https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron/1657250.html.

Психология рекламы

Психология рекламы изучает текущую мотивацию потребителя к рекламируемому товару, механизмы психологического воздействия для привлечения внимания и формирования желания приобрести рекламируемое (Лебедев-Любимов, 2006; Лебедев, Боковиков, 1995). Рекламное воздействие связано с формированием социальной установки, психологического отношения к продукту. В психологии рекламы, соответственно, предполагается оценка внимания, интереса, эмоционального отношения к рекламе, ее запоминания, желания приобрести товар. А. В. Юревич и Ф. О. Марченко выделяют проблему более целостного изучения эффектов навязанного поведения через рекламу (Юревич, Марченко, 2012). Была показана взаимосвязь доверия рекламному сообщению с когнитивными, эмоциональными, поведенческими показателями рекламного воздействия (Лебедев, Боковиков, 1995). Созданы методы психологической обработки покупателя, изучается аудитория рекламного воздействия с учетом типологии социально-психологических установок потребителей. Экспертами отмечается недопустимость проекции вкусов, взглядов рекламопроизводителя на рекламируемое. Исследу-

ется роль психических процессов при восприятии рекламы, поведение покупателя (осознанное и неосознаваемое) под воздействием рекламы. Знания о когнитивных процессах, о закономерностях восприятия, внимания, памяти, мышления, об эмоциональном компоненте восприятия рекламы помогают исследовать механизм принятия решения о приобретении. Реклама, создающаяся без учета эмоциональной реакции потребителя, способна вызывать негативный отклик. И в этой связи следует говорить о глубинных уровнях изучения вопроса, о психоаналитических закономерностях функционирования образов в рекламе (Психология и психоанализ…, 2001).

Отметим, что роль уровня представлений в психологии рекламы специально не разбирается, хотя целостный образ-представление в единстве его когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов должен стать важнейшим предметом исследования. Именно изучение роли образной сферы личности, а не отдельных психических процессов и функций в восприятии рекламы реализует интегративный подход (Гостев, 2007). Роль образной сферы человека следует изучать относительно всей структуры рекламного канала поступления информации. Это предполагает: 1) учет особенностей образной сферы рекламодателя, системы его социальных представле-

ний; 2) создание положительного образа товара на основе взаимодействия его индивидуального видения у различных категорий производителей рекламы; 3) рассмотрение рекламных образов, транслируемых по различным каналам СМИиК; 4) восприятие рекламного образа конкретным потребителем в зависимости от его индивидуальных особенностей. Так, люди с высоким уровнем контроля за способами и особенностями презентации себя в социальных ситуациях с целью произвести желаемое впечатление предпочитают рекламные сообщения, основанные на образе пользователя товара, а люди с низким уровнем самомониторинга – сообщения, подчеркивающие качество и полезность товара (Латынов, 2014а).

К психологии рекламы обращались не только психологи, но и маркетологи, социологи, культурологи и другие специалисты. Соответственно, как отмечает А. Б. Купрейченко, различные подходы пересекаются и нередко противоречат друг другу (Купрейченко, 2012). Отсутствует четкая система критериев оценки рекламы. А. Б. Купрейченко сформулировала определения различных видов эффективности рекламного воздействия и дала основные критерии психологической эффективности рекламы, которые легли в основу ее подхода к оценке, где ключевым показателем выступает доверие. Это значимый вывод, ибо

доверие к рекламе является «мостиком» к осмыслению духовно-нравственного аспекта манипулятивного воздействия рекламы. Установлено, в частности, что в доверии маркетинговой информации проявляются особенности доверия/недоверия личности миру, себе, окружающим людям. Для людей, которые доверяют себе и другим во взаимоотношениях, более привлекательна и реалистична реклама с персонажами, похожими на их друзей. Чем выше оценка опасности мира, тем более враждебной представляется реклама с персонажами. В качестве комментария к этим результатам укажем на то, что данная закономерность не снимает вопроса о подверженности людей психоманипуляции, которая может происходить на основе неадекватной самооценки.

А. Б. Купрейченко обосновывает понятие *экономической эффективности* рекламы как экономического результата применения рекламных технологий. Коммерческая и маркетинговая эффективность может не совпадать с экономической эффективностью, когда, например, цель рекламной кампании – не увеличение объемов продаж, а лишь привлечение внимания к товару/услуге. Понятие *коммуникативная эффективность* работает на образ товара, имидж компании и т. д. Коммуникативная эффективность рекламы высокая, если информация претерпела минимальные ис-

кажения в процессе прохождения по цепочке «заказчик – создатели рекламы – носители рекламы – потребитель». На эффективность рекламы влияют ее динамичность и привлекательность, доверие людей к рекламе, ее понятность, проекция подсознательных мотивов, уникальность рекламы, ее социальное одобрение.

Для осмысления манипулятивности рекламных воздействий отметим актуальность изучения феномена эмоциогенной речи (Степанов, 2014). При *убеждении* в рекламных текстах имитируется логичность рассуждений с опорой на невербальные коды и на апелляцию к стереотипам массового сознания. При *суггестии* – опора на регулярность презентации рекламы и синестетические ассоциации: слух-осязание-зрение (реклама пудры для лица); обоняние-осязание-вкус (описание ароматов); вкус-зрение-слух-осязание («прохладные нотки мяты в зеленом чае» и т. п.). При *провоцировании* демонстрируется реальное переживаемое или имитируемое интенциональное состояние с целью вызвать аналогичное состояние по принципу «чувствуй/делай как я». Буквальный смысл высказываний предполагает наличие и косвенного, потому столь актуально понятие *инридиопатии.*

Отметим многообразие видов (приемов) психоманипуляции, используемых в современной рекламе.

Е. Е. Пронина, например, выделяет эмоциональное давление с применением соответствующих образов, превышение ресурсов осознания, искажение логики доказательства, снятие запретов, дискредитация идентичности (индивидуальной и групповой), цинизм и пр. (Пронина, 2000). Л. Л. Геращенко упоминает угрозы здоровью потребителей, сцены насилия или намеки на них, манипуляцию табуированными подсознательными потребностями, дискредитацию идеалов, обещание быстрого достижения эйфории, скрытое внушение и пр. (Геращенко, 2006).

Каждый из видов рекламы имеет свои приемы воздействия. Вирусная реклама – это реклама, запущенная в печатные и электронные СМИиК и распространяемая людьми посредством интернет-ссылок, устных рассказов о ней и т. п. Тизер представляет собой рекламное сообщение без указания рекламодателя и рекламируемого товара/услуги и содержащее часть информации о нем, построенное как загадка и тем вызывающее любопытство и интерес аудитории. Рекламная инсталляция – пространственная композиция, созданная из различных атрибутов, свойств рекламируемого продукта и представляющая собой некое художественное целое. Применяются и флешмобы, адаптированные к рекламным целям (Воробьева, Купрейченко, 2012).

В статье А. Ермолаева приводятся не потерявшие актуальность и по сей день рекламные трюки прошлого (Ермолаев, 2016). Так, примером создания «искусственного спроса», вирусного и скандального маркетинга является необычная рекламная акция, проведенная в 1864 г. торговым домом «Н. Шустов и сыновья». Нанимались студенты, которые ходили по трактирам и требовали «шустовскую, лучшую водку в мире». Когда такой водки не находилось, устраивался дебош, затем подробно освещаемый в прессе.

Прием, когда рекламное сообщение является частью запоминающегося, эмоционального социального действия, иллюстрируется случаем *«слогана с эшафота».* Казни в Европе совершались на площадях. Одному преступнику предложили выкрикнуть на эшафоте слоган: «Покупайте какао Ван Гутена!».

Вариант *«образ старой девы с запахом изо рта»* эксплуатирует тематику здоровья и держится на страхе. В 1920-е годы в США стала модной тема личной гигиены. В одном рекламном тексте говорилось о некоем заболевании у женщины. Предполагалось, что потребитель, узнав, что неприятный запах изо рта является симптомом данного заболевания, побежит за лекарством.

Исторический пример известного приема создания ажиотажного спроса за счет продуманных запретов –

«картофель под охраной». Известно, что в Европе на картофель, завезенный на континент в XVIII в., изначально не было спроса. Тогда во Франции к картофельным полям была приставлена охрана, и люди решили, что он является ценным продуктом.

Наконец, историческим примером классического рекламного пиара является сюжет *«мифическая монета в миллион».* В 1797 г. по распространенной легенде в одной из пятифранковых монет был запечатан чек на миллион франков.

Возникают и новые виды манипулятивных приемов в рекламе в связи с развитием интернета (Иваны…, 2016). Так, для пользователей социальной сети Facebook реклама маскируется под сфабрикованные «предпочтения друзей». Рекламные материалы сопровождаются подписями типа «Ивану понравилось…», которые маскируют то, что пользователю преподносится рекламный продукт. «Люди хотят знать, что нравится их друзьям», – говорит Facebook. Реклама может показываться и на основании интересов самого пользователя. Любое его действие на различных сайтах анализируется, после чего человеку предлагается актуальная для него реклама. И чем выше активность человека в соцсети, тем точнее будет прогноз. О введении подобных алгоритмов объявили Twitter, Instagram, сеть «ВКонтакте». Средствами для

показа рекламы обладают и поисковики, которые на основании запросов предлагают приобрести товары в течение некоторого периода времени.

Итак, надо признать, что данные о психологических механизмах рекламного воздействия актуальны как для практики самой рекламной деятельности, так и для обогащения психологической науки (в областях социальной, общей психологии и психологии личности). Но это не исчерпывает тему негативных аспектов рекламы. Более того, академический подход в значительной степени нейтрализует содержание данного вопроса, поэтому вернемся к духовно-нравственной «призме» восприятия рекламного воздействия. Подчеркнем, что уже отмеченное углубление исследователя данного феномена в неосознаваемые сферы психики потребителей упирается в нравственные вопросы. Использование «инстинктивно-организмических» слоев психики подпитывает низменное в человеке через разжигание «блуда души» в широком смысле. Даже юмором в рекламе нужно пользоваться крайне осторожно (Лебедев, Боковиков, 1995). На духовно-нравственном уровне формирование желания приобрести некий предмет/услугу отождествляется с наслаждением этим приобретением, и внутренний мир человека затягивается «вещественностью».

Духовно-нравственный аспект рекламного воздей-

ствия, как правило, является скрытым. Например, участие внешне привлекательных женщин в рекламе повышало осознание роли внешней привлекательности как фактора личного успеха. Известно, что молодежь стремится сравнивать себя с моделями, рекламирующими товары (Лебеденв-Любимов, 2006). Но акцентированная внешняя привлекательность, тем более вырванная из контекста темы общей привлекательности человека как целостной, творческой, духовной личности (И. А. Ильин), может выступить тормозом на пути нравственного совершенствования человека. И он может ограничиться стремлением к «безупречности» (известная тема-образ в рекламе) лишь на физическом уровне, не думая о том, что в глубинах своей «вещелюбивой души» он увидит далеко не «безупречное содержание».

Нравственный аспект присутствует во влиянии рекламы на оценки отношений с другим полом. В. В. Латынов, например, приводит данные о том, что в зависимости от того, какой автомобиль был у юноши, ему приписывалось различное поведение в воображаемой ситуации ухаживания (Латынов, 2014а, с. 18–19).

На превращение рекламы в мощный механизм создания искусственных потребностей работает способность рекламируемого объекта отражать социаль-

ное положение ее обладателя. Человек начинает считать, что без определенных товаров и уровня услуг он принижен в глазах окружающих. Ориентируясь на психологию потребителя, реклама «вбирает в себя» все его желания и на основе знания о проявлениях мотивационной сферы влияет на внутренний мир личности. Реклама внушает, что основой мнения о человеке является то, какими благами он пользуется, насколько следует изменениям моды и новациям в стереотипах поведения. Данная социальная установка формирует мещанскую психологию, алчность, страсть к приобретательству. Иррациональные мотивы потребления, внушаемые рекламой, способствуют превращению материального благополучия в основу человеческих стремлений (Усов, Васькин, 1982, с. 39). Эти наблюдения были сделаны еще в советские времена, однако их актуальность сегодня только возросла пропорционально усилению степени психоманипулятивности рекламы.

Различные нормы рекламной практики формально декларируют необходимость благопристойности, честности, ответственности, недопустимость эксплуатировать доверчивость людей, особенно детей. Но вряд ли можно говорить о соблюдении этих принципов. А потому по современной рекламе и реакции, которую она вызывает, можно судить о нравственном

состоянии общества. При этом важно, не считая потребителя аморальным, учитывать высокую степень влияния на него рекламы.

Еще одна значимая тема в связи с аморальностью рекламы – отражение в ней политической жизни общества. Реклама не должна оскорблять политические установки граждан, использовать образы для разжигания социально-политических конфликтов. Об этом должны помнить и заказчики, и производители, и потребители рекламы.

Следует обратить внимание на неоправданное копирование в нашей стране рекламного зарубежного опыта. Еще в 1898 г. А. Веригин писал: то, как поставлено рекламное дело в Америке, может быть применимо в России лишь с большими оговорками. И это подтверждается и сегодня. Подтверждается, в частности, его идея о том, что «вестернизация» сознания граждан нашей страны через рекламу приведет к тому, что человек почувствует себя чужим в родной стране (см.: Лебедев, Боковиков, 1995, с. 5).

Обобщая сказанное, констатируем, что воздействие многообразных форм современной рекламы относится к преднамеренному информационному воздействию на человека с выраженным психоманипулятивным эффектом. Оно имеет и побочный непроизвольный результат. Отметим, что исследования ре-

кламы в значительной степени игнорируют духовно-нравственный аспект рекламных воздействий. Будем четко осознавать, что реклама превратилась в эффективное средство суггестирования, создающее и усиливающее искусственные и чаще всего «приземленные потребности» человека и тем самым изменяющее социальные установки, ценности, нормы и даже мировоззрение людей.

3.2. Психопрограммирующее и «виртуализирующее» воздействие рекламы

Современная реклама тотально воздействует на всех людей. «Мы живем в мире брендов, воздействующих на нас, однако часто даже не осознаем этого. Причина в том, что средства стимулирования покупок… существенно изменились и приобрели форму скрытого влияния на потребительское мышление и поведение» (Лебедев, Гордякова, 2012, с. 129). Поэтому использование в рекламе средств психопрограммирования, подталкивающих людей к определенным действиям и покупкам, минуя сознание, должно стать предметом пристального внимания исследователей. Люди больше доверяют не той рекламе, которая явно пытается воздействовать на них, а той, которая как будто бы только информирует, оставляя выбор за человеком. Хорошая реклама создает иллюзию возможности выбора, убеждая человека, что он сделал единственно правильный выбор сам (Лебедев-Любимов, 2006).

В психологии рекламы главным становится рынок рекламных образов. Причем неважно, вызывают

ли они положительную или отрицательную реакцию. Важно, чтобы информация осела во внутреннем мире потребителей. Так возникла «раздражающая реклама», подсознательное влияние которой тем больше, чем сильнее она возмущает людей. Известен случай: некая фирма по производству рубашек утроила оборот, когда в свою рекламу вместо красивого и улыбающегося ввела мрачного лицом и кривого на один глаз мужчину (Кара-Мурза, 2000, с. 174).

О сублиминальности рекламы

В связи с темой информационно-психологических воздействий рекламы неизбежно всплывает вопрос о подпороговом воздействии рекламного сообщения/образа на подсознание с помощью различных технических приемов. В. В. Латынов отмечает, что данное воздействие открывает широкие возможности для рекламы (Латынов, 2012в). Он указывает на три подхода исследователей к проблеме: «скептиков», «сторонников» и тех, кто пытается соотнести полярные позиции. «Скептики» обычно говорят: исследования, проведенные в прошлом столетии, не подтверждают с достаточной определенностью, что с помощью сублиминального воздействия удается добиться предпочтения рекламируемого товара. «Сторонники»

располагают своими, в том числе и новыми, данными, опираются на прогресс технических возможностей информационных воздействий. Тех же, кто хочет примирить позиции и найти рамки работы феномена, укрепляют выводы специалистов о том, что *при определенных условиях* неосознаваемые стимулы могут влиять на выбор конкретного продукта или услуги. Т. е. при сублиминальном влиянии покупатели оказываются *в большей степени* готовыми к покупке рекламируемого товара, чем те, на которых подобное воздействие не оказано. Так, подсознательная реклама оказывала воздействие в том случае, если рекламируемый продукт соответствовал эмоциональному или психофизиологическому состоянию людей. Восприимчивость к подпороговому воздействию зависит, например, от удовлетворенности потребностей человека. Если человек хотел пить, он реагировал на скрытую рекламу напитков, а если находился в подавленном настроении, то покупал подпорогово предлагаемые диски с лирическими песнями (Латынов, 2012в).

В разделе 3.4, отталкиваясь от данных психологии рекламы, мы остановимся на проблеме сублиминальных влияний в более широком контексте, с учетом различного содержания информационно-психологического воздействия на людей.

Виртуализация в рекламе

Одним из проявлений психопрограммирующей роли рекламы является ее участие, в том числе и неосознаваемое людьми, в виртуализации человеческого бытия. Это важнейшая проблема социальной психологии и психологии личности, поскольку виртуальная среда медиакоммуникации позволяет достигать психологического комфорта, помогает человеку сохранить собственную идентичность (Степанов, 2014). Рек лама создает *иллюзию свободы* выбора товара/ услуги и т. п., порождает виртуальное сознание формируемыми образами. Избыточность рекламных образов, подчеркивает С. Кара-Мурза, рождает желание приобщиться к изобилию вещей и возможностей, к «гламурному бытию», хотя бы и на уровне фантазии, мечты (Кара-Мурза, 2000). Мир рекламы, указывает он, – это воображаемый мир, «наркотизирующий» человека. Однако многие, зная это, все же подчиняются его воздействию. Они не видят, что этот образ является пропагандой той «*похоти плоти, похоти очей и гордости житейской*», о которой говорится в Евангелии как о вещах богопротивных (1 Ин 2:16). Даже пассивное созерцание рекламы способно разрушать здравый смысл и мышление людей (особенно

подростков) и стимулировать агрессивное и аморальное поведение по всем направлениям действий страстей. В какие только «картинки» не облекается, например, лозунг «бери от жизни все», стремясь как можно глубже проникнуть в души людей и наполнить их безнравственностью, социальным дарвинизмом, идеалами материального обогащения «во что бы то ни стало», в том числе и за счет других! Поражает, как напористо в последние два десятилетия создается виртуальный образ «счастливого, свободного, деловито строящего новый мир» человечества, при всем том, что на самом деле имеет место в социально-политической реальности, – как в нашей стране, так и в мире в целом (достаточно вспомнить о голодающем миллиарде землян).

Говоря о силе телевизионной рекламы, отметим, что система сознания человека слабо защищена перед комбинацией «реклама плюс телепередача». Действие рекламы усиливается, когда она увязывается с важными информационными сообщениями, например, о значимых политических событиях. Некая передача/фильм/репортаж и т. п. создает инерцию доверия, распространяющуюся на идущую за ней рекламу. Реклама лучше усваивается, если сопровождается «шоковыми» сюжетами. Рекламные ролики, в свою очередь, готовят почву для восприятия идей, за-

ложенных, например, в некой «объективной» информации. Иными словами, *реклама убеждает в правдоподобности информации с экрана, а эта информация усиливает эффект рекламы*.

Психоманипулятивным приемом следует признать разрыв телепередачи (кинофильма и пр.) рекламой, содержащей нужные стереотипы, табуированные образы, страхи, причем часто неосознаваемые. Так, психологи, изучавшие скрытые страхи в период Второй мировой войны, пришли к выводу, что американцы испытывают потребность в вещах, служащих символом безопасности и стабильности. Это было использовано в США в послевоенные годы в рекламе холодильников (Кара-Мурза, 2000, с. 143). Показательно, что в начале 1990-х в Италии был введен запрет прерывать рекламой фильмы категории «высокохудожественные» (там же, с. 261).

Телевизионная реклама особо преуспела «высокое» низводить до «низменного» и наоборот. Причем перечень образов, обостряющих интерес к низменному, циничному, пошлому, «плотскому» расширяется. Хорошие примеры приводит Е. Старикова. Людям, например, внушают, что «Баунти» дает «неземное блаженство», что счастье – в потреблении колбасы, что ради «наслаждения вкусом» можно переступить через все. Телереклама, в которой мужчины смачно об-

лизывают губы, сладострастно вздыхают и закатывают глаза в экстазе, пробуя йогурт, дает основание искать психопатологические аспекты такого отношения к еде (Старикова, 2009, с. 124–125). Не будут ли дети вспоминать свое детство по рекламным слоганам? Известно, что пивной алкоголизм среди подростков подскочил в ответ на известное «Кто пойдет за „Клинским“»?

В связи с психологией духовно-нравственной сферы отметим, что во влиянии рекламы задействован и архетипический уровень психики. Независимо от предметного содержания рекламы, в целом в ней чувствуется нечто общее, направленное на многоликую общечеловеческую похотливость. Это и вид глупо улыбающихся или вожделеющих чего-то открытых ртов, или «леденящего хохочущего оскала», и образы нарочито нездорового веселья (ассоциирующегося у многих с известной темой «пира во время чумы»), и раскрепощенные до цинизма позы, и многое другое, что читатель сам может увидеть в окружающей его рекламной имаго-символосфере. Отметим и растиражированный женский образ «искусительницы», «соблазнительницы», «вамп-персонажа», «вожделеющей блудницы», «агрессивной мстительницы» и т. п., далекий от добродетелей истинной женской природы. Реклама активно и широко апеллиру-

ет к тщеславию, воздействует через лесть на самолюбие человека, питает его гордыню («Ведь вы этого достойны!» – показательный пример).

Необходимо учиться видеть символические уровни рекламной имаго-символосферы, духовный смысл предлагаемого ею. «Трупный цвет» помады, вульгарно-блудный макияж, убивающий на лице женщины скромность и целомудрие, детские шапочки с рожками, копытообразные туфли и т. п. говорят об отрицательном метафизическом содержании вполне определенно. Вся индустрия моды связана с актуализацией глубинных неосознаваемых пластов души, несущих образ «искаженного человека». Популяризируются образы монстров (например, в детских игрушках, в символике рок-групп, имеющих демонический имидж, в «хэллоуинах»); на известном рекламном щите в первые годы 3-го тысячелетия реклама ИНН имела своим фоном недвусмысленную «бесовскую рожу»; мода на пирсинг формирует готовность человека внедрять в свое тело инородные элементы (например, чип).

Отдельную тему исследования представляет *интернет-реклама*. Здесь из поля внимания не должно выпасть то, что реклама подается на фоне активности пользователя. Мы уже отмечали, что информация в сети подбирается под его запрос. Отметим и ши-

роту рекламных предложений, с одной стороны, затрудняющую выбор за счет своего изобилия, с другой – дающую возможность ознакомиться с рекламируемым предметом, уточнить его показатели по отзывам (здесь, однако, следует учитывать дезинформацию, вбрасываемую в сеть распространителем рекламируемого продукта). Характерным является использование «картинок на периферии» перцептивного экранного поля, непроизвольно привлекающих внимание и вызывающих желание их открыть. Также интересен анализ слов, использующихся в интернет-рекламе, с помощью которого можно понять, что именно, по мнению рекламодателей, привлекает людей в лингвистическом сопровождении предлагаемого товара, к каким качествам личности через слова обращаются рекламодатели. Например, слова «дерзкий», «порочный», «страстный» и т. п., действительно, вызывают интерес «страстной части души», делают рекламируемый объект более «привлекательным».

Но вернемся к центральной фигуре рекламной аудитории – «виртуализированному потребителю». Напомним, что в 1960–1970-е годы в ведущих капиталистических странах бытовой комфорт стал доступным для большинства населения. Нормальные базисные потребности людей были удовлетворены. Стали нужны искусственные потребности. Сегодня все чаще

встречается мысль о том, что главным ресурсом западной цивилизации выступает снижение интеллектуального уровня человека-потребителя (в «желтой прессе» об этом процессе справедливо говорят как о «дебилизации» населения планеты). В этом случае ему можно продать все.

Поскольку навязывание искусственных потребностей происходит на эмоциональном уровне, необходимо устранить рациональное мышление. По выражению писателя Александра Зиновьева, идеальный потребитель должен быть подобен трубе, в которую с одного конца закачиваются товары, а из другого они вылетают на свалку. Идеальный потребитель видится как невежественный, бодрый, позитивный, жизнерадостный индивид, живущий элементарными эмоциями и жаждой новизны, всегда готовый потреблять то, что укажет реклама. Приобретя новую вещь, он должен бросить прежнюю. Он должен постоянно перекусывать, испытывая «райское наслаждение» и одновременно борясь с лишним весом, должен постоянно болтать по телефону, экономя на услугах сотовой связи, должен верить рекламе, не требуя доказательств. Целью жизни он должен считать непрерывную трату денег на пустяки. Потребление должно питать «позитив жизни». Такая атака на интеллект начинается со школы, с детских журналов с комиксами. В результа-

те большинство детей читают фэнтези, что готовит их к восприятию гламурной прессы, дамских и детективных романов. Все шире распространяются книжки-картинки для взрослых. Держать в голове ничего не надо, ибо все – в Яндексе…

О психологии маркетинга

Одна из неотъемлемых тем изучения рекламного воздействия – психология маркетинга. Этой теме посвящено огромное количество литературы. Значимые факты, закономерности психологии маркетинга представлены в указанных коллективных монографиях сотрудников Института психологии РАН[32]. Это позволяет мне не идти вглубь темы маркетинга, а ограничиться лишь некоторыми замечаниями.

Отметим для начала, что вместо термина «реклама» все чаще встречается термин «маркетинговая коммуникация». Содержание данного термина связано с формированием потребительских предпочтений, с их опосредствованным влиянием на систему социальных норм и ценностей. Но психологические фак-

[32] Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации…, 2014; Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия, 2012; а также в монографиях сотрудников Института психологии РАН: Латынов, 2013; Лебедев-Любимов, 2006.

торы и механизмы этих технологий стимулирования покупок остаются не исследованными (Лебедев-Любимов, 2006). Между тем, маркетинговые коммуникации существенно влияют на процессы общения между людьми, на социальные отношения, на культуру в целом. Так, заботясь об имидже компании, предприниматели вкладываются в социально значимые мероприятия, способствуя созданию позитивных социальных норм и ценностей. Влияние на культуру маркетинговых коммуникаций – процесс длительный. Если добросовестная конкуренция способствует развитию маркетинговых коммуникаций, то через определенное время оказываются заметными положительные изменения в жизни людей. Но необходим контроль со стороны государства. В противном случае будут удовлетворяться только интересы коммерческих структур (Лебедев, Гордякова, 2012), что, к сожалению, в России мы пока и видим.

Тем не менее, исследования показали, что мероприятия в рамках маркетинговой коммуникации стимулирования сбыта Sales Promotion[33] позволяют малообеспеченным людям получить льготы по приобретению товаров (там же). В условиях «лич-

[33] Sales Promotion – приемы, используемые в дополнение к традиционной рекламе для совмещения рекламной и сбытовой деятельности: лотереи, выставки, льготные купоны, скидки, распродажи и пр.

ных продаж» (Personal Selling[34]) люди приобретают опыт уважительного общения, расширяют свои технические знания и пр. Мероприятия, проводимые в рамках мерчандайзинга (Merchandising[35]), способствуют формированию эстетического вкуса людей. Такая форма маркетинговой коммуникации, как Product Placement[36], в нормальных социально-экономических условиях при эффективном контроле государства также способна влиять на формирование позитивных культурных стереотипов и социально ориентированных ценностей. Существуют также маркетинговые коммуникации Direct marketing, в которых используются почта, телефон, электронная почта и другие виды связи для получения отклика на рекламное сообщение) и Viral marketing («вирусный маркетинг») – технология продвижения товаров и услуг через развитие горизонтальной коммуникации между людьми с общими потребительскими интересами.

---

[34] Реклама с помощью личного контакта, нацеленного на потенциального покупателя с его психологическими особенностями. Эффективна при продаже технологически сложных товаров и услуг, где требуется консультация.

[35] Это повышение привлекательности конкретного товара путем оформления витрин, обустройства офисов и салонов, создания для покупателя психологически благоприятной атмосферы.

[36] Скрытая (или косвенная) реклама в фильмах, телепередачах, книгах, музыкальных композициях и др.

Механизмы психологического воздействия в структуре маркетинговых коммуникаций различаются прежде всего по степени задействованности психических процессов.

А. Н. Лебедев и О. В. Гордякова указывают на исследования, в которых обнаружены существенные различия между эмоциональными оценками коммерческого предложения, представленного в форме различных маркетинговых коммуникаций (Лебедев, Гордякова, 2012). Наиболее близкой понятию «идеальная реклама» оказалась Sales Promotion как максимально выгодная форма коммерческого предложения, сводящая к минимуму роль индивидуальных личностных характеристик респондентов. Традиционная реклама была признана наименее эффективной. Отметим также, что маркетинговые коммуникации иллюстрируют роль социального опыта человека в эффективности рекламного воздействия: часто обнаруживается, что предшествующее знание влияет на эффективность последующей рекламы (Лебедев, 2012).

Итак, можно признать социальную значимость психологии маркетинга для современного потребителя. Но она не решает обозначенных выше духовно-нравственных проблем рекламного воздействия. При всей своей значимости психология маркетинга по большей части изучает то, как продать *нечто* ненужное, а по-

рой и вредное для человека, особенно его «духовной личности», представив это *нечто* нужным и полезным, без чего «нельзя жить» или невозможно жить так хорошо, как это изображается на экране.

3.3. Мировоззренческая атака брендов на традиционную культуру

Современная рекламная деятельность предполагает маркетинговые коммуникации, уже далеко отстоящие от традиционной рекламы. «Сегодня новые рекламные технологии не просто продают товары и услуги, но фактически создают современную культуру» (Лебедев, Гордякова, 2012, с. 129). Реклама, действительно, стала проводником интересов, идеологии и мифологии монополий, различных социальных групп и сетевых сообществ. Этим реклама *незаметно для человека участвует в формировании мировоззрения, нравственных принципов, ценностных ориентаций* современного «глобализирующегося» или «антиглобализирующегося» человека. Люди же, как правило, не признают столь сильного влияния рекламы на собственную картину мира. Об этом отечественные специалисты говорили еще в 1990-е годы (Лебедев, Боковиков, 1995). Но время показало, что нравственная коррозия картины мира за два прошедших десятилетия шла быстро и эффективно.

Особую роль в виртуализации мира «новой рекла-

мой» играют бренды. На их примере мы рельефнее видим проблему духовно-нравственных аспектов воздействия рекламы. Бренд манипулирует качеством рекламируемого предмета, связывая его с чем-то позитивным. Например, для рекламы сигарет используется идея единения человечества: «Почувствуй вкус, объединяющий мир». Мы видим циничное перефразирование религиозных, например, библейских текстов. В частности, темы евангельских чудес, образов святых мест. Имитируются «духовные дары», соотносимые с рекламируемым: герои рекламных роликов при помощи владения «правильной брендовой вещью» творят чудеса и знамения, как святые. Используя рекламируемый крем для обуви, персонаж рекламного ролика «ходит по водам» на фоне монастырей Святой Горы Афон. Языком религиозных символов описываются даже вещи кощунственные. В статье «Похищение образа: Онтология современной рекламы» (Бусалаев, 2012) приводятся тому примеры. Косметика мимикрирует под нравственное очищение: используются религиозные символы в требуемом контексте, принципы иконографии, особые приемы работы с цветом, светом и пр., которые создают «новое священное искусство». В рекламе страховых агентств используется образ «всемогущей руки корпорации» как символ Всемогущей руки Божьей, и т. п.

Эффективным приемом является и «вживление» слов, связанных с названием брендового товара, в разговорный язык. При этом, конечно, таким словам придается положительный оттенок. Например, фраза «Не тормози – сникерсни!» проводит ассоциативную нить между рекламируемым продуктом и ощущением активности и свободы. Лозунг «Всё будет Кока-Кола!» делает название напитка синонимом оптимистичности.

Прекрасный анализ психоманипулятивного потенциала брендинга мы находим в нашумевшей книге-бестселлере Наоми Кляйн «No Logo» (Кляйн, 2001)[37]. Воспользуемся основными позициями, которые в ней раскрываются, расставляя по ходу изложения собственные акценты.

Теории менеджмента говорят: на рынке товаров выигрывает тот, кто создает яркие образы товаров и связанных с ними оригинальных идей и ценностей. Поэтому бренд понимается Н. Кляйн как устойчивое образное решение сущности конкретной транснацио-

---

[37] Наоми Кляйн является специалистом по экономическим и социальным последствиям глобализации и становления в этой связи антикорпоративного движения в различных странах мира. В 2000 г. редакция газеты The Guardian номинировала ее книгу NO LOGO на звание «лучшей книги года», а в 2001 г. эта книга получила престижную награду National Business Book Award и была признана в Канаде лучшей деловой книгой года.

нальной корпорации. Эти образы участвуют в борьбе на глобальном рынке. Бренд, по сути, предлагает человеку купить не товар, а связанный с ним притягательный образ. Но мы уже отмечали, что именно покупка образов людьми виртуализирует человеческое бытие и мир в целом. Реклама тиражирует этот образ, постоянно обновляя его, стараясь захватить новые пространства для его распространения. Ясно, что чем больше рекламы в мире, тем агрессивнее должны быть бренды, чтобы выжить и конкурировать, тем более необходимы поиск новых областей для экспансии бренда, отслеживание «веяний времени» для сохранения связи с потребительской аудиторией. Типичным стало кооперирование брендов, использование их сочетаний в рекламе новых товаров и услуг. Можно позаниматься, например, каким-либо спортом на территории и в спортснаряжении Nike, потом пообедать в высокобрендовом ресторане от Disney и выпить кофе в Starbucks.

Для оценки меры психоманипулятивности брендинга следует осознать то, что в насаждении своих брендов корпорации в глобальном масштабе внедряются во все сферы общественной и частной жизни, ищут пути к сознанию людей, особенно молодежи, разрушая при этом национальное самосознание. Поскольку глобализация рынка и сопутствующая ему го-

могенизация желаний людей направлена на устранение национально-культурной специфики в мире, один из главных принципов брендинга гласит: «Заставь мир впитывать твою культуру и говорить на твоем языке». Это и помогает глобальным корпорациям продавать свой образ-товар по всему миру.

В эпоху первых маркетинговых кампаний (вторая половина XIX в.) реклама информировала людей об изобретениях, убеждала, что жизнь станет лучше, если пользоваться, например, электричеством. Рынок был наводнен трудно отличимыми друг от друга товарами. Товарное однообразие подтолкнуло создание индивидуального образа товара. Появились корпоративные логотипы, товарные знаки и торговые марки, призванные вызывать доверие и нейтрализовать тревожность, порождаемую незнакомыми товарами в стандартной упаковке. Бренд обратился к чувствам потребителей, помогая для этого корпорациям «найти свою душу». Уже к середине прошлого века бренд был уже не просто запоминающимся слоганом или красивой картинкой на этикетке, а делал компании яркими индивидуальностями, запечатленными в образе. Так, General Motors превратилась во что-то «очень личное и теплое», GM стали «инициалами друга». Рекламные ролики GM были историями о священнике или докторе, которые ездят на автомобилях GM, и по-

тому им удается вовремя добраться до постели умирающего ребенка. Бренд-реклама в итоге стала «властелином умов». Расходы на нее стали выгодными инвестициями компании в себя. Потребители все более явно покупали уже не товары, а подобные образы (отметим, что именно этим был сделан большой шаг в виртуальный мир).

Брендинг имел и свой кризисный момент, что важно для понимания сущностифеномена. Стремление к тотальной экономии, характерное даже для стран «первого мира» в начале 1990-х годов, тряхнуло рынок глобальных брендов. Люди стали более обращать внимание на цену товара, нежели на престижный имидж марки. Благополучно пережили данный период те компании, у кого во главу угла был поставлен сам брендинг (например, Nike), т. е. те, кто имели в себе нечто от закрытого клуба (религиозной секты и т. п.). Все в корпоративной культуре этих компаний служило рекламе их имиджа: лексикон для описания должностей сотрудников («игроки команды», «члены экипажа»), корпоративные гимны, фанатичное внимание к фирменному стилю.

Еще раз подчеркнем, что образ-бренд, ассоциируя рекламируемое с позитивными социально-культурными событиями, активно распространяет свои *мировоззренческие ценности*. Всегда надо помнить: *ре-*

клама, усиленная брендом, утверждая новые ценности, является мощным информационно-психологическим воздействием с манипулятивным эффектом. Показательно, что ведущие позиции заняли бренды, у которых корпоративная идеология была явно связана с мировоззренческим измерением: предлагаемое на рынке должно преподноситься как концепции нового стиля жизни. Такие бренды высшей категории начинают задавать культурные модели, жизненную позицию. Так, Nike «обогащает жизнь спортом», «хранит магию спорта». IBM продает «готовые решения для бизнеса». Swatch убеждает перейти на свободное от временных зон «фирменное время». Starbucks преподносит себя как «уютное место, альтернативное безликому пространству», где люди могут наслаждаться кофе и взаимопониманием. Н. Кляйн подчеркивает, что *бренд стал образом жизни, ценностной мировоззренческой позицией.* Однако при этом он *превратился в агрессивный вирус, запущенный в культуры других народов*, внедряющийся во все сферы жизни, разрушая национальные ценности, своеобразие народов под лозунгом «Заставь мир говорить на твоем языке». Достаточно сказать, что одна из популярных брендинг-тематик – гомосексуализм. Подобные «меньшинства» – это объемные рыночные ниши, на которые нацелены брен-

ды. С нестабильностью половой принадлежности заигрывают все. Calvin Klein объясняет, что пол – не более чем умозрительная абстракция, трансвеститы выступают моделями в косметических фирмах и пр.

Важный аспект изучения психоманипулятивного аспекта феномена брендинга – его связь с СМИиК, с теле- и киноиндустрией, выступающих в роли усилителей мировоззренческого влияния брендов на мир. Так, оригинальность MTV состоит в том, что зрители смотрят не конкретные передачи, а «просто MTV». Это, несомненно, увеличивает аудиторию брендов. Понятно, что брендинг как манипулятор мировоззрением людей, создает эффективный канал для проведения определенных политико-идеологических и социально-экономических идей/интересов/проектов. Это происходит за счет того, что бренды обладают качествами матрицы социальных взаимодействий, участвующей в построении социально-политической реальности с доминированием в ней определенных ценностей и установок.

Воздействие брендов усиливается самым активным участием «звездных людей» из сфер кино, телевидения, спорта, науки и пр. Сами «звезды» часто создаются и продвигаются через бренды, а потом служат средством для их усиления. Согласно корпоративной мифологии, Nike стала компанией спор-

та и фитнеса, потому что ее создала кучка людей, фанатично преданных спорту и поклонявшихся спортивным звездам. На самом же деле сработало следующее. Группа спортсменов превращается в суперзвезд голливудского образца, которые ассоциируются с «чистой идеей спорта», с грекоримским идеалом мужского тела. Nike в число ведущих мировых брендов вывел баскетбольный талант Майкла Джордана, которого всемирной суперзвездой сделали рекламные ролики Nike. Далее Nike-команда таких суперзвезд противопоставляется всему спортивному миру. Nike-тауны – сеть крупных торговых точек компании – становятся храмами, в котором поклоняются соответствующему бренду, как идолу, что с христианской точки зрения является актом богохульным.

Бренд стремится пропагандировать определенные идеи во всех сферах жизни людей – в искусстве, спорте, образовании и пр. Возникает идея полностью приватизированных брендом пространств (кварталов и городов), что лишает приютившую его культуру собственной ценности. Агрессивный характер психоманипулирования на основе брендинга проявляется в принципе транслировать и распространять «смысл» своего бренда любыми средствами. Психоманипулятивный аспект брендов усиливается пиаром спонсорства со стороны стоящих за ними корпораций. Власть

брендов стала все более явно проявляться и в воздействии на государственную политику стран, в которых расположены экспортные зоны брендов.

В то же время бренды открещиваются от обвинений в том, что они, по сути дела, продают миру единообразие. Но этим трудно заглушить упреки в «американском культурном империализме» – ковбой Marlboro переносит американский скотоводческий поселок в африканскую деревню, а McDonald's приучает мир к вкусам американцев. Следует, однако, говорить не только о продаже «образа Америки» человечеству, но и о доставке миру «рыночной окрошки во всемирном супермаркете». Задачей маркетинга, как подчеркивает Н. Кляйн, является оттянуть тот миг, когда товары-бренды предстанут миру как обычные вещи.

Психологическое манипулятивное воздействие брэндов хорошо видно в том, что они, соперничая, двинулись и в систему образования – учить «правильно» потреблять. Пространство учебных заведений стало ареной брендинга. При этом университеты, принадлежащие разным брендам, обычно оппозиционны (например, «найковцы» v.s. «адидасовцы»). Но именно молодежный рынок ускоряет уничтожение национально-культурного планетарного разнообразия. Подчеркнем, что, приходя в школу, в колледж, университет, транснациональные корпорации через свой

бренд влияют не только на конкретных учащихся, но и на систему образования в целом. Бренд пытается стать одним из обязательных образовательных предметов (на уроках в школе, например, дети могут делать кроссовки Nike).

Интересный план анализа психоманипулятивной функции брендов – «маркетинг крутизны», связанный с глубинным ощущением неполноценности, неуверенности, вытесненными страхами у человека, особенно у подростков. Следует более предметно связывать воздействие конкретных брендов с широким спектром проблем, конфликтов, проявлений социальной несостоятельности и неуверенности, вытесненных страхов и протестных чувств, свойственных представителю конкретного общества. Благодаря стремлению к компенсации возникающих психологических комплексов востребовано и успешно продается «крутое». Именно в связи со стремлением к компенсации для тинейджеров всегда присутствует и остро стоит вопрос: «Круто ли это?» Погоня за крутизной стала психологической «струной», на которой бренды играют для распространения своего влияния в учебных заведениях. Возникла целая отрасль «охоты за крутизной» (появились, например, журналы по «крутому стилю» жизни). «Крутым» может быть объявлено все что угодно, – например, выражение презрения к мас-

совой культуре. Возникла даже эстетика «Некрутое – это круто».

Работа «на молодежном поле» подтверждает не раз отмечаемую нами важную грань психоманипулятивной роли брендинга в «промывании мозгов» обывателя-потребителя. Речь прежде всего идет о подталкивании деструктивных процессов унификации мира, об уничтожении национально-культурного разнообразия на планете. Над планетой, указывает Н. Кляйн, витает полиэтнический имидж одномиллиардного «глобального тинейджера», живущего не в конкретном географическом месте как представитель конкретной культуры, а «во Вселенной глобальной потребительской петли», подключенного к интернету, связанного мобильниками, игровыми автоматами, видеоприставками и др. Поэтому большинство рекламных кампаний продают идею глобального подросткового рынка – из африканских косичек, пирсинга, национальных флагов, английских слов, китайских иероглифов и пр. на фоне поп-музыки. И эта армия «подростков-клонов» стройными рядами марширует в глобальный супермаркет. Очень точный, но страшноватый с духовно-нравственной точки зрения образ. В этой связи Н. Кляйн приводит негативные, порой трагические примеры бренд-манипуляции: телевизионная реклама джинсов Diesel показывает двух под-

ростков, превращающихся в птиц после совместного самоубийства, обретающих свободу только благодаря полной самоотдаче бренду.

Вклад в виртуализацию сознания современного человека вносят бренд-пространства – искусственная среда обитания, ассоциирующаяся с элитным образом жизни («городки» типа Nike Town, Disney Sity). Н. Кляйн признается, что когда она была маленькой, то ощущала тягу к «соблазнам искусственности» – хотела «раствориться» в сияющих, нереальных предметах, подержать в руках кусочек «мультяшного мира», столь близкого детям. У. Дисней понял желание детей заползти внутрь экрана и слиться с любимыми персонажами. Данная потребность не исчезает с возрастом, и детишки «мультфильма в субботу утром» вырастают в детишек «клуба в субботу вечером». В 1984 г. создается фирменный супермагазин – Disney Store. Другие известные бренд-имиджи также создают свои притягательные торговые храмы – места не только для шопинга, но и просто для посещения. Супермагазины, торгово-развлекательные центры создали современный аналог городских площадей в традиционных культурах. Подобные псевдосоциальные пространства отражают стремление брендов к расширению своих границ через включение в себя все новых стилей жизни. Создание музыки не про-

тиворечит производству еды, кофейни – книгоиздательству и т. п. Брендинговая виртуальная реальность предполагает и создание «фирменных каникул», в которых круиз на корабле Disney Magic следует на принадлежащий компании остров на Багамах. У Nike – аналогичный круиз со спортивной тематикой.

Примечательно то, что маркетинговые теоретики советуют компаниям учитывать, какую психологическую роль их бренды играют в массовой культуре. Н. Кляйн указывает на незаметное наступление на свободу выбора человека через манипулирование виртуальными бренд-образами: чем больше общественного пространства продается корпорациям и осваивается ими, *тем больше гражданам приходится играть по корпоративным правилам*. Н. Кляйн говорит о тенденции превращения уличного пространства городов в товар в рекламном бизнесе. Происходит приватизация общественного пространства брендами. Люди уже не могут жить так, как они жили раньше, если улицы их детства и целые кварталы превращаются в «пространство-товар» для шопинга» и выполнения предписаний символики бренда (о мировоззренческих образах/символах некоторых из них уже говорилось).

3.4. Сублиминальное суггестирование и виртуализация системы сознания как проблемы психологической науки

Психология рекламы/бренда/маркетинга, как мы видели, подчеркивают теоретическую и практическую значимость двух проблем, указанных в названии данного раздела. И неосознаваемые информационные воздействия, и виртуализация человеческого бытия являются темами, чрезвычайно актуальными для рассмотрения глобальной психоманипуляции.

Сублиминальность информационных воздействий

Отметим, что тема «программирования поведения» населения применением сублиминального воздействия сегодня активно обсуждается не только в коммерческих, но и в политических и иных целях. Если в прошлом веке специалисты осторожно оценивали возможности подобных технологий, то к сегодняшнему дню появилось значительное количество новых

данных об эффектах и закономерностях подпорогового воздействия и, соответственно, более оптимистичные оценки и прогнозы его эффективности (Латынов, 2012в). При этом мнения специалистов расходятся, что и понятно, поскольку возможности подпорогового воздействия на людей исследованы недостаточно, а полученные данные противоречивы. В таких условиях разные области применения подпороговых воздействий дадут различные результаты.

Сомнения у специалистов обычно имели место относительно возможностей массмедийных влияний на население. Позицию скептиков усиливало и отсутствие ответа на их вопрос, могут ли подпороговые воздействия повлиять на важные и осознанные решения, – например, на выбор президента страны. А. Н. Лебедев, в частности, указывает на необходимость «целевой» установки для получения сублиминального эффекта (Лебедев, 2012).

В эмпирических исследованиях сублиминальных воздействий традиционны предъявление изображений, не воспринимаемых сознательно, и подача звукового сигнала с интенсивностью ниже слухового порога. Наиболее эффективно влияние по визуальным каналам. Звуковые сигналы воспринимаются последовательно и при одновременном их предъявлении они смешиваются – неосознаваемый стимул теряет-

ся. Поэтому ясно, что сублиминальные эффекты в обоих случаях будут различаться.

Достаточно подробно было исследовано подпороговое восприятие в обучающих программах (Латынов, 2012в). Многочисленные исследования, проверявшие эффективность аудиокурсов, направленных на улучшение памяти, повышение самооценки, снятие тревожности, овладение иностранными языками, снижение веса тела, не дали позитивного результата. Сами люди считали программы эффективными (специалисты указывают на роль механизма самовнушения), однако объективно это не было подтверждено.

Особо видна недостаточность эмпирических данных относительно влияния подпороговых воздействий на поведение. Доказать подпороговое влияние на сложное поведение в реальной жизни не удалось, подчеркивает В. В. Латынов. Прежде всего, речь идет о доказательствах стойкости сублиминального эффекта, который, как правило, сохраняется нескольких часов. Лишь несколько исследований говорят о его сохранении в течение нескольких суток или недель. Это служит главным основанием скептицизма относительно возможности сублиминально побуждать людей покупать конкретные товары, голосовать за определенного политика, осуществлять другие конкретные действия, тем более изменять поведение в це-

лом.

В пользу «сторонников» признания эффективности сублиминальных влияний работает уже то, что специалисты подчеркивают актуальность изучения данной проблемы. Признается влияние на психику человека неосознаваемых им зрительных и слуховых стимулов; эти стимулы объективно фиксируются сенсорной системой. Еще в начале XX в. ставились психофизические эксперименты по неосознаваемому восприятию и неосознаваемому реагированию на осознаваемые стимулы. В 1926 г. А. Р. Лурия описал прототип современного детектора лжи. Регистрировались речевая реакция испытуемого, которую он полностью осознавал, и почти неосознаваемая его моторная реакция. В конце 1940-х годов за рубежом исследования по неосознаваемому вводу-выводу информации в человеческую память интенсифицировались. Были разработаны технические приемы, позволяющие анализировать и корректировать неосознаваемое содержание памяти человека (Смирнов, 2003).

В основу многих способов подпорогового воздействия положено сочетание позитивно либо негативно окрашенных стимулов с эмоционально нейтральными стимулами. Это позволяло исследователям изменять нейтральное отношение участников эксперимента к словам, бессмысленным слогам, именам и

понятиям на положительное (нейтральный материал сочетали с любимыми мелодиями, изображениями и т. п.) (Латынов 2012в). В. В. Латынов говорит о признании данной технологии перспективной с точки зрения влияния на людей. Отмечается, что в современном обществе уже распространено представление об эффективности и активном использовании данных методов в политике и бизнесе. Существует и рынок видео- и аудиокурсов, основанных на подпороговом воздействии, улучшающих память, обучающих иностранному языку, работающих на психологическую коррекцию и пр. В данном случае коммерческий эффект подобных программ может быть использован в качестве аргумента «за», несмотря на отмеченные сомнения «скептиков».

В целом же эмпирически показано: подпороговые воздействия влияют на различные сферы психики – *когнитивную* (мнения, оценки, представления), *эмоциональную* и *поведенческую* (поступки, навыки, поведение). В. В. Латынов констатирует включение неосознаваемых стимулов в американские фильмы, в рекламу (хотя ее производители и отрицают это), в политические рекламные продукты. При определенных условиях сублиминальное воздействие на оценки и суждения людей позволяет добиваться их изменения в желаемом направлении. Так, показ неосознаваемых

позитивных и негативных стимулов влиял на последующие оценки окружающих людей. На фоне положительных эмоций оценки респондентами других людей были значимо выше, чем на фоне эмоций отрицательных. Подпороговое предъявление слов, негативно характеризующих определенную социальную группу, приводило к ухудшению оценок этой группы. В. В. Латынов отмечает закономерность, согласно которой отношение людей к нейтральным стимулам изменялось при предъявлении им фотографий счастливых или разгневанных людей. Показ фотографий позволял, например, изменять оценки нового напитка: люди, которым сублиминально показывали счастливые лица, были готовы покупать этот напиток и платить в два раза больше, чем те, кому демонстрировались разгневанные лица. Удавалось достичь также роста субъективного ощущения жажды: испытуемые, которым сублиминально показывали счастливые лица, выпивали больше напитка.

Показано подпороговое влияние эмоционально насыщенных слов и на образы политиков. В. В. Латынов указывает на имеющиеся эмпирические данные о том, что сублиминальное использование фотографий с выраженной эмоциональной коннотацией (позитивной или негативной) позволяло манипулировать оценками политиков. Так, например, если фото са-

мого участника эксперимента и фото политика объединялись в один образ[38], то оценки политика после показа модифицированного фото оказывались выше. Особенно сильно этот эффект был выражен при оценивании малоизвестных политиков, а также в том случае, когда оценивающий не имел политических предпочтений.

Подпороговые воздействия влияют *на эмоциональное состояние* людей, возбуждая определенные эмоции. Эти воздействия индуцируют и неосознаваемые эмоциональные реакции, способные влиять на суждения и поступки человека[39]. Именно неосознанное эмоциональное реагирование во многом питает эффект подпорогового воздействия. В. В. Латынов иллюстрирует это тем, что сублиминальное предъявление фото пауков и змей изменяло настроение испытуемых с различными фобиями. Показ видеоролика с подсознательным материалом ощутимо влиял на уровень их тревожности. Участники эксперимента, которым подпорогово демонстрировали положительные образы персонажей мультфильмов, показали более

[38] Образ политика оставался узнаваемым, приобретая, однако, сходство с респондентом. Испытуемый при этом не замечал манипуляций с фотографиями.

[39] Неосознаваемые эмоции фиксировались при помощи физиологических методов и на основании результатов воздействия этих эмоций на когнитивную сферу и поведение.

низкий уровень тревожности по сравнению с теми, кому показывали негативные образы монстров из фильмов ужасов. Сублиминальные приемы успешно использовались для воздействия на самосознание людей.

Таким образом, подпороговые воздействия при определенных условиях позволяют добиваться изменения оценок и суждений в желаемом направлении, особенно в отношении ранее неизвестных объектов, включая политическую сферу. Оценивая практическое применение подпороговых воздействий, следует иметь в виду их интенсивность. Если неосознаваемые компоненты любого информационного сообщения будут транслироваться по нескольку раз в день в течение месяца, то можно ожидать устойчивость и продолжительность сублиминальных эффектов.

Укажем также, что экспертизы, которые проводил известный специалист по рассматриваемому вопросу И. В. Смирнов, с одной стороны, не подтверждают серьезного присутствия неосознаваемых элементов в рекламных воздействиях. Тем не менее, с другой стороны, он видит проблему такого воздействия. Подчеркивается, что проблема неосознаваемой информации при психологических воздействиях связана с многозначностью сообщений через СМИиК. Смыслы этих сообщений для человека различны и зависят от мно-

гих факторов, в частности, от индивидуального опыта (Смирнов, 2003).

Итак, резюмирует В. В. Латынов, воздействие неосознаваемых стимулов на поведение людей в принципе возможно, хотя и не удалось зафиксировать модификации сложных, значимых для личности паттернов поведения в результате такого воздействия.

Сделаем ряд дополнений к сказанному. Отметим, что разговоры о подпороговом воздействии на уровне феномена «25-го кадра» устарели и не адекватны современным научным запросам в теоретическом и практическом планах. Тем более, считается, что в рекламном воздействии «25-й кадр» не используется[40]. Более того, большинство экспертов считают, что такого рода приемы могут играть лишь роль подсказки при выборе, но не способны внушать людям не существующие у них потребности. Тем не менее, многие потребители и рекламодатели верят в психологический эффект «25-го кадра» (Лебедев-Любимов, 2006). И это говорит о необходимости продолжения научных исследований сублиминальных воздействий во всем их многообразии.

Прежде всего следует понимать, что появились новые возможности подсознательного влияния на осно-

[40] В России он запрещен соответствующей статьей Федерального закона «О рекламе».

ве современных НИТ. Развитие компьютерных технологий позволило совершенствовать способы субминального влияния. Например, речь идет о возможности вмонтирования в экранный образ или в звукозапись информации, которая не будет осознаваться. Любая «картинка» кодируется/маскируется в экранном образе. Иллюстрацией может служить добавление к видимому изображению неосознаваемых человеком элементов (в частности, объединение фотографий разных людей в одну и пр.). Технической основой такого воздействия является спектральная модуляция сигнала: минуя сознание, он попадает по зрительному или слуховому сенсорному каналу в мозг и там, декодируясь, становится неосознаваемой программой. Анализ вызванных потенциалов мозга человека в ответ на предъявляемые образы, не воспринимаемые сознанием, показывает их действие. Слова могут слышаться, например, как шум прибоя, но являться суггестивной формулой. Много кодированной информации содержит рок-музыка, которая часто открыто богохульна, о чем говорят сами рок-музыканты (например, Дэвид Боуи в песне «Игра с огнем»). Показано также, что «астральная музыка» Секу Асахара закодирована на вербовку людей в секту.

Иными словами, есть основания считать, что информация, введенная незаметно во внутренний мир

человека, усваивается и начинает влиять на него. При прослушивании и просмотре невозможно установить факт поступления закодированной информации. Человек думает, что он мыслит и действует самостоятельно, хотя на самом деле он следует заложенной программе. Воздействие на человека может происходить через все современные источники информации (см., например, работы академиков РАЕН Е. А. Файдыша и И. В. Смирнова). Например, обычный телефон в режиме молчания продолжает оставаться информационным каналом; люди, обладающие повышенной чувствительностью, ощущают это. Даже бытовой прибор является потенциальным каналом энергоинформационного воздействия. Различные моторы (например, в холодильниках) выступают источником «торсионного излучения». Существует возможность потенциального влияния даже электрических лампочек и неоновых ламп (Файдыш, 2000, с. 118–119).

И. В. Смирнов констатирует что «импринтингоподобное введение информации» в психику людей, минуя сознание, является манипуляцией (Смирнов, 2003). Многие виды психотерапии используют изменение состояния сознания для ввода корригирующей информации в психику. Подобные методы психокоррекции опираются на прямой доступ в неосознаваемые зоны памяти путем изменения состояния или

отключения сознания (внушением, катарсическим переживанием, обучением в диссоциированном состоянии и др.). Подход И. В. Смирнова позволяет разрабатывать процедуры коррекции внутреннего мира человека и его поведения, преодолевая ограничение бихевиористских моделей научения.

Применение технологий субсенсорных воздействий имеет место в медицине (например, в лечении алкоголизма, наркомании) и образовании (несмотря на отмеченные ограничения возможностей сублиминальных воздействий в обучающих программах), в рекламе, отчасти в политике. Но где гарантия их неиспользования в масштабных амбициозных идеологических, политических, криминальных и пр. целях, предполагающих высокий уровень задействования манипулятивных влияний на людей? Если существуют компьютерные и иные современные технологии воздействия на подсознание, то кто исключит возможность того, что найдутся проекты, заинтересованные в их применении для программирования определённых идей, эмоциональных реакций и поведения (подробнее о существовании таких опасений см. кн.: Авель Дроздов, иеродиакон, 2002; Анатолий (Берестов), иеромонах, 2000).

Итак, и у сторонников, и у противников идеи сублиминального психоманипулятивного воздействия до-

стоверных и исчерпывающих доказательств нет. Вклад в решение проблемы внесет исследование возможностей НИТ, допускающих «психотехнологические прорывы», например, на основе психотронных воздействий на человека (в главе 6 мы обсудим эту тему). В оценке сублиминального влияния следует исходить из того, что ситуации/контекст такого воздействия (например, реальная жизненная ситуация vs лабораторный эксперимент), его содержание (например, обслуживание различных сторон социально-политической жизни общества), способы/приемы/методы воздействия дают широчайший спектр вариантов для осмысления и типологизации. Без этого невозможны обобщение и преодоление фрагментарности подходов и научных результатов.

Сегодня значительный рост научного интереса к проблеме подпорогового воздействия проявляется не только в увеличении количества исследований по теме, но и в расширении спектра аспектов феномена, что открывает возможности более глубокого понимания механизмов подсознательного воздействия (Латынов, 2012в).

О психологии виртуальной реальности

В последние годы становится все заметнее погружение человека в виртуальную реальность, утрата им связи с окружающей действительностью. Важнейшая роль в этом процессе принадлежит не только рекламным информационно-психологическим воздействиям, взятым как очевидная иллюстрация. Основными средствами виртуализации человеческого бытия являются многоликий экран и глобальная сеть. Некоторыми людьми, например, происходящее на планете непонятно на каких основаниях осмысливается как рождающееся «всемирное братство». Между тем результаты виртуализации сознания человека могут быть усмотрены в следующей игре слов – лучше говорить о реальной виртуальности, чем о виртуальной реальности (Кастельс, 2000).

Виртуальная реальность в узком смысле – это воображаемый человеком на основе зрительно-слуховых образов мир, представляющийся как «существующий». Новости с телевизионного экрана, например, в определенном смысле тоже виртуальная реальность. В более широком смысле виртуальную реальность понимают как мир, создаваемый специальными

воздействиями на органы чувств человека с помощью особых приспособлений. Все движется в сторону достижения более правдоподобного ощущения «реальности» переживаемого опыта. Технология создания иллюзий непосредственного присутствия в пространстве-времени «заэкранного мира» совершенствуется. Решены задачи моделирования полноты сенсорных впечатлений: создание виртуал-иллюзий полимодального восприятия, в принципе, достигнуто. Съев «виртуальный лимон», человек сморщится от кислого вкуса. Уже существует индустрия «виртуального секса». Поэтому степень сходства виртуальной и физической реальностей вплоть до их неразличимости является вопросом времени. Современные информационные технологии уже позволяют создавать картины реальности, которые в сознании людей заменят действительность. В этой связи есть основания считать, что максимально широкое понимание виртуальной реальности предполагает тотальную вовлеченность в иллюзорный мир социального бытия (с виртуальными политикой, экономикой и пр.), зазывающий человека покинуть действительность своим обыденным сознанием.

Компьютерные виртуальные миры (в зависимости от основной своей функции – информационной, игровой, коммуникативной и т. п.) дают новые возмож-

ности для проецирования на мир субъективной реальности с ее личностными смыслами, влияющими на интерпретацию человеком действительности. При решении прагматических задач воздействие компьютерной виртуальной среды минимально. «Уходом в виртуальный мир» человек заражается тогда, когда начинает наполнять этот мир своими личностными смыслами, реализацией блокированных мотивов и потребностей, компенсацией неудовлетворенности и напряженности. Именно благодаря подобной «психотерапевтической роли» виртуальные миры становятся для людей «позитивной» альтернативой объективной действительности.

Виртуальная реальность «наползает» на объективную реальность, рождая чувство «глубокой вовлеченности» в симбиоз двух реальностей. Она не только «заменяет целые конструкции мышления и общения», но может приводить к появлению измененного сознания, к галлюцинаторным переживаниям, психопатологическим расстройствам, провоцирующим агрессию не только против персонажей виртуального мира, но и против реальных людей (Акопов, 2008, с. 141). Заметим, что этим отчасти объясняется, почему каждый «подсаживается» на определенные сайты, – в соответствии с непроработанными «греховными зацепками» в душе.

Итак, с увеличением стажа и глубины пребывания человека в сетевых виртуальных мирах в интерпретациях им действительности все более участвуют смысловые конструкты из этих миров. Компьютерный виртуальный мир становится элементом субъективной реальности и порождает отрицательные личностные изменения. Реализация фрустрированного содержания внутреннего мира личности в виртуал-образах подчеркивает проблему проекции в них низшего Я. И здесь специалисты, правильно говоря об отчуждении личности в виртуальной реальности (см, например: Королева, 2006), переоценивают способность человека к различению виртуально-иллюзорного и реального. Человек же движется к пребыванию в виртуальности как ко все более предпочитаемой реальности, что в итоге приведет к субъективному чувству ее подлинности (роман Юлии Вознесенской «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами» прекрасно показывает эту перспективу).

Отражение мира человеком высоко индивидуализировано, опосредовано личностными особенностями. Но каковы будут закономерности взаимовлияния «мира конкретных образов» и интегрального образа реальности в виртуализированном сознании? С одной стороны, картина мира любой степени адекватности в психологии понимается как предположение,

гипотеза о некой реальности. С другой, виртуальные реальности неотделимы от сферы воображения, которое, как мы знаем, лишь в определенных рамках обслуживает стремление человека к целостному видению мира, а при выходе из них выступает инструментом создания иллюзий (Гостев, 2007, 2008).

Подчеркнем один отрицательный с точки зрения нравственных позиций момент, актуальный для психологии личности, – *вседозволенность в виртуальной реальности*. Совершаемое в ней может быть аморально, но не противоречить правовым нормам[41]. И это вредит душе реально (вспомним, что мысль/образ материальны и не могут не регулировать поведение человека). Поскольку же виртуальная реальность дарит человеку яркие фантомы любого содержания, которые будут удовлетворять желания, «похоти души» в святоотеческой терминологии, реальный мир, не обладающий такими возможностями, начинает выглядеть непривлекательно. Виртуал-образы оказываются ярче его. Жизненные проблемы воспринимаются как досадная необходимость. Приоритетными становятся и ценности виртуального мира (в главе 6

[41] О негативных аспектах виртуальной реальности убедительно говорит писатель-фантаст Сергей Лукьяненко, автор цикла романов о виртуальной реальности: «Лабиринт отражений», «Фальшивые зеркала», «Прозрачные витражи».

мы поговорим о них).

Особое внимание следует уделить виртуал-наркоэффекту, который делает пребывание в виртуальной реальности смыслом жизни (эффект возрастает по мере совершенствования НИТ). Но ясно, что для отлета от «натуральной реальности» потребуется увеличение дозы фантомов. В этой связи уместно вспомнить «психоделические революции» 1960-х годов, которые способствовали «освобождению» людей от традиционности, работая на усиление атомизации человека. Несколько десятилетий назад Э. Тоффлер говорил об опасностях влияния на человека искусственной интеллектуальной среды. Сегодня же виртуал-наркотики (индивидуализированные иллюзорные миры любого содержания) позволяют внешне оставаться «нормальным работником». Это важный аспект развития технологий психоманипулирования в обществе будущего. Сеть дает человеку свободу развлечений и предпринимательства, однако все более обязывает отчуждаться от самого себя и от непосредственного общения с другими людьми, на иных масштабе и уровне помогая воплотиться известному принципу «разделяй и властвуй».

Предпочтение сетевого общества является духовной проблемой будущих поколений. Виртуальная реальность с ее возможностями влияния на систе-

му сознания человека подтверждает манипулятивную силу «принудительной виртуализации социума». Она выступает пространством социальной коммуникации, на котором существуют субкультуры, имеющие свои «фэнтези-миры». Нашумевший фильм «Матрица», являясь метафорой тотальной виртуализации социального бытия на индивидуальном и групповом уровнях, вскрывает проблему порабощения человечества сетью. Виртуальное социально-интерактивное пространство в полном объеме реализует «общество спектакля», зрители которого скоро окончательно утратят ощущение пребывания в театре.

Глубинно-психологические и метафизические закономерности функционирования образно-символической сферы в жизни людей необходимо учитывать при изучении современной информационной экологии. В процессе отчуждения от традиционных основ своего бытия человек неизбежно подключается ко всем каналам виртуализации реальности. Все более разрушаются критерии различения «кажущегося» и «существующего». Человек, погруженный в виртуальную социальную среду, неосознанно воспринимает ее как часть собственного существования.

Несмотря на то, что виртуальное сознание – это подмена отражения действительности иллюзиями, связь виртуальных образов/символов с реальностью

в определенном смысле всегда есть. Во-первых, картина мира любого человека содержит элементы виртуальности. Никто не отражает мироздание в полноте и адекватности. «Естественная реальность» предстает нам в неких образах-символах. Человек не видит непосредственно природных закономерностей, макро- и микромира, волновой, квантовой природы материи и т. п. Однако «естественная реальность» открывалась людям во все века, во всех культурах в чем-то неизменном, например, в красоте восходов и заходов солнца, в очаровании звездного неба и т. п. Во-вторых, виртуальную реальность можно уподобить системе из бесконечного количества зеркал, как-то связанных с реальностью, и запечатленных в них «образов образов» (Кургинян, 2009). Но существует и Зазеркалье, указывает С. Кургинян, являющееся «абсолютной виртуальностью»[42]. Есть также «пожирание реальности» в управляемой социальной виртуализации. К таковой относится «перестройка» в СССР – победа виртуальности над реальностью.

В связи с виртуализацией стоит обратить внимание на изменения в системе образования, которые

[42] «Приветом из Зазеркалья» (а не поводом к возвеличиванию человеческого разума) С. Кургинян считает тот факт, что к 2006 г. было создано более 160 миллиардов гигабайт данных, что в 3 миллиона раз больше, чем объем информации, содержащийся во всех напечатанных к настоящему моменту книгах.

заключаются в увеличении разрыва между обучением и реальностью. Укажем, например, на компьютерное моделирование природных, биологических и иных процессов, упрощающих реальность. Для учащегося экранный образ, имитирующий ее, воспринимается как наблюдение за реальными объектами. В медицине это приводит к исчезновению опыта непосредственной работы с биологическими объектами: виртуализация вытесняет практику. Если учесть, что образы можно формировать извне, то они окажутся средством искажения картины мира, которое будет происходить в системе образования, особенно если она будет целенаправленно обслуживать конкретные социально-политические проекты.

* * *

Итак, завершая главу 3, еще раз отметим, что сегодня мировоззренческо-идеологическая роль рекламы/бренда/маркетинга важнее информационной: создается виртуальный мир с доминированием культурных ценностей, соответствующих интересам финансового интернационала, мировой элиты. С одной стороны, бренды формируют зависимость людей от них, с другой – декларируют свою работу, посягая на личную свободу, на идеалы гражданского общества. И

это подводит нас к следующей большой теме – манипуляциям политическим сознанием.

Глава 4. Воздействие политических технологий

Данная глава является продолжением на новом уровне главы 1, где мы говорили об общих механизмах и закономерностях психоманипулятивных информационных воздействий на человека, затрагивая, естественно, и политическое сознание. Уточним некоторые обозначенные ранее моменты применительно к сфере политической жизни общества и мира в целом (учитывая теоретические установки Введения, материал глав 2 и 3). Будем исходить из следующих положений:

– В современной геополитике возрастает роль специальных технологий информационно-психологических/организационных войн, например, применения многогранного политического пиара, имиджмейкерства, умалчивания правдивой и вброса ложной информации. Активность «информационных войск» в мире увеличивается.

– Идеологические, социально-политические, экономические и иные силы оплачивают создание позитивных образов о себе по всем каналам информационного воздействия СМИиК. Последние работают

на тех, кто их поддерживает прямым или косвенным финансированием. Свободных СМИиК не существует; возможно лишь опосредованное, непубличное финансирование.

– Имеет место произвольно-преднамеренная добровольная (даже без финансовой выгоды) и наивно-непреднамеренная работа человека, профессиональной группы, социальной общности в сфере деструктивного информационно-психологического воздействия[43].

– Имиджи политических проектов, идей, персоналий и пр. задаются с опорой на социальные стереотипы и мифологию в общественном сознании и оперативно подправляются обратной связью от аудитории. При этом предлагаемые человеку/аудитории образы призваны лишь демонстрироваться, но не иметь реального содержания, тем более они не предполагают воплощение в реальность (принцип «казаться, а не быть»). Такая задаваемая политическая виртуальность максимально затрудняет свободный, осознанный и ответственный политический выбор граждан.

---

[43] Очень долго в ходе перестройки-реформ российские массмедиа действовали вопреки интересам исторической российской государственности, и эта тенденция не изжита и сегодня. Явная информационная работа по развалу страны в 1990-е годы заменялась на более тонкие психологические воздействия, но все равно так или иначе работающие на «прозападность», на псевдолиберальные ценности.

– Психоманипулятивные информационные технологии порождают театр «политического спектакля» разного уровня «подмостков» и профессионализма исполнения, т. е. масштаба «сценического действия». «Общество спектакля» – театрально-политический жанр с заданной общей канвой (замыслом) сценического действия. Он допускает импровизации, подсказки суфлера по ходу спектакля. Но общий замысел постановки должен быть реализован. «Театральные образы», во-первых, не должны ломать «либерально-демократических иллюзий» в восприятии современной мировой политики; во-вторых, эти образы должны побуждать зрителей согласиться с предлагаемыми имиджами, идеями, ценностями, почувствовать к ним симпатию, стать их добровольными носителями и реализаторами[44].

– Перманентным мировым социально-политическим «спектаклем» в процессе становления глобальной власти является функционирование современ-

[44] Особая роль в «театрализации» политической жизни отводится образу оппозиции, которая должна восприниматься как неотъемлемый элемент демократического общества – необходимая социально-протестная форма, – но при этом не обладать возможностями реального влияния на политику. В этом плане кто-то из российских политиков справедливо отметил характерные акции «национал-большевиков», в частности, в нулевые годы. Примером может служить и современная украинская послемайданная оппозиция.

ных западных демократических институтов. Необходимо искать объективные и субъективные (психологические) критерии отделения этих манипулятивных форм «демократии» от возможностей политической обратной связи, реального влияния народного волеизъявления на власть.

– Большая роль в «глобальном политическом спектакле» принадлежит долговечным и способным работать на разные цели социальным мифам и стереотипам восприятия[45]. Необходимо идти вглубь понимания их роли в глобальной психоманипуляции, особенно в духовно-нравственном аспекте. В частности, следует осмыслять содержание «черных» и «светлых» мифов в зависимости, с одной стороны, от субъекта информационного влияния (например, содержания, которое он проецирует в образ, целей, задач воздействия), а с другой – от особенностей социального восприятия объекта воздействия (личности, группы, общества).

[45] Их роль хорошо раскрыта в работах С. Кара-Мурзы, являющихся значимым вкладом в социальную и политическую психологию. Поэтому мы активно ссылаемся на данного автора.

4.1. Стереотипы и мифы в социально-политической жизни общества

Опора на стереотипы, их учет в информационно-психологических воздействиях повышает силу психоманипуляций. Это аксиома социальной психологии. Процессы стереотипизации социального познания имеют как положительные, так и отрицательные аспекты. Люди могут, например, не видеть сути происходящих политических и идеологических процессов как раз за счет инерции стереотипов, и, наоборот, именно через какой-то символический образ, ассоциативно связанный со стереотипом, человек может почувствовать некую социально-политическую проблему. Важно также понимать, что образная форма трансляции социально-политической информации через стереотипы успешно маскирует одну и ту же «пластинку» (Кара-Мурза, 2000). Если некое общественное явление видится через «нужный стереотип», то критический анализ – хотя бы на уровне здравого смысла – притупляется.

Подчеркнем, что сильный стереотип обычно работает долго и для самых разных целей. Образ Рос-

сийской Империи в мире у многих стран, преимущественно западных, имеет негативный смысл. И это в значительной степени сыграло на руку подготовке революций в России 1905 и 1917 гг. и слому в стране самодержавия. В XX в. на «коллективном Западе» – прежде всего, в США – большие усилия были затрачены на создание стереотипного представления об СССР как об «империи зла», угрожающей интересам «свободного мира». Внешняя и внутренняя политика США оправдывалась необходимостью борьбы против «красной угрозы» (аналогии мы видим в отношении представлений о «борьбе с терроризмом», о чем поговорим позже). Антисоветский стереотип действовал и после развала СССР[46].

Стереотипы эффективно используются в присоединении аудитории к каналу воздействия. Язык понятных стереотипов быстро создает ее доброжелательное отношение к источнику воздействия. Достаточно вспомнить, что в 1990-е годы использование

[46] Например, в 1996 г. в Австрии обнаружили массовые захоронения расстрелянных людей. Естественно, сообщалось, что «это сделали русские». В массмедиа говорилось о том, что русские продолжают быть убийцами по природе. Но на самом деле оказалось, что русские до тех мест не дошли. Возникла версия о заключенных концлагеря, которых расстреляли нацисты. Но и это не подтвердилось. Когда же промелькнуло сообщение, что расстрелы – дело рук американцев, упоминания о событии исчезли из СМИиК (Кара-Мурза, 2000).

в политических компаниях советской фразеологии и фильмов даже на фоне антисоветской истерии повышало доверие к политике властей («перевыборы» Ельцина в 1996 г. – хорошая тому иллюстрация). Для подстройки под стереотипы аудитории некое сообщение, переданное по телевидению, сцепляется с чем-то привлекательным: с популярным фильмом, спортивным соревнованием, подобранной рекламой. Знание стереотипов «своей» аудитории позволяет подобрать для нее имидж «авторитетного эксперта» по некой проблеме. Этот эксперт показывает себя родственным аудитории по социальному, национальному и другим признакам. Его имидж включает приятную наружность, нужную для целей психологического воздействия манеру обращения. Характерна уклончивость в изложении социально-политической или экономической позиции, ибо ясное обнаружение их содержания сразу включает психологическую защиту тех, кто эти положения не разделяет. Аналогичным образом с помощью телевидения создается и нужный образ политика, вызывающего симпатию у населения, отвечающего ожиданиям граждан. Широко используется прием показа политика как «доброго парня» с простительными недостатками. Возник даже жанр телефильмов, в которых строится такой имидж. В фильме Э. Рязанова, например, жена Ельцина жа-

рит котлеты в ожидании мужа-президента.

Для усиления информационно-психологического воздействия на конкретное общество изучаются стереотипы составляющих его социальных групп. Иными словами, картографированию стереотипов, свойственных данному обществу, уделяется большое внимание. Например, в США детально исследуются умонастроения и общественное мнение многих зарубежных стран. Американцы в массе своей поверили, что Кеннеди был убит одиночкой. Поскольку европейцы в это не верят, данная версия исключена из пропаганды для Европы. Особенно прицельно стереотипы исследовались у разных групп населения СССР. Например, в антисоветской пропаганде в период перестройки использовалось выражение «чувство справедливости». Стереотип неприязни к нетрудовым доходам и привилегиям был подменен ненавистью к номенклатуре, а потом и к государству. Учет социальных стереотипов мы видим и в украинских событиях. Как указывает известный историк и политолог А. И. Фурсов (Фурсов, 2016)[47], с украинским сознанием работали с учетом ментальности конкретных социальных групп.

---

[47] Андрей Фурсов, директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; директор Института системно-стратегического анализа; академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия).

Стереотипы можно усиливать, можно создавать новые. Примером является «сатанизация сербов» в период событий в Югославии в 1990-е годы. С. Кара-Мурза подчеркивает, что долгое употребление неприятных эпитетов в отношении к сербам, ссылки на межрелигиозные противоречия, манипулирование историческими событиями и пр. привели к тому, что у многих людей в мире возникла устойчивая к ним неприязнь, а также развились двойные стандарты в оценке балканских событий 1990-х годов (Кара-Мурза, 2000). Так, массовые убийства мирных сербов хорватскими боевиками и другими участниками данного балканского конфликта замалчивались мировыми СМИиК, а если какая информация и достигала аудитории, то не вызывала сопоставимых отрицательных реакций. Также блокировался доступ в эфир «неправильным сербам», способным изложить свою позицию в балканском конфликте.

Особую роль в психоманипулятивных воздействиях на политическое сознание, на его виртуализацию политическими «спектаклями» играют положительные и отрицательные мифологизированные представления. Напомним, что в освещении темы мифологии мы опираемся на понимание мифа, предложенное А. Ф. Лосевым. И в этом смысле миф является не иллюзией, а некой особой формой отражения реаль-

ности. Мифологизированные образы – это яркие образы, имеющиеся в структуре менталитета социальной общности (например, на уровне локальных архетипов культуры). Это также и специально созданные социальные представления с целью психоманипуляции на их основе. При помощи внедрения и постоянного поддержания социально-политических мифов власть получает возможность контролировать массовое сознание, программировать оценки и поведение людей, вызывать народное негодование или одобрение, делить социум на «своих» и «чужих».

Каждая страна, народ, культура постепенно обрастали системой своих мифов коллективного сознания, создаваемой изнутри и усваиваемой извне (интериоризация социальных представлений «от других»). Сфера мифологических представлений действует на эмоционально-мотивационную сферу личности, мешает самостоятельно интерпретировать происходящее, искажает историческую память и процессы социально-политического предвидения. На мифологизированную картину мира легче воздействовать, ибо человек с большей легкостью и охотнее принимает любую информацию, соответствующую определенной системе мифов. В результате «отмифологизированного» мировоззрения человек может начать стыдится прошлого, настоящего и будущего своей Роди-

ны. Это мы, к сожалению, наблюдаем у значительного числа граждан России начиная с 1990-х годов.

В качестве информационно-психологического оружия создаются или используются черные и светлые мифы, которые мы будем, в зависимости от их психологического содержания, брать в кавычки или оставлять без них. Черная мифология без кавычек работает на очернение, обвинение, дискредитацию противника, опираясь на ложь и преднамеренно искаженную информацию. К таким мифам, например, относятся представления, созданные противниками исторической России с использованием явной лжи, невежества, фальсификации и пр. Взятая в кавычки, «черная» мифология содержит значительную объективность, адекватность социального восприятия изъянов, недостатков, пороков оппонента. Кавычки указывают на отсутствие компонента иллюзорности образов. Деление образов, однако, порой становится достаточно условным. Так в советской пропаганде содержались и высокая степень объективности обличения пороков Запада, и излишнее его очернение.

Закавыченная «светлая» мифология работает на неадекватность образов как в плане позитивной самопрезентации некой социальной общности, так и в плане иллюзорности ее коллективных социальных представлений о других групповых субъектах. «Светлые»

мифы в большей мере относятся к представлениям, сформированным людьми в результате наивности, фрагментарности социального восприятия. Это, например, идеализация советского прошлого или иллюзии о «европейском будущем» (в частности, имеющие место в начале 1990-х годов в России и в постсоветской Украине, особенно в 2013–2014 гг.). Взятая без кавычек светлая мифология отражает объективные основания для положительных представлений группового субъекта о самом себе и других. Различные мифы, созданные или используемые (из имеющихся в системе коллективного менталитета), могут быть отнесены к черной и светлой мифологии – взятой в кавычки и без них – в зависимости от целей психоманипуляции. Иными словами, отнесенность мифологизированного образа к черной или светлой мифологии, их «закавыченность» зависят и от характеристик субъекта информационного воздействия, например, его целей и задач при создании и использовании образов в целях психоманипуляции, и от особенностей восприятия мифологизированного образа объектом воздействия – аудиторией. Наличие кавычек в черных и светлых мифах определяется по контексту использования и содержанию терминов. Отметим, однако, проблему трудностей определения границ и критериев различения четырех макроклассов образов. Пер-

спективной задачей поэтому я считаю создание типологии мифологизированных образов конкретного содержания по выделенным основаниям.

Черная мифология

Примером черной мифологии применительно к России является образ «российской кровавой деспотии во все времена». Так, образ Иоанна Грозного – это стереотип исторического восприятия, призванный наводить ужас. Укорененность мифов об Иване Грозном (в том числе и в исторической науке) указывает на актуальность изучения психологической проблемы исторической памяти, в частности, непроизвольного и преднамеренного ее искажения (Гостев, 2015а; см. также раздел 4.5 данной монографии). Но образ исторического лица всегда сложен, противоречив, многомерен. В нем должны быть соотнесены все основные грани личности и ее проявления в жизни. Этот образ должен быть воспринят потомками во всей противоречивой полноте. Что касается Иоанна Васильевича, то при всех объективных основаниях для его образа как «кровавого деспота» необходимо признать, что он был защитником православия против так называемой «ереси жидовствующих», создателем Московского царства, намного расширившим его грани-

цы, блестящим политическим стратегом и полководцем[48]. Для преодоления иллюзорности образов социальной памяти полезно знать, что «кровавость Запада» во времена Иоанна Грозного многократно превосходила то, что происходило на Руси[49]. Работы В. Кожинова (Кожинов, 1997, 2005, 2006, 2011), В. Манягина (Манягин, 2002, 2006), Т. Грачевой (Грачева, 2009, 2010, 2011) и других авторов помогают формировать более адекватный многомерный образ этой противоречивой исторической фигуры, задают новые ракурсы понимания ряда явлений, связанных с образом исторической России.

---

[48] Подавляющее большинство казненных принадлежали к высшим сословиям и были виновны во вполне реальных заговорах, причем ранее они прощались под клятвы. Смертный приговор князьям и боярам утверждался Боярской Думой на основе государственных законов своего времени, т. е. он не был «произволом деспота». Значительная часть боярства и духовенства была настроена антипатриотично и антигосударственно, была готова отдать врагу территории страны, ее богатства. Дело шло к интервенции, к разделу государства (Грачева, 2010, с. 245–263).

[49] За царствование Ивана Грозного было казнено 4 тысячи человек. В те же годы только в Варфоломеевскую ночь было убито до 12 тыс., а в Нидерландах было казнено около 100 тысяч человек. Полезно вспомнить и о разземеливании крестьян в Англии в XVI–XVII вв., особенно в первой половине XVI в., с последующей их казнью как бродяг. Подобные вещи известны (хотя умалчиваются), однако многие люди именно под властью мифологизированного стереотипа продолжают быть уверенными в том, что Россия – некая «изначальная империя зла» (Кара-Мурза, 2000, с. 180).

Другой пример – миф о черносотенцах. Советские словари определяют черносотенцев как «членов погромно-монархических организаций». В реальности же это было политическое движение, которое выступило против революционных течений в России, против надвигающейся революции. И если бороться с искажением социального восприятия и исторической памяти, то с позиции сегодняшнего официального антикоммунизма именно черносотенцев было бы естественным не только реабилитировать, но и поставить на исторический пьедестал. «Черная сотня» не была объединением маргиналов и представителей неграмотных слоев общества. Историк Вадим Кожинов приводит список выдающихся деятелей отечественной культуры, которые участвовали в этом движении. Миф утверждает, что черносотенцы устраивали еврейские погромы. Но Союз русского народа, созданный в ноябре 1905 г., не мог быть причастен к известному погрому в Кишиневе в 1903 г. Надо также знать, что погромов на собственно русских землях Российской Империи не было (они были в Молдавии и на Украине), что в числе организаторов Союза русского народа были виднейшие представители еврейства, что число убитых – «до 500 человек» – неверно (убито 43 человека, что, конечно, меньше 500), что собственно погром начался после того, как евреи при-

менили огнестрельное оружие и убили трех человек, в том числе одного ребенка (см.: Кара-Мурза, 2000, с. 577–585).

Черную мифологию мы видим в широком спектре социальных представлений об «ужасном советском строе», об «убогом человеке-совке». В экономической сфере это миф об убыточности советских предприятий, о «советском долге», о подрывающем народное хозяйство «поголовном воровстве», которого якобы нет в цивилизованных странах (Кара-Мурза, 2000). Антилиберально настроенные экономисты обычно отмечают тот факт, что промышленность, при огромном масштабе ее разрушения за годы перестройки/реформ, отсутствии инвестиций, все же сохранилась в стране, что говорит о ее высоком потенциале. Относительно долга – дружественные страны были должны СССР около 80 млрд долларов, и эти долги можно было требовать (хотя бы частично, с реструктуризацией) или продать. Существовал и золотой запас, который в значительной мере «испарился». Можно было продавать существовавшие в стране (в ВПК, например) высокие технологии, а не отдать их за бесценок на Запад. Что касается воровства в народном хозяйстве, то в 1990 г. доходы «теневой экономики» составили 99,8 млрд руб., а хищения государственного имущества – всего 5,4 млрд руб. На Запа-

де за 1990-1994 г. только в системе здравоохранения США хищения составили 418 млрд долларов.

Широко распространены также мифы о советской милиции. В отечественных антисоветских фильмах конца 1980-х навязывался образ бесчеловечной милиции на фоне положительной мифологии об американской полиции (например, известный фильм «Русский рэгтайм»). В действительности же, подчеркивает С. Кара-Мурза, для советской милиции все граждане (помимо «начальства») имели примерно одинаковый статус. Полиция США, в соответствии с глубинными идеологемами западного общества, делит (сознательно и неосознанно) людей на «избранных» и «отверженных». Обращение с последними поразительно жестоко. Весь мир обошли кадры: четверо полицейских остановили водителя-негра, проехавшего на красный свет, и избили его, сделав на всю жизнь инвалидом. Когда суд присяжных оправдал полицейских, начались волнения в Лос-Анджелесе.

Любое трагическое происшествие в СССР становилось поводом для еще одного упрека в адрес советского строя. Происходящие же в западных странах катастрофы, причиной которых была недобросовестность людей или организаций, никто не увязывал с общественным строем страны, в которой эти аварии происходили. Раздутой темой во времена перестрой-

ки были пожары. Но, например, пожар в гостинице «Россия», где погибло четыре человека, несопоставим с числом пожаров и количеством пострадавших на дискотеках США и Европы. Еще один показательный пример: в детской больнице в Элисте 20 малышей были заражены СПИДом. Ельцин покупает ящик одноразовых шприцов для «плохой советской медицины». Потом выяснилось, что в эту больницу направляли уже зараженных детей, о чем в СМИ не говорилось. На Западе же почти в то же время произошел чудовищный случай: в Национальной службе переливания крови Франции по дешевке скупалась кровь у маргиналов и наркоманов, в итоге были заражены СПИДом несколько тысяч человек.

К специальным мифологизированным представлениям, в которых перемешаны и светлое, и темное, отнесем образы, преднамеренно направленные на усыпление инстинкта национального самосохранения или непроизвольно служащие этим целям. Сегодня на фоне возобновления «холодной войны» и угрозы новой «горячей» мировой войны «оборонное сознание», к счастью, просыпается. Но был достаточно долгий период, когда в России работал образ «чудесного будущего без страха и войн» – неадекватный «светлый миф». Армия жила без необходимой военной доктрины; генералитет утратил представле-

ние о вероятных военных угрозах. В обществе доминировал образ армии как «ненужного Родине паразита». Циркулирующие в общественном сознании образы дискредитировали армию, снижая ее боеспособность. В западных и отечественных СМИиК в 1990-е годы истерически-агрессивно обсуждались «преступления федералов» на Кавказе. Вспомним и деятельность «правозащитников» и «комитетов солдатских матерей». При манипулятивных информационно-психологических воздействиях подрывается в народе чувство гордости за армию, искажается образ воина-защитника, замалчиваются памятные даты, имена героев. Введенная «натовскоподобная» армейская форма работает против исторической памяти. Сокращение сроков службы – это тоже подрыв армии (овладеть воинским ремеслом, освоить сложнейшую технику невозможно за короткое время). Социально-психологические вопросы возникают и к отечественной контрактной армии: насколько она способна быть защитницей Родины. От утраты «оборонного сознания» пострадал и ВПК, объявленный проигравшим военно-техническое соперничество и представленный одной из главных причин экономической деградации, развала СССР и нищеты народа. В результате долгие годы ВПК существовал без военно-промышленной программы, с минимальными оборонными зака-

зами. Отдельной темой является изучение представлений людей о «сердюковщине» и ее реальной роли в развале и дискредитации армии (ибо существует мнение, что положительным моментом в махинациях «Оборонсервиса» был некий отвлекающий маневр для создания российской армии нового типа).

Прекрасный пример черной мифологии – всемирная информационная компания по «демонизации» сербов в 1990-е годы, завершившаяся «гуманитарными бомбардировками» Сербии (на православную Пасху, что ясно говорит о духовно-метафизическом аспекте данной военной операции).

В качестве примера черной мифологии внутри западного мира (сделаем акцент на раскавыченность данного представления) С. Кара-Мурза приводит миф об инквизиции. Миф позволил утрированно говорить о пытках, о сожжении еретиков и людей, обвиненных в колдовстве (преимущественно, молодых женщин), – об этих достаточно общеизвестных деяниях римско-католической церкви. Но в Испании, например, «охота на ведьм» прекратилась на столетие раньше, чем в странах, где победила Реформация. Сотни тысяч «ведьм» продолжали идти на костер (в США их сжигали вплоть до XVIII в., причем судьями были профессора университетов). Утверждение о том, что Реформация освободила мышление,

ложно, ибо виднейшие деятели протестантизма (Лютер, Кальвин) были фанатичными преследователями ведьм (см. труды американского историка Г. Ч. Ли; цит. по: Кара-Мурза, 2000, с. 182).

Существует еще один класс мифологических представлений (это преимущественно «черная» мифология), главной особенностью которых является достаточно явное несовпадение некой официальной версии события и недоверие этим образам со стороны значительной части населения, причем в глобальном масштабе. Примерами могут служить представления о произошедшем в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. и операция по ликвидации Бен Ладена. Часто цитируемый в монографии Джульетто Кьеза в своем фильме «Zero» и в одноименной книге показывает, что официальная версия событий 11 сентября 2001 г. не выдерживает критики, что образ Аль-Каиды является мифом, сформированным западными спецслужбами через СМИиК[50]. Дж. Кьеза также сомневается в офици-

[50] Отметим, что все большее число людей ставит под сомнение официальную версию события от 11.09.01 (достаточно посмотреть обсуждение вопроса в интернете). Многими оно понимается как гигантская провокация. Многочисленны примеры анализа «несостыковок» официальной версии с имеющимися данными. Достаточно указать на отсутствие фрагментов пассажирского самолета, тел и багажа пассажиров у атакованного лайнером Пентагона, замалчивание факта третьего разрушенного здания на Манхеттене и многое другое. Набирает обороты и наднациональное прочтение события. Вполне понятны возникаю-

альной версии убийства Бен Ладена, которое он называет «театральной операцией».

Светлые мифы

Иллюстрацией подобных мифов служит, например, позитивная самопрезентация «коллективного Запада» и поддержка подобных образов «прозападной колонной» в различных странах мира. Главным является представление о том, что Запад – это вершина человеческой цивилизации, что все культуры проходят один и тот же путь к торжеству либерального капитализма. Миф о «едином общечеловеческом пути» попрежнему эксплуатируется, хотя все более очевидна невозможность осуществления данной иллюзии. Западная мысль приписывает неравенство экономического развития стран действию неких «внутренних причин на местах» (вроде «неправильного сознания» людей или неэффективного менеджмента)[51]. Подобные идеи являются яркими проявлениями глобаль-

---

щие представления о причастности к ним «внеисламского фактора», например, неких надгосударственных спецслужб с неизвестным хозяином (тем более что подобные образы наднациональных террористических игр встречаются в кино- и телепродукции).

[51] Не будем забывать, что европейские колонизаторы целенаправленно разрушали национальный капитализм в захватываемых странах; только Япония сумела его сохранить, создав «железный занавес».

ной психоманипуляции, хотя бы и непреднамеренной, как результата искренних заблуждений людей. Нужно помнить главное: ни одна цивилизация/ культура не может жить жизнью другой без утраты себя. Но именно эту опасность мы видим в России в перестроечно-реформаторские годы.

Образ столбовой «mainstream-культуры» иллюзорен уже потому, что он работает на исчезновение национального историко-культурного разнообразия в мире. Единообразный мир – самая разрушительная из всех утопических идей, заразивших человечество. Каковы критерии оценки культурного вклада цивилизаций? Технический прогресс ведь пока разрушает планету. Да и современный глобальный кризис капитализма порождает сомнения в безальтернативности пути человечества. Может быть, лучше посмотреть на достижения локальных цивилизаций в духовно-нравственной и религиозной сферах?

Иллюзорны идеи о значительном вкладе античной цивилизации в западный мир. Древняя Греция не была частью Запада, она породила восточно-христианскую цивилизацию. Разрыв Европы с античностью составлял более тысячи лет. Утерянное культурное наследие античности Запад получал через арабский мир. Фундаментальную критику европоцентризма дал К. Леви-Стросс. Он квалифицирует идеи «пра-

вильного» развития и «естественного отбора» культур/народов как «фальшивый эволюционизм», стремление устранить разнообразие культур на фоне деклараций об уважении к этому разнообразию. Указывается, что начало заката Запада заключается в поглощении им человечества (Lévi-Strauss, 1963). О несостоятельности тезиса об унификации мира на базе западной системы писал и А. Тойнби (Тойнби, 2001).

Миф европоцентризма развивает иллюзию, что Запад – христианская цивилизация. Не будем забывать, что в Европе в различные века были популярны мистические учения, что Реформация исказила основы христианской веры (ценности современного потребительского общества не совместимы с христианством). Дополняет картину антихристианского Запада рост современного неоязычества и самоидентификация ЕС, который о связи Европы с христианскими корнями уже и не упоминает. В главе 5 мы поговорим о дехристианизации Запада подробнее.

«Светлые» мифы о Западе, подчеркивает С. Кара-Мурза, оказались, однако, очень устойчивыми. Они мало изменяются у людей в западных странах и у носителей прозападного сознания в иных государствах даже под влиянием «гуманитарных демократизирующих» бомбардировок НАТО. Может быть, транс-

формация данных мифов, наконец, начнется в результате кризиса ЕС под влиянием наплыва беженцев и их атак на оставшиеся европейские ценности?

Коснемся «светлой» мифологизации представлений о реформах/ перестройке в советско-российском обществе (подробно об этом см.: Кара-Мурза, 2000). Мы видим силу союза спонтанно-непроизвольного (например, по наивности) и преднамеренного (в рамках социально-политического проектирования) информационно-психологического воздействия на представления людей. На сегодняшний день картина поэтапного разрушения советского государства ясна. В этом процессе следует выделить: а) объективные и субъективные проблемы общества (предпосылки), б) заданные информационными воздействиями направления изменения общественного сознания, а также спонтанную его трансформацию, в) уязвимые стороны национально-психологических и культурных особенностей людей. Эти моменты следует рассматривать как взаимосвязанные факторы изменения системы социальных представлений людей. Защита же против психоманипуляции в 1990-е годы была очень слаба. Подавляющее число бывших советских людей были поставлены перед необходимостью выживания, человеческие связи разрывались, деформировались отношения даже между родственниками, дру-

зьями и близкими людьми. В СМИиК циркулировали представления о том, что СССР потерпел поражение в «холодной войне» потому, что советская система не выдержала соревнования с Западом и самоликвидировалась, после чего, соответственно, «холодная война» и закончилась. Делалось все для того, чтобы люди не осознали: информационно-психологическая война не закончилась с распадом СССР, она продолжается на более тонком уровне.

У многих советских людей существовал образ Запада как «земли обетованной». Этот образ был усилен СМИиК, в которых активно циркулировала тема недовольства всем отечественным. Возникшие социальные установки людей на увеличение наслаждения от более высокого качества жизни (жить «как на Западе») помогли «иноземным образам» овладеть внутренним миром очень большого количества постсоветских людей. Советский же образ жизни казался многим людям недостаточно ярким и интересным. Это, естественно, порождало потребность в новых впечатлениях, развлечениях и т. п. «как на Западе»; соответствующие образы брались в основном из кино- и видеопродукции. Блага социализма с началом перестройки воспринимались как неотъемлемая часть социальной среды, которая не может исчезнуть в принципе. Страхи западного человека (безработи-

ца и т. п.) воспринимались надуманным порождением советской пропаганды. Внедрялись представления о том, что за увеличение качества наслаждения («Бери от жизни все!») следует бороться несмотря ни на что. В криминальных сообществах этот принцип был доведен до предела – до убийства людей. И многие люди со спокойной совестью усваивали идеи прагматизма и социал-дарвинизма. Гедонизм «ново-российского человека» победил.

Был, в частности, разрушен идеал простого труженика – ведь на его зарплату невозможно жить. В имаго-символосфере общества позитивный образ трудящегося человека не был представлен должным образом, и эта тенденция воздействия на сознание масс не преодолена до настоящего времени. По-прежнему транслируются «успешные образы» банкиров, бизнесменов, представителей гламурной жизни, насаждается культ «легких денег», безделья, тусовочного кутежа. Тем самым усиливаются образы социальной несправедливости. В интересах «новорусской буржуазии» были приняты законы, обеспечивающие перераспределение общенародной собственности, которое получило справедливое народное название «разворовывания страны». Уже к 1991 г. советская элита/номенклатура увидела перспективу перехода на иной уровень финансово-экономических возможно-

стей. Стали возрождаться и сословные притязания, и претензии «криминалитета в законе».

Мифологизированное представление «На Западе все лучше» распространилось на обоснование реформ российского образования. В течение всех постсоветских перестроечно-реформаторских лет постепенно уничтожалось все лучшее, что было достигнуто в советской школе всех уровней. Не случайно в народе появилась шутка о том, что министерство образования должно называться «министерством ликвидации образования». Советскую систему образования, объявленную «совковой», стали переводить на рыночную основу. Считавшаяся одной из лучших в мире, система отечественного образования стала подгоняться под западные образцы, которые освобождали учащегося от реализации принципа единства образования и воспитания, от системы базовых знаний. Был проигнорирован опыт советской школы, показавший, например, что только хорошо усвоенная геометрия дает необходимые для множества профессий навыки пространственного воображения, что только широкая эрудиция позволяет человеку более адекватно ориентироваться в социальной реальности. Появились низкокачественные и политически ангажированные учебники. Школы разделились на те, где дети состоятельных родителей получали качественное образование,

и на те, где такое образование получить было нельзя. Появились лицеи и гимназии, а также «дополнительное образование» в виде платных курсов и репетиторства.

Уничтожение советского образования было дополнено уничтожением науки, – процессом, лишь слегка притормозившимся на сегодня. Но все началось с мифотворчества. С началом перестройки заговорили, что советская фундаментальная и прикладная наука плохи. Достижения отечественной науки и техники даже отрицались. В СМИиК была широко представлена критика фундаментальной науки, не имеющей «коммерческой отдачи», а потому говорилось, что академическую науку надо реформировать. Другой вброшенный манипулятивный образ – «науку погубила оборонка» – отсек науку от ВПК. Очень многие ученые уже в 1990-е годы ушли из науки. Оставшимся предлагалась работа в мировых научных центрах и гранты западных фондов в Российской Федерации. Это позволило уже на уровне заявок на гранты снять «интеллектуальные сливки» – условием грантов была собственность грантодателя на интеллектуальный продукт. Из России за бесценок были вывезены десятки тысяч научных разработок. Выехало более 20 тысяч докторов наук. В результате до сих пор не остановлено исчезновение научных школ – основы науч-

но-промышленного потенциала страны. Для сравнения, «зарубежные научные диаспоры» Китая и Индии рассматриваются у себя на родине в качестве потенциальных «возвращенцев» (для них существуют специальные программы).

Прекрасный историко-культурологический материал по теме мифологизации социального восприятия дает книга В. Р. Мединского (Мединский, 2015). В ней детально представлены различные варианты черных и светлых мифов (в кавычках и без них) относительно исторической России. Эти мифы соотносятся автором как со взглядом извне на Россию, так и изнутри (с точки зрения самоочернения и самовозвеличивания). Психологическому анализу представленного в монографии В. Р. Мединского материала я планирую посвятить отдельную работу, ибо он является еще одной иллюстрацией того, как междисциплинарное гуманитарное человекознание опережает психологическую науку в исследовании самых актуальных на сегодня тем.

В психоманипуляциях социальным восприятием задействованы, помимо социальных стереотипов и мифологизированных представлений, и другие способы выработки политических установок, ценностей, обеспечивающих поддержку/неприятие определенных идей/проектов, подталкивающих к программиру-

емым формам социально-политической деятельности. Эти способы включают скрытое управление сознанием и поведением человека, социальных групп, общества в целом с целью принудить их действовать/бездействовать в интересах заказчика-манипулятора. Следующий раздел посвящен данной проблеме.

4.2. Манипуляции политическим сознанием: основные аспекты

Главный аспект манипуляции политическим сознанием масс и конкретных людей был обозначен: это использование «демократии» как перманентного мирового социально-политического спектакля в процессе становления глобальной власти для реализации ее стратегического проектирования в процессе создания NWO. Иными словами, в ходе психоманипуляций политическим сознанием зародилась особая форма информационно-психологического воздействия – то, что мы называем «манипулятивной демократией». Это мощный фактор, создающий систему иллюзий социального восприятия. Речь идет об использовании «демократических институтов» как ширмы в продвижении глобальной политики, идеологии, экономики и пр. Отметим также, что социально-политическим психоманипуляциям в той или иной мере подвержены все люди: в современной информационной среде невозможно спрятаться, быть независимым от нее.

В то же время еще раз подчеркну, что мое отношение к «священной корове» либерально-демократических ценностей не означает, что я отрицаю положительные аспекты демократических институтов. Они

по-прежнему являются достаточно эффективной обратной связью от народа, с которой «власть предержащие» вынуждены как-то сотрудничать в своей деятельности. Демократические институты продолжают быть способом влияния народных масс на политическую элиту различного уровня, способом противодействия нарождающемуся тоталитаризму глобального, жестко стратифицированного, элитарного макросоциума. Но идеализировать роль демократии, тем более абсолютизировать ее, к сожалению, не приходится. Это было бы равносильно согласию людей со статусом жертв глобальной психоманипуляции, «особей с уже хорошо промытыми мозгами».

Отсутствие реальной демократии в мире иллюстрируется международным непризнанием волеизъявления жителей Крыма. Здесь нежелание оставаться в Украине было очевидно с момента трагедии распада СССР. Люди в подавляющем своем большинстве хотели быть с Россией. Психологически понятно, что такое желание усилилось после государственного переворота в Киеве. И это проявленное демократическое волеизъявление народа в мире было не признано странами, считающими себя носителями демократии. На решение крымчан ничто не могло бы повлиять. В этом смысле абсурдна апелляция к тем формальным претензиями к проведению референдума,

на которые сегодня России указывают. Поэтому защитникам демократии в мире следовало бы как минимум признать дискуссионность темы, найти способы подтвердить онтологию полученных на референдуме результатов. Тем самым были бы хоть как-то показаны реальные позитивные стороны современных демократических институтов.

Атаки «демократическим оружием» начались много десятилетий назад. «Вражеские голоса» в виде зарубежного радиовещания в советский период внесли действенный вклад в разрушение СССР. Эти «голоса» в широком смысле смогли создать образ демократии, свободы, прав человека как высшей ценности человеческого бытия, противопоставив этот образ советскому тоталитаризму. Вложив в сознание советских людей, прежде всего интеллигенции, эти ценности, «коллективному Западу» удалось разложить население огромной мощной страны, став свидетелем и участником-фасилитатором ее гибели. Информационное оружие оказалось чрезвычайно эффективным в геополитической битве.

Сегодня «вражьи голоса» следует понимать в более широком смысле, зная, что нужная информация доставляется российской аудитории более тонко и многоканально. Традиционные формы информационного воздействия при этом никто не отменял. Извест-

но, например, о сотрудничестве ряда теле- и радиоканалов с зарубежными информационными агентствами и телерадиовещательными корпорациями, в частности, с английской BBC. Поэтому изучение механизмов манипуляции системой социально-политических установок приобретает особую актуальность, теоретическую и практическую значимость. Формы политических психоманипуляций – политпиар, агитация к социально-политическому действию, политическая реклама образов/идей/проектов и др. – взаимосвязаны, взаимодействуют и подстраховывают друг друга. Информационно-психологические воздействия в сфере политического сознания включают также раздувание темы коррупции во власти, интриг во влиятельных социальных институтах/организациях, антигосударственную пропаганду, подготовку информационной почвы для межнациональных и иных социальных конфликтов.

Манипуляция политическим сознанием нацелена на внедрение в сознание человека, определенных социальных групп и общества в целом конкретных социальных представлений, стереотипов, мифов, идей, «желательных переживаний» о происходящих в стране и мире событиях. Изменяются, однако, не только политические взгляды, но и мышление, картина мира, ибо информация, получаемая человеком через

СМИиК, является продуктом, изготовленным субъектом информационно-психологического воздействия, т. е. в этом продукте отражаются мировоззрение и социальные переживания других людей. Человек некритично усваивает частные мнения, представления, что не может не влиять на его оценки происходящего в стране и мире. Отношение человека к проблемам и явлениям во многом определены теми, кто контролирует мир коммуникаций (Паренти, 2006). СМИиК отбирают информацию и дезинформацию, которыми люди пользуются для оценки социально-политической действительности. Гипотетически можно предположить, что информационно-психологическое воздействие будет происходить даже в случае, если человек не будет ничего смотреть, читать. Общее «информационное поле» общества донесет до него свое содержание.

Политические технологии включают имиджмейкерство, заказные экспертизы и данные социологических опросов, рейтинги политиков, политпиар, рекламу определенных идей и политиков, провокации и другие манипулятивные приемы[52]. Большое внимание политические манипуляции уделяют реализации

[52] См. аналитический материал Василия Авченко (http://psyfactor.org/polman1.htm), а также другие материалы Библиотеки «Пси-фактора» «Психология и политика» (http://psyfactor.org/lybr5.htm).

скрытых целей определенных политических сил, воздействию на «болевые точки» общественного сознания, способному возбудить отрицательные социальные чувства – страх, тревогу, ненависть и т. д. Предполагается, что внедряемое под видом объективной информации должно приниматься большинством людей на веру. Тех, кто склонен быть активным субъектом социального восприятия, манипуляция должна уводить от излишней критичности.

Манипулирование политическим сознанием предполагает изучение ожиданий/предпочтений электората и создание нужного образа. Избиратель голосует за образ политика и/или его программы (Сегела, Лебедева, 2014). Для людей важна субъективная истинность предлагаемых идей, эмоциональность в предвыборной компании. При формировании такого образа (задолго до предвыборной кампании) учитываются региональные, демографические, этнопсихологические и иные особенности электората, индивидуальные качества кандидата. Построение имиджа кандидата обычно совмещается с разрушением образа конкурентов, защитой от их атак, попыткой заставить их «подыгрывать» своему кандидату.

Особую роль в манипуляциях политическим сознанием играет разрушение нравственности. Оно создает те внутренние условия, через которые посту-

пают информационно-психологические воздействия. Об этом мы поговорим в главе 5. А пока рассмотрим ряд частных вопросов.

Социальный интеллект как объект информационно-психологического воздействия

Ярким примером массовой утраты социального интеллекта и здравого смысла, пожалуй, является результат масштабной манипуляции политическим сознанием советских/постсоветских людей в ходе перестройки/реформ в нашей стране. Манипулирование политическим сознанием с началом «перестройки» в СССР и в 1990-е годы в Российской Федерации проходило на фоне резкой и массовой утраты людьми способности к критическому анализу социально-политической реальности. Только благодаря этому стало возможным так кардинально поменять политическое сознание. Многие советские (а с 1991 г. и «постсоветские») люди, особенно интеллигенция, традиционно в России страдающая псевдолиберальными установками, потеряли способность адекватно оценивать суть происходящего в стране уже с конца 1980-х годов и, соответственно, критично воспринимать информацию, предлагаемую в СМИиК, а также публици-

стическую и художественную литературу.

Социальные фантазии, неадекватные мечты и т. п. заслонили реальность. Сначала это было, действительно, «неприглядное в СССР», а потом и «постсоветское настоящее» разрушаемой великой страны. Ее реформирование пиарилось нетрудным и краткосрочным. У людей легко возникал образ «скорого благоденствия, как на Западе». Под влиянием внедряемых зарубежных экономических концепций появилось разрушительное для страны иллюзорное представление о том, что общественная жизнь – это самоорганизующаяся система, требующая минимизации государственного вмешательства. Удивительно, как много людей поверило утопическим, нереалистичным социально-экономическим прогнозам, распространяемым через СМИиК. Утрата критической оценки происходящего подпитывалась системой создаваемых идеологических, социально-политических, экономических и иных мифов. Например, нам эффективно и мощно внушали, что «за «железным занавесом» Россия была оторванной от мировой цивилизации и потому сейчас должна пройти ускоренный и связанный с трудностями «курс переобучения». И многие люди также этому поверили.

Плохое положение в советской экономике в 1980-е годы привело к восприятию реформ как необходимых

событий. Этому способствовали усиленно создаваемые образы ущербности советской экономики, с одной стороны, и противостоящей ей «невидимой сказочной руки рынка», с другой. Утверждалось, что для создания рынка нужна минимизация присутствия на нем государства. Не сообщалось о том, что огромное число рыночных экономик в мире влачит жалкое существование, а современная эффективная рыночная экономика на самом деле управляется финансовыми спекуляциями и государственными дотациями и другими финансово-экономическими механизмами. Об этом говорят в своих работах и выступлениях, например, М. Г. Делягин и В. Ю. Катасонов. Не вспоминалось, что в США в эпоху «великой депрессии» именно государственные социальные программы спасали население. В итоге неконкурентоспособными, а потому ненужными и даже вредными объявлялись все сферы и отрасли советского хозяйства. И этот подаваемый в СМИиК посыл вместе с идеей принципиальной нереформируемости социалистической экономической системы обосновывал ее «шоковый» слом, уничтожение всего «никуда не годного» и потому «никому уже не нужного». В результате большинством населения была с энтузиазмом одобрена цель построения «рая из супермаркетов».

Массовой утрате критического социального интел-

лекта на уровне нации способствовали даже положения исторического материализма, обосновывающего историческую закономерность всего происходящего (Кара-Мурза, 2000). Не остались без своей роли в подверженности политическим манипуляциям также национально-культурные особенности русского народа, – в частности, склонность к социальным фантазиям и гипертрофированию идей, традиции русского нигилизма и пр.

На «поле политической манипуляции» присутствовали и менее очевидные, но действенные игроки, которые также внесли свой вклад в утрату здравого смысла. Тележурналист, автор фильма «Биохимия предательства» Константин Семин показывает (Семин, 2014а, 2014б), что в 1980-е годы в этот разрушительный процесс огромный вклад внесла западная рок-музыка. Телевидение тех лет и видеомагнитофоны (его владелец становился «телевидением для самого себя») он приравнивает к таким же системным социально деструктивным факторам, как цены на нефть, продовольственный дефицит, очереди «за всем» и пр. Музыкальные клипы с «завораживающими» особенностями их монтажа и динамикой смены картинок уже за несколько лет до начала перестройки стали мощным ударом по внутреннему миру советского человека. Картинка с экрана, отличающаяся яр-

кими цветами, входила в эстетическое противоречие с «серой повседневностью» людей, создавала новый эстетический запрос.

Но пришли не только новые притягательные картинки. Пришли и разрушительные смыслы. Клип популярной песни тех лет – «Улицы Филадельфии» – воспринимался аудиторией как слепок счастливой американской жизни, хотя в песне поется совсем о другом[53]. В 1988 г. в эфире масштабно звучит песня «You're in the Army Now». Пацифизм охватил сознание целого поколения рокеров («Требуй мира! Уйди из Афганистана и Германии»). Война мировоззрений была проиграна не без участия рок-музыки как таковой. Навязчивое воспроизведение музыкальных фраз эффективно погружает человека, группу людей в транс. Но ритм стал значить в музыке больше, чем мелодия и текст. Музыкальную ударную установку К. Семин называет психологическим оружием. Секрет ее магического воздействия – в одновременном ее профессиональном звучании с бас-гитарой. На стадионе барабаны и бас – мощнейший способ влияния на массы. Речь идет о воздействии низких частот на психику, о глубинном инстинкте (вспомним, что доистори-

[53] «Я был избит до полусмерти… неужели ты оставишь меня умирать на улицах Филадельфии?» Герой песни через трущобы Филадельфии идет в заброшенный город нищих, гангстеров и наркоманов.

ческие предки собирались у костров под звуки тамтамов). Также отмечается, что рок-музыка порождает тоску и недовольство. После Вьетнама охватившая американское общество депрессия вылилась в уличные фестивали – проекции экономических кризисов и войны.

К. Семин отмечает, что советское сознание как бы искало в Америке достойных людей, воплощая такие образы на экране (например, ковбои из фильма «Человек с бульвара Капуцинов»). Вот почему ответ влиянию западной культуры сводился к подражанию ее образцам. К началу 1980-х капитулировала интеллектуальная, возвышающая человека советская эстрада. Для советских людей наступление рок/поп-музыки означало разрушение культурной самобытности. Никогда американец не начнет играть на балалайке. «Русский рок» же – с чужого плеча. Начиная с 1980-х годов наши вкусы, наши предпочтения стерты и прописаны заново.

Расплывчатые социально-политические и экономические понятия как информационное оружие

О данном приеме информационно-психологического воздействия мы начали говорить в главе 1. Речь,

напомним, шла о таких понятиях, как «свобода», «демократия», «гуманизм», «права человека». Продолжим разговор о «психолингвистической герменевтике», добавив некоторые другие понятия (Кара-Мурза, 2000, с. 356–368).

Большинство людей не заметило, что при расстреле Верховного Совета Российской Федерации в октябре 1993 г. были разрушены представления о самой возможности «демократии» в России. Власти, реализовав тезис «цель оправдывает средства», повели себя «по-большевистски». Общество же в своем большинстве посчитало, что танки, разрушающие Белый дом, защищают «демократию». Я не буду углубляться в данную тему. Читатель может сам поднять публикации, посвященные юбилейным датам расстрела Белого дома в оппозиционной прессе.

Расплывчатым и потому ложно истолкованным понятием была «рыночная экономика». Человек поверил, что речь идет о рынке товаров, который и будет все регулировать. Умалчивалось, что товаром может быть все что угодно, включая людей, и это мы сегодня видим в формах современного «неорабства»: в подпольных мастерских/цехах, на сельхозработах, на рынке сексуальных услуг и пр. Общество поверило в «приватизацию», не получив информации о том, что акции нигде в мире не играют существенной роли

в доходах наемных работников.

Устоявшиеся слова заменялись на благозвучные непривычные термины. Подбирались и порочащие выражения, и социальные ярлыки (например, «русский фашист»). Навязывалось ложноположительное толкование слов, отражающих новую социальную реальность (например, «либерал»). Создавались словесно-образные психоманипуляции вокруг слов, сильно действующих на людей (например, «сталинские репрессии»). Возникали метафоры и афоризмы, отражающие перестроечные реалии.

Особое место в анализе С. Кара-Мурзы занимает роль телевидения, ставшего после августа 1991 г. главным каналом информационно-психологических манипуляций. Бедствие народа подавалось как фарс. Фальсифицировались факты, использовалось воздействие популярных телеведущих, внедрялись образы, не представляющие основное содержание общественного мнения. К эфиру не допускались эксперты, предупреждавшие о сути и последствиях рыночных реформ. Новое описание социально-политической реальности помогало людям уверовать в свои фантазии и иллюзии. Анализируя лингвистический компонент политической психоманипуляции, С. Кара-Мурза очень точно говорит о появлении в России «семантического террора новояза». Изменение

и подмена смысла понятий порождает «хаос смыслопонимания». Большинство людей не поняло, что распад СССР в мире был не «советской катастрофой», а русским поражением, крахом «Российской империи» в исторической ретроспективе и перспективе. Процент «политически неотманипулированных» – по крайней мере, на стыке 1980–1990 гг. – был незначительным. С началом «перестройки» большая часть населения с восторгом заговорила о «свободе от коммунизма», о возрождении к новой «светлой капиталистической жизни» и т. п. Долгие годы в 1990-х практически не виделась цель психоманипулятивного заказа – создание образа России в мире как криминального государства, опасного для человечества, как «новой империи зла». И по сей день, когда этот заказ активно реализуется, многие остаются «социально-политическими слепцами».

Понятийно-смысловой и ценностно-нормативный хаос затрудняет понимание сути происходящего, тем более исправление социальной ситуации. Для этого указанные виды хаоса необходимо поддерживать и усиливать, чтобы они поглощали реальную действительность. Данному процессу помогают различные языки описания (например, англоязычные заимствования), создание новых понятий, призванных как бы лучше описывать реальность. Наполняя раз-

ным содержанием понятия, сохраняя их несовместимость, можно управлять хаосом смыслов, направляя тем самым людей в нужном направлении. «Советский гражданин», например, превратился в «совка». Обоснованию порочности «советской уравниловки» способствовала вариабельность понимания социальной справедливости. Понятийные подмены стали работать на изменение представлений людей о сострадании, совести, других нравственных ценностях, характерных для советских людей. С. Кара-Мурза подчеркивает важность расшифровки связки понятий несправедливости и безнравственности. В чем, например, справедливость рынка? Если только в рентабельности сделки, то платить шахтерам за уголь, который дешевле купить в Австралии, безнравственно. Справедливо замораживать людей, если они не могут платить за тепло. Но насколько можно оправдать подобную «мораль»?! К счастью, не все могли воспринять идеи социал-дарвинизма, сохраняя в душе идеалы правды и добра.

Иными словами, психоманипуляция активно работала на смену «цивилизационных социокультурных кодов» в стране. В частности, надо было убрать исторически присущую русской культуре совестливость (присказки типа «сытый голодного не разумеет» в русском/советском обществе носили негативный смысл).

В 1990-е годы активно говорилось даже, что для смены кодов национального само- и мироощущения полезна социальная катастрофа. На основе ограниченной и ложной трактовки понятия «глобализация» в информационное поле страны вбрасывались идеи национально-государственной ликвидации как неизбежного следствия глобализации.

Мощнейшим видом информационно-психологического оружия в битвах за политическое сознание является подмена идеалов. В эпоху перестройки справедливое негодование по поводу отдельных черт советской реальности превращалось не в ее исправление, а в силу, направленную на «снос до основания». Был использован, в частности, миф о том, что западное общество социально справедливее, чем советское (представление о том, что на Западе построен настоящий социализм, было распространенным). Далее начало внедряться представление о ложности социальной справедливости как таковой. Возник образ «идола эффективности и личной успешности», который шел вразрез с общепринятой идеей, что «наверх» люди должны выходить за счет способностей и труда с соблюдением этических и правовых норм. В новом обществе оказалось, что трудолюбие, ответственность, порядочность и другие качества, которые все привыкли считать достоинствами, не только не га-

рантируют личного успеха, но даже наоборот, могут сильно помешать человеку.

Тема манипуляции политическим сознанием связана с вопросом о роли представительной демократии западного образца в обеспечении суверенитета страны, ее национальной безопасности. Насколько прозападные модели «народовластия» в России соответствуют этому?

Скрытое внешнее управлении страной как психоманипуляция

Тема участия внешних сил во властных и иных социальных структурах страны является актуальной проблемой при изучении информационных манипулятивных воздействий на политическое сознание граждан. Вопрос очень сложен и во многом неполиткорректен благодаря искаженным представлениям у значительного числа людей о свободе, суверенитете, национальной безопасности и пр. Поэтому ограничимся констатацией теоретической и практической значимости данной актуальной проблемы социальной и политической психологии, отметив лишь ее отдельные грани.

Прежде всего, с психологической точки зрения это вопрос об изучении представлений человека: а) о

субъектах, б) о каналах и в) об объектах внешнего влияния на внутреннюю политику страны. В разных местах книги в различных контекстах мы говорим об этом. Дополним разговор некоторыми деталями.

Субъекты внешнего управления страной могут теоретически быть разными. Сегодня главными субъектами влияния в мире и, в частности, в Российской Федерации являются следующие. 1) США, стремящиеся контролировать российское общество через «агентов влияния» во власти, информационные влияния в СМИиК, неправительственные организации и пр., 2) ЕС – через подписанные соглашения с европейскими международными организациями, 3) другие страны (например, Китай) через лоббирование своих интересов на уровне публичной и непубличной политики, 4) транснациональные корпорации, в деятельности которых в национальных государствах есть сильная «подковерная» политическая компонента. Формы внешнего влияния на государственное управление могут быть разными – явными, как в 1990-е годы в Российской Федерации, сегодня на Украине или в Грузии при Саакашвили, и прикровенными: по сей день в указанных (и других) странах есть носители прозападного сознания во власти.

Основным каналом и одновременно объектом внешнего информационного воздействия на полити-

ку нашей страны выступает ее элита. Сегодня в России, а тем более в предыдущие перестроечные десятилетия, это то, что уже почти официально в политологии называется «пятой колонной». Хотя заговорили уже и о «шестой колонне» – прозападных псевдолибералах, маскирующихся под «патриотов-державников». Подтверждается известный постулат в теории информационных психологических войн: использование элиты в скрытом управлении страной предполагает изучение структуры элиты, выявление в ней групповых интересов, установок, противоречий, каналов влияния. Владение данными тайнами – это, действительно, информационное оружие, способное ломать национальный консенсус. За истекшие десятилетия стало многое известно о роли конфликтов, склок и разборок между «придворными» кланами во властных советских структурах в разрушении СССР. Экс-директор ЦРУ Д. Вулси и З. Бжезинский высказывались о том, что победа в «холодной войне» во многом произошла за счет управления внутриэлитными противоречиями[54], разрушения внутриэлитного консенсуса, консолидации элит на «антидержавной» (т. е. про-

[54] Данные противоречия были обусловлены: а) сложной этноконфессиональностью страны; б) борьбой внутри высших партийных органов; в) различием интересов экономических подсистем; г) антагонизмом в силовых структурах.

тив «исторической России») основе.

Элитная «агентура влияния», как правило, при вербовке мотивируется перспективой помощи агента в борьбе с глупостью, неэффективностью власти, преступлениями клановых конкурентов. Поэтому в России в 1990-х «вокруг-гайдаровские реформаторы» предателями себя не чувствовали – они освобождали страну от жуткого тоталитарного прошлого и изменяли ее к лучшему. Отметим также воздействие на элиту страны из-за рубежа (на государственном или транснациональном уровне) компроматом сомнительного происхождения богатств, т. е. угрозой конфискации награбленного, уголовным преследованием[55]. Это может быть как явным шантажом со стороны конкретных субъектов подобных психологических воздействий, так и намеком различной формы и содержания. Работает уже само знание у представителя элиты о возможности раскрытия компромата и последствиях этого. Изучение элиты как канала информационного влияния на социально-политическую и экономическую жизнь России предполагает психологическое осмысление: а) закона об неправительственных организациях, вызвавшего сильную

[55] Интересно совпадение по времени начала агрессии НАТО против Югославии и дела компании «Мабетекс», владелец которой – косовский албанец – был связан с кланом С. Милошевича.

негативную массмедийную реакцию на Западе и среди отечественных либералов; б) действий власти, тормозящей «мобилизационные инициативы» на всех уровнях; в) причин тому, что по сей день власть пользуется услугами западных консультантов[56]; г) канала т. н. «либеральной креакл-интеллигенции». Ограничимся пока обозначением данных проблем как важных граней в политических манипуляциях.

С политическими психоманипуляциями связана еще одна предельно актуальная тема. Важнейшая цель информационно-психологической войны против суверенной России – расчленение-дезинтеграция страны. З. Бжезинский, известный своим нежеланием видеть нашу страну крепким, независимым централизованным государством, неоднократно заявлял, что Россию следует превратить в конфедерацию европейской части страны, сибирской и дальневосточной республик (в менее явной форме подобные высказывания можно найти и у других политиков США и ЕС). В этой связи отметим опасность представления о том, что культурная и историческая близость

[56] Например, это деятельность американского PR-агентства Ketchum, в 2006–2015 гг. выполнявшего задачи стратегического отдела и пресс-службы Кремля, а также работающего на министерства, в различных организациях образования и здравоохранения. Сегодня следует пристальнее наблюдать за деятельностью в России Boston Consulting Group (см.: Их в дверь – они в окно // Завтра. 2015. № 23).

не позволит людям в регионах, тяготеющих к различным международным «полюсам» (европейское, азиатское притяжение), почувствовать себя чужими друг для друга (например, об этом говорит С. Кургинян). Позволит, к сожалению, потому что культурно-исторические коды, как мы видим, поддаются целенаправленным информационным влияниям[57].

Психологические следствия дезинтеграции страны предполагают изучение неизбежной конфликтности мигрантов с местным населением. Нарастающая экспансия этнически консолидированных (в том числе криминализированных) групп уже приводит и приведет в еще большей степени к тому, что русские общины начнут защищаться. Возникает тенденция к обособлению русских общин на юге России, в Сибири, на Севере, где действуют «финно-угорские» проекты. Фактором дезинтеграции выступает политика привлечения финансов и рабочей силы в приграничье с Китаем. Так что социальной и политической психоло-

[57] Тем, кто обеспокоен опасностью распада нашей страны или, наоборот, считает такие перспективы «страшилками», я рекомендую самостоятельно ознакомиться с т. н. Гарвардским и Хьюстонским проектами. В них изложены идеи и даже способы расчленения России (Гарвардский и Хьюстонский…, 2011; Гарвардский…, 2015). Нет оснований полагать, что содержание проектов носит архивный статус. Сжимание «колец анаконды» вокруг России делает чрезвычайно актуальным содержащиеся в данных проектах идеи и планы.

гии, этнопсихологии, кросс-культурным исследованиям есть куда приложить свои исследовательские усилия.

Терроризм как реальность и глобальная психоманипуляция

Использование образа современного терроризма выступает еще одной яркой формой психологической войны, информационным оружием, которое увеличивает свою силу, причем в руках различных политических сил. Сразу отметим, что терроризм имеет давнюю историю как преднамеренное средство устрашения людей в политических целях. Задача любого терроризма – спонтанно возникшего, управляемого «снизу», создаваемого «сверху» – деморализация страхом. Страх выступает традиционным фактором политического действия в связи с важной ролью в современных гибридных войнах «образа войны с террором».

В изучении манипуляции политическими установками, стереотипами и пр. важно понимание терроризма как игрока на сцене «политического театра» глобального масштаба. С. Кара-Мурза указывает, что в этом театре зрители призваны к эскалации страха, чтобы с его помощью их внимание было обращено

в нужном направлении. Страх терроризма, отмечает он, связан с особенностями его освещения в СМИиК. Если бы телевидение показывало жертв автокатастроф с той же интенсивностью, как и теракты, то человек боялся бы автомобиля панически.

Следует обратить внимание на то, какое значение в образах современного терроризма придается неформальной власти публичных и непубличных организаций. Эти организации, как подчеркивает А. И. Неклесса, способны совершать политические акции планетарного масштаба с просчитанными последствиями и в различных сферах жизни. Речь идет об аморфной и эклектичной «власти без государства», оперирующей «транснациональными эскадронами смерти». «Системный терроризм» – инструмент освобожденного от морали анонимного управления обществом со стороны влиятельных организаций любого содержания (Неклесса, 2003, с. 7–9).

Провоцировать/порождать террористическую активность способны социально-политические, экономические и прочие проекты любого «теневого сообщества». Поэтому, согласно представлениям многих людей, «теневые сообщества» способны выступать анонимным инициатором, медиатором или исполнителем (через свои тайные спецслужбы) терактов. Предметом рассмотрения при изучении систем-

ного информационного воздействия на современного человека должны стать операции спецслужб государственного или частного транснационального характера при допущении их связи с мировым системным терроризмом (о действиях спецслужб транснациональных корпораций см. статью: Берд, 2007). При этом надо понимать, что благих пожеланий мало. Очень трудно начать двигаться в этом направлении, тем более при опоре на доступные источники.

Опираясь на политологические точки зрения, на анализ прессы, интернет-ресурсов, представлений обыденного сознания людей, можно сказать, что образы системного терроризма могут быть следующими:

1. Образы изолированно и анонимно действующих террористических организаций с их социально-политическими, идеологическими, экономическими проектами. Следует говорить, например, о религиозно-ориентированных социально-политических проектах. Так, в сознании людей имеются представления: а) о «ваххабитском джихаде» с его внутренней мотивацией; б) об интересах отдельных этнических, религиозных групп внутри исламского мира (например, курды); в) о мотивации мщения у всех тех, кто подвергся «гуманистической агрессии» (в частности, Афганистан, Ирак, где унижение людей закономерно вы-

звало такую мотивацию; арабо-израильское противостояние в Палестине также показательно).

2. Образы террористических организаций, действующих «по инерции» со времен создания их спецслужбами западных стран и СССР. Эти отдаленные последствия активной организации террористической деятельности во времена «холодной войны» отличаются степенью связи с породившими их спецслужбами – от сохранения подконтрольности до различного уровня автономии (иллюзорной или достаточно реальной).

3. Образы террористических организаций, создаваемых сегодня спецслужбами государств для продвижения национальных интересов через механизм «провокации через теракт» (принцип «поджога рейхстага»). Люди должны осознать, что именно «борьба с терроризмом» легитимизировала смену стандарта во внешней политике, обосновав претензии глобального американского гегемонизма. Частным случаем является вариант, когда знания о готовящихся террористических актах у «компетентных органов» имеются, однако теракту не пытаются помешать. Террористическая активность отслеживается и, по возможности, направляется в нужное русло.

4. Образы деятельности террористических организаций, создаваемых для решения наднациональ-

ных проектов. Именно в этом классе представлений у некоторых людей возникает образ социально-политической провокации, ускоряющей реализацию глобализм-проекта. Иными словами, следует говорить о причастности тех или иных элементов транснациональных управляющих структур к реализации глобализационных проектов.

В целом же речь должна идти об образе субъекта террористической деятельности как многомерного и многоуровневого образования, имеющего многоступенчатые, разнонаправленные, порой противоречивые цели и задачи. В этой связи отметим и парадоксальные подходы к терроризму. Например, американский политолог Н. Злобин, известный отечественному телезрителю по участию в многочисленных политических ток-шоу, международный терроризм рассматривает как проявление нарождающегося глобального гражданского общества, призванного сдерживать формирование глобального государства во главе с США.

Некоторые штрихи к портрету современного терроризма, проливающие свет на современные информационно-психологические войны, дает известный политолог Шамиль Султанов (Султанов, 2015). Он отмечает, что уникальная особенность Исламского госу-

дарства Ирака и Леванта (ИГИЛ) заключается в том, что данная структура построена на взаимодополняющем сочетании сетецентричных и иерархических организационных принципов. Это дает гибкость и усиливает выживаемость ИГИЛ. В то же время появляется возможность проникновения различных спецслужб в его региональные подразделения. Подчеркивается также, что политическая, организационная, идеологическая и интеллектуальная сложность современных многослойных региональных конфликтов за десять лет многократно возросла. Сегодня в них присутствуют сотни прямых и косвенных участников. Например, если нынешняя ситуация вокруг Украины трудна для адекватной расшифровки, то анализ положения на Ближнем Востоке еще того сложнее. При неуклонном развертывании глобальной конфронтации все более значительную роль играют различные модификации «гибридных войн», в рамках которых важнейшее место отводится прямым и опосредованным террористическим операциям. И поэтому влиятельные террористические организации имеют среди своих кураторов спецслужбы, и даже несколько. В сирийской ситуации, указывает Ш. Султанов, одна из ключевых задач американской политической элиты заключается в том, чтобы как можно глубже втянуть Москву в долговременный, многолетний конфликт между Россией

и миллиардным суннитским миром. В информационной войне Запада против России Москва все чаще изображается как главный глобальный союзник шиитского блока на Ближнем Востоке. Именно в силу суннитского фактора Вашингтон предельно осторожен в своей политике, направленной против ИГИЛ, проходящей в американских официальных документах как долгосрочная внешнеполитическая угроза для США.

Новая «холодная война»

События на Украине запустили новый этап конфронтации России и Запада. Обозначены расхождения в базовых мировоззренческих ценностях, в оценках прошлого, настоящего и в видении будущего мира. Мы наблюдаем более явное принуждение России к отказу от самостоятельной внешней политики, к следованию в фарватере «коллективного Запада во главе с США», стремящегося к созданию однополюсного мира. Декларируется, что только этот проект призван остановить нарастание мирового хаоса. Россия же обладает ресурсами, достаточными для реализации иных идей мироустройства человечества. Изучение возвращения взаимного непонимания России и Запада[58] на уровне «новой холодной войны» пред-

[58] У английского писателя Р. Киплинга в «Балладе о Западе и Востоке»

ставляет собой еще одну важную тему в раскрытии манипуляций политическим сознанием.

Уместно вспомнить историю вопроса. Холодная война началась не после Второй мировой. Антисоветская пропаганда со стороны белогвардейцев в союзе с поддерживавшими их западными антисоветскими структурами также не должна упускаться из виду. Гитлеровская Германия является еще одной страницей глобальных информационно-психологических войн.

После Второй мировой отметим следующие главные вехи холодной войны (см. также: Беляев, 2015, с. 33–42). Начнем с плана операции «Немыслимое», который создавался еще во время Второй мировой войны: коалиция западных стран при участии оставшихся войск нацистской Германии должна была напасть на СССР. Далее последовали атомная бомбардировка Японии, фултоновская речь президента США Г. Трумэна, в которой он призвал мир к борьбе с СССР, планы по атомной бомбардировке ключевых городов Советского Союза в конце 1940-х годов, создание блока НАТО в 1949 г. Директива СНБ-68 – один из основных документов холодной войны, который касается психологической войны, направленной на формирование стремления населения к массовому отказу от соблю-

---

есть ценная для нашего анализа мысль о том, что, если Запад не будет готов к равноправному диалогу, России и Западу не сойтись.

дения верности Советам, на разжигание и поддержку недовольства и бунтарских настроений. После достижения паритета в ядерных вооружениях холодная война проявилась в конфликтах на чужих территориях (Корея, Вьетнам, Афганистан), в гонке вооружений и в информационно-психологической войне.

В 1980-е годы информационная война против СССР приняла особый размах. В 1983 г. СССР был назван империей зла. К операциям ЦРУ подключаются другие федеральные структуры США. Формулируется и щедро финансируется «Программа демократии и публичной дипломатии». Политика «мягкой силы» набирает обороты. Американская пропаганда противопоставляется советской пропаганде под видом «свободной информации» (радио «Свобода» и другие «голоса»). В книге агента ЦРУ Ф. Эйджи «За кулисами ЦРУ» описывается три типа пропаганды: «белая» (официальная правительственная пропаганда), «серая» (от отдельных людей со своими «собственными» мнениями), «черная» (сфабрикованный материал от анонимного источника или приписываемый реальному источнику).

Отдельной темой является диссидентское движение в СССР. Д. Беляев указывает на очень интересную и актуальную, на мой взгляд, психологическую проблему тонкой грани между ненавистью к собствен-

ному государству и любовью к чужому. Холодная война в 1980-е годы была усилена «атаками изнутри» со стороны архитекторов «перестройки» (об этом мы говорили выше; в книге Д. Беляева об этом также много сказано) и завершилась распадом СССР. Информационно-психологическая война, однако, не окончилась. Информационным оружием, например, оказались школьные учебники от фонда Сороса. Они, по сути, воспитывали ненависть к собственной стране (ярко описывались все кризисы и нерешенные проблемы с искаженной трактовкой конкретных исторических событий) и преклонение перед Западом. Д. Беляев дает примеры конкретных учебников с русофобским содержанием, с очернением российской истории и культуры, с навязыванием догмы об «ущербности» России. Победой была также «утечка мозгов» из нашей страны. Далее история информационно-психологических войн Запада против России переходит в настоящее, о чем говорится в различных частях нашей монографии.

Проигрыши России в информационно-психологической войне на международной арене происходили прежде всего из-за отсутствия информационных каналов, равномощных западным. Сегодня в мире признается, что Россия повысила уровень эффективности в информационной войне и стала успешнее

на информационно-психологическом фронте. Телеканал Russia Today (RT) достиг 3 млрд просмотров на Youtube. Канал смотрят по всему миру. Аудитория у RT больше, чем у Sky News. В Госдепартаменте США считают, что RT работает настолько эффективно, что перебивает в США американские каналы. Еще в 2011 г. Хиллари Клинтон назвала RT весьма интересным каналом, а потому опасным. RT считают сегодня одной из главных угроз США и другие американские политики. Запад утрачивает монополию на информацию. Поэтому RT обвиняется в искажении фактов, в «попытках дискредитировать Запад», в финансировании канала В. В. Путиным и пр. Звучат требования увеличить финансирование информационной войны с российской пропагандой. Признается, что Россия научилась использовать социальные сети – результаты поисковых запросов о новостях ведут на RT. Но этих успехов недостаточно, тем более, что RT относится в массовом сознании зарубежного зрителя, особенно западного, к «маргинальным» СМИ. RT в одиночку не сможет отбиться от массированной атаки на нее.

Психологической проблемой новой холодной войны для России является формирование положительного образа нашей страны в мире. Представители либеральной ментальности, не принадлежащие к «на-

ционал-предателям», правы в том, что Россия в ее современном состоянии не породила притягательного «послания миру», который дал бы импульс к прорыву на новый уровень развития человеческой цивилизации. Залог формулирования такого послания можно видеть в свойственном русскому народу вместе со многими другими народами, населяющими «государство Российское», желании сохранять традиционные ценности, в интуитивном стремлении к полноте человеческого бытия, не сводимого к бытовому комфорту. Пока же необходимо искать способы противодействия русофобии в мире, усилению характерного для Запада многовекового традиционного антироссийского фона. Русофобия была всегда – иногда доминирующей, иногда скрытой. Но всегда при информационно-психологических и физических атаках Запада на Россию русофобия использовалась. Надо также понимать, что отдельные дезинформационные вбросы о нашей стране не изменяют общее представление о России. Но они могут быть уподоблены размножающимся вирусам в сознании людей, и человек может начать действовать под их влиянием.

Психологической науке, прежде всего в лице политической и социальной психологии, стоит присматриваться к работам публицистического плана, часто опережающим академическую науку в мониторинге

мировых событий и их отражения в сознании людей. Многократно цитируемый мной Джульетто Кьеза считает, что сравнение современного противостояния России и Запада с возвращением к «холодной войне» должно быть соотнесено с фактором начала гигантского общемирового кризиса (Панкин, 2014). Кьеза дает информацию, которая позволяет лучше понимать происходящее и противодействовать манипуляциям.

Политика двойных стандартов

Сильные страны всегда в той или иной мере использовали двойные стандарты в своей внешней политике. Но новая мировая информационно-психологическая война последних десятилетий, которую (применительно к отношениям Россия – США/Запад) многие эксперты считают возвратом холодной войны, сделала еще более сильным данный психоманипулятивный фактор.

Политика двойных стандартов имеет давнюю историю. Задолго до того, как в СМИиК появились «сербские бандиты» и «албанские беженцы», были «немецкие шпионы», но «русские разведчики». Одно и то же политическое событие может быть названо «демократической революцией» и «государственным переворотом», «защитой национальных интере-

сов» и «борьбой за независимость». Термины «бандиты», «боевики», «мятежники», «повстанцы», «сепаратисты», «террористы» применяются в соответствии с политическим заказом. Демократией обычно называется то, что выгодно странам «коллективного Запада». Демократические лозунги способствуют формированию двойных стандартов, двойной морали в оценке реальности, а потому дискриминация русских на Украине и в Прибалтике (а страны Балтии – члены ЕС) не замечается. Человека можно уволить за ношение крестика (известный случай в Великобритании), но нельзя «оскорбить» нехристиан рождественской елкой.

Применение двойных стандартов в международной политике еще более цинично. Начиная с распада Югославии, международное право используется все более произвольно. «Балканская драма», особенно ситуация с Косово – хрестоматийный пример двойных стандартов. Интересно исследовать вопрос о том, насколько у людей различных стран мира сохраняются иллюзии относительно реальных целей американской внешней политики.

Ярким примером двойных стандартов является оценка событий в Украине. В различных российских телепередачах в 2014–2015 гг. многократно использовались двойные стандарты. Юго-Восток Украины –

в «руках Москвы», но западный след в евромайдане не признается либо подается как помощь для «победы демократии». Не замечаются поджоги административных зданий в различных городах и «коктейли Молотова» на Крещатике. Юго-Восток Украины должен отстаивать свои права в рамках украинского закона, но госпереворот в феврале 2014 г. объявляется законным. Отрицается участие американских ЧВК в войне на Донбассе, но наличие там регулярных российских войск подается как очевидное.

Двойные стандарты мы видим и в освещении событий в Грузии 2008 г. Они показывают, как с помощью мировых СМИиК создаются «победы», замалчиваются факты, и это при том, что операция по «этнической зачистке» осетинского народа называлась цинично, но откровенно – «Чистое поле». На Западе удавалось долгое время сохранять ложь о «российской агрессии». Было очевидно, что мировые «независимые СМИ» управляются из одного центра. Конечно, можно предположить, что они были введены в заблуждение грузинскими коллегами, так как располагались в Тбилиси. 110 иностранных журналистов посетили Цхинвал лишь после окончания военных действий. Но результаты визита не были отражены западными телеканалами. BBC и CNN показывали огонь грузинских «Градов» по спящему Цхинвалу, говоря,

что это русские атакуют грузинские позиции. В распространении лжи участвовала отечественная «пятая колона» (Беляев, 2015, с. 67).

Но отрадно, что все же постепенно утверждается представление о существовании политико-идеологической маскировки реальности двойными стандартами. Последние уже часто не скрываются: или обосновываются исходя из ситуации, или подаются как нечто само собой разумеющееся и даже нужное «делу демократизации планеты». Поэтому изучение психологии двойных стандартов как способа глобальной психоманипуляции в мире чрезвычайно актуально и практически (разоблачение таковой), и теоретически (как выявление механизмов формирования представлений о социально-политической реальности при наличии неоднозначных описаний). Двойные стандарты предполагают свое изучение относительно конкретной тематики социально-политических явлений и их интерпретации человеком. Надо, как минимум, стремиться называть вещи своими именами, подвергнуть критике точку зрения тех, кто делает вид, что двойных стандартов не существует или объясняет этот феномен как-то иначе. Отметим, что сегодня критика двойных стандартов звучит громче. Это очень актуально для России, которая должна настаивать на своих интерпретациях происходящего в мире (подробнее по

данному кругу вопросов см.: Полубота, 2014). Пришло время на более глубоком психологическом уровне раскрывать воздействие фактора двойных стандартов на политическое сознание людей. Проблема должна стать предметом пристального внимания социальной и политической психологии, а также этнопсихологии, психологии личности.

«Мягкая сила»

Говоря о современных информационно-психологических войнах, нельзя не упомянуть о том, что они носят гибридный характер, т. е. выходят за рамки боевых действий традиционного плана: это цветные революции, кибератаки, тайные дипломатические и непубличные политические операции и пр. Важнейшей составляющей современной гибридной войны, методами которой Россия должна овладеть, является использование «мягкой силы». Такие заявления можно услышать на высоком уровне. В частности, об этом заявил начальник Генштаба ВС Российской Федерации Валерий Герасимов (Генштаб РФ…, 2016). Концепция «мягкой силы», несомненно, является мощным геополитическим оружием.

Концепция «мягкой силы» была сформулирована в США в 1980-е годы. «Мягкая сила» – это метод внеш-

ней политики, характеризующийся убеждением мирового сообщества в правоте и мощи своей страны при помощи экономических рычагов, а также культуры, искусства. «Мягкая сила» эффективно используется в мире со стороны «коллективного Запада», прежде всего в лице США. Ключевой фактор притягательности «мягкой силы» – желание многих стран примкнуть к сильному мировому лидеру. На результаты исследований влияния информационно-культурной среды, сферы искусства на поведение и мировоззрение человека активно опираются СМИиК.

Одним из основных способов реализации «мягкой силы» является публичная дипломатия. Она включает пропагандистские мероприятия, образовательные и научные обмены, программы в области культуры и науки, иные формы гуманитарного сотрудничества. Публичная дипломатия реализуется через государственные органы при активном участии неправительственных организаций, образовательных и научно-исследовательских структур, СМИиК.

Влияние мягкой силы чувствуется в нашей стране уже несколько последних десятилетий: и до, и после 1991 г. Россия вынуждена быть частью идеологического пространства, которое чуждо для большей части наших граждан. Понятие «мягкой силы» впервые появилось официально в концепции внешней поли-

тики Российской Федерации в 2013 г. (Концепция…, 2013). Она понималась скорее как «публичная дипломатия». России необходим фундамент для своей «мягкой силы». И сетевые структуры отечественной «мягкой силы», имеющие отделения в разных странах мира, создаются (например, «Русский мир», Фонд «Единство во имя России» и пр.). Но концепция «мягкой силы» недостаточно ясна. Нужно понять, что предлагает миру Россия и как реализует свое послание. Иначе проявления российской «мягкой силы» будут восприниматься в мире как слабость.

В статье Симона Эжезиппа (Эжезипп, 2015) мы находим много полезных психологических идей относительно роли «мягкой силы в мире, в частности, в связи с недостатком использования ее Россией. Отмечается, что Запад распространяет свои ценности всеми способами, например, вместе с продуктовыми наборами для нуждающихся. Образ американских волонтеров в мире положительный: это приятные, искренне желающие помочь люди. Данный образ улучшает имидж Америки. США поощряют волонтерские проекты грантами, обменными программами и пр. В результате значительное число сирийцев за пределами Сирии к США относятся лояльнее, чем к России. Именно «мягкая сила» США сделала так, что отрицательные их стороны в глазах мировой общественности ниве-

лируются.

Автор статьи вспоминает, что СССР ставил искусство на службу стране, экспортировал свою идеологию через коммунистическое движение, экономическое сотрудничество. Но уже более четверти века Россия не занимается продвижением своих ценностей по каналам «мягкой силы». В результате Запад использует это для дискредитации нашей страны. В 1990-е годы Россию представляли как «криминальную страну» третьего мира. Сегодня западные масс-медиа говорят о России штампами: «КГБ у власти», «отсутствие прав и свобод», «притеснение меньшинств», страна «диктатора Путина», «вечного холода» и «хмурых неприветливых» людей. Отрицательный образ усиливается подачей в западных массмедиа украинских событий[59]. Для дискредитации России активно используется положение в стране представителей ЛГБТ. Отношение к ним однозначно трактуется как «бесчеловечное»: русские являются носителями «идеологии варварства». «Вечным клише» является свобода массмедиа в России. В «свободных» западных СМИ редко встретишь статью о

[59] Отмечается, что к началу украинских событий мировая общественность была уже подготовлена воспринимать Россию в негативном ключе. Убедить людей в вине Москвы не составило труда. Возникла общая установка неприятия позиции России.

России, выдержанную хотя бы в нейтральном ключе.

В России «мягкую силу» применяют: ТВ-канал Russia Today, информационный портал Sputnik, страница МИД РФ на Facebook. Однако потенциал данных медиапроектов необходимо подкреплять, а также искать новые «мягко-силовые возможности». Э. Симон отмечает, что в России искусство уже не является инструментом большой политики. Представители дипломатических миссий недостаточно часто выступают перед иностранной публикой, хотя их частные инициативы имеют отклик. Не уделяется достаточного внимания гуманитарным программам за рубежом (так, палестинцы положительно относятся к России потому, что там есть русские культурные центры). Возрастание «мягкой силы» усмотрено в речи Владимира Путина на пленарном заседании юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (28 сентября 2015); она произвела впечатление на иностранцев. Резерв видится и в создании российских международных неправительственных и некоммерческих организаций, сотрудники которых могли бы нести добрую весть о России понятным языком[60].

---

[60] Насаждаемый образ «русского» для иностранца (преимущественно для граждан стран «коллективного Запада») таков: это либо турист, сорящий деньгами, либо эмигрант в попытках «стать своим» относящийся к России, как правило, негативно.

4.3. О психоманипуляциях «выборной демократии»

Российская демократия отважно идет на штурм абсолютного рекорда политического цинизма.
С. Иванов

Данный раздел продолжает разговор о понятии демократии и искажениях его содержания под влиянием манипуляции политическим сознанием человека. В узком понимании такая манипуляция воплощается в теории и практике предвыборных технологий и избирательных кампаний, которые в принципе способны проводить во власть политические силы, конкретных политиков по заказу[61]. Выборы во всем мире и формирование доверия к ним как к проявлению демократии – давно управляемый процесс. Создан неоспоримый образ ценности демократических выборов, широко распространено представление о том, что, выбирая кого-то во власть, человек реально влияет на политическую жизнь страны. Этим мифологи-

[61] Искусство политтехнологий часто иллюстрируется, например, достижениями «творца президентов» Жака Сегела, обеспечившего в 1981 г. победу Ф. Миттерана.

зированным представлением, однако, заблокировано понимание, что, отдав голос кому-то, человек, по сути, лишь делает легитимной «власть имущих», т. е. развязывает руки тем, кто реально управляет мировой политикой и экономикой. Эта власть функционирует по сложным и, в своем основном объеме, неведомым миру законам непубличной политики, воплощая идею «политического спектакля». Поэтому «власть народа» в западном демократическом обличье следовало бы рассматривать как иллюзию политического сознания, продукт психоманипуляции. Иными словами, люди, воспринимая выборы как единственно возможную форму выражения воли народа, признают правила данной политической игры и начинают в нее играть. Мировая практика в принципе показывает, что народу дают возможность лишь имитировать свое волеизъявление. Всесоюзный референдум о сохранении СССР, греческий кризис 2015 г., подавляемые протесты в Черногории по поводу вступления в НАТО – лишь мизерная часть иллюстраций того, что народ никто реально слушать не собирается, если его мнение противоречит «большой политике».

«Игры в демократию» не исключают, что в каких-то рамках и на нижних уровнях политической жизни конкретного общества мнение народа в некоторой степени учитывается. Это надо делать хотя бы для сохра-

нения самой системы выборов. Дж. Кьеза отмечает, что в Европе половина населения не ходит на выборы потому, что людям не хватает представительства их интересов во власти; нужно создавать новую систему представительства (Этим миром…, 2011). Выбор жителей Крыма и Донбасса в 2014 г. тому иллюстрация, хотя потребовалась силовая поддержка. Рейтинг Путина также показывает стремление граждан России к возрождению страны. Примеры народного волеизъявления можно найти на уровне местной власти.

Итак, в мире сформирован четкий образ западной представительной демократии как единственного легитимного способа влияния народа на власть. Этот образ функционирует совместно с мифологизированными представлениями о безальтернативности западного либерально-демократического пути развития общества с игнорированием всех иных точек зрения на природу народного волеизъявления. Данная система социальных представлений работает при условии, что процесс выборов находится под контролем и угрозой для «серьезных» властных структур они не являются. Если же для национальной элиты и будут некие «сюрпризы волеизъявления» народа, то ситуация будет подправлена. Победа и поражение Марин Ле Пен на выборах во Франции в 2015 г. тому пример. Ее оттеснение на политической сцене объясня-

ется максимально возможным уводом темы беженцев из СМИиК, смещением политической риторики вправо, применением компьютерных электоральных программ. Должно быть понятно, что корректировка результатов выборов в мире осуществляется не без помощи США и транснациональной власти.

Еще раз подчеркну, что моя позиция в развенчании демократических иллюзий – не отрицание и беспочвенная дискредитация института демократических выборов как таковых, а подчеркивание их психоманипулятивной составляющей. Демократия, действительно, «ширма» для идеологического, социально-политического, экономического проектирования в глобальном масштабе. Главная же опасность «психоманипулятивной демократии» – это уход в «избирательные игры», аморальность которых является отдельной темой. Известно ведь, что голоса отдаются тому, кто сумел сыграть «на толпу», поэксплуатировать важную для общества идею[62]. В ходе выборов же практически невозможно оценить нравственные, де-

[62] Хрестоматийный пример – перевыборы Б. Ельцина в 1996 г., рейтинг которого был 6 %. В ходе подготовки к выборам специалисты, создававшие имидж Ельцину, выяснили, что гражданскую войну русские не любят больше Ельцина. И предвыборная кампания, в которой описывались ужасы такой войны, привела к победе. В блогосфере и в публикациях патриотической оппозиции встречается и утверждение о том, что в реальности результаты выборов были сфальсифицированы.

ловые и иные качества претендента. Успех выборных политтехнологий часто определяется беспринципностью человека, его умением перекрашивать социально-политические явления и самому перекрашиваться. Большое значение имеют компромат, осуществляемый анонимно, от имени конкурента, через подставных лиц, слухи. Даже если компромату не верят, рейтинг политика падает.

Важно также отметить, что у политиков не может быть собственной долгосрочной стратегии, хотя бы уже потому, что за несколько лет выборного срока трудно сделать что-то серьезное для страны на перспективу В серии книг «Проект Россия» не только обосновывается эта мысль, но и дается детальный критический анализ системы современной представительной демократии[63].

Постсоветская демократия

В постсоветской России политические психоманипуляции стали основой существования новой власти. Они обеспечили прикрытие проводимой политики «демократической ширмой», питали социально-поли-

[63] В серию публицистических книг «Проект Россия» на данный момент официально входят четыре книги: «Проект Россия» (2007), «Проект Россия. Выбор пути» (Эксмо, 2007), «Проект Россия. Третье тысячелетие» (Эксмо, 2009) и «Проект Россия. Большая идея» (Эксмо, 2010).

тические иллюзии людей. На российской «политической сцене» ставились спектакли с западной режиссурой. В этих спектаклях в первые постсоветские годы новое противопоставлялось старому, затем учитывалось желание стабильности (Богомолова, 1999). Известный отечественный политический деятель Борис Миронов в своих статьях и выступлениях по интернет-каналам подчеркивает, что выборы – это игра политических сил по сбору голосов, проходящая в форме общественно значимого спектакля (Миронов, 2002). В России этот спектакль не был связан с ее государственными интересами и национальной безопасностью. Политический цинизм выборной демократии выразился, в частности, в известном выражении: «электорат – одноразовый народ».[64]

К политическим манипуляциям, эффективно работающим в России, относится теория и практика политического пиара (PR – public relations), который, организуя и осуществляя общественные связи между партией, ее кандидатом и электоратом, формирует требуемый политический имидж, позитивное общественное мнение и отношение. Также создается имидж компании, общественной организации, социального института. Пиар работает, преимущественно, с помо-

[64] См., например, аналитический материал Василия Авченко, хорошо раскрывающий тему (Авченко, 2002).

щью СМИиК. Примерами пиара могут быть: а) общественные культурные мероприятия, осуществляемые на средства заказчика, б) участие представителей заказчика в этих мероприятиях, в) поддержка конкретных общественных движений[65]. Пиар делится на «белый», использующий манипулятивные технологии, допустимые законом, и «чёрный», аморальный, работающий в неправовом поле[66]. В России вот уже почти 30 лет доминирует «черный пиар». Хотя, заметим, нигде в мире предвыборные компании не обходятся без психоманипуляций: везде мы видим сокрытие информации, провокации, искажение/фабрикацию фактов в СМИиК, одностороннюю подачу информации, вырывание из контекста, помещение важной информации в потоке второстепенных сообщений или в контекст, меняющий суть дела, умолча-

---

[65] Речь идет о социальной деятельности, связанной со здоровьем нации, обучением и воспитанием молодежи, спортом, с помощью престарелым, с поддержкой малообеспеченных или неизлечимо больных людей, с заботой об окружающей среде и др. (Лебедев, Гордякова, 2014, с. 131).

[66] К приемам «черного пиара» относятся, например, раздача недоброкачественных продуктов от имени конкурента; ночные звонки с предложением ознакомиться с программой кандидата; расписывание домов лозунгами конкурента; организация проявлений пренебрежения к избирателям; показ людей, близко знавших кандидата, но разочаровавшихся в нем; организация фальшивых подписей; имитация ложных угроз кандидату и пр.

ние о чем-то. К манипуляции политическим сознанием отнесем и политическую рекламу, формирующую или поддерживающую интерес к политической персоне, идее/ проекту. В. Авченко отмечает, что в российском законодательстве много пробелов, дающих большие возможности для политических психоманипуляций (Авченко, 2012)[67].

Итак, представление о демократии в России сегодня сузилось до копирования западной системы представительной демократии, манипулятивный характер которой очевиден. Отличительная черта «манипулятивной демократии» заключается в том, что объект воздействия ее технологий недостаточно осознает, что и как им манипулируют. Он продолжает считать себя свободным и самостоятельным, делающим осознанный выбор своего представителя во власти.

[67] В частности, «Этический кодекс политической рекламы» лишь призывает политиков вести себя по совести. Понятно, что это слабый регулятор (политика, как известно, «дело грязное»).

4.4. «Цветные революции»

В качестве средства манипуляции политическим сознанием особо выделим так называемые «цветные («оранжевые», «цветочные») революции». Их технология направлена на демонтаж политических структур посредством создания ситуаций «управляемого хаоса» в стране. Подобные революции особенно успешно применялись в различных странах мира в последние 30 лет. Сегодня именно с этими технологиями манипуляции политическим сознанием людей связываются планы по дестабилизации социально-политической ситуации в России. Однако, несмотря на это, внимание к данной проблеме в отечественной психологии выражено недостаточно. В данном разделе книги укажем на важные грани проблемы.

Итак, речь пойдет о ненасильственном свержении политического режима в стране, который некими субъектами политического действия определяется как авторитарный, недемократический. Как правило, эти субъекты политического действия находятся внутри и вовне страны и тесно взаимодействуют. «Цветная революция» является технологией перераспределения власти и, соответственно, собственности между разными группами элиты (национальной

и транснациональной) с использованием протестной активности масс в качестве ударной силы. Во Франции в конце 1960-х годов, в Ираке в конце эпохи Саддама Хусейна, в Грузии конца 1980-х и в 2000-х годах, в Украине 2004 и 2013–2014 гг., в странах «арабской весны» несколько лет назад (Египет, Тунис, Ливия) и в других странах мы видим успешную работу этой технологии с различной степенью эффективности функционирования ее элементов. Классикой «цветной» революции был 1991 г. в СССР. В 2012 г. в Российской Федерации она не состоялась, хотя многие технологические компоненты были реализованы («Болотная площадь» и пр.).

Подобные революции являются геополитическим оружием в борьбе за реализацию интересов внешних и внутренних сил в «предреволюционной стране». Цель «цветной революции» – не только свержение лидера и его политической системы, но и перевод национального достояния народа под контроль организатора «цветного переворота». «Цветные революции» представляют собой очень сложную операцию подрывного характера, которая готовится несколько лет. Заблаговременно создается законспирированная сеть из связанных друг с другом ячеек, которые занимаются вербовкой граждан. Организационно эти ячейки похожи на сети террористических группировок.

События «цветных революций» развиваются по шаблонному сценарию, описанному в книге американского политолога Джина Шарпа «От диктатуры к демократии» (Шарп, 2012), которая была названа «библией цветных революций». Она помогает понять, как в войне за переформатирование мира к слому политического устройства в странах-жертвах (государствах/нациях) приводит «ненасильственное сопротивление масс» антидемократичным режимам. Книга Шарпа является практическим руководством по захвату власти. В ней излагается тактика и стратегия борьбы оппозиции против тоталитарных режимов, а также эффективные формы пропаганды и организационной работы в различных социальных слоях общества, с особым вниманием к армии и полиции.

Технология предполагает следующие основные информационно-психологические и реальные политические действия (Шарп, 2012; Mann, 1992, 1998; Brzeziński, 1970).

На начальных, подготовительных этапах это:

• усиление в стране-жертве демагогии о свободе, демократии, правах человека;

• пропаганда финансового, технологического и иного превосходства субъекта «цветных действий», которое постепенно признается определенными социальными группами;

• укрепление у большей части населения чувства неудовлетворенности политическим режимом относительно ожидаемых перемен; использование и/или создание слабых сторон общественной жизни, государственного устройства для пропаганды необходимости смены политического режима;

Для решения данных задач все более активно используются СМИиК. Для следующего этапа характерны:

• психологические операции, направленные на раскол элит;

• объединение разрозненной оппозиции и протестных групп, формирование из них политически мощного антиправительственного движения (в качестве опоры «цветной революции»);

• формирование широкого слоя населения, из которого рекрутируются участники массовых протестов;

• усиление дискредитации через СМИиК госаппарата, силовых и прочих структур;

• поиск сторонников «цветного» движения в элите;

Завершающий этап характеризуется:

• прямой агитацией к гражданскому неповиновению, саботажу и вредительству;

• различными психологическими операциями по по-

давлению способности правящего режима к сопротивлению;

• создание «управляемого социального хаоса» через массовые беспорядки и акции протеста[68];

• организация провокаций, убийств и т. п., списываемых на власть;

• собственно государственный переворот.

Возможным завершением «цветной революции» является ее переход в гражданскую войну.

Сказанное хорошо детализируется в материале статьи «Цветные революции: разработчик Джин Шарп» (Цветные революции, 2016). В нем алгоритм «цветных революций» виден на примере украинских событий. 1) Выявляется потенциал общественных групп, способных участвовать в революции. 2) Определяются политические объединения, которые могут стать двигателем политического протеста. 3) В военизированных молодежных лагерях с помощью специальных тренингов готовятся «ударные силы революции». 4) Выстраивается цепочка практических целей, приближенных к реальным требованиям масс. 5) Обеспечиваются преимущество оппозиции в электронных СМИиК внутри страны и поддержка оппо-

[68] Это тест, с одной стороны, на степень созревания идеи о «нелегитимности власти» и, с другой, на способность ее к сопротивлению.

зиции в международных массмедиа. 6) Используются зрелищные массовые действия для побуждения недовольных к активности. 7) Общество приводится в состояние анархии, и начинаются массовые беспорядки. 8) Управление осуществляется подготовленными специалистами.

Д. Беляев также приводит данные об обработке массового сознания в Украине (Беляев, 2015, с. 73–75). Например, существовал проект «Техкемп», в рамках которого велась подготовка к разжиганию гражданской войны. К президентским выборам 2015 г. готовилось несколько сотен революционеров, которых «запустили в бой» при создавшихся новых обстоятельствах. Во время обучения в рамках данного проекта американские инструкторы рассказывали, в частности, об использовании социальных сетей и интернет-технологий для целенаправленного влияния на общественное мнение, активизации протестного потенциала и борьбы за власть.

Примечательно, что в пособиях по технологии «цветных революций» не представлена методика подготовки соответствующих специалистов для работы непосредственно в массах. Не говорится о том, где происходит эта подготовка, как готовятся боевые группы, откуда идет финансирование и управление процессом, каковы каналы (открытые и закрытые)

коммуникации. Втянутые в протесты люди не знают, что организация уличных выступлений носит сетевой характер и осуществляется из-за рубежа. Технологии «цветных» революций заставляют участника «безумной толпы» думать, что он ведет свою страну к социальному прогрессу, меняет ее к лучшему. Относительно событий в России в 2012 г. характерно то, что внешне американское участие в них отрицается (см., например: Гуру «цветных» революций…, 2012), во что трудно поверить, зная об общем западном противодействии переизбранию В. Путина, о тесных контактах либеральной оппозиции с американским посольством (достаточно вникнуть в содержание блогосферы и патриотической публицистики того времени).

Очень хорошо соединяет психологическое знание и политическую фактологию о «тайных пружинах» цветных революций Тимофей Сергейцев (Сергейцев, 2012). Для «театральной постановки» уличного действия, подчеркивает он, необходимо серьезное влияние на информационное пространство страны-жертвы. СМИиК должны противостать лидеру и его политической системе. Интернет, при всей своей огромной роли в «цветных революциях», не задает нужного синхронного информационного воздействия. Обязательным элементом технологии является строгая постановка вопроса о свободе прессы и защите прав

журналистов. На лидера страны оказывают скрытое давление изнутри страны и извне – через тайные банковские счета, имущество, родственников, политические обязательства перед центрами силы, угрозу войны и операций спецслужб, угрожают физическим устранением. Лидер должен понять, что бежать в современном мире некуда. Предательство элиты «покупают» возможностью быстрого обогащения. Желаемая заказчику «демократия» понимается абстрактно, в разрыве с исторической традицией воспроизводства власти в стране-жертве. Формальные демократические инструменты используются националистическими группировками для войны друг с другом и скорейшего дробления страны.

«Театральный компонент» цветных революций хорошо виден на примере «арабской весны». Помимо объективных экономических внутриполитических и геополитических факторов, обуславливающих «цветные революции», в них усматриваются «сценаристы», «режиссеры», «актеры» данного «спектакля». Были обнаружены, в частности, документы, описывающие план и тактику госпереворота[69]. Информационные

[69] Есть документ, к которому приложены спутниковые фотографии, схемы дорог, описания объектов, подлежащих штурму, среди которых президентский дворец, телевизионные и радиостанции, государственные здания. Указаны цели революции, в частности, свержение Мубарака. Оппозиционерам предлагалось захватить кварталы, прилегающие

воздействия на общество проводились как на публичном уровне (например, в виде официальной американской поддержки революций), так и на «подковерном», – в частности, в виде обучения оппозиционеров в США, а также с помощью сетевого характера участвующих организаций, с крышей в виде «Фридом Хаус» (организация, сыгравшая роль в смене режима в Сербии, Грузии, Украине)[70].

В Ливии же, как свидетельствуют граждане России, работавшие в стране, никакого восстания не было (В Ливии…, 2011). Это был переворот, организованный СМИиК «коллективного Запада» (и печально, что российские массмедиа присоединились к нему). Ливийцы требовали, чтобы у власти осталось руководство страны; о преданности режиму заявили главы влиятельных племен. Я согласен с автором материала: ливийские события были подавлением угрозы распространения примера альтернативного развития[71].

В США есть мнение, что Обама работает на созда-

к президентской резиденции, блокировать транспортные магистрали, нейтрализовать полицейские участки.

[70] Но на слушаниях, например, в Сенате США может быть разыгран спектакль с обвинением ЦРУ в том, что оно не сообщило об участии Белого дома в арабских «цветных революциях».

[71] Интересные и впечатляющие данные о социальных программах в Ливии см.: http://bibo.kz/kipa/412986-amerikancy-s-francuzami-nesut-osvobozhdenie.html (дата обращения 04.10.2016).

ние Большого Ближнего Востока под американским влиянием, которое должно контролировать движение капитала и энергетические потоки Китая, России и ЕС. Дестабилизация Большого Ближнего Востока тогда – целенаправленный маневр для принуждения поднимающихся супердержав согласиться с их местом в однополярном мире. С подобными представлениями можно согласиться, зная о концепции «управляемого хаоса» как средстве переформатирования мира. Сегодня в геополитическую игру вступило Исламское государство Ирака и Леванта, который сделали, питают и одновременно «бомбят» США. В игру вступила и Россия. Поэтому интересно и одновременно печально специально анализировать развертывание информационно-психологической войны на Ближнем Востоке.

Успешные «сетевые революции» в различных странах (ситуацию, оказалось, можно «раскачать» в любой момент, на любой территории) говорят о необходимости учета подобной опасности и для России. И здесь у многих державно ориентированных граждан (и экспертов) возникает вопрос, осознается ли на вершине властной вертикали масштаб угрозы, для противодействия которой следовало бы менять радикал-либеральный курс в экономике и социальной политике страны. Это важно в том числе с социаль-

но-психологической точки зрения на процесс вызревания протестных чувств граждан относительно социальной справедливости, торможения мобилизационного проекта возрождения страны. Следует прогнозировать национально-психологические особенности «революционизирующихся масс». Сергейцев, например, указывает, что массовая психология россиян предполагает особую эмоциональную реакцию на протестующую толпу (Сергейцев, 2012). Если бы в России происходило то же, что в странах, привыкших к общенациональным протестам (они – проза жизни), люди приходили бы в состояние излишнего возбуждения с деструктивными социально-политическими последствиями. Он также указывает на готовность значительной части элиты к «национальному предательству».

Итак, «цветные революции» – это методика государственных переворотов, разработанная в США (ЦРУ). Эти революции подаются как народное волеизъявление, хотя они являются хорошо организованными операциями, «политическими спектаклями» для СМИиК, оплаченными и контролируемыми транснациональными структурами и их представительствами в стране-объекте операции в виде НПО. Создание сетевых организаций и вербовка граждан для протестного движения относятся к методам «гибридной»

войны. В информационно-психологической войне ведутся тайные операции, «черная пропаганда», скрытое влияние и контроль, используется подкуп ведущих журналистов, дезинформация и иные методы, вплоть до политических покушений и убийств. Технологии смены власти без военных конфликтов и в рамках закона созданы и работают – многие люди не видят, что за многочисленными «цветными революциями» стоит единый центр управления. Некоторые, действительно, искренне считают, что массовые беспорядки, кровь и насилие в результате «цветных революций» являются признаками свободы общества, показателем его «демократического здоровья». Об успехах информационно-психологических операций свидетельствуют реакции людей, когда горящие покрышки на евромайдане, сжигаемые «коктейлями Молотова» беркутовцы воспринимаются как «демократический прорыв» масс. А что можно сказать о человеке, согласном с официальной версией о том, что в Доме профсоюзов в Одессе люди сожгли себя сами? Это уже намеренное искажение социального восприятия или еще политическая наивность?

Исходя из известной роли НИТ в «цветных революциях» подчеркнем, что информационная война в сети является актуальной темой психологического исследования. В российском интернете в целом царили

прозападные настроения. Но после грузинской агрессии 2008 г. на арену информационных баталий выходит патриотическая мысль. В США тут же заговорили о необходимости усилить свое влияние на рунет под видом «противодействия «антиамериканской дезинформации» (Беляев, 2015, с. 58). И появились сайты, группы в социальных сетях, проводящие антигосударственную информационную компанию, призывающие к революции. Надо отметить, что российские сторонники идей «оранжевых революций» активно занимаются «промыванием мозгов» интернет-пользователей в этом направлении. В рунете под каждое социально-политическое «движение» можно найти интернет-проект, форум и пр. Интересную для социальной психологии информацию о методах психоманипуляции в сети дает бывшая активистка каспаровского Объединенного гражданского фронта Татьяна Корчевная (Корчевная, 2009). Вначале идет вхождение в доверие на форумах по тематикам неполитического содержания. Потом вбрасывается нужная политическая информация – например, про пострадавших от властей оппозиционеров. Форум-дискутанты дают также ссылки на оппозиционные ресурсы, на посты «сетевых авторитетов оппозиции». Человека убеждают в нелегитимности власти, в неизбежном крушении режима. Это работало во время войны с Грузией, в

освещении экономического кризиса и украинских событий и т. д.

Подробности такой политической обработки сознания в интернете можно найти в описаниях методов работы в социальных сетях оппозиции[72]. Здесь – все виды агитации: обучение, убеждение, различные формы продвижения и распространения мнений. В первую очередь, проект предназначен для убеждения через дискуссию – диалог, в рамках которого ведущий дискуссии «со стороны проекта» (т. н. «говорун») воздействует на участников. Даже если не удается повлиять на точку зрения некоего конкретного оппонента, есть возможность повлиять на полилог в целом. Также отрабатываются аргументы, примеры, отдельные фразы, которые могут в дальнейшем эффективно использоваться. Дискуссии могут вестись не только в интернете, но и в переписке, по телефону и т. д., используя преимущества личного общения.

Говоря об «оранжевом интернете», следует учитывать типологию пользователей: помимо спецманипуляторов, есть и искренне недовольные граждане, и люди, ненавидящие всех и вся, и просто пишущие на дискуссионные темы для самореализации и пр.

Актуальной темой для социальной и политической

---

[72] URL: http://iidr.narod.ru/#_Toc194054771 (дата обращения 05.10.2016).

психологии является осмысление «цветных технологий» с точки зрения теории «управляемого хаоса». Известно, что данная теория была в сфере интересов одного из главных разработчиков методологии «цветных революций» Д. Шарпа. Она рассматривалась им как важный элемент стратегии глобального военно-политического доминирования США. Сегодня эта теория, распространенная в область геополитики, является мощным фактором построения NWO[73]. Глобальный социум превращается в закрытую систему с определенными характеристиками и целеполаганием. В теории «управляемого хаоса» мир понимается как сложная динамическая система, состоящая из наций, государств, религиозных и иных сообществ и т. д., которые, в свою очередь, также являются сложными динамическими системами. Динамические системы постоянно доводят себя до критического бифуркационного состояния, в котором их легко разрушить даже небольшим воздействием. Стабильность социальной макросистемы можно обеспечить, лишь «плавая между островами порядка в глобальном мире политического хаоса». Отсюда понят-

[73] Стратегия «управляемого хаоса» в определенном смысле является стратегией перманентной мировой революции в духе Троцкого. В этом плане интересны идеи А. Дугина о связи глобализм-проекта с современным коммунистическим движением в виде неотроцкизма (об этом в книге говорится в главе 7).

на необходимость социально-политических изменений в кризисных обществах. Другой известный теоретик рассматриваемого подхода, С. Манн, постулирует (Mann, 1992, 1998), что стабильность находится внутри беспорядочности. Объектом управления являются непрерывно изменяющиеся многокомпонентные «динамические системы»; небольшие изменения в таких системах приводят к большим диспропорциям. Кризисное состояние динамических систем является для них перманентным и проявляет себя как «самоорганизующая кризисность». В кризисном состоянии системы небольшое событие может запустить цепную реакцию, приводящую к катастрофе. Для «управления хаосом» необходимо понять особенности системы, подготовленной к управляемой деструкции, выявить в ней внутренние напряжения и приложить усилие, которое вызовет разрушительные последствия и задаст матрицу будущего состояния системы. Источник такого усилия – «идеологический вирус» демократического плюрализма и прав человека. Вирус будет распространяться хаотическим путем, осуществляя борьбу за умы людей в странах, отличающихся от американской культуры. В этом С. Манн видит единственный путь для построения NWO.

Полезные критические замечания к использованию теории управляемого хаоса в геополитике можно най-

ти у Константина Гордеева. В своих печатных работах, выступлениях, в блогосфере (см. его сайт http://www.kongord.ru) он указывает, что данная теория не объясняет важные вещи. Хаос накапливается и приводит к фатальной деструкции системы, в «войну до победного конца». Накопление хаоса – это потеря предсказуемости поведения системы в целом и каждого ее элемента, что делает систему неуправляемой. Кризис не является инструментом управления самоорганизацией. Он возникает, когда динамическая система лишена источников жизнеобеспечения, и только при наличии мощного внешнего ресурса возможно сохранение контроля над обществом. После расшатывания системы ее бóльшая часть превращается в источник умножения хаоса – бандитизма в собственной стране и «экспорта революции». Люди, сумевшие найти себя в социальных преобразованиях, либо «подсядут» на внедренные идеи и материальные вливания, либо найдут для себя автономный источник существования. Иными словами, подчеркивает К. Гордеев, «самоорганизующаяся кризисность» ведет дело к распаду динамической системы на антисистемные составляющие, т. е. к умножению хаоса. В итоге накапливается разрушительный потенциал против субъектов информационно-психологической атаки, пробудивших «управляемый хаос». Потеря устой-

чивости больших социальных систем наблюдалась на примере последствий «арабской весны». К. Гордеев указывает также, что «самоорганизующаяся кризисность» индуцируется внутри обреченных на дезинтеграцию национальных обществ. «Цветные революции» спонтанно возникают лишь при наличии кризиса в обществе/стране, объективной революционной ситуации. Иначе необходим «экспорт интервенции» (как это мы видим на примере Ливии и Сирии). Хаос генерируется военной агрессией, которая не только опустошает военный, экономический и политический потенциалы региона-жертвы, но и начинает втягивать в конфликт все новых и новых участников, имеющих ресурсную заинтересованность в объекте агрессии. Технологическое преимущество в военной сфере дает возможность осуществлять вооруженные агрессии руками незначительного числа мятежников, усиленных группами наемников и криминальных элементов, выдавая все это за «демократические революции» и «национально-освободительное движение». В Ливии «революционеры» успешно действовали против превосходящих их в численности и вооружениях правительственных войск. Возникшая же с началом боевых операций неустойчивость социальной системы способна принять масштабы Большой войны, что мы видим в Сирии.

4.5. Манипуляции с исторической памятью

Актуальная проблема изучения глобальной психоманипуляции – отображение в СМИ истории человечества. Давно известно, что тот, кто пишет историю, контролирует настоящее, достигая высочайшей степени эффективности информационно-психологических воздействий. На уровнях глобальной психоманипуляции можно найти свидетельства многовековых усилий по корректировке истории, создания образа «диких», «варварских» народов и т. д.

В своих работах (например, Гостев, 2012 г, 2015а) я подчеркиваю значимость осмысления образов культурогенетической памяти группового субъекта – т. е. памяти его исторического опыта – и влияния этих «историко-событийных записей» на социальное восприятие. «Образы исторической памяти» отличаются от образов локальных архетипов культур. Соответственно, подчеркивается проблема сложных закономерностей взаимодействия образов в структуре менталитета конкретной социально-исторической общности. Выделяются образы-следы исторических событий и образы-прототипы/ архетипы. Отметим, что групповой субъект реализует свой исторический путь

на основе взаимодействия его свободы воли, культуро-генетической памяти и многовариантной духовной программы. Система образов коллективного сознания/неосознаваемого вместе с проявлениями коллективной эмоционально-волевой, мотивационной и духовно-нравственной сфер влияет на происходящее (меняясь под влиянием текущих событий), определяет будущее через исторический выбор, формирует особенности самого группового субъекта (и его представителей). Общество должно иметь связь как минимум трех поколений (период в 50–60 лет), хранить культурно значимое прошлое (на 100–200 лет назад), и субъективно реальное (пусть и иллюзорное) обозримое будущее.

Поскольку идентичность общества во многом определяется восприятием истории, следует говорить об «управлении историей», которое становится «психоисторическим оружием» (Фурсов, 2015, 2016) в современных и будущих геополитических битвах. Даже вульгарное, наглое переписывание истории не остается без результата и влияет на сознание людей, и тем более влияет – тонкая расстановка акцентов, фокусировка внимания на одних событиях при замалчивании и игнорировании других. Изменение восприятия обществом своей истории меняет его до неузнаваемости, как показывают события в Украине. Если осве-

щение в СМИиК пакта Молотова – Риббентропа при замалчивании Мюнхенского сговора и многих других «исторических деталей» можно отнести к грубым манипуляциям с историческим сознанием, то «зверства Советской армии» в Германии при игнорировании насилия американцев в Европе после открытия Второго фронта является более тонким видом искажения исторической памяти.

Власть в любой стране всегда озабочена интерпретацией прошлого этой страны и ее народов. Но власть, которая разрывает связь народа с его прошлым, разрушает у населения исторически сложившиеся ценности, устоявшийся образ мира. Политические воздействия оказываются долго живущими лишь при опоре на социальную память. Эйфория политических революций проходит очень быстро именно потому, что, уничтожая прежние ценности, власть не успевает создавать новые (Лебедев, 2012, с. 99–100).

Технологии манипуляций историческим сознанием направлены на уничтожение государствообразующих символов, систем традиционных представлений, смыслов, понятий. Если таковые поколеблены, государство и нация оказываются в опасности. За последние 30 лет в России активно разрушалась историческая память. Это было как результатом применения приемов информационно-психологической вой-

ны, так и спонтанным процессом борьбы части общества с советским периодом истории. Манипулирование историей страны было широко задействовано и в период подготовки разрушения СССР, и после него. СМИиК были захвачены интерпретаторами отечественной истории. И вот уже 30 лет с разными акцентами и в разных «обертках» – контекстах современному человеку внушается мысль о том, что «в СССР все было отвратительно»[74]. Со стороны западных фондов постоянно звучат слова о необходимости изменения менталитета русского народа, пишутся новые школьные учебники по истории и литературе. Можно ли представить, что некий российский Фонд начинает работать в США, диктуя американским школам трактовки американской истории?!

Бестактно и ложно освещались исторические события и вне советского периода. С конца 1980-х активно искажалось знание об исторической России в целом. В СМИиК создавались негативные представления о российской государственности, умалялось духовно-нравственное наследие страны. Замалчивались и искаженно трактовались факты участия России в мировой истории, в частности, в качестве освободительницы (Европы, балканских стран, Грузии и

[74] Другие примеры использования приема умалчивания/неопределенности/недоговоренности см.: Лебедев, 2014.

Армении и др.). Много ли людей знает, например, что первая инициатива всеобщего разоружения, которую «просвещенная Европа» отвергла, принадлежит императору Николаю II (а это конец XIX в). На эти общие искажения истории государства российского в постсоветский период наложились исторические переинтерпретации, ошибки и фальсификации в рамках перестроечно-реформаторских идей. И этот общий пересмотр истории до сих пор препятствует возвращению к отечественной духовно-нравственной почве, движению к адекватности исторического сознания.

Активно изменялись не только образы исторической памяти, не только искажались исторические факты и поддерживался хаос в их оценках (показательна интерпретация гражданской войны в России 1917–1923 гг. Разрушалась, высмеивалась и очернялась символика великого прошлого России (как писал Фрейд, остроты атакуют то, что защищено от открытого оскорбления). С. Кара-Мурза, акцентируя вопрос о разрушении национальных символов, подчеркивает, что именно они упорядочивают историческую память, задают ориентиры, указывают цели и опасности, поддерживают в сложных социально-политических обстоятельствах. Особое место в мире символов занимают образы умерших, которые продолжают участвовать в делах страны. Манипуляции с такими

образами-символами – важная часть политического процесса (примерами могут служить факты осквернения могил воинов-освободителей (Кара-Мурза, 2000, с. 442–443).

Изменения представлений об исторических событиях можно добиться и без непосредственного психологического воздействия какой-либо информации. Это может осуществляться в форме изменения учебных программ в вузах, переписывания учебников, изменения праздников, переименования улиц, городов и т. д. Подобные действия власти не предполагают прямого воздействия на сознание людей. Психологическое воздействие здесь осуществляется именно через изменение условий жизнедеятельности граждан, главными механизмами являются сокращение количества информации, перестановка «акцентов» с одних событий на другие, устранение «противоречивой» информации, возможности толкования событий с разных позиций и т. д. (Лебедев, 2014, с. 40).

Искажения образа «истории государства российского» осуществлялись с XVIII в.: использовалась зарубежная идея о порочности российской истории в целом, навязывалось чувство вины за «тоталитарное прошлое». Т. Грачева подчеркивает намеренное формирование у граждан России комплекса исторической неполноценности: свою историю они должны ненави-

деть, стыдиться ее, отказаться от нее, поклонившись мифам истории «доброй Европы» (Грачева, 2011).

Для разрушения образов истории в годы перестройки, включая последние годы советского периода, использовались «научные авторитеты», ссылки на неопределенные источники, фальшивые цитаты. Отметим и роль исторических телесериалов. В исторической науке, в публицистике, в манифестах политических течений пересматривались основания российской государственности, прошлое становилось мозаичным. Уже объявлена мифом историческая преемственность Киевской Руси, Московского царства и Российской Империи. Историческое время разрывалось, и его фрагменты либо выбрасывались как порочные, либо, оторванные от единого исторического прошлого, уходили далеко на периферию исторической памяти народа. Образ России и ее роли в мировой политике целенаправленно очерняется политическими деятелями в исторически близких России странах. Здесь уместно привести слова Ф. М. Достоевского, не потерявшие актуальность за прошедшие полтора века[75].

[75] Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» дает глубочайшее по силе предвидения пророчество «о славянских племенах» в их отношении к России. Вот несколько высказываний великого писателя: «Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чу ть

Особенно заметно осквернение Победы СССР в Великой Отечественной войне. В год 60-летия Победы в прокат вышли фильмы, внушающие мысль о том, что СССР выиграл войну не потому, что против врага встал народ, а благодаря, например, заградотрядам. На Западе (на различных уровнях и площадках информационно-психологического воздействия) взялись за организацию международного осуждения коммунистических режимов, за уравнивание сталинизма и гитлеризма, коммунизма и фашизма как тоталитарных режимов. С конца 1980-х в Восточной Европе и в СССР в СМИиК начали звучать призывы каять-

---

только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!.. Начнут они непременно с того, что… убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись… не вмешайся Европа, так Россия проглотила бы их тотчас же…». Т. е. говорится о «порабощении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени… Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена… способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская… даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации… России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнут хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества… Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью» (Достоевский, 1984, с. 77–82).

ся за преступления сталинизма, согласиться с определением СССР как «империи зла».

То, что происходило вокруг 70-летней годовщины Великой Победы, стало фронтом усиливающихся все более масштабных информационных сражений в битве за историю. Отношение к Победе проявило себя как «психоисторическое оружие», направленное против России, выступило водоразделом в мировоззрении людей, – как в России, так и в мире в целом. Изучение феноменологии образов Победы в зависимости от различных факторов, прежде всего, психологических (например, личностные особенности, ценностные ориентации и пр.), является поэтому важнейшей темой психологических исследований, о чем мы еще скажем.

«Социальная, политическая и историческая психология» как некая взаимосвязанная система психологических знаний призвана помочь осмыслить, в какой мере образы истории были искажены в ходе информационно-психологической войны и в какой мере были вскрыты реальные социально-политические язвы. Однако в любом случае важно понять, что иллюзорность социального восприятия сильно искажает духовно-нравственную сферу человеческого бытия. Поэтому духовно-нравственный аспект изучения манипуляций с исторической памятью приобретает особое

значение.

Духовный потенциал «памяти русской души»

Одна из книг Т. Грачевой – книг, несомненно, интересных для социальной, политической и исторической психологии – называется «Память русской души» (Грачева, 2011). Под этим термином подразумевается особый вид памяти, связанный со способностью к запоминанию, сохранению и воспроизведению духовной информации, передающейся от поколения к поколению. Пробуждение «памяти души народа» связано с обращением к российской истории. Историческая память является основой личной, национальной и государственной идентичности. Историческая дезориентация достигается денационализацией исторической памяти – насаждением мифов, направленных на искажение истории, и глобализацией исторической памяти народа – переключением ее на события мировой истории (там же, с. 34–40).

Денационализация исторической памяти ведет к подрыву государственности и обороноспособности. Это путь к самоуничтожению народа. Историческая память умело стирается теми, кто понимает, сколь велика ее роль. В исторической памяти любого народа

хранится программа, связывающая его прошлое, настоящее и будущее, определяющая его предназначение, смысл исторического бытия. Эта память объединяет народ, позволяет понимать происходящее, помогает не теряться в исторических событиях, формирует личность, сопричастную выполнению общих исторических целей всех предшествующих поколений, трудившихся над осуществлением общей для всех программы. Именно историческая память «делает этническую общность народом, имеющим свое цивилизационное предназначение» (там же, с. 54). Историческая память – это и «часть памяти души о Боге» с осознаваемой народом исторической программой, завещанной предками.

Разобщенность русских объясняется утратой исторической памяти, а с ней и программы «вселенского призвания русского народа», наполняющей единым смыслом и силой его жизнь. Чтобы перестать безответственно относиться друг к другу, нужно почувствовать общую ответственность за общее дело, сплоченность, готовность к самопожертвованию, а также силу противостоять превращению народа в «этнобиомассу», сосредоточенную на удовлетворении примитивных потребностей.

Формой «исторического беспамятства» называет Т. Грачева отсутствие интереса к своей истории, в

частности, отрыв отечественной истории от православия. Без понимания духовной сущности исторических дат и событий история не станет руководством к действию. Человек не сможет противостоять исторической дезориентации, «отравлению» памяти ложной информацией. Следствие этого – отрицательное отношение к собственной истории и предательство памяти предков и веры отцов. Память, пораженная лжеисторической информацией, толкает народ на ложный путь. Т. Грачева вводит понятие «готовность памяти» – способность народа быстро извлекать из исторической памяти и применять опыт в трудных обстоятельствах. Предполагается способность обращаться к разным этапам истории и оперативно принимать решения в интересах Отечества. Программа русского народа, заложенная в его исторической памяти, имеет три цели: 1) военный проект защиты исторической России; 2) политический проект сохранения национальной государственности; 3) религиозный проект сохранения чистоты православной веры, противодействия унификации религий (об этом см. подробнее в главе 5). России необходимо встать на путь выполнения своей исторической программы. Память русской души хранит в себе для этой цели дух победы и созидания, дает защиту, смысл и перспективу жизни (там же, с. 57–60). Когда историческая па-

мять утрачивалась народом, Россия оказывалась под угрозой уничтожения. Выключение исторической памяти было целью врагов государства российского – чтобы народ потерял осознание смысла происходящих событий, перестал видеть угрозы и защищать себя.

Появилось уже много поколений, не помнящих веры отцов, истории своей страны. Но при массовом пробуждении исторической памяти русского народа, при духовном пробуждении национального самосознания неизбежна победа над деструктивными силами в стране. Предательство памяти предков набирало силу, когда право интерпретировать отечественную историю, особенно в школьных учебниках, было отдано оппонентам исторической российской государственности. В результате подобных дезинформационных атак на российскую аудиторию удалось, к сожалению, достичь существенной деформации у многих людей исторического сознания; некоторые даже оказались способными надругаться над исторической памятью.

Итак, переписывание истории, создание «новой истории» – эффективный способ изменить отношение к происходящему и будущему страны и мира. Сегодня мы видим, как на глазах меняются общепринятые представления об истории. Но искаженная исто-

рическая память в свою очередь искажает социальное восприятие. Например, если забыть о том, что присоединение Украины к Российской Империи было инициативой самой Украины, которая просила Россию принять ее в свой состав, защитить от польских посягательств, то легче станет воспринимать Россию как оккупанта.

В связи с вопросом об исторической памяти в публицистической литературе, блогосфере, интернет-форумах часто встречается образ рабов-манкуртов, у которых специальными приемами отбита память: манкурт не знает даже своего имени. Сегодня можно говорить о современном коллективном манкурте, создаваемом глобальной психоманипуляцией. Действительно, при искажении исторической памяти любую проблему прошлого, настоящего и будущего можно представить ложно. Поэтому мы рекомендуем читателю ознакомиться с картиной отечественной истории самостоятельно, например, по работам отечественных историков Михаила Назарова, Олега Платонова, Вадима Кожинова.

Глава 5. Психоманипуляции в духовно-нравственной сфере

5.1. Психология духовно-нравственной сферы как актуальное направление психологической науки

Психология духовно-нравственной сферы превращается в одно из признанных и успешно развивающихся научных направлений отечественной психологии. Данное направление предстает под различными названиями: психология нравственности/морали, нравственная психология, этическая психология, духовная (духовно-ориентированная) психология, христианская психология и т. п. Эти термины объединяет принцип: достижения психологии следует рассматривать через нравственную призму, и далее они должны быть собраны в новом направлении (Воловикова, 2011). Такой «призмой» в широком смысле должна стать и духовная сфера человеческого бытия, включая ее религиозный аспект. Здесь уместно

вспомнить, что наука объявлялась русскими космистами соработницей христианского богословия. Действительно, вне поиска взаимодействия данных областей и форм познания мира наука служит сомнительным с точки зрения морали целям, поддерживая, в частности, губительную для планеты «цивилизацию потребления».

Если говорить о психологии нравственности более узко, то она изучает социально-психологические механизмы формирования и распространения в обществе различных видов морали, механизмы интериоризации нравственных представлений, восприятия нравственных норм конкретным человеком, нравственно-психологическое состояние общества, морально-психологические основы негативных социальных явлений, психологию аморального поведения, пути повышения нравственного уровня личности, социальных групп и общества в целом (Журавлев, Юревич, 2013а, 2013б). Обратим внимание на одну теоретическую позицию, важную для рассмотрения влияния информационно-психологических воздействий аморального содержания на духовно-нравственную сферу человеческого бытия. Лежащие в основе безнравственного поведения ценности, социальные установки и т. д. часто выступают как особая область феноменов, обладающая самостоятельным

психологическим содержанием (Журавлев, Юревич, 2013а).

Подчеркнем еще одну теоретическую позицию, значимую для рассмотрения нравственных основ психоманипуляций. Психологическая наука, отвечая на вопросы о том, что плохо и что хорошо для общества, становится участником борьбы вокруг идеологем, порожденных псевдолиберальной идеологией и достаточно глубоко внедренных в общественное сознание в 1990-е годы[76] (там же, с. 9). Мы же будем рассматривать и идеи, перетекающие из псевдолиберализма в мондиализм, трансформируясь при этом в недрах последнего.

Остановимся на актуальной проблеме, вытекающей из сказанного, – *проблеме психологического и духовно-нравственного здоровья* современного человека. Анализ нравственного состояния российского общества неутешителен. А. Л. Журавлев и А. В. Юревич подчеркивают (там же, с. 7) наличие поражающей своими масштабами и безнаказанностью коррупции во всех структурах власти, прочные позиции сторонников гомосексуальных отношений, демонстративное

[76] Это идеи о том, что «запреты неэффективны», «свобода личности имеет приоритет над общественным благом», «можно все, что не запрещено законом», «значимость человека в условиях рыночной экономики предопределена тем, сколько он зарабатывает», «школа должна оказывать образовательные услуги, а не заниматься воспитанием» и т. п.

попирание нравственных основ в «нетрадиционном искусстве», стремление многих людей оправдывать зло и пр.

Психологическое и духовно-нравственное здоровье личности

Отметим, что содержание понятия «психологическое здоровье» размыто, подходы фрагментарны и слабо соотносимы друг с другом. Дискуссия в Институте психологии РАН по проблеме психологического здоровья подтвердила неудовлетворительное состояние анализа и разработки данной темы (Психология здоровья, 2006; Психологическое здоровье личности, 2014). Это можно понять, исходя из многоаспектности вопроса. Понятие «психологическое здоровье» нуждается в более четком определении своего содержания. Большую роль в этом играет мировоззренческая позиция исследователя в отношении *духовно-нравственного* контекста проблемы психологического здоровья, – в частности, признания в нем религиозного аспекта. Взаимосвязь проблематики психологического здоровья и психологии духовно-нравственной сферы с позиции психологического знания о «духовной вертикали» человека должна стать предметом научного осмысления. Следует изу-

чать также измененные состояния индивидуального сознания, подмены в понимании современной психологией понятий личностного роста и духовного развития (Гостев, 2014б). Изучение данных проблем является важным теоретическим аспектом осмысления как роли информационных воздействий на внутренний мир человека из глубин его психики, так и влияния этих воздействий на духовно-нравственное и психологическое здоровье.

Особые состояния сознания позволяют говорить как о *«расширении»,* так и об *«омрачении»* сознания. (Гостев, 2008, Гостев, Борисова, 2012). Осознание недостаточной эффективности традиционных методов психотерапии и психокоррекции привело к использованию переживаний измененных состояний сознания, в частности, в эриксоновском гипнозе, НЛП, психосинтезе, в трансперсональных подходах. Применяются как психотехники, адаптированные к профанному уровню школ «коммерческой New Age-духовности», так и сильные воздействия, связанные с дыхательными техниками, шаманскими практиками, психоделиками, которые применялись до запрета их использования в психотерапии/психокоррекции и т. п. на государственном уровне, прежде всего в Европе и США в 1970-е годы. Подчеркнем, что научное осмысление моделирования особых состояний сознания

в целях психокоррекции должно учитывать, с одной стороны, недопустимость массового (т. е. неизбежно непрофессионального) использования методов изменения сознания, а с другой – считаться с тем фактом, что их, например, можно использовать в качестве психокоррекционного средства в наркологической практике. Вместе с тем, исследуется феноменология негативных моментов в переживаниях особых состояний сознания. Отмечается, что в глубинах психики существуют «вселенные неизвестных реальностей» и что сознание многих людей травмировалось при столкновении с ними. Могущественные силы глубинно-подсознательного или «надмирно-надсознательного» уровней обычный человек не в состоянии контролировать, и они «захватывают» его сознание (личный опыт К. Г. Юнга)[77].

Возникают закономерные вопросы: в каких рамках опыт особых состояний сознания можно признать информационно-психологическим воздействи-

[77] Феноменология особых состояний сознания свидетельствует о симбиотических тенденциях по отношению к гиду-терапевту, о застревании в тяжелых переживаниях с приобретением на этой основе стойких психосоматических проблем и т. д. Например, переживания «проблем рода» могут оставить человека в полной безысходности, а т. н. «реинкарнационные воспоминания» привести к чувству «раздавленности плохой кармой». Переживания образов архетипического содержания травматичны ощущением подконтрольности архетипу.

ем (внутреннего источника), улучшающим психологическое здоровье? Каковы духовно-нравственные последствия соприкосновения человека с неосознаваемыми сферами своего внутреннего мира?

Но серьезная постановка подобных вопросов многим исследователям кажется излишней. А потому методы овладения содержанием неосознаваемого психического очень популярны. Мы же констатируем: в особых сферах «потенциального сознания» человек встречается с мощнейшими *автономными силами,* способными *нанести ему вред* (религиозно-философский опыт человечества свидетельствует о воздействии «светлых/ангельских» и «темных/демонических» сил на человека, что оказывает влияние и на его психическое, и на духовно-нравственное здоровье. Психология личности часто не учитывает опасностей, возникающих при попытках людей овладеть этими сферами в особых состояниях сознания, недооценивается то, что в подобном глубинном самопознании возможно проявление и функционирование деструктивных сил, замаскированных под самоактуализацию и самопознание.

В научном осмыслении темы возрастает значение православного аскетического опыта, ориентированного не на достижение экзотики особых состояний сознания, а на преображение человеческой приро-

ды (см. анализ отношения святоотеческой традиции к трансперсональной психологии в кн.: Максим Попов, иеромонах, 2012). Это помогает изучать единство/разъединенность телесных, душевных и духовных подструктур человека, выявлять закономерности их интеграции/распада. Интеграция внутреннего мира личности невозможна, если вертикаль «дух – душа – тело» будет оставаться перевернутой: с телесным началом во главе, а духовным – в подчиненном положении. Напрашиваются вопросы, имеющие прямое отношение к проблеме манипуляций внутренним миром личности, ее духовно-нравственной сферой, чреватых для нее опасностями утраты психологического, а порой и психического здоровья.

Возможность «омрачения» сознания при субъективном переживании его «просветления» выводит нас на проблему понимания духовно-нравственных и религиозных смыслов. Поскольку образы являются основным языком измененных состояний сознания, эту проблему я рассматриваю на примере образной сферы человека (Гостев, 2007б). С одной стороны, у человека есть потенциальная способность к общению с метафизическим миром, а с другой – существуют опасности выхода во «внесенсорные созерцания». Вся совокупность историко-психологических, междисциплинарных, культурологических данных позволяет

говорить о том, что элементы образной сферы человека (вторичные образы различных классов) следует понимать как «окна» в неявные, невидимые аспекты реальности – внешней объективной, идеально представленной в человеке, и внутренней, субъективной, – в их взаимосвязи. Однако смотреть в эти «окна» в целях познания мира, самопознания и саморазвития вряд ли стоит – слишком велики искажения видения и опасности самого «смотрения».

Важным теоретико-методологическим вопросом является вопрос об источнике религиозно-мистического опыта. Религиозно-философское наследие человечества допускает «созерцание метафизической реальности» невидимого духовного мира. Какова природа реальности, открывающейся людям в религиозно-мистических переживаниях? Что стоит за «духовными созерцаниями»?

Состояние духовной прелести

Православно-христианская традиция свидетельствует о неоднозначном проявлении образной сферы в духовной жизни. С одной стороны, «сфера божественного» может предстать в символах-образах, и через них человек способен восходить к горним прообразам, принимать помощь от посланцев горне-

го мира (предупреждения, разъяснение проблем, советы, исцеления и т. д.). С другой стороны, общая установка традиции заключается в осторожном отношении к роли образной сферы в переживании и понимании духовных смыслов. Ориентация на «чистоту ума» от образов определяется тем, что образная сфера человека связана с областью страстей (проявлениями «низшего Я»), в силу чего образы могут стать проводниками влияний, как минимум неполезных для человека. Через образы к человеку приходит привязанность к «плотскому» и «материальному», пробуждаются страсти, воображаются опасности и пр. Традиция раскрывает когнитивные, эмоциональные искажения в развитии и религиозном опыте личности. В этой связи святыми отцами введено понятие *«прелести»* – извращенного состояния духовно-нравственной и религиозной жизни, самообмана, при котором человек утрачивает способность адекватно воспринимать мир и себя, а свои фантазии принимает за действие божественных сил (порождаются иллюзии обладания «духовными дарованиями», «высокой духовной жизни»). Понятие прельщения вскрывает сущность ложной духовности: самообман, при котором человек свои психофизиологические состояния и порождаемые ими «высоко-душевные» (псевдодуховные) переживания и фантазии-видения принимает за

проявления своего высокого нравственно-духовного уровня, за истинное божественное откровение, богообщение и т. п.

Теория «прелести» показывает наивность идеи о том, что любая творческая способность в человеке питается от светлых сил. Отрицательные метафизические силы способны питать и художественное, и научное творчество. У людей искусства «творческие видения» могут быть близки к галлюцинаторным образам. Многолетние контакты с потусторонним миром приводят к помешательству, потере нравственных ориентиров творчества (В. Я. Брюсов, М. А. Врубель, В. Ван Гог, С. Дали, А. Модильяни и др.). Контактерами были также Даниил Андреев, многие рок-музыканты (От чего нас хотят «спасти»…, 2001).

Итак, состояния прелести будем рассматривать как *когнитивно-эмоциональные искажения в духовно-нравственном познании с соответствующей поведенческой неадекватностью.* Разнообразие этих состояний определяется: 1) «искаженным устроением души» на основе многоликих комбинаций страстей; 2) *исканием* (пассивным *ожиданием*) духовных состояний, видений, «откровений свыше»; 3) *влиянием отрицательного метафизического фактора*. Духовно-нравственное прельщение возникает во взаимодействии факторов *внутренних* («фантазии о

небесном», ожидания и искания «божественных состояний» и др.) и *внешних* (жизненный контекст, социальное окружение, информационная экология, метафизические воздействия). Все три варианта раскрывают важные грани информационно-психологического воздействия на уровне духовно-нравственной сферы личности, включая действие такого субъекта воздействия, как отрицательный метафизический фактор.

Для психологии информационного воздействия полезно также святоотеческое знание о *различении состояний прелести* – тончайшего внимательного наблюдения за тем, что возникло в душе и склонило к определенным мыслеобразам, желаниям, поступкам. Внутренний опыт не принимается, но и не отвергается сразу (за исключением варианта его явной «лукавости»).

Проблема различения прелести связана с темой истинных и ложных *пророчеств*. Вопрос о религиозных откровениях чрезвычайно актуален в связи с псевдодуховными сектами, претензиями их лидеров и последователей на получение «божественных посланий». В прелести *теряется способность сознавать заблуждения:* образы-переживания кажутся истинными, «святыми»; «пророк» же чувствует себя избранным.

Для темы психологического здоровья в контексте духовно-нравственного прельщения интересна типология духовных контактеров (там же, с. 72–77): 1. Соблазнившиеся переживаниями гордыни от сознания своей неординарности, избранности, а также от парапсихологических или творческих способностей, переданных из «потустороннего мира» (для «метафизической вербовки»). 2. Лица с психиатрическими нарушениями и личностной психопатологией. 3. Люди под благодатной защитой, которая, однако, незаметно для человека «подтачивается».

Отметим ситуации публичного гипнотического воздействия (таковых было много в первые годы «перестройки»: Кашпировский и т. п.) и его отрицательные плоды для психического и физического здоровья людей. Контактерством пользуются факиры и иллюзионисты. В этой связи отметим феномен «маскировки демона под ангела» (в восточных традициях есть аналог подобных «перевертышей»). Часто «демонический наставник» предстает в замаскированном виде, как «светлый дух», «астральный учитель» и т. д. Контакт прикрыт «высокими целями» саморазвития, служения людям, спасения человечества, «светлыми идеалами» участия в подготовке мессианских сил для новой эпохи и пр. Экстрасенс обычно не понимает, порождено ли полученное знание им самим или оно

внушено. Как правило, он считает себя подключенным к «божественным»/космическим энергиям и потому верит в собственную пророческую и целительную силу. Святоотеческая традиция подчеркивает: обращение к экстрасенсам отчуждает человека от защиты благодатью и делает его также *проводником влияния* «темных сил». Деструктивное воздействие на обратившихся за «помощью», однако, успешно маскируется имитацией благодати. Полученные «духовные дары» объявляются «даром от Бога», объясняются подключением к «космической энергии», влиянием «сверхъестественных сил» или представителей высокоразвитых цивилизаций. Поэтому мы особо подчеркиваем тему веры «духовных учителей» в собственную исключительность, покровительство «высших сил» (соответственно, неуязвимость для сил зла) и опасность этого для обратившихся к ним людей. В результате «наставник» доходит до идеи вседозволенности в духовном руководстве, не замечая, что сам «бесоодержим». Эти «учителя», дерзающие вести других к «свету», не очистившись, забывают, что достигаемые и описываемые в различных традициях духовные состояния являются следствием многолетних аскетических усилий, нравственного очищения. Характерными признаками «псевдо-гуру» являются претензии на создание новой религии (Аум Син-

рикё, «виссарионовщина» и пр.) и особые «посвящения в традицию». «Духовная инициация» стала дорогостоящей психотехнической процедурой с признаками черномагического ритуала (Файдыш, 2002, 2013).

Православная традиция говорит о *мистицизме* как о духовном нездоровье, ложно направленной религиозности, когда человек пытается *своими усилиями завладеть дарами Святого Духа, не создав чистоту сердца.* Визионерство рассматривается как *душевная болезнь*, связанная с т. н. «отверзанием чувств», как опасное общение с невидимым миром. Без искоренения страстей мистические видения являются разрушительной *иллюзией*. Визионерский опыт считается в психологии одной из главных форм, в которой актуализируется область неосознаваемого психического. Поэтому данный опыт, по мнению святых отцов, не может быть источником истинной информации о «мире горнем»: сфера неосознаваемого принадлежит искаженной природе человека.

Итак, философско-религиозные системы, не рефлексирующие когнитивные, эмоциональные и поведенческие искажения в духовном познании, приводят к тонким формам духовно-нравственного нездоровья. Снижается иммунитет к отрицательным метафизическим воздействиям, которые способны выступить мощным субъектом энергоинформационной

духовно-нравственной психоманипуляции. Одному из следствий таковой посвящен следующий подраздел.

Искажения понимания духовного развития

Сегодня на рынке психотехнологий человеку широко предлагаются услуги по удовлетворению потребности в самопознании/саморазвитии. Гуманистическая психология, методология которой лежит в основе школ личностного роста, «обожествляет» человека в его «недолжном состоянии» и «своеволии низшего Я». Речь идет лишь о «приручении демонов внутри человека». Психология/психотерапия не несет ответственности за последствия «избавления» людей от проблем. Например, полезно ли для человека снятие так называемых «комплексов»? Ведь сегодня как «закомплексованность» воспринимается такое высоконравственное качество, как целомудрие. Осмысляется ли то, что «краеугольный камень» теорий личностного роста – самоактуализация – чревата гордыней? Подмены содержания понятий, связанных с духовно-нравственным развитием, вводят человека в *иллюзии своего самопознания и самосовершенствования,* которые можно купить на тренингах. Забывается, что духовное развитие является кропотливой ра-

ботой, требующей огромных усилий.

Недостаточно раскрыты *нравственно-психологические принципы личностного роста*. Так, *открытость* внутреннего мира личности к изменению предполагает обогащение человека духовными смыслами, углубление его нравственных стремлений. Но человека не предостерегают о том, что нельзя «без разбора» впускать в себя все подряд, поскольку в этом случае принцип открытости будет работать на замаскированную под «личностное развитие» деградацию человека, связанную с его включенностью в многосуетность жизни с ее погоней за все новыми удовольствиями/впечатлениями. Люди должны озаботиться содержанием «вбираемого в себя» – по аналогии со стремлением к здоровой, экологически чистой пище. Человек должен также знать, что каждый новый шаг на пути личностного развития «дается с боем», взлеты чередуются с поражениями, причем сопротивление возрастает по мере духовного продвижения. Динамика духовной борьбы православного подвижника является яркой иллюстрацией «закона синусоиды духовного пути». Принцип открытости предполагает также: а) ежемгновенный нравственный выбор; б) принятие реальной ответственности за влияние на мир твоих дел, слов, мыслей, образов, чувств; в) понимание того, что свобода воли может быть как на

стороне духа, позволяющего различать добро и зло, дающего свободу *от* страстей, так и оказаться на стороне «низшего Я», требующего свободу *для* страстей[78]. Необходимо *изживать негативное мироощущение;* недопустимо загрязнять внутренний мир личности отрицательными мирскими переживаниями. Но сокрушение о несоответствии нашего наличного состояния «божественному в нас» не являются отрицательными переживаниями. Преобразование негатива в себе способно стать духовно-экологическим аспектом влияния индивидуального сознания на действительность. Известной установкой в школах личностного роста является ориентация на *достижение цели*. Но цели бывают разные, и даже субъективно хорошие могут быть лишь средствами достижения объективно плохих.

Теоретико-методологические основы школ личностного роста неотделимы от философско-богословского понимания *любви, добра* и *зла*, от подмен содержания данных понятий. Подчеркнем вопрос об *искренности и честности* в понимании сущности

[78] Истинная духовная свобода обретается преодолением низменных инстинктов. Развитие духовно-нравственной сферы связано с движением к независимости человека от своего «телесно-инстинктивного начала», от стереотипов бытовой жизни. Человеку также необходимо искать грань между желанием проявить потенциал «сущностного Я» и своеволием «эмпирической самости».

любви: иллюзии обладания любовью, ее имитация, смешение с душевно-плотскими переживаниями у человека, не очистившегося от страстного и злобного в себе, должны быть преодолены. Подмены надо искать и в проблеме самооценки. Гордыня, тщеславие способны рядиться и в необходимые «самозащиту» и «самоподдержку».

Серьезная проблема, с которой сталкиваются теория и практика личностного роста, – *уход в «духовный поиск» как побег от проблем*. Духовное развитие, тем более религиозные искания, не должны быть компенсацией жизненных неудач, невротических комплексов (хотя в то же время эти проблемы могут породить стремление к развитию – от огорчения от найденных в себе несовершенств люди могут начать исправляться). Ориентация на наслаждение от религиозных переживаний дает иллюзорное чувство единения с Богом, ввергает человека в утонченное духовное заблуждение (Ильин, 1993).

Одной из подмен при ориентации человека (сознательной и неосознаваемой) на обретение силы через занятие психотехниками и магическими практиками выступает искажение представлений *об истинной духовной силе*. Психотехнологии манипулируют человеком с помощью обещаний обретения силы духа, давая *силу Эго*. Люди не видят тонкой грани между бла-

годатной духовной силой, отрицательной метафизической силой и находящейся под ее влиянием силой Эго. Вседозволенность, наглость, «крутизну» не следует путать с духовной стойкостью человека, противостоящей жизненным трудностям.

С психологических и духовных позиций различается понимание «истинного Я». К какому Я движется человек на тренингах личностного развития? Достигает ли он «сущностного Я», когда это ему кажется[79]? Люди, однако, хотят (может быть, и не осознавая), «религиозной искренности» – верности своему истинному божественному Центру (там же). Ее люди порой и ищут в сектантской духовности и школах личностного роста, подставляя себя под различные манипулятивные воздействия.

Еще одна проблема в школах личностного роста, особо важная при изучении тематики данной монографии, – *манипуляция человеком при «духовном руководстве» им.* Человека загружают ложными установками, ценностями, в том числе религиозного содержания, ломают прежнюю картину мира, замещая ее проекциями «учителя». Можно задаться вопросом и о более сложных вещах: видят ли светские или

[79] Ведь голос искушений, толкающий человека к нарушению родительского долга, супружеской верности и т. п., может звучать как голос «истинного Я», разрешающий сделать нечто для «самоактуализации».

религиозно-ориентированные «гуру» тот уникальный путь, которым человек идет по жизни? Личности тех, кто берет на себя ответственность «вести других к свету», вызывают тревогу в силу их неочищенного и пре́лестного состояния, непонимания глубины ответственности за внутренний мир человека. В сфере «индустрии коммерческой духовности» появляются «тотально раскрепостившиеся пророки» и «сверхчеловеки» с гипертрофированным Эго. Уже отмечалось, что у целителей/экстрасенсов/«учителей»/«про роков» имеется иллюзорная вера в собственную исключительность, в покровительство «высших сил» и отсюда проистекает их нравственная вседозволенность в руководстве людьми. Известная тенденция «учителей» эксплуатировать свою харизму в сексуальных целях не оставляет в этом сомнения. Ответственность за свои отношения с «духовными наставниками» лежит и на самих людях, блуждающих в поисках духовного пути. И. А. Ильин подчеркивает, что чем глубже и богаче религиозный опыт, тем более человек свободен от горделивых переживаний и «великих мыслей».

Отметим вопрос и о соотношении *телесного, душевного и духовного.* Сегодня тело начинает все более видеться источником гедонистического, эгоцентрического самонаслаждения, инструментом жизнен-

ного успеха. Недооценивается ответственность человека за свое тело. Здесь уместна евангельская метафора о теле как «храме Святого Духа» (1 Кор. 6: 15–20), который нельзя осквернять реализацией через него страстей.

Теоцентризм в изучении психологического здоровья

Итак, взаимосвязь тематик психоманипуляций, психологического здоровья и психологии духовно-нравственной сферы очевидна. Следует говорить *о теоцентрическом подходе,* который восходит к традициям русской философии, к отечественной духовно-нравственной традиции[80]. Именно тема психологического здоровья позволяет говорить о необходимом шаге для современной психологии – о возвращении интереса к метафизическим основаниям психологического знания. В свою очередь вне теоцентрического подхода невозможно полноценно, объемно понять проблематику психологического здоровья. Также надо признать, что не все теоцентрические описания равнозначны. Религиозные тоталитарные секты, например, позволяют нам говорить о том, что су-

[80] Сегодня этот подход активно разрабатывается А. В. Шуваловым (Шувалов, 2012, 2013).

ществует и «демоноцентризм»[81]. Напрашивается вопрос: а достаточно ли у современной психологии знаний о сущности духовности, нравственности, религиозности людей? Конечно, отрадно видеть тенденцию возвращения интереса к осмыслению традиционного для психологии предмета исследования – к духовно-нравственной сфере, религиозному поиску и опыту человека. В отечественной психологии такому пониманию способствуют новая методология истории психологии (Кольцова, 2008) и принцип методологического плюрализма (Юревич, 2007). Но этот принцип научным сообществом сциентистской ориентации используется выборочно. Относительно одних тематик плюрализм допустим, а относительно полноты подхода к изучению духовно-нравственной сферы человеческого бытия – нет. Теоцентрический подход пока объявлен несовместимым с научным мышлением. Данный принцип, вместе с тем, разрешил говорить о духовно-нравственной проблематике в научной среде более свободно. В последние годы ссылка на методологический плюрализм укрепляла позиции духовной психологии, использовалась лично мной при работе над системой православно-христианского психо-

[81] В этой связи отметим, что принципу теоцентризма противостоит не только отрицание Бога в атеизме, но политеизм языческого многобожия и идеология «царства антихриста».

логического знания (Гостев, 2007а, 2011а, б, 2015а; Гостев, Борисова, 2012). Но методологический плюрализм разрешает подходить к проблематике духовно-нравственной сферы по принципу «пусть расцветают все цветы» (если эти «цветы» хоть как-то соотнесены с традиционной научной парадигмой). Осмысление же онтологических оснований духовно-нравственной сферы (тем более при попытке понять метафизическую ее компоненту) предполагает нахождение способов отразить нечто реально сущностное для психики человека:

1. Принадлежность внутреннего мира человека метафизическим сферам (положительным и отрицательным).

2. «Искру Божью» в человеке, от которой должно «возгореться пламя» духовно-нравственного преображения личности (христианство говорит, например, о человеке как об образе Божьем, призванном к богоуподоблению).

3. Идею «духовной вертикали», которая должна быть выстроена человеком («плотское» в подчинении духовному). Залогом психологического здоровья является именно «вертикаль» – с Духом на вершине иерархии внутренних сил, Духом, помогающим противостоять вызовам внешнего мира и желаниям «низшего Я», помогающим достигать «истинного, духовно-

го Я».

Субъективного мнения о «наличии Бога в душе» недостаточно: вне духовного возрастания через покаяние и молитву, без реального нравственного очищения это будет иллюзией. Включение в предметное поле психологической науки перечисленных реалий и составляет сущность теоцентрического подхода. Он предполагает признание метафизической, трансцендентной сущности человека и ее определяющую роль по отношению ко всем остальным его особенностям. Психологическое здоровье на высшем уровне реализации является эквивалентом духовно-нравственного преображения личности на основе стремления к сопричастности Единому Первоначалу.

Психологическое нездоровье видно из ограничений гуманистической парадигмы и антропоцентрического подхода. Не может оздоравливать идеал человека, стремящегося к возведению своей «эгоистической самости» в ранг высшей ценности (об этом, кстати, говорят все духовно-религиозные традиции).

Итак, мы подчеркиваем, что над темой психологического здоровья необходимо размышлять с точки зрения *взаимосвязи и взаимовлияния его психологического/душевного и духовно-нравственного аспектов/компонентов при акценте на последнем*. Все

симптомы психологического нездоровья каждого конкретного человека и человечества в целом выражают духовно-нравственную болезнь, имя которой *апостасия* – уход от теоцентричности бытия, от следования духовным законам мироздания. Я предлагаю говорить о *глобальном измененном состоянии сознания* людей (в святоотеческой терминологии – о глобальном прельщении) как о системных искажениях в познании духовно-нравственных смыслов человеческого бытия на путях метаистории.

Резерв углубления понимания здоровья духовно-нравственной сферы можно увидеть в переходе на уровень группового/общественного/массового сознания в его влиянии на индивидуальное сознание. Здесь следует раскрывать, в частности, проявления психологического нездоровья носителей современной западной ментальности, отвергающей или релятивизирующей традиционные нравственные ценности, соответственно, размывающей понятия добра и зла, делающей интересы «атомарного человека» главным критерием социальных процессов, воспевающей доминирование его потребительских интересов. Проявлением нездоровья выступает степень психоманипулирования современным человеком, который становится слеп к двойным стандартам современной политики, к духовной сущности формирующе-

гося «нового мироустройства» с его, по сути, неофеодальной кастовой структурой (развитие идеи «золотого миллиарда»), к психологическим последствиям «транснационального сетевого общества» и тенденции трансгуманизма и «киборгизации» человека. Человечество уходит в виртуальные миры, и многие люди могут не задумываться об утрате «традиционно человеческого» в себе.

Аналогия с темой измененных состояний сознания представляется полезной: параллели помогают глубже увидеть проблему нездоровья духовно-нравственной сферы (Гостев, 2014 б).

Рассмотрим коррозию духовно-нравственной сферы, облегчающую глобальную манипуляцию, более подробно.

5.2. Традиционная нравственность и «новая этика»

В исследовании духовно-нравственной сферы я признаю *нравственность как отражение объективно существующих духовных законов мироздания* (воплощенные в заповедях, данных человечеству Творцом). Религиозное чувство всегда и везде говорило человеку (с различными искажениями, акцентами) о неких «правилах мироздания», которые нельзя нарушать. Святоотеческая традиция указывает, что Нравственный Закон является воздействием Бога на разум, чувства, волю человека. Соответственно, нравственность – это устроение души человека, основанное на Законе Божьем, и добродетельное проявление этого устроения по отношению к окружающей действительности. Нравственный закон как отражение Законов Духа не сводится к представлениям людей о детерминированных культурой нормах морали – отголосках Божьего Закона.

Существование духовных законов, однако, сегодня поставлено под сомнение. «В какой мере надо соблюдать не прописанное юридически, а тем более мешающее свободе?» – вопрошает современный человек. И этот вопрос указывает на важное для психо-

логии понятие *греха*. В психологическом плане *грех есть нарушение человеком уже знакомой нам иерархии составляющих его структур* – на высшее место выходит «плотское» начало, «низшее Я» человека, которое подавляет духовное, подчиняет себе «душу». Но психология имеет дело именно с таким «перевернутым, искаженным человеком». Грех есть и *явление метафизическое – несоответствие человека своей истинной природе и предназначению*. Описание «греховного раскола» когнитивной, эмоциональной и волевой составляющей внутреннего мира человека, несомненно, полезно для психологии личности. При таком понимании становятся ясны и возможности психоманипуляции: внешние информационные воздействия (причины) преднамеренно и непроизвольно психоманипулятивно будут действовать через внутренние условия («искаженного человека», априори с низкой адекватностью психического отражения-регулирования, в частности, социального восприятия).

Познание психологической наукой онтологии духовно-нравственного начала человеческого бытия неотделимо от *проблемы добра и зла*, которая не решается на основе манихейских и оккультных перепевов идеи полярностей/противоположностей. Христианство подчеркивает: зло не имеет источника в Божественном бытии, не является неотъемлемой частью

Творения. Зло – противление человека своему изначальному бытию, и это противление является *духовно-нравственным* действием. Зло является *нарушением* человеком Духовных Законов Вселенной, уклонением от состояния, в которое изначально он поставлен Творцом, и, следовательно, уходом от своего предназначения. Но в нашем земном апостасийном мире зло существует в виде реальной «темной силы» у нарушителей духовных законов мироздания. Зло «паразитом живет на теле добра». Именно поэтому ему необходимо смешаться с положительным, подчеркнуть свою *относительность*, представить себя как «ценное средство», помогающее достигать некие «светлые цели». Но добро злыми средствами не достигается, и цель не оправдывает средства.

Поэтому проблема добра и зла предполагает изучение *совести* при охвате всех сторон жизни людей, всех основных отношений человека с миром. Тема совести очень актуальна для понимания противодействия психоманипуляциям. В своем «рабочем» состоянии совесть не только показывает основу всех психоманипуляций – ложь (позволяет интуитивно почувствовать ложь), но и подсказывает, как избежать ее влияния. Совесть – это «доказательство бытия Бога в душе человека» (Ф. М. Достоевский). Не случайно латинское слово «religio» имеет одним из сво-

их значений «совестливость». Понятия «божественного» и «совестного» совмещаются. Совесть является, однако, темой, в значительной степени игнорируемой современной психологией (Барсукова, 2011). И это удивляет: вне изучения совести разговоры о развитии личности малопонятны. Научное осмысление духовно-нравственного начала человеческого бытия не может обойтись без изучения данной проблемы в принципе (Воловикова, 2005). Тема совести поэтому может стать междисциплинарной точкой соотнесения информации, отражающей голос «внутреннего цензора, морального регулятора», направляющего человека от «недолжного» в себе к нравственно совершенному.

Обобщая известные материалы о совести, применительно к теме психоманипуляций будем рассматривать совесть как нравственно-психологическое измерение личности в функции высшего регулятора поведения, условие самопознания (видение «недолжного в себе»), тонкое нравственное чувство, различающее добро и зло (внутреннее и внешнее), «обольщения ума» и «грехолюбивую волю», неотъемлемое свойство духовной человеческой природы, врожденный Нравственный Закон и Идеал в человеке, представленность в нем *духовных законов* мироздания, осознание которых определяет его поведение относи-

тельно высших духовных смыслов.

Трудности в изучении совести заключаются в подмене содержания понятия совести как «главного внутреннего голоса» в человеке на представления о национально-культурных нормах морали или этических кодексах. Эта подмена – сильный ресурс для психоманипуляций. Поэтому я различаю нравственность как следование духовным законам мироздания, мораль как усваиваемые человеком социальные нормы[82] и этические корпоративные нормы, безнравственность которых человек может не заметить.

В теоретико-методологическом плане изучение совести должно сопровождаться научным осмыслением «божественной искры» в человеке. Это предполагает стык с теологическими описаниями вопроса. К «стыковочному» концептуально-терминологическому узлу надо относиться как к форме описания, более полно охватывающей устремленность людей к высшим духовным смыслам. Конечно, не все описания одинаковы. Сектантские псевдорелигиозные описания дают искаженную картину духовной онтологии, влияющую на социальное восприятие. Существуют «рели-

---

[82] Т. А. Флоренская, например, опровергает распространенное мнение о совести как результате усвоенных моральных норм общества, хотя они способны помочь человеку слышать «голос совести» (Флоренская, 2001).

гии», допускающие насилие и убийство «неверных», и здесь политкорректность и толерантность в оценке таких «религий» неуместны.

Если же мы спустимся в «подвалы» внутреннего мира, то найдем совесть: а) в нормальном состоянии, б) «тлеющую», в) «заснувшую», г) «сожженную» (1 Тим. 4: 2). И теоретически важно различать эти градации. Святоотеческие идеи описывают процесс искажений совести, очень поучительный для психологии личности.

Отметим, что в работах И. А. Ильина мы находим полезное для психологии личности сочетание духовно-нравственного и социально-политического научного интереса к теме совести (Гостев, Борисова, 2012). Совесть, указывает философ, это не отвлеченный «принцип долга», не самоосуждение после дурного поступка, а «голос власти духа над инстинктом», потребность в нравственном совершенстве, искание его во всем, влечение «всецело отдаться Божьему Делу», «могучий позыв» к нравственным поступкам. Совесть отвечает на главный вопрос: что есть нравственно лучшее перед лицом Божьим? Но человек или не слышит этот голос, или «повинуется» совести, видя в этом лишь безрадостное, тягостное исполнение долга. При неповиновении же голосу совести ее укоры рождают особого рода печаль, от которой

невозможно избавиться. «Голос совести» может «запираться в подземелье души», искажаться в компромиссах, дающих «готовность на уступки». Но «совестная лупа» способна показать человеку утонченную, «лукавую», неосознаваемую мотивацию его поступков. Ильин призывает думать о едва заметных повреждениях собственной совести, а не искать «вопиющую вину» в других. Это прекрасный ресурс для противодействия психоманипуляциям.

В этой связи подчеркнем, что актуальная проблема изучения совести связана с действием психологических защит – «успокоителей» ее голоса. Психологические защиты, создавая комфортные условия для роста самооценки, скрывают от самого человека то, что в нем есть «недолжного», безнравственного, что ему, следовательно, полезно изменить для личностного развития.

Исследование психологических защит личности в их конструктивной и деструктивной роли является важнейшим ресурсом в изучении потенциальных возможностей человека в его духовно-нравственном становлении. Расширение и углубление научного понимания защитных механизмов, исследование путей преодоления их деструктивных видов, создание системы знаний о феномене психологических защит на основе взаимного концептуально-терминологическо-

го и содержательного дополнения секулярной психологии и психологических знаний из религиозной традиции хорошо и полно представлены в работах А. В. Котеневой (Котенева, 2010, 2013). Новые подходы к изучению психологических защит, разрабатываемые ею, являются, на наш взгляд, ценным вкладом в общую психологию и психологию личности, в изучение духовно-нравственной сферы; в психологию религии, – в частности, в христианскую психологию. Дело в том, что теории защитных механизмов, базирующиеся на естественнонаучном основании психологии, не раскрывают духовно-нравственные причины деструктивных психологических защит. В обеспечении целостности личности в кризисных ситуациях главенствующее значение имеет духовно-нравственный уровень. Этот высший уровень психологических защит работает через включение защитных механизмов в онтологию духовного бытия человека. Вводя в свое исследование «духовную вертикаль», А. В. Котенева дает более целостное знание о пси-защитах, находит их новые закономерности, показывает «белые пятна» в состоянии проблемы, которые в должной мере не принимаются во внимание секулярной психологией. В психологии личности в большей мере описаны защитные механизмы человека, не устремленного предметно и целенаправленно на высшие ценно-

сти, абсолютные духовные смыслы бытия. Психоаналитическое понимание пси-защит, например, фактически исключает из анализа духовные причины конфликтов и защиты от них. Знания о пси-защитах в современной психологии, по сути, работают на приспособление человека к жизни вне нравственных критериев, вне соблюдения духовных законов мироздания (и в этом смысле – на приспособление к «полноте греховной жизни» в святоотеческой терминологии).

А. С. Котенева, напротив, показала, с одной стороны, положительную сторону пси-защит – защиту внутреннего мира человека, его «истинного духовного я» от негативных факторов, деструктивных духовных сил, а с другой – их отрицательное влияние на человека. Оно состоит в возможности сохранять нравственно искаженное состояние за счет этих защит, придающих ему социально приемлемое оформление (защита мыслей, чувств, поступков, усыпление совести и т. п.).

Защитные механизмы предстают как сложная многоуровневая система, с необходимостью включающая духовно-нравственный уровень. Защитные механизмы личности могут быть направлены и на осознание в себе, и на изживание безнравственности, бездуховности, и на сокрытие такого состояния личности. Показано, что высший духовно-нравственный уро-

вень защитных механизмов регулирует нижележащие уровни, определяя указанную двойственность функционирования пси-защит. Выявлено также, что традиционно известные подсознательные защиты, работая на несовершенную природу человека, лишь на время уменьшают его тревожность, поддерживают ложную самооценку, создают иллюзии благополучия и т. д. Это препятствует познанию «духовного Я», затрудняет осознание «недолжного в себе», причин болезней. Поэтому при несформированном высшем уровне защит их нижележащие уровни ограждают от угрызений совести, создают иллюзию разрешения внутренних конфликтов. «Духовно-нравственная вертикаль» обеспечивает целостность внутреннего мира личности, его адекватное понимание.

В этом плане отметим продемонстрированную в работах А. В. Котеневой «охранительную (от информации, не полезной человеку), и «маскирующую» (полезное для самопознания) роль психологических защит. Стратегия личностного роста, исключающая пробуждение «духовного Я» человека и нравственные оценки, не позволяет преодолеть деструктивные пси-защиты. Защита человека от разрушительных внутренних и внешних воздействий формируется его духовной настроенностью на «горнее», пробуждением «духовного Я», позволяющим увидеть и изжить скры-

ваемые болезненные черты, состояния, поступки и т. п. и осуществить свое бытийное предназначение.

Большой интерес может вызвать показ А. В. Котеневой неоднозначности методов современных школ личностного роста, направленных на уменьшение внутреннего конфликта за счет псевдораскрепощения личности и понижения нравственных критериев мировосприятия.

С проблематикой психоманипуляции полезно также соотносить тему любви. Истинная любовь есть духовный дар, проявление Вселенского онтологического единства всего сущего. Поэтому в любовь нельзя *играть, имитировать* ее наличие, тем более осквернять терминологическими подменами (например, называя «любовью» проявления сексуальной похотливости). Святые отцы рассматривают ее как основополагающий принцип отношения человека к миру, к жизни, к Богу, – как Вселенский Закон, который человечество должно познать и воплотить. Способность к истинной духовной любви, следовательно, является принципом и главным условием самопознания и личностного развития. Именно в любви пробуждается духовное начало человека, которое ищет встречи с «духовным Я» других людей, прозревает неповторимость любимого, скрытую от него самого и окружающих (Флоренская, 2001). Подчеркнем вопрос реаль-

ного наличия любви в людях. Современный мир, «играя в любовь», затрудняет распознавание «любви как иллюзии». Только любовь к себе как *к образу Божьему, призванному к богоуподоблению,* помогает человеку развить правильное отношение к миру, людям, к самому себе, преображаться в свою «высшую природу» и понять свое предназначение в мире. Но человек должен совмещать *самоуважение и очищение души,* преодолевать «недолжное в себе».

И. А. Ильин отмечает, что человеку доступна двоякая любовь: *любовь инстинкта,* ищущая того, что субъективно нравится, и *духовная любовь*, тяготеющая к божественному, «прожигающая чувственную любовь Божьим лучом», очищая и освящая ее. Духовная любовь всегда и всем искренно желает не удовольствия, не наслаждения, а движения к *духовному совершенству,* к спасению, даже тогда, когда его можно приобрести только ценою страданий. Формированию духовной любви мешают *вожделение,* которое характеризуется готовностью «страстно принять» и «беззаветно предаться», выпрашивание у Бога только земного благополучия, установка на обретение магической власти. Магия же ищет не Бога, а богоравного могущества для человека, сверхчеловеческой силы и власти через приобщение к таинственным сферам, независимо от их духовного содержания. При

такой системе социальных установок человек становится беззащитным объектом информационно-психологических атак, а также воздействия отрицательных метафизических сил.

О новой этике

Сегодня на планете в целом и в каждой стране в частности разворачивается многоплановая борьба мировоззрений, – их противостояние скрытое и явное, осознаваемое людьми ясно и смутно. В этой борьбе переосмысляется вся система отношений человека – к миру и человечеству, к Родине, к согражданам, к людям ближайшего окружения, к самому себе. Переосмысливается и отношение к Высшей реальности и высшим духовным смыслам, включая религиозные установки. Духовно-нравственное нездоровье современного «цивилизованного» человека, коррозия его религиозного сознания проявляется в дерзостном взятии на себя роли Творца.

Национально-культурные особенности в последние десятилетия активно «пиарятся» как устаревшие реалии. Лишь в последние годы эта тенденция стала менее заметной под влиянием кризисных явлений в однополюсной глобализации мира, ее «пробуксовке». Но нравственные достижения человечества в культу-

ре, религии продолжают подпадать под новое прочтение, обесценивающее их. В частности, искажаются представления о нравственном идеале (Воловикова, 2005). Через разрушающуюся традиционную мораль проглядывает новая и достаточно зловещая система ценностей. В стремительно виртуализирующейся реальности размываются понятия добра и зла, «белое» легко становится «черным», и наоборот. Это отчетливо видно через сопоставление новой этики с духовной высотой евангельского Откровения. Как в театре абсурда: все, что традиционно понималось как зло (не только в христианстве, но и в других религиях), становится «добром», и наоборот. Ложь выдается за истину, грех воспринимается как добродетель. Причем добро и зло меняются местами уже на территории зла: зло изобретает свое представление о «добре». Нравственная релятивизация и деградация, таким образом, становятся все более опасной болезнью, угрожающей всем тем, кто уже подпал под влияние глобальной психоманипуляции, а в будущем, в случае ее успеха, может быть, и всему человечеству. Показательно, что именно в разрушении *всех традиционных* представлений о мире православно-христианская традиция видит основное направление удара по человечеству деструктивных духовных сил.

Наиболее тяжкие формы зла дают искажения выс-

ших проявлений Духа – истинного богообщения. Об этом ярко писал Н. О. Лосский. Рассмотрим некоторые важные грани манипуляций с духовно-нравственной сферой человеческого бытия.

Одна из таких манипуляций заключается в происходящей и особенно заметной в западных странах замене нравственной регуляции юридическими нормами. Правовое же регулирование все более явно обслуживает глобализм-проект. Достаточно указать на тенденцию введения приоритета международных законов над национальным законодательством. Профессор А. С. Панарин, бывший директором Центра социально-философских исследований Института философии РАН, в своих работах[83] подчеркивал, что новации глобализма касаются нравственных устоев человечества и являются новейшей формой нигилизма, ищущего алиби в объективных тенденциях.

Не случайно *антихристианство* Запада – духовная болезнь нового мироустройства. Напомним, что приставка «анти» означает и «против» (т. е. борьбу с христианством новых идеологий), и «вместо» (т. е. различные подмены христианской веры). Антихристианизация сопровождается всплеском интереса к мистике, оккультизму, восточным духовным практи-

[83] См. его персональный сайт: http://rospil.ru/thought/panarinas/panarin_as_index.htm.

кам. Антихристианство декларируется открыто в идее начала постхристианской эпохи. Западное общество тем самым сознательно и добровольно разрушает фундамент, на котором выросло: речь идет не только об искажении христианских догматов и основ христианской духовной жизни, но и о нравственной распущенности клира и мирян. Отметим, что явно антихристианский характер носят многие философские идеи уже с Возрождения и тем более Реформации: секуляризация христианства, идеализация человеческого Я, ориентация на материальное. Отдельной темой является антихристианство коммунистических/социалистических идей.

Выше мы уже говорили о том, что современное западное и прозападное сознание в мире отражает «болезнь человеческого в человечестве». Либерализм выродился в «либертарианство» (Н. А. Нарочницкая), нетерпимое к традиционным мировоззрениям. Причем противоречие между культом «глобальной толерантности» и нетерпимостью современного нео/псевдолиберального сознания к традиционным христианским ценностям возрастает. Западное сознание не лечат «общечеловеческие ценности», навязываемые самим же этим сознанием всему миру. Действительно, здоровы ли на сущностном, нравственном уровне люди, не видящие современного Содома

и Гоморры и строящие новый Вавилон? Традиционная семья объявляется анахронизмом. Провозглашается свобода «убийства во чреве», признается суррогатное материнство, в разлучении детей и родителей по мелочным и сомнительным «ювенальным» причинам не усматривается насилия. Идея половых различий отходит на задний план (кстати, показательно, что современный эталон женской красоты предполагает «отсутствие женских форм», нацеленных на репродуктивную функцию). Слышны громкие призывы уважать право ребенка на сексуальную ориентацию. Во многих английских школах детей в возрасте до 16 лет обучают технике секса, в ряде школ Израиля занятия по гомосексуализму проводят гомосексуалисты (считается, что это помогает выработке толерантного отношения к ним). Людей «мягко заставляют» не видеть, что на планете есть более важные проблемы, чем права представителей нетрадиционной сексуальной ориентации. Заметим, что информационная компания по данной тематике ведется вокруг очевидного: пары «нетрадиционалов» не могут дать ребенку воспитания, которое будет сбалансировано женской и мужской родительской ролью. Парадоксально, но по этому поводу психология личности и психоанализ молчат, а ведь им известны тайны и законы закладки системы гендерных установок человека в его раннем

детстве. В итоге человека подталкивают к тому, чтобы он не видел, что у ребенка, усыновленного гомосексуальной парой, отнимается свобода гендерного выбора.

Сегодня рост половых извращений понятен и с точки зрения исторической ретроспективы (Древний Рим), и с точки зрения современных обоснований. Блуд, в том числе противоестественный, обосновывается не только как норма для современного человека, но и как «божественное явление» (Бейли, 1999)[84]. Отметим, что у власти во Франции находятся противники традиционных ценностей – нравственности и семьи, представители поколения, тяготевшего к измененным состояниям сознания, о котором мы говорили в связи с психологическим здоровьем. Не это ли состояние сознания (индивидуального и группового) закрывает им глаза на масштабы пропаганды нетрадиционной сексуальной ориентации и на нарушение прав носителей традиционных ценностей? Люди, возражающие против «парадов содомитов», характери-

[84] Речь идет о возврате к идее «божественного Гермафродита». Утверждается, что в новом мировом цикле разделенные мужские и женские половинки будут вновь слиты в своем сущностном единстве. Подчеркнем также, что психоанализ с его акцентами на сексуальной сфере человека глубоко укоренен в мистике иудаизма. Каббала, например, «обожествляет» наслаждение, в том числе половое, в частности, от содомии (Субетто, 2003).

зуются как гомофобы (а в России это большинство ее граждан). Кстати, заметим, что в Российской Федерации запрещена лишь пропаганда нетрадиционной ориентации несовершеннолетним. И никто может гарантировать, что приверженцев традиционной нравственности в конце концов не объявят уголовными преступниками: ведь «голубое лобби» национального и транснационального уровня является мощной политической силой в мире.

Оценивая отмеченные тенденции, я пришел к мысли о том, что только человек с сильным повреждением духовно-нравственной сферы под влиянием глобальной психоманипуляции во всем подобном будет продолжать видеть прогресс человечества. Вспоминаются слова Антония Великого о том, что настанет время, когда люди, увидев не подверженного общей болезни, скажут: «Ты находишься в недуге, потому что не подобен нам».

Духовные аспекты происходящего в мире хорошо представлены в выступлении митрополита Одесского и Измаильского Агафангела на Всемирном Русском Народном Соборе (Доклад…, 2004). Все происходящее в мире, подчеркивает он, имеет причины духовные, а последствия – апокалиптические. Глобализм – это антихристианская идеология, любые компромиссы с которой будут использованы для расширения

влияния зла в мире. Митрополит призывает заботиться о сохранении духовных традиций Отечества, способных противостоять этому. Историческая миссия России – быть православной державой, свидетельствовать об истине. Аналогичные идеи высказывают сегодня два митрополита Владимира – Кишиневский и всея Молдовы и Почаевский (Выступление митрополита Владимира Почаевского…, 2013; Православные Молдовы…, 2016).

Антихристианство западной цивилизации пророчески видел Н. В. Гоголь, о замещении христианства культом Левиафана писал А. Тойнби. Поражает, как точно Ф. М. Достоевский уловил суть западного христианства в легенде о Великом инквизиторе. Советую всем перечитать эту главу в его романе «Братья Карамазовы». Вспомним и о. Павла Флоренского, отмечавшего, что в эпоху Возрождения Западная Церковь исказила строй духовной жизни людей. В этой связи отметим, что Н. Бердяев указывал: первыми русскими европейцами, как это ни парадоксально, были славянофилы, которые мыслили по-европейски самостоятельно, а не подражали западной мысли. Доминирующую в мире культуру называет антихристианской и известный на Западе автор – П. Бьюкенен. Все, что считалось постыдным, говорит он, – прелюбодеяние, аборты, эвтаназия, – сегодня прославляется как

достижение прогрессивного человечества (см.: Назаров, 2004, с. 646).

Духовные тенденции в современном мире соответствуют православно-христианским описаниям нравственной апостасии человечества. Святые отцы понимали апостасию как отход от Бога, от духовных законов в антихристианство (опять же, независимо от того, как понимается приставка *анти*) с его гностическими корнями. Гнос тицизму же свойственно многое из того, что мы видим в идеологии NWO: например, создание структур скрытой власти и разделение людей на «избранных» и «отверженных». Отношение к последним как к «разумным животным» снимает моральную ответственность по отношению к ним. Гуманизм становится бесчеловечностью, заботящейся об уменьшении лишнего населения планеты с целью сохранить уровень комфорта мировой элите.

Аморальность глобализации видна в уже практически нескрываемом прогнозе того, что несогласных с Новым мировым порядком планируется подавлять, ущемлять в правах. В. А. Рябинин, анализируя труды «архитекторов нового миропорядка» и святоотеческие пророчества, указывает на современные «параапартеидные» тенденции/явления[85] на планете

[85] Речь идет о политике расовой сегрегации по любым признакам (см. однокоренное слово «аппартеид», означающее раздельное прожива-

(Рябинин, 2005). Он подчеркивает, что «глобальный неоапартеид» будет касаться всех тех, кто не попадает в систему мондиалистского общества либо входит туда на самом низшем уровне.

Проявлением духовно-нравственного нездоровья человечества является высокая степень патологии общественного сознания политкорректного потребителя. Оно проявляется прежде всего в непонимании духовной сущности «нового мироустройства», выползающего на «планетарную сцену». Для NWO декларируемые либерально-демократические ценности являются лишь прикрытием формирующегося «железного порядка» анонимной сетевой диктатуры неофеодального кастового общества. Развитие идеи «золотого миллиарда» никто не отменял, даже при обозначившейся тенденции построения многополярного мира. «Транснациональное сетевое общество» с надгосударственной системой управления, контролем любых социальных действий людей не может не иметь деструктивные духовно-психологические последствия. Поэтому еще одно проявление «омрачения» системы сознания людей я вижу в тенденции согласия уже очень многих на распространение наднациональной власти в своих странах, т. е. согласия на утрату реаль-

---

ние, работу различных этнокультурных групп). Яркий пример этого мы видели в ЮАР до 1994 г.

ного государственного суверенитета – единственной силы, позволяющей реально защищать национальную культуру.

Опасность для российской государственности от «вируса либерального сознания» существует уже более 200 лет. Русофобия извне и изнутри – некая системная болезнь либертарианского сознания, которая обрастает все новыми симптомами. Православная вера объявляется мракобесием, духовно-нравственные основания патриотизма – «великодержавным шовинизмом», а фашизм – неким несостоявшимся избавителем мира от «совка». Неадекватность социального восприятия людей позволяет также прогрессировать слепоте в отношении переписывания истории.

Говоря о нравственном факторе в разрушении СССР, отметим, что в постсоветской России сильный удар был нанесен массированным воздействием на людей эстетикой безобра́зного и этикой бессовестного. В дебатах на НТВ в 1990-е годы открыто отвергались устои русской культуры как ограничивающие рамки показа в ней безобра́зного (такого, например, как «Дети Розенталя»). В новой России «старая» нравственность оказалась не нужна. Те, кто преступил прежние идеалы и ценности, стали положительными героями в кинофильмах и телесериалах тех лет,

смогли войти во власть. Люди шли в преступные фирмы, как на нормальную работу. О «кровавых деньгах» заговорили без угрызений совести. В итоге были утрачены нравственные идеалы; новой нормой стало: «Человек человеку волк». В сознание внедрялся «информационный вирус»: никто не вправе давать нравственную оценку делам того или иного человека, происходящему в стране и в мире, а решения людей могут приниматься вне нравственных критериев. И многие облегченно вздохнули от иллюзорного чувства снятия ответственности. Возникло психологическое и культурное противостояние в разных сегментах постсоветского общества. Общество разделилось в своем отношении к разграблению страны: некоторые объясняли его с позиций необходимости нахождения новых собственников общенародному достоянию. Но с духовно-нравственных позиций ответственность лежит и на соблазнителе, и на соблазненном. Надо признать, что сами люди прельстились «образами-вирусами». Уже в социологических опросах начала 1990-х годов в школах крупных городов на первые места в списке престижных профессий вышли валютные проститутки и рэкетиры! «Новая нормативность» предстала в виде разодетых «женщин легкого поведения» и «братков в навороченных тачках». И сегодня стремление к успеху любой ценой остается яд-

ром мотивации для широких групп молодежи. В новом рейтинге престижных профессий работа ученого, педагога, военнослужащего занимает далеко не первые строки.

По контрасту с этими тенденциями в выработке новой идеологии российского государства отметим приверженность к традиционным моральным ценностям как противостояние проамериканскому «либеральному глобализму», а также идеи социальной справедливости для преодоления трудностей консолидации российского общества.

Отметим еще один важный аспект нравственно-психологической психоманипуляции. Так, причина мирового финансово-экономического кризиса усматривается в духовно-нравственной плоскости – в завышенном самомнении топ-менеджеров, в неадекватности оценок людьми текущих рисков, в самоуверенном отношении к работе, в эгоцентризме работников (Докука, 2016). Завышенная самооценка считается залогом финансового успеха и личного счастья, универсальным средством от всех проблем. Внушается, что для успеха в обществе нужно просто быть самоуверенным. В США действует Национальная ассоциация повышения самооценки. На это работают психологи, бизнес-тренеры, которые советуют «повышать упавшую самооценку» приобретением все новых ста-

тусных товаров. Это «доказывает» человеку его собственную важность, позволяет почувствовать себя достойным чего-то большего, чем все остальные люди. Кризис 2007–2009 гг. не разрушил иллюзорную самоуверенность у миллионов эгоцентричных американцев, продолжающих жить «на широкую ногу» взаймы. Последствиями раздутого самомнения оказываются финансовые и психологические проблемы. Это духовно-нравственный вопрос, связанный с человеческой гордыней и другими страстями. Также подчеркнем, что данный вопрос помогает видеть «подводные камни» так называемой «позитивной психологии».

Итак, центральная тема в манипулировании духовно-нравственной сферой человека – снятие ограничений для проявления «недолжного в человеке», его «низшего Я». При новом мироустройстве люди получат *полную свободу проявлять своеволие для греховных страстей, а не свободу от них*. Кинокритик Ю. Богомолов (2007) со светских позиций подтверждает святоотеческую точку зрения о порабощении человека страстями, подчеркивая, что к тоталитаризму можно идти не только путем сокращения свобод и прав личности, но и путем их безграничного расширения: тогда демократия становится тоталитаризмом (Богомолов, 2007).

Нравственный аспект манипулятивного информа-

ционного воздействия отчетливо проявляется в циничном искажении социального восприятия двойными стандартами, а также в возможностях НИТ. Мировые массмедиа в целом действуют в условиях отсутствия моральных ограничений, что приводит к усилению у людей страхов, растерянности, социальной дезориентации, к росту озлобления, агрессивности и, соответственно, преступности в мире. Следует выделить и проблемы, о которых речь пойдет в следующем подразделе главы.

Ювенальная юстиция

Одним из мощных борцов с традиционной семьей выступает ювенальная юстиция. Прикрываясь «гуманистическим» обоснованием охраны детства, она уничтожает семьи, порождает горе и тяжелые психотравмы и у отнятого ребенка, и у самих родителей. Детей у «некомпетентных и недостойных» родителей все чаще отбирают и передают в органы, способные «правильно» формировать «очередного нового человека». Под видом социальной помощи происходит установление жестокого контроля над семьей. Предполагается:

• введение обязательного уровня материального обеспечения, несоответствие которому повлечет изъ-

ятие детей по бедности;

• усиление ответственности (вплоть до уголовной) за воспитательные меры (как ограничивающие права ребенка);

• проведение расследований на предмет установления вины родителей за любое происшествие с ребенком (как дома, так и вне его);

• обучение детей «своим правам» и, соответственно, доносам на родителей и др.

Ювенальные суды смогут отбирать детей по огромному спектру причин (ребенок, например, может быть изъят из семьи за требование родителей убираться в своей комнате, за запрет общения со сверстниками с девиантным поведением и т. п.). В ряде европейских стран и в США это уже реальность. И в нашей стране возникла опасность лишения людей права воспитывать детей в соответствии со своей культурной и религиозной традицией. Понятны широкие возможности изъятия из семей миллионов детей в России – из-за бедности семьи, организованной за почти 30 «перестроечных» лет, или за «неправильное» воспитание в православии и т. п.

По ювенальным законам малолетних преступников надо лишь увещевать «профилактическими беседами». Но в таком случае общество получит безнаказан-

но орудующие в школах, во дворах «довосемнадцатилетние» банды акселератов – наркоторговцев, насильников и убийц, от которых нельзя будет уберечь окружающих их людей. Самое же страшное, что ювенальные идеи связаны с международным трафиком детской проституции, порнобизнеса и торговлей органами. Права ребенка оказываются менее значимы, чем права педофилов. Права извращенцев – выше прав христианских организаций, защищающих традиционную нравственность. Общество становится все более терпимым к людям с девиантным поведением. Показательно, что правозащитники молчат о правах детей/родителей на защиту от педофилов.

5.3. О некоторых главных манипуляторах духовностью и нравственностью

Постмодернизм

Большое влияние на нравственные ориентиры человека оказала философия постмодернизма. Она воспринимается мной как идеологическая провокация и психоманипуляция на уровне философских смыслов. Постмодернизм успешно завершает секуляризацию картины мира и виртуализирует систему индивидуального и общественного сознания. Он, однако, является переходным мировоззрением на пути к NWO-идеологии. Последняя будет жестко предъявлена человечеству в случае успеха однополярного глобализм-проекта. Пока же постмодернизм характеризуется принципиальной установкой на то, что мир плюралистичен, что в нем отсутствует абсолютное начало, которое определяло бы его единство. Не существует и центрального смысла мировой истории.

Непроизвольная (непреднамеренная) составляющая развития постмодернистских взглядов связана с

тем, что люди перестали справляться с потоком гуманитарного знания, и достаточным способом самовыражения был признан подбор человеком цитат, идей и т. п. Было также позволено примитивизировать классическое искусство.

Произвольная (преднамеренная) составляющая постмодернизма раскрывается в идее о том, что контроль за производством «информационных выжимок», образов-клипов, рекламных образов, брендов дает власть над культурной средой. Идеология постмодернизма хорошо выражается словом «гламур».

Духовно-нравственная сущность постмодернизма связана с нигилизмом – с обесцениванием окружающей действительности, с разрушением моральных, интеллектуальных, эстетических, этических и иных оценок. Отметим идеи бесконечных, никуда не направленных изменений, бесчисленного множества равновозможных и равноценных «историй человечества», равноценность всех религий. Иными словами, вся аксиологическая смысловая система человека хаотизируется. В этом постмодернизм служит идее «управляемого хаоса», работающей на новое мироустроение. На фоне демонтажа традиционных мировоззрений постулируется построение новой ценностной иерархии, которая пиарится (в том числе и на научном уровне) в положительном свете. Строящий-

ся мир «глобального перехода» уже явно проявляется во всех сферах жизни людей. Прививая слепоту и равнодушие к духовно-нравственной коррозии человечества, постмодернизм становится помощником в «усыплении совести». Постмодернистский релятивизм, по сути, устраняет проблему различения добра и зла. Законы рынка не предполагают милосердия, идея «справедливой мести» оправдывает пролитие крови. Ментальные постмодернистские «перевертыши» в сознании с психологической точки зрения ориентируют человека на сиюминутное, что облегчает манипулирование им.

Ф. М. Достоевский подчеркивал, что «мерилом народа» является то, что он считает прекрасным и истинным. Постмодернизм вместе с современной массовой культурой дает усиленный психоманипулятивный эффект, направленный на деградацию восприятия прекрасного и истинного. Поэтому в массовой культуре отметим прежде всего тенденцию отрицания достижений христианской культуры, задавшей высочайший нравственный идеал преображения человечества в его движении к Истине. Постмодернизм в культуре и искусстве задал вектор ухода и от нравственного идеала, и от первообразов «горнего мира» в мир мощных наркотизирующих образов, тиражируемых литературным жанром «фэнтези» и индустри-

ей рекламы, претендующей на статус «произведения искусства». Сегодня мы видим «политизированную слепоту» по отношению к кощунству, рукоплескание «креаклов» оскорбительному и пошлому. Нравственный и духовно здоровый человек не может извращение видеть нормой, а норму – проявлением устаревшей эстетики.

Постмодернизм усиливает свое воздействие на виртуализируемое им сознание людей через современную массовую культуру.

Массовая культура

Искусство всегда было связано с воображением, фантазией, вымыслом, но сегодня эта его особенность гипертрофирована возросшей силой его визуального компонента, расширяющего образный опыт человека. В частности, использование НИТ (например, в организации различных шоу) работает на это. На образную сферу личности обрушивается широчайший спектр эстетического материала часто сомнительного нравственного содержания, а порой и откровенно аморального. И это следует рассматривать как особый вид информационно-психологических воздействий. Утверждение же условности и равноценности всех эстетических (а также этических) систем

эффективно работает на их использование в манипулятивных целях. Деструкция усиливается навязываемой ценностью политкорректного плюрализма, способствующего уничтожению национально-культурного разнообразия. Мировоззрение человека перестает быть опорой при информационных атаках на его внутренний мир. У него нет опоры в этических и эстетических нормах, ибо главными объявляются его личные переживания. Логика тоже не помогает обретению устойчивости, ибо она равноправна абсурду. С. Строев, хорошо развивающий подобные мысли, подчеркивает, что искусством может быть объявлено все что угодно, а критерием этого становится «сила воздействия», измеряемая в денежных единицах (Строев, 2005).

Унификация национальных культур приводит к их разрушению. Массовая культура, питающаяся потребностями «низшего Я», показывает нездоровье эстетического начала в человечестве. Становится понятен смысл выражения «безóбразная культура», т. е. лишающая человека образа Божьего и толкающая к пошлости. Шоу-бизнес, удовлетворяющий «низшее Я» человека, исправно оплачивается. Отметим, что христианская нравственность воспрещает не только блуд, но и все, что приводит к нему, т. е. то, чем внедряется в душу сладострастие. О том, как христиане

последних времен должны относиться к подобным явлениям, в Апокалипсисе сказано ясно, и каждый желающий может это прочитать: *«Выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее»* (Откр. 18: 2–4).

Итак, массовую культуру следует рассматривать в роли мощного социально-политического регулятора. Эстетичесий компонент картины мира не может не управлять человеком. Молодежь присоединяется к террористическим организациям потому, что идеал гламура и цели общества потребления уже не стимулируют личностное развитие, не выступают социальным ориентиром для самоидентификации человека. Тяга к эстетике привлекательного образа силы становится для многих естественной и закономерной.

В качестве отрицательного информационного воздействия на нравственную сферу могут быть названы и более частные вещи. Ярким проявлением массовой культуры, например, является *насмешливость* (анекдоты, ТВ-юморины и т. п.). К фрейдистскому истолкованию смеха как механизма вытеснения болезненных психических комплексов, к признанию за юмором терапевтической роли поддержания оптимистического настроя и возможности подняться над тяжелой ситуацией добавим комментарии с духовно-нравственных позиций. Это поможет различать смех «светлый»

и «темный». Священник Андрей Горбунов напоминает, что смехом может осмеиваться совесть, слабости, нравственные достоинства человека (Горбунов, 2007*)*. Смех, по мнению святых отцов, удаляет от благодати[86]. Указывается, что все, на что направлен смех, делается менее значащим. Смех внушает человеку, что ничто не стоит серьезного отношения. Если посмеяться над хорошим, то оно теряет привлекательность. Смех над злым делает зло как будто бы безобидным. Ироничность, насмешка констатируют незначимость объекта иронии и возвеличивают насмехающегося в собственных глазах. Ирония же в виде сарказма – очень мощное информационное воздействие, оно глубоко ранит людей. В качестве яркой иллюстрации «темного» смеха/иронии упомянем скандально известное пошлое и циничное «творчество» карикатуристов французского сатирического издания Шарли Эбдо.

Особая тема – сопереживание персонажам телесериалов. Чем больше человек сопереживает телегероям, тем больше их образы влияют на его внутренний мир[87]. Такое сопереживание может вызывать

---

[86] «Ничто не удаляет нас столько от сокровищ премудрости и познания тайн Божиих, как смехотворство», – наставляет преподобный Исаак Сирин («Слова подвижнические», слово 68).

[87] В этой связи отметим, что современные представители святоотe-

яркие эмоции. Но сентиментальность, возникающая под влиянием массовой культуры, неполезна для развития личности. Как подчеркивает архимандрит Рафаил, сентиментальность отличается от любви к людям. Ей больно, потому что кому-то больно (Рафаил Карелин, архимандрит, 2001, с. 166–167). Сентиментальность же – это лишь болезненная впечатлительность. Сентиментальности больно, потому что образ страдания вызвал отрицательные эмоции; страдания других воспринимаются как неприятный диссонанс в душевном покое. То, что лежит за пределами непосредственных ощущений, сентиментальному человеку безразлично. Обратная сторона сентиментальности – жестокость, вседозволенность либерализма (М. Е. Салтыков-Щедрин, например, сравнивал либерала с «лютым зверем»). Сентиментальный человек готов плакать при виде больной собаки, но останется глух и равнодушен к страданиям миллионов людей, лишь бы он не видел этих страданий.

Отметим также «безумия спортивных болений/беснований». Последние к тому же зависят от идеологических, политических процессов и, соответственно, от психоманипуляций вокруг них (победа футбольно-

---

ческой традиции, например, Паисий Святогорец (Паисий Святогорец, 2002–2008) сравнивают привязанность людей к телеэкрану с поклонением «зверю» из «Откровения» апостола Иоанна Богослова.

го клуба переживается как успех в геополитической баталии и не случайно часто переходит в реальные побоища фанатов).

Явление, достойное психологического изучения с духовно-нравственных позиций, – «символический каннибализм». Мы уже касались его в связи с иллюстрацией «законов Овертона». Символический каннибализм можно увидеть в массмедиа в связи с показом, растабуированием, десакрализацией в них темы смерти. Сегодня он проявляется и в виде трансплантации органов. Это бизнес, предполагающий убийства людей. В Косово эту чудовищную вещь отметила в своей книге даже суровый гаагский прокурор Карла дель Понте (Ефанова, Нарочницкая, 2008). В блогосфере мне встречались сообщения и об аналогичных преступлениях с жителями Донбасса во время военных действий последних лет.

При рассмотрении состояния нравственности в России и роли в этом массовой культуры отметим работы А. В. Юревича (Юревич, 2012, 2013). Добавим некоторые штрихи к выделяемым им тенденциям. Одной из таковых является преднамеренная составляющая духовно-нравственного растления народов России в постсоветский период. И. Я. Медведева и Т. Л. Шишова в своих работах исследуют этот аспект. Они, в частности, отмечают, что многие «биз-

нес-теории», принесенные в 1990-е в страну, имеют под собой оккультные основания, дополняя кальвинистское обоснование «богоизбранности» лишь богатых людей. Больной темой является спаивание постсоветского народа на фоне депрессии, охватившей большую часть общества после его обворовывания и «люмпенизации». Заметим, что в качестве информационного оружия до сих пор широко используются указания на «извечное русское пьянство». Но это искаженный образ употребления алкоголя в православном русском народе[88]. Также укажем на то, что представления о «правильной жизни» задаются с позиции «Жизнь – непрерывное развлечение». Смыслом жизни становится поиск денег на эти цели. Возник также «культ тела». С одной стороны, он работает на известный тезис «в здоровом теле здоровый дух», но с другой стороны – на нарциссизм, не брезгующий и оккультными практиками, и каннибалистической парфюмерией из «младенцев, убиенных во чреве».

Интересны данные, полученные И. В. Смирновым (Смирнов, 2003), который показывает, что, помимо

[88] Составивший описание своего путешествия в Россию в XVII в. антиохийский архидиакон Павел Алепский писал, что питейные дома опечатываются в течение всего поста (цит. по: Назаров, 2005, с. 59). Архиепископ же Серафим (Соболев) отмечал, что если наши предки даже и бесчестили праздники пьянством и пресыщением, то умели обуздывать себя подвигами поста (Серафим (Соболев), архиепископ, 2002).

влияния на мораль конкретных факторов, таких как дестабилизация общества, отсутствие «светлых идеалов», пропаганда насилия и другой аморальности, на общество действует некое целостное неосознаваемое влияние, приводящее к кумулятивному эффекту. Показано, что базовые ценности у людей в принципе сохранились. Тем не менее, чудовищно повысились общая криминализация общества, готовность людей к приятию всего того, что ранее считалось нехорошим.

Вопрос нравственного возрождения современной России непростой. И дело не во влиянии советского периода, который отечественные и иноземные манипуляторы сознательно обвиняют в безнравственности, бездуховности. У советского человека был высокий уровень морали, достигающий способности к самопожертвованию. Проблема заключается в атеизме общества, в отвержении людьми божественного бытия. Причем отход от Бога начался задолго до 1917 г. И. С. Аксаков называл современное ему общество «обществом христианским, но отрекшимся от Христа»[89].

В заключении подраздела отметим еще один важ-

[89] Уместно вспомнить, что у манихеев, катаров, альбигойцев, тамплиеров идеи нравственного растления были выражением борьбы с христианством.

ный аспект изучения массовой культуры. Он связан с тем, что именно через нее в групповое сознание социальных сообществ и субкультур приходят чуждые и сначала не принимаемые людьми нормы и ценности, и «закон Овертона» обеспечивает их принятие (Лебедев, 2012).

5.4. Информационно-психологические атаки на традиционные религиозные ценности

В современном мире информационным воздействиям подвергается в том числе и религиозный менталитет (религиозные – сознание, переживания ценности, поведение и пр.). Рассмотрим некоторые аспекты роли религиозного менталитета в современном мире.

Религиозный менталитет: «стабилизатор» или «деструктор» геополитики?

Религиозный менталитет выступает «призмой», задающей мировосприятие, мощнейшим регулятором поведения. Гуманитарная наука – в частности, психология – недостаточно знает о взаимосвязи пробуждающегося традиционного религиозного сознания (например, в России это православно-христианское мировоззрение, ислам, иудаизм), его различных подмен

(симулякров) и многопланового «секулярного менталитета». Здесь очевидна значимость осмысления образов культурогенетической памяти группового субъекта и влияния этой памяти на исторический опыт, на социальное восприятие (Гостев, 2012 г, 2015а). Это интересный предмет для исторической, социальной и политической психологии в их тесном взаимодействии. При этом исследователь не должен упускать из вида особую значимость осмысления человеком *духовной* сущности современных социально-политических процессов в мире в их влиянии на нашу страну. Обращение к отечественной духовно-нравственной и религиозной традиции и рассмотрение прежде всего православной ментальности (осознаваемой людьми или нет) как фактора социального восприятия становятся особо актуальными.

Стремительное разрушение традиционных оценок текущих событий на планете у современного человека порождает вопросы, которые научным сообществом не осознавались, игнорировались, замалчивались (в целях политкорректности или из опасения огласки «будоражащих» фактов; например, информацией о наднациональном и внутринациональном «закулисье», о работе «беспристрастной науки» на заказ). Но пора отбросить подобные страхи, равно как и социальные табу. Пришло время исследовать вли-

яние *религиозной веры* на внутренний мир человека (на его социальные установки, ценностные ориентации и т. п.), на групповое сознание и «коллективное неосознаваемое». Для этих целей недостаточна традиционная для психологии опора на «психологию разума»; требуется привлечение знаний психологии веры (Юрьев, 2002, с. 8). Действительно, вера выступает базовым психологическим явлением. Психология личности, говоря о связи феномена веры с эмоционально-волевой сферой человека, его убеждениями, жизненными ценностями, системой отношений, должна особое внимание уделять религиозной вере, в которой психологические характеристики человека раскрываются особым образом. Зарождение и содержание религиозной веры в различных религиозных системах – предмет особого разговора. Отметим лишь то общее, что может быть полезно для осмысления содержания и функционирования религиозной веры.

Психологии следует подходить к религиозной вере не как к слепому доверию к непроверенному знанию, а как к особому таинственному восприятию мироздания, не сводимому к остальным формам познания, как к каналу связи человека с «высшей реальностью», специфическому способу получения информации о действительности через интуитивное проникновение в онтологию духовного мира, а также как к

силе для нравственного развития. Святые отцы говорят о вере как о духовной силе, питающей способность человека к общению с Богом, как о свидетельстве существования «горнего мира» и стремления души принадлежать ему. Вера – это особый вид «сверхрассудочного» познания, которое направлено на мир невидимый и имеет своим основанием благодать. Вера имеет для человека безусловную достоверность. Иными словами, религиозная вера – это: а) подлинное знание, простираемое на предметы «невидимого мира», б) истинное познание, имеющее недоказуемое (в земном мире) начало, в) высший регулятор жизни людей через изменение мировосприятия человека, и как следствие – его жизни (суть покаяния) (Тайнов, 2002, с. 51). Становятся понятными слова апостола Павла, определявшего веру как *«осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»* (Евр. 11: 1). Вера предполагает борьбу человека с искаженным состоянием своей души, с «прельщениями мира», с влияниями отрицательного метафизического фактора. При этом человек свободен в принятии или отвержении благодатной помощи свыше, укрепляющей веру. Православная вера в сегодняшнем апостасийном мире – духовный дар, не описываемый в психологических категориях. Понимание этого дара, принятие и использование его усиливается видением

человеком своего несовершенства и его исправлением. И. А. Ильин подчеркивал, что человек верит в то, что *воспринимает как самое существенное в своей жизни,* чему служит, к чему стремится, от чего испытывает «главную радость» (Ильин, 1993). Поскольку центр человеческой жизни находится в его вере, человек постепенно уподобляется тому, во что он верит. Верить же стоит только в то, за что стоит бороться и даже умереть.

Следует изучать религиозную окраску представлений людей о правовых и этических нормах, о собственности и финансах, о семье, трудовой деятельности и т. д. Знание обусловленности социального поведения людей религиозной верой углубляет научное понимание детерминации политических событий в мире, облегчает изучение их осмысления человеком. Например, представители различных видов религиозного менталитета могут по-разному видеть процессы глобализации, в частности, роль в них геополитического и идеологического проектирования. Исследователи тематики рискуют быть обвиненными в предвзятости, некорректности подходов, в «конспирологических фантазиях», что лишь подчеркивает значимость изучения связей религиозных и политико-психологических феноменов (Можаровский, 2002).

Религиозный менталитет не совпадает с этниче-

ской принадлежностью и включает в себя устойчивые характеристики религиозных сообществ (различного масштаба), приобретенные ими под влиянием преобладающего (или преобладавшего ранее) вероисповедания. Изучение проявлений религиозного менталитета в социально-политической жизни предполагает рассмотрение влияния содержания веры на поведение, мышление, сознательные и неосознаваемые установки людей, их мироощущение, представления о «добре – зле», волю и пр. (там же, с. 13). Коллективная воля, в частности, проявляется в характерных для носителя религиозного менталитета подходах к *правовым* вопросам. Следует говорить и о влиянии конкретных религиозных идеологий на технологическую и информационную самопрезентацию в мире носителей религиозного мировоззрения.

Отдельный аспект изучения роли религиозного менталитета в жизни общества связан с тем, что все психологические школы несут на себе отпечаток религиозной ментальности (Лагутов, 2012). Направления современной психологии своим содержанием влияют на социально-политическую жизнь общества (например, психоанализ и бихевиоризм – на западную ментальность).

Чрезвычайно актуально осмысление влияния религиозных менталитетов на структуры геополитиче-

ских субъектов, особенности их альянсов в современном мире. Базисная религиозная установка обуславливает единство связанного с ней геополитического образования: а) католическая и протестантская Европа и Америка – НАТО/ЕС и т. п. (влияние гностической ментальности тайных обществ на западное христианство – особая тема); б) наднациональный исламский мир; в) буддистский мир стран Юго-Восточной Азии; г) транснациональный иудаизм (в частности, хасидизм); д) современная Россия/СНГ. Эта базисная религиозная установка отображает унифицированные ценностные ориентации и общие политические цели, но в то же время обуславливает и их специфику (например, шиитско-сунитские противоречия, прозападность ряда исламских стран, варианты протестантизма, буддизм хинаяны и махаяны). Необходимо учитывать для каждого из этих «религиозно-ментальных единств» характер их политического сознания/неосознаваемого, поведения, воли, – в частности, особенности представлений о власти, финансах, праве и т. д. Следует говорить и о проявлениях взаимовлияний религиозных идеологий на государственном и транснациональном уровнях.

В современной России на политические процессы влияют следующие взаимодействующие менталитеты: 1) постсоветский; 2) прозападный (светский и

конфессиональный, например, «прокатолический»); 3) «секулярно-державный» (Семенов, 2008). Мы особо выделяем задачу изучения особенностей восприятия происходящего в мире и стране, вытекающих из *православного* мироощущения. Оно – *основной образ в ментальности русского народа*. Без опоры на него любые концепции ментальности являются неполными.

Ментальность исторической России – продукт евразийского полиэтнического и многоцивилизационного пространства, по-разному (уже несколько веков) оцениваемого «западниками» и «почвенниками». Всегда были и те, кто не любил российскую государственность, и, пытаясь ее переделать, увлекался западным христианством, масонством, либерализмом, социализмом, и те, кто видел особый путь России и осмыслял образы отечественной культурогенетической памяти на глубинном уровне, связанном с метафизическими ее основаниями в православии (Серова, 2007).

При изучении российской ментальности в политико-психологическом плане нужно учитывать *традиционно отрицательный образ России на Западе*. Подчеркнем, что этот образ питается не только известным отношением православия к римо-католичеству (а Ватикан – мощный геополитический «иг-

рок» последнего тысячелетия, о чем мы будем говорить), но и тем фактом, что Запад был многовековым культурным «захолустьем», политической периферией для Византии, духовным преемником которой стала Россия. Политический аспект этих моментов очевиден. Очевиден также и их психоманипулятивный потенциал. Интересно, что из отрицательного отношения Запада к России вытекает не только российская *противозападность* (закономерная реакция людей), но и *прозападность* («Полюбим Запад, и это поможет не обижаться на русофобию», ложные и унизительные оценки в свой адрес, оскорбления отечественных святынь).

Западные ценности хорошо представлены в истории российской культуры; в последние десятилетия они к тому же усиленно пропагандируются в стране. История взаимопонимания России и Запада позволяет лучше понять протест большинства населения нашей страны против экспансии Запада во все времена, включая его вмешательство в политическую жизнь страны с началом горбачевской «перестройки». Православное сознание воспринимало и воспринимает Европу как «пространство великого отпадения от Истины». Православная душа чувствует, что «прогресс цивилизации», приведший к духовно-нравственному кризису на планете, – не от Бога, что многоликая по-

хотливость – это цивилизационный тупик, что либерализм (особенно псевдо- и неолиберализм вместе с соотносимыми с ним понятиями свободы, демократии и пр.) – это антихристианская идеология, подменяющая евангельские ценности удовлетворением потребностей «низшего Я», выдаваемых, однако, за выражение «свободы» человека. Еще раз напомним, что духовная свобода рассматривается православным миропониманием как свобода от страстей.

Православно-христианская традиция дает глубинные ориентиры духовно-нравственной оценке мировых социально-политических процессов. Именно традиционное для исторической России православное мировосприятие (подчеркнем, не дрейфующее в сторону модернистско-экуменического его варианта) несет в себе неприятие лежащей в основе процессов глобализации идеологии «мондиализма», имеющей оккультную основу и предполагающую преобразование мира: уничтожение расово-этнических, религиозных, национально-культурных границ, слияние стран во всемирное государство с наднациональной властью. «Научное» признание процессов глобализации объективными и неизбежными является маскировкой идеологии мондиализма. Глобализация воспринимается как построение «царства антихриста», строительство «Нового Вавилона». Такое понимание

основано на том, что многие характеристики современного мира все более напоминают описания святоотеческих пророчеств о нем. Но, согласно тем же пророчествам, именно «русское православное Царство» противостанет воссозданному «неоязыческому Риму» с Антихристом во главе. И это тоже фактор политической жизни современной России, поскольку проявления глобализации для многих людей (не только православных) неприемлемы с нравственной точки: идея «золотого миллиарда», предполагающая меры по сокращению населения планеты, социал-дарвинизм, тотальный контроль над личностью в «компьютерном концлагере», новые этические нормы и культурные стандарты и др. (см. подробнее: Гостев, 2008а, б, 2012 г; Горбунов, 2005; Рябинин, 2009).

Симулякры и подмены религиозных традиций

Религиозную веру и духовно-нравственный опыт на ее основе мы назвали наиболее устойчивыми к манипуляции элементами внутреннего мира личности. Но это в идеале. Следует отметить, что в последние десятилетия в мировых религиях усилились деструктивные процессы. Они идут как изнутри религиозных систем (секуляризация религиозного сознания, сни-

жение интенсивности непосредственно религиозной практики, модернизм[90] и др.), так и в результате информационно-психологических воздействий на традиционное содержание веры. Разрушительный потенциал несет также подготовка (с 1993 г.) создания «Организации объединенных религий» с целью «благословлять» решения, выработанные публичной и непубличной мировой политикой (Рябинин, 2005)[91].

Для подрыва традиционного религиозного сознания людей используются влияния деструктивных религиозных культов и организаций (секты, оккультные организации, псевдохристианские религии). То, что мы знаем о псевдорелигиозных и сектантских опытах, в частности, о «коммерческом неоязычестве» движения New Age[92], свидетельствует, что оппозиция тра-

[90] Достаточно указать на «облегченные варианты» восточных религий, например, буддизма, в подаче их со стороны New Age движения/идеологии для коммерческого потребления. Можно отметить и «обновленчество» в православии.

[91] Отметим, что еще в первой половине XVIII в. в Англии возникает общество, стремившееся создать символическую религию, в которой должны были исчезнуть все сословные и религиозные различия. Оно апеллировало к разуму и воображению человека и стремилось воспитать в нем полную гармонию ума и чувства. Ставилась цель построения «храма истинной человечности», религии разума с культом Верховного существа, главной целью которого было искоренение христианства и воспитание атеистического мышления (Платонов, 2014).

[92] Движение включает псевдодуховные религиозно-ориентированные группы, в том числе и «демонической направленности». Идеология New

диционным религиям усиливается. Показателем манипуляций религиозным сознанием является распространение деструктивных сект оккультной и демонической направленностей. Например, в России действует более полумиллиона экстрасенсов и колдунов (Соснин, 2012а). Центрами «новой духовности» являются магазины, наполненные эзотерической литературой, благовониями, аудио- и видеоматериалами, ритуальными предметами и пр. На эти центры работает армия целителей, гадалок, различные «духовные клубы». В России функционируют крупные оккультные ассоциации, проводящие тренинги-семинары, социологические исследования, издающие соответствующую литературу и др. Сформировалось множество религиозных сект преимущественно восточной направленности, ставящих своей задачей развитие в человеке экстрасенсорных способностей, обучение целительству, магии и пр.

В России к 2003 г. было зарегистрировано более 14000 религиозных или квазирелигиозных сект преимущественно иностранного происхождения. Это – мощный фронт информационной духовно-психологической войны.

Age предполагает, что государства, народы должны исчезнуть, забыв свои национально-культурные, религиозные традиции, слиться в единую «семью», управляемую наднациональными органами власти (Рябинин, 2009).

Плюрализм псевдорелигиозного опыта в сектах, психологических школах личностного роста и т. п. структурах деформирует традиционное религиозное сознание, выхолащивая и профанируя его содержание, манипулируя на этой основе политическими установками людей. Постмодернистская парадигма равноценности любого религиозного опыта эффективно создает подмены. Псевдорелигии своим «богословским примитивизмом» и психотехнической практикой разрушают духовно-нравственную сферу (Смирнов, 2003). В традиционных религиозно-философских системах человек получает многовековой опыт сопротивления данному процессу. Но в разделе 5.1 мы говорили о том, что даже в такой сильной религиозной традиции, как православие, мистический опыт может оказаться прельщением. Ориентация на непосредственный мистический опыт, по сути, порождает фантазии о «высшем» и «божественном» в измененных, особых состояниях сознания.

Тем не менее, традиционная религия все же остается бастионом сопротивления. Именно поэтому атакующим так важно подменить ее внешними проявлениями, обрядностью, поверхностной этикой, разрушить богословскую доктрину, непосредственную духовную практику. В этой связи поощряется растворение в «общерелигиозном» опыте. Коммерциали-

зация удовлетворения псевдорелигиозных потребностей наносит удар по метафизическим смыслам религиозного опыта. В получаемых симулякрах перемешаны искаженное традиционное религиозное содержание и его современная подмена. Происходит секуляризация полученной псевдорелигиозной доктрины, ее прагматическая ориентация на социальную практику. На процесс подмены содержания конкретной религии ее имитацией влияют социально-политические процессы в конкретной стране и мире. В итоге религиозные имитации включаются в систему глобальной психоманипуляции.

Религиозный релятивизм питает взаимодействие римо-католицизма с современным неоязычеством (Грачева, 2010, с. 208–211). Становится возможной совместная «молитва» колдуна и ксендза. Мы видим, как Священное Писание перетолковывается в соответствии с «духом политкорректности». Причем делается это не только в инославном христианстве (католиками и протестантами); данную тенденцию уже можно найти и в православии[93]. В нем мы видим не только новации в толковании священного писания, но и уменьшение роли священного предания, несущего духовное богатство святоотеческой традиции. Она

[93] См. «Русский Вестник», «Дух христианина», «Пасха Третьего Рима», сайт Константина Гордеева.

подменяется «высокими переживаниями», мистическими фантазиями; молитва заменяется медитацией и облегчается «христианской йогой» (в работах архимандрита Рафаила (Карелина) об этих тенденциях говорится подробно).

Имитации религиозной традиции, коррозию и деградацию церковных институтов хорошо описывает в своих книгах, статьях, выступлениях интервью главный редактор портала «Аминь» православный автор В. П. Семенко (http://amin.su). Его работы основаны на Священном Писании и Священном Предании, богословской святоотеческой традиции. В монографии «Как разрушают Церковь» (Семенко, 2013) представлены результаты исследований либеральных и модернистских течений в современной православной церкви, главным образом на примере Русской православной церкви. Показывается ложность реформистских взглядов представителей этих течений, опасность церковного реформизма, подрывающего основы православной традиции. Постмодернизм уничтожает связь человека с духовно-нравственным стержнем культуры, отрицает религиозные традиции метафизической связи с божественной реальностью. Подтверждается то, о чем мы уже говорили: религиозная традиция разъедается изнутри; сохраняется лишь ее оболочка, а содержание уходит. Под видом ислама,

например, сегодня выступает «духовный мутант», далекий от мусульманской традиции. Современные террористы-самоубийцы (и убийцы) не имеют ничего общего с шахидом – воином, погибшим в бою за веру, народ, семью.

Манипуляции религиозным сознанием на пути к единой мировой религии

Для противостояния манипуляциям в области религиозного сознания необходимо понимание того, что в духовно-нравственной сфере человечества имеет место все возрастающая антихристианская, тем более антиправославная, направленность. В процессах глобализации возрастает роль Римско-католической церкви. Состоялась встреча патриарха Кирилла с папой Римским в Гаване, проведен т. н. Всеправославный собор. Эти события вызвали огромный резонанс в мире Вселенского православия. Они могут быть охарактеризованы как «спецоперация в религиозном пространстве» (Грачева, 2010, с. 234). Понятно, что анализ возникшего спектра мнений не входит в задачу данной книги. В силу сложности проблемы (в плане соотношения богословского, геополитического, психологического и иных ее аспектов) подобный ана-

лиз является предметом специального исследования.

Особый интерес представляет осмысление огромного диапазона манипуляций с религиозным сознанием православного народа во всем мире и в России особенно. Здесь мы видим многие варианты информационного влияния, направленные на: а) обоснование и поддержку «модернистских постсоборных новаций»; б) отделение от РПЦ МП церковных структур для защиты чистоты православия (хотя это тема весьма болезненная – тема церковного раскола); в) церковное единство при условии дистанцирования от римо-католицизма и иных экуменических контактов (это может происходить как на основе взвешенной позиции, так и подходов неумелых, фанатичных; г) продолжение церковной жизни «как ни в чем не бывало»; д) успокоение от неучастия Русской православной церкви во «Всеправославном соборе». Отметим ряд общих моментов, значимых для понимания темы создания единой религии.

Девизом ЕС является системный принцип «единство в многообразии». Этот же принцип положен в основание процесса создания общемировой религии. Но возникает много психологических проблем относительно возможности определения в сознании конкретного человека или религиозной группы единства из существующего религиозного многообразия. Не будем

рассматривать сектантские варианты и остановимся на римо-католичестве и тех смущениях у православных людей, которые могут возникать. Это – иллюстрация. Могу предположить, что при создании общемировой религии смущение и дезинтеграция религиозного сознания возникнет и у представителей других традиционных конфессий с мощным традиционным фундаментом теологических и духовно-практических наработок. Носителям секулярного сознания предлагаемый материал будет полезен просто как пример психоманипуляций.

Прежде всего, римо-католичество с православных позиций является «христианством без Христа». Этот богословский термин хорошо раскрывает в своих работах, например, архиепископ Аверкий (Таушев) (Таушев, 2012 и др.). Снижение аскетических требований, ослабление духовной дисциплины, сокращение богослужения и прочие «модернизмы» привели к обмирщению церковной жизни латинской церкви. Второй Ватиканский собор, подстраиваясь под современность, окончательно оформил отход от важных канонических принципов христианства. Возникло «богословие антропоцентризма»: «человеческое» начинает доминировать над «божественным». Человек самодостаточен, является центром мироздания и способен создать себе необременительную для совести ре-

лигию. Из Священного писания исключается метафизика чуда. Умаляется значение крестной жертвы Христа, что с позиции христианского богословия означает отказ от Воскресения («Без Голгофы нет Воскресения»).

Отдельной темой является участие римо-католичества в уничтожении традиционной государственности. Как указывал И. А. Ильин, для уничтожения государства нужно уничтожить его религиозное основание. Сегодня мы видим дехристианизацию западных стран: разложение латинской церкви означает подрыв устоев основанной на римо-католицизме государственности в глобальном масштабе. Напомним, что построение глобального квазигосударства носит религиозный характер. Идея нового мирового порядка – это некий «общерелигиозный проект», поэтому православное христианство должно быть размыто до инославного уровня (латинства и протестантизма). Современные же версии ислама используются для разрушения остатков христианской культуры (события в Сирии тому яркая иллюстрация). Поэтому забвение религиозной составляющей мировой политики с ее историческим вектором-целью уничтожения «исторической России» как самостоятельного геополитического субъекта – главная угроза национальной безопасности страны (Грачева, 2011, с. 16–17).

Идеология экуменизма предполагает создание единой религии как духовно-идеологической основы нового мироустройства[94]. Иоанн-Павел II говорил, например, о приходе в будущем *объединенной веры,* которая будет способствовать «миру и безопасности»[95], призывая все религии во имя этого поступиться своими ключевыми принципами. Своей ролью в создании единой религии Ватикан, по сути, питает антихристианские тенденции в мире.

В последние годы имеет место интенсивный православно-католический диалог по актуальным проблемам современности. Совпадение позиций, одна-

---

[94] Отметим, что экуменизм был осужден как ересь Русской зарубежной православной церковью, а в 1948 г. и нашей церковью наряду с другими поместными церквами на совещании глав православных автокефальных церквей в Москве. Но в 1961 г. РПЦ МП вступила во Всемирный совет церквей, что являлось шагом в сторону экуменизма. В Москве в 2006 г. прошел «Саммит религиозных лидеров», который выразил опасные тенденции в РПЦ МП.

[95] Но о «мире и безопасности» как признаке последних времен свидетельствует Евангелие (1 Фес. 5: 3). Апостол говорит о времени, когда эта цель будет достигнута (с образованием одного государства на земле с единым Царем вселенной). В сознании людей должна утвердиться идея, что все существующие религии – лишь модификации одной религии. Эта «единая религия будущего» сохранит по форме многоконфессиональность, но по существу произойдет подмена «искания Царства Небесного и правды его» стремлением к царству земному со всеми его наслаждениями, подменой духовных целей мирскими. Царь вселенной будет помазан на царство главами всех церквей и религий (Грачева, 2010, с. 214 –215)

ко, вызывает беспокойство у многих православных в России, поскольку он может затушевать принципиальные богословские противоречия и дойти до признания главенства Папы[96]. Опасностью является и появление внутри Русской православной церкви некоего «внутреннего Ватикана», влияющего на государственную власть. Экуменизм, возникнув в протестантской среде в начале XX в. как движение за объединение христианских конфессий, сегодня претендует объединять и другие религии, культы, секты. Но заметим, что идея слияния мировых религий – одна из основных идей оккультных учений, в частности, ма-

[96] Папскую власть обосновывал в XI в. папа Григорий VII. Целью стало построение «христианской» вселенской империи во главе с Папой, объединение двух или более христианских конфессий. Обычно речь идет об объединении православной и римо-католической церквей на условиях признания первой догматики второй, при сохранении своего литургического богослужения на родном языке, отсутствия обета безбрачия для белого духовенства и др. После отпадения латинской церкви от Вселенского Православия (т. е. полного разрыва между Восточной и Западной церквями) церковные иерархи предпринимали неоднократные попытки к соединению церквей. Византия, например, искала союза с Римом для защиты Империи, хотя большинство православных иерархов и паства выступали против унии, видя в ней подчинение папству. Наиболее известной является Флорентийская уния (1439 г.). После падения Византии были многочисленные попытки склонить к унии русское государство. Можно указать на Брестскую унию (1596 г.) для украинцев и белорусов, проживающих на территории Речи Посполитой, Ужгородскую (1649 г.) и Мукачевскую (1664 г.) унии для православного населения Закарпатья, Румынии, Венгрии.

сонства. Оккультизм в гностических культах, каббале, теософии, восточных учениях учит о проникновении в тайны мироздания (*лат*. occultus – тайный), о выявлении в человеке высших сил и способностей. Иеромонах Серафим (Роуз) назвал экуменизм главной ересью XX в. (Роуз, 2003, с. 283). Борьба против православия и борьба против «российской исторической государственности» являются двумя взаимосвязанными главными направлениями современной глобальной войны, религиозной по своей глубинной сути (Грачева, 2010, с. 234).

Экуменизм связан с *модернизмом* – обновленчеством в христианстве: оба хотят совместить традиционное содержание веры с секулярными представлениями о мире, о духовности, о религиозном опыте и пр. В России модернистские и экуменические идеи проникают в церковную среду, звучат голоса о необходимости «перестройки в церкви». К счастью, есть силы, противостоящие либерально-модернистскому натиску на церковь. И они указывают, что отход от православия делает людей беззащитными перед религиозными манипуляциями, что обновленное, обмирщенное, формальное, «теплохладное» православие породит эсхатологические следствия. Проникновение экуменизма-модернизма в православную церковь хорошо раскрывают в своих работах архимандриты Ра-

фаил Карелин и Лазарь Абашидзе (Рафаил Карелин, архимандрит, 2000, 2001, 2003, 2010; Лазарь Абашидзе, архимандрит, 2000). Они выражают озабоченность православных людей тем, что все менее слышны слова о внутреннем духовном делании.

Итак, разрушение традиционных мировых религий является необходимым шагом к формированию единой универсальной религии. Манипуляциям с религиозным сознанием при этом отводится одна из главных ролей. Ее результат заключается в том, что, хотя по форме людям разрешат остаться в традиционных конфессиях, культах, сектах, они будут вынуждены признать приоритет постулатов единой религии. Такая религия вырастает из различных религиозных идей, принимает в себя символы противоречащих друг другу учений, дает возможность существования любых религий, включая демонические культы. Единая религия соединяет в себе другие религии в исповедании абстрактному «единому богу». Но это будет означать, в частности, то, что от православного христианина потребуется богоотступничество, критерии которого четко заданы традицией Священного Предания церкви. Как согласиться с заявлениями о том, что в будущем не должно быть ни христианина, ни мусульманина, ни буддиста и пр. (Бейли, 1993), а будет одна «великая семья верующих», состоящая из

представителей всех религий, которые признают одни и те же духовные истины? И как быть с теми, кто пожелает оставаться верным истинам своей религии? Манипулятивность требования признать универсальную религию заключается, в частности, и в том, что ее строительство будет делаться достаточно незаметно для людей, не знакомых с традицией на богословском уровне. В этой связи отметим известное святоотеческое предупреждение (например, оптинских старцев), что догматы о Святой Троице, о божестве Иисуса Христа и пр. не будут грубо отвергаться, а будут незаметно искажаться.

Важный аспект манипуляций с религиозным сознанием – идея «земного рая», *хилиазм.* Идея прихода Мирового Спасителя (Учителя и т. п.) присутствует в различных религиях. На современные версии идеи «земного рая в новой эре» работают и традиционные религии, и оккультные учения (Бейли, 1999), и современные их модификации (например, New Age). Идеология NWO основывается на оккультной метафизике. Допускается, например, идея новой человеческой расы – «неочеловечества» (об этом мы поговорим в следующей главе в контексте понятия «трангуманизм»). Отсев граждан нового мира будет происходить через добровольно-принудительное принятие ценностей новой планетарной реальности. И здесь

возникает *духовно-нравственный* вопрос – стояния человека в верности своей традиции с пониманием опасности коррозии своих религиозных взглядов экуменизмом/модернизмом и общей апостасией мира. Святые отцы предсказывали, что во времена «царства антихриста» оскудение духовности будет наблюдаться даже у православных архиереев. Но, согласно Евангелию, истинная Церковь Христова как «небесно-земной организм» будет стоять до «конца мира».

* * *

Что хотелось бы подчеркнуть в качестве главного в проблеме психоманипуляций в духовно-нравственной сфере человеческого бытия? Это роль отрицательного метафизического фактора в понимании манипулятивности информационно-психологических воздействий. Он является манипулятором особого рода и чрезвычайной силы. Его действия замаскированы секуляризацией и виртуализацией человечества, искажениями традиционного религиозного опыта народов. Непризнание онтологии отрицательных метафизических сил приводит к тому, что люди мыслят, чувствуют, действуют под их влиянием либо не замечая их, либо приписывая им «божественное происхождение». И хотя для позитивистской науки отри-

цательный метафизический фактор может выступать лишь гипотетическим конструктом, его роль в организации планетарной деструктивной информационной среды, влияющей на людей, не должна быть игнорируема.

Разговор о глобальной манипуляции религиозным сознанием включен в содержание следующей главы.

Глава 6. Новые информационные технологии социального контроля и глобальной психоманипуляции

6.1. Психология «сетевого общества»: штрихи к портрету

Психологическая тенденция отрыва внутреннего мира личности от реальной действительности во многом обязана активно продвигаемой в мире идее построения «сетевого общества». Это новое общество со своими законами, требованиями, нормами и т. п. в процессе своего создания отражается в системе сознания человека.

Прежде всего надо сказать, что сеть как принцип социальной организации противоречит традиционному представлению об обществе как субъекте исторического процесса. В новой системе социального управления человек перестает быть и субъектом права в традиционном смысле, ибо его права/обязанности определяются требованиями сетевого общества.

Но человечество взяло курс на отход от традиционных форм социальной организации жизнедеятельности, похоже, не осознав для себя огромной разницы между традиционными формами управления обществом/сообществами и теми формами, которые предлагаются «сетевым человечеством».

Экспансия сетевых структур осуществляется интенсивно, повсеместно и во все сферы общественной жизни. Сетевые организации лучше приспособлены к социальной динамике современности, а потому «сетевой мир» эффективно навязывает новые правила социального взаимодействия, отвечающие многоплановому глобальному проектированию, новому распределению центров силы в мире. Сотово-сетевой миропорядок деспотичен в смысле организации полной зависимости от него человека. Следует также отметить, что сетевые организации паразитируют на традиционных социальных организмах, используя их энергоинформационные ресурсы для самостановления.

Сегодня сеть охватывает деятельность, по сути, всех организаций – официальных и неофициальных, публичных и непубличных, – по крайней мере, в развитых странах. Особый научный интерес имеет изучение сетевой структуры неформальных элитарных клубов, религиозных сообществ, а также криминальных

и террористических организаций. Именно «сетевые сообщества» обладают возможностями давления на официальные структуры национальной власти, обеспечивают неподконтрольность и непубличность действий транснационального уровня мирового управления. Важно понимать, что идеология «сетевого общества», отходя от понятия государственного суверенитета, по сути, декларирует планы разрушения государственности в мире[97]. В сетевом обществе будет осуществляться принцип «свободы от гражданства», разрушаться понятие Родины, произойдет усиление «надгосударственного судебного аппарата» (прообразом выступает Гаагский суд). Последнее чревато судебными решениями, противоречащими традиционным правовым представлениям людей о социальной справедливости.

Людей стараются убедить в том, что «сетевые матрицы» человеческого бытия – предопределенный и «прогрессивный» процесс. Идея глобальной сети подается как закономерная неизбежная стадия развития человечества. И это одно из ярких свидетельств глобальной психоманипуляции, имеющей геополити-

[97] Интересно отметить, что в контексте православно-христианской эсхатологии именно разрушение государственности будет признаком построения «царства антихриста» (2 Фес. 2: 7) (Гордеев, Манягин, 2003). Поэтому сеть имеет мистический аспект становления т. н. «тайны беззакония», в терминологии христианского богословия.

ческие цели и последствия. Под предлогом неизбежности сетевого общества обосновывается естественность исчезновения суверенных государств. «Информационно-сетевое общество» является одним из постулатов идеологии глобализм-проекта, обеспечивающего управление народами и государствами из единого центра. Иными словами, мир обволакивается сетью как орудием глобального контроля и управления. А это уже – актуальный предмет для изучения социальной, организационной и политической психологии.

Еще один психологический момент, важный для данных направлений психологической науки и дополняющий образ «сетевого будущего человечества», связан с тем, что переходный период к «сетевому обществу» будет, по признанию самих же ее идеологов, разгулом социальной турбулентности управляемого хаоса, периодом войн и дезориентации массового сознания[98].

Но удивительно, как сильно недооцениваются психологические и нравственно-духовные проблемы, которые возникнут в «обществе тотальной сети»! Ведь

---

[98] Согласно некоторым православным пророчествам (ссылки на них можно найти, например, в работах К. Гордеева), именно в условиях мирового хаоса и бедствий и появится антихрист. Он восстановит государственность, что усилит его популярность в хаотизированном мире среди утомленных, а потому легко прельщаемых людей, которые и обоготворят лжемессию.

ясно, что сеть порождает новое, «непросчитанное» личностно-психологическое и духовно-нравственное состояние людей с неизвестными последствиями. Человек, например, выходит на другой уровень своего воздействия на мир. Сетевые сообщества дают особые возможности осуществлять любые проекты честолюбивым, сверхактивным людям, ориентированным на власть, деньги, специфические экзотические идеи. Более того, сеть, выступая усилителем таких возможностей, создает и особые условия для компенсации психологических комплексов и проблем. Понятно, что такая «компенсация» далеко не всегда будет благотворной (или хотя бы безвредной) и с психологических, и с духовно-нравственных позиций.

Очевиден прогноз и других психологических последствий (см., например, работы К. Ю. Гордеева, В. А. Рябинина, В. П. Филимонова, О. Н. Четвериковой). То, что сетевое взаимодействие «всех со всеми» обкрадывает человека в плане общепризнанной «роскоши» глубокого и непосредственного личностного общения, является лишь малой проблемой. В сетевой структуре *все* должно быть соединено *со всем,* и поэтому сеть с неизбежностью предполагает тотальный контроль над всем, что к ней подключено. Сетевое общество в каком-то смысле подобно тайным мистическим и мафиозным организациям. Оно, напри-

мер, требует от людей признания сетевых стандартов за абсолютную ценность. Личность в сети ограничена обязательствами, возникают виртуальные «политика», «властные структуры», «гражданство и демократия избранных», «экономика», «сферы жизнедеятельности» и пр. О какой свободе в сетевом обществе может идти речь? Человек будет вынужден подчиниться контролю со стороны сети и контролирующих ее структур, включая высших транснациональных администраторов. Что-то, возможно, будет иметь и положительные черты. Например, «сетевые аспекты новой экономики» могут быть созданы на основе сетевой организации из общин, братств, землячеств. Но это – предмет специального рассмотрения.

Важный социально-психологический момент заключается в том, что сеть создает у людей сетевую идентичность вне национальной государственности и религии, т. е. «сетевое сознание» перестает идентифицировать себя с историей страны, с духовно-нравственной традицией народа и т. п. Через сетевую децентрализацию уничтожается традиционная государственность в физическом (экономика, демография, вооруженные силы, правопорядок, территория и пр.), ментальном (общественное сознание), духовном (религиозная вера, мораль, культура) аспектах (Грачева, 2011, с. 255–258).

Социальный контроль

В последние десятилетия ведутся дискуссии о необходимости ужесточения социального контроля, которая обосновывается актуальностью противодействия угрозам человечеству. С этим в той или иной мере согласны международные эксперты в различных областях знания, на этом настаивают идеологи NWO, не согласны – анархисты-антиглобалисты (Рябинин, 2005). Соответственно, использование НИТ становится все активнее. НИТ работают на «роботизацию» человечества через виртуализацию действительности. Вырисовывается чрезвычайно актуальный предмет междисциплинарного психологического осмысления и исследования – тотально контролируемое «общество счастливых рабов», принадлежность к которому его члены осознавали бы в разной степени, будучи полностью увлечены удовлетворением потребностей «низшего Я», инерцией «гуманистически-демократических иллюзий», прикрывающих новую тоталитарную реальность, воздействием отрицательного духовно-нравственного фактора. Но это поставит перед психологической наукой задачу обоснования возникающих психологических реалий как «нормальных» и естественных. А это уже вопрос ответственно-

сти науки, как минимум, за недальновидность.

Итак, главной опасностью мне представляются перспективы «тонкого духовно-нравственного порабощения» человека в системе электронного контроля. Предощущаемый многими людьми переход некой недопустимой нравственной границы в контроле над людьми породил удачную, на мой взгляд, метафору, описывающую общество тотально контролируемых людей – образ «мирового компьютерного концлагеря». Поэтому, как мне кажется, только люди с уже достаточно «промытыми мозгами» могут полагать, что система электронного контроля, тенденция виртуализации внутреннего мира человека с помощью НИТ не связаны с ущемлением его свободы.

Но «свободная личность» в западном понимании пока в значительной мере слепа в своем воззрении на обсуждаемую проблему. В этой связи удивляет осуждение слежки за людьми в СССР при замалчивании современных перспектив тотального контроля наднационального уровня. Не вызывает адекватного протеста и получение необходимого для этого пожизненного цифрового имени – «электронного фантома личности».

Много ценных психологических идей относительно сетевого социального управления в структурах жестко стратифицированного мира будущего мы находим

в многочисленных работах и выступлениях политолога Михаила Делягина (Делягин, 2000, 2016). НИТ, подчеркивает он, способствуют созданию глобального господствующего класса интернациональной олигархии, порождают социальную среду с элитой в различных областях, небольшим количеством «обслуги» функционирования общества, деградирующим средним классом и «быдлом социальных низов». Сознание национальных элит также начинает кардинально отличаться от сознания остального общества. И мы видим подобные тенденции на постсоветском пространстве, в Восточной Европе и в Латинской Америке, а в последнее десятилетие и в развитых странах.

В связи с отмечаемыми тенденциями стратификации глобального социума укажем на то, что НИТ повысили значимость творчества в деятельности человека. М. Делягин подчеркивает, что элита для развития творческих способностей своих детей будет использовать психо- и биотехнологии[99]. Творческие же люди, рекрутируемые «из низов», будут высокооплачиваемым обслуживающим персоналом, что превратит их в контрэлиту, которая в борьбе за власть сможет опереться на массы бедных людей. Разделение челове-

[99] С психологической точки зрения было бы интересно знать, что он имеет в виду под творческими способностями – творчество творчеству рознь.

чества на расы господ, обслуживающего персонала и утилизируемого избыточного человеческого материала не сохранится долго: человек выйдет из-под контроля «расы господ» и уничтожит ее.

Другой значимой идеей, озвучиваемой М. Делягиным, является предупреждение о том, что участием государств в глобальных сетях при отдаче им функций социального управления создается внешнее управление страной, а также возможность «экспорта управляемых кризисов». «Экспорт хаоса» усиливается именно в результате перехода к власти глобальных сетей.

Электронное правительство

Проект «Электронная Россия» с начала 2000-х годов воплощает идеи мирового информационно-сотового сообщества («информационно-космической цивилизации»). В указанных работах К. Гордеева, В. П. Филимонова, В. А. Рябинина эта тема освещается подробно. Введение ИНН было первым шагом проекта. В России был открыт «Институт архитектуры электронного государства»[100], а в 2006 г. стартовал проект «Электронное правительство». До 2025 г. предусмотрено проникновение наноэлектро-

[100] URL: http://www.elrussia.ru/ (дата обращения: 28.11.2016).

ники в повседневную жизнь населения. Рассматриваемые и утвержденные законопроекты касаются включения граждан России в «глобальное информационное общество» с обязательной цифровой идентификацией граждан. В настоящее время этот процесс в некотором смысле приостановлен; стали говорить о добровольности принятия, например, электронных паспортов, УЭК и т. п. Но о планах подключения России к глобальной сети забывать не стоит.

В 2000-е годы в США и ЕС был принят ряд программ по установлению электронного правительства на основе концепции государственного управления информационного общества, которая опирается на возможности информационно-телекоммуникационных технологий и утверждает ценности открытого гражданского общества (Голобуцкий, Шевчук, 2002). Утверждается, что через интернет-порталы национальных правительств граждане государства могут участвовать в его управлении. Но Проект создает и особые возможности социального управления из единого центра. В этом смысле электронное правительство является инструментом для устранения национальных правительств в традиционном их понимании, вехой в создании механизма управления миром из единого центра. Под лозунгами «прозрачности», упразднения бюрократии, общественного кон-

троля формируется контроль и управление национальными правительствами со стороны публичных и непубличных наднациональных сетевых структур. До недавнего времени в России, например, предполагалась открытость электронного документооборота, других данных, в том числе секретных. Понятно, что электронный охват баз данных, которые, как стало ясно, в принципе невозможно надежно защитить (взламываются секретнейшие сайты), завязывание всех социальных процессов на «электронику» является ударом по государственному суверенитету, а работа электронного правительства затрагивает тематику национальной безопасности. Психологическая наука должна в большей мере задуматься о психологических последствиях функционирования системы глобального централизованного управления, начать комментировать процесс, прежде всего с точки зрения возможностей психоманипулирования людьми.

Один из аспектов темы электронного правительства связан с идеей интернет-демократии, при которой все люди будут иметь возможность голосовать в сети по любому вопросу, осуществляя тем самым «планетарное народовластие». Отмечается, что интернет, вбирая в себя социальные институты, коммуникации, функции, становится «виртуальным клоном общества», в котором осуществлена «прямая демо-

кратия» с участием любого интернет-пользователя. Подобные идеи высокоманипулятивны своей красивой иллюзией, имеющей большую силу воздействия. Поэтому, признавая положительные элементы «электронного народовластия» (как частный случай признания позитивных сторон демократических институтов общества, о которых мы уже говорили), нужно обратить самое пристальное внимание на *формы психологических игр во власть* для наивных людей. Транснациональный уровень власти никуда не уйдет от реального управления миром, прикрываясь, однако, в данном случае «демократией сети». Возможности же такой «ширмы» за счет НИТ, несомненно, возрастут. Если же представить перспективы виртуализации человеческого бытия и социальной жизни людей, то в «игры в демократию» поверит большинство людей. Мистическое/метафизическое измерение «Всемирной Паутины», о чем мы уже говорили, поможет мягкому переходу к «Матрице» или иному «демократическому» сценарию нравственно-духовного апокалипсиса.

Психологические аспекты персональных идентификаторов

Коренная реорганизация управления мировым со-

обществом посредством сетевого общества предполагает непосредственное включение человека в глобальную информационную сеть и владение всей информацией о населении. Это ведет за собой присвоение людям индивидуального цифрового идентификатора и подключение каждого человека к централизованной системе управления на основе личного кода (ИНН, СНИЛС, УЭК и пр.). Современные концепции управления уже предполагают, что без подобных идентификаторов недостаточно фамилии, имени, отчества и других данных о человеке. В этом многие люди усматривают ущемление своих прав. И их можно понять, например, в том смысле, что номер оказывается как бы на первом месте: многие социальные услуги уже сегодня предполагают обязательный цифровой персональный идентификатор (без СНИЛСА в российском социуме уже не обойтись). Психологически понятно и то, что личный код может переживаться человеком как аналог «инвентаризации себя как вещи», и в этом смысле цифровая идентификация обслуживает всеобъемлющий социальный контроль, облегчает доступ к сведениям личного характера. Все это не может не иметь последствий для самосознания человека. Но подобные моменты недостаточно понимаются, как в обществе на уровне общественного сознания и здравого смысла, так и в психологической

науке, для которой рассматриваемая тема открывает новую грань осмысления человека как субъекта познания, труда и общения.

Важнейший аспект изучения психоманипуляций с помощью НИТ связан с темой чипирования, которое рассматривается как техническое средство связи человека с глобальной информационной сетью[101]. Перспективы имплантирования в человека микрочипа, с моей точки зрения, не могут не вызывать озабоченности в связи с возможностью информационного воздействия на людей, причем не только психологического, но и физиологического (управление поведением крыс уже реализовано). Образная сфера человека выступает хорошей «площадкой» для применения чип-технологии. Воздействие на мозговые центры способно вызывать образы определенного содержания. Открываются новые возможности влияния

[101] В 1969 г. в США было зарегистрировано два изобретения: нанесение штрих-кода идентификационного номера на человека и технология идентификации носителя штрих-кода. Микрочипы уже в 1990-е можно было вводить под кожу с помощью шприца вместе с прививкой. Нанотехнология позволяет это делать совершенно незаметно для человека. Бдительность нужна, в частности, по отношению к идее имплантация микрочипов через страховую медицину. В 2005 г. ЕС принял документ, который вживление микропроцессорных устройств в человеческое тело подал как нечто обыденное и неизбежное. Документ говорит о превращении тела в инструмент надзора за людьми. (Филимонов, 2005, с. 240–266).

на внутренний мир личности, – в частности, формирования «правильного мировоззрения». Наведенные извне образы могут составлять спектр – от «мягко искаженных» представлений о мире (человек часто переживает изменения представлений о чем-то, сопровождаемые новыми ассоциациями мыслей и образов вокруг того же самого содержания) до фантазий, «грез наяву», сновидений и галлюцинаторно-подобных образов. В итоге образный опыт человека, в принципе, может программироваться информационными системами различного масштаба. Рассматриваются и возможности воздействия на человеческий организм, – в частности, возможность через чип-излучатель убить человека на расстоянии, дав команду внутренним органам на сбой в работе.

В непрерывном режиме через микрочип осуществляется не только подача информации, но и ее съем. «Контролером» выступает уже мобильник, который не только обнаруживает местопребывание человека, но и способен быть «жучком». Становится возможным более полный контроль за перемещениями человека (в 2000-е годы в США уже была способна это делать система «Аура»). В итоге чипы позволят круглосуточно следить за каждым человеком, манипулируя им на ментальном, эмоциональном и физическом уровнях. И хотя подчеркивается положительный мо-

мент этого вроде возможности быстрого нахождения пропавших или потерпевших бедствие людей, не будем игнорировать психологические, правовые, этические моменты, связанные с переживанием человеком тотального контроля за ним. Интересной задачей, например, является изучение самоощущения, особенностей системы психологических защит чипированного человека, знающего о слежении за ним в дискретном или в непрерывном режиме. Как повлияет, например, «полная прозрачность» жизни на соблюдение моральных норм (ведь все известно)? Не откроется ли путь к еще более полному «нравственному беспределу»? Социально-психологические феномены, возникающие в различных «реалити-шоу», – и у участников, и у аудитории – это подготовка к серьезным психологическим изменениям (не случайно «реалити-шоу» многими связываются с темой добровольного социального контроля.

Микрочип является приемником и передатчиком информации. Он позволяет не только контролировать перемещения людей, снимать информацию о состоянии организма и о «душевном устроении», но и влиять на внутренний мир личности. Человек превращается в некий подконтрольный элемент электронной системы. Личность, ставшая «биообъектом», вынуждена жить в рамках задаваемых Системой алгорит-

мов, превратившись в объект социального контроля и манипуляций. Техническим средством управления «электронным гражданином» – «биообъектом» становится уже «электронный паспорт». Это устройство коренным образом отличается от традиционного паспорта тем, что в информационном обществе человеку необходимо будет во всех социально-экономических отношениях предъявлять личный идентификационный код, материальным носителем которого является электронный документ. Без числового имени *никому нельзя будет ни покупать, ни продавать.* Но кто доказал, что не об этом предупреждает Откровение апостола Иоанна Богослова?! (см.: Откр. 13: 17)

С психологической точки зрения речь идет о признании власти электронной Системы над людьми как минимум на поведенческом уровне, который далее потащит за собой изменения в эмоционально-волевой и когнитивной сферах. И надо учитывать, что сеть обслуживает вполне определенный проект скрытого глобального тоталитарного содержания, к тому же антихристианского. Духовно-психологический смысл этого заключается в особенностях «планетаризации мировоззрения» людей, – в частности, в их согласии с системой глобального информационного общества, отвергающего, как мы подчеркивали в предыдущих главах, традиционные нравственные достижения че-

ловечества, национальные культуры и государства.

Цифровая идентификация создает условия правовой и иной дифференциации граждан. Согласие на имплантацию чипа или нанесения иного вида знака («начертания» лазером, например) будет требоваться только на первом этапе. В дальнейшем человеку, очевидно, придется выбирать между жизнью и чипом. Человек без чипа станет абсолютно бесправным. Для запугивания людей будут провоцироваться террористические акты, массовые заражения трудноизлечимыми вирусами, и СМИиК станут рассказывать о необходимости изоляции «опасно инфицированных больных». Не избегнут репрессий и те, кто примет «начертание», но будет причислен к разряду «деградантов». Помимо нарушения Конституции в смысле реализации свободы совести, это будет тотальная дискриминация человека: нежелающие быть членами «нового человечества» в NWO станут изгоями[102]. Нельзя исключить и угрозы их изоляции от общества в отдельные районы проживания. Оправдываться это будет опасностью заражения чем-нибудь от людей, состояние здоровья которых нельзя будет

[102] Вспомним, что известная эпопея с пензенскими «затворниками» развивалась под контролем спецслужб. Создавался образа сектанта, применимого ко всем православным, находящим духовную опасность в современных «идентификаторах». События освещались в массмедиа с повторением словесного клейма – «сектанты», «безумцы» и пр.

проконтролировать дистантно с помощью микрочипа. Можно прогнозировать, что человечество разделится на две неравные части – на меньшую, отказавшуюся быть «частью сети», и бóльшую, согласную превратиться в «сетевые элементы». Еще раз отметим, что представления об «абсолютной свободе» личности в сетевом обществе неадекватны уже хотя бы потому, что человек не сможет осуществлять свою мировоззренческую свободу – не быть элементом сети. Подробнее рассмотренные моменты см. в работах К. Гордеева, В. А. Рябинина, В. П. Филимонова.

Итак, проступающие контуры новой диктатуры планетарного масштаба предполагают включение «суверенной проинвентаризованной личности» в сетевое общество и тотальный контроль за людьми средствами НИТ. Такой контроль уже сегодня обосновывается необходимостью борьбы с международным терроризмом, с усилением преступности и асоциальными тенденциями. После 11 сентября начался активный разговор об ограничении свобод личности, – например, о разрешении доступа спецслужб к частной информации. У западного человека удалось создать установку не только на признание необходимости раскрывать личную жизнь во имя «мира и безопасности», но и на то, что «неконтролируемые элементы» должны быть устранены из жизни общества (Гордеев, Ма-

нягин, 2003, с. 39). Мне представляется, что только или глубоко наивный, или психологически поврежденный, или уже «отманипулированный» человек не озабочен перспективами имплантирования в него микрочипа, позволяющего контролировать его перемещения, снимать информацию о состоянии организма и «душевном устроении», влиять на внутренний мир. Только такие люди могут полагать, что система контроля с помощью НИТ не ущемляет свободу личности. Поражает то, как люди готовы пожертвовать своей *истинной* духовной свободой для сохранения иллюзии обладания ею, как можно не видеть последствий для них и их потомков «глобального сотово-сетевого общества».

Важным аспектом изучения перспектив социального контроля за человеком и человеческими сообществами, а также управления ими, является современная практика и теоретические возможности *субсенсорных воздействий* на внутренний мир человека, о чем говорилось в главе 3. Отдельная тема – *мировой сетевой терроризм,* активно использующий возможности сети в плане пропаганды, информационного воздействия и психоманипуляции. Терроризм, как отмечалось в главе 4, связан со сложнейшей многомерной и многоуровневой полифонической системой сетевых «организаций-проектов». Это предполагает

углубление вопроса о *субъектах* социально-политического, экономического и иных видов проектирования, о чем мы поговорим ниже. Но об одном таком субъекте скажем уже сейчас. Это будет полезно для анализа материала в главе 7.

Нетократия

Государства уступают ведущую роль глобальным сетям – неформальным структурам, объединяющим в различных странах элементы гражданского общества, государственного управления, включая спецслужбы, а также представителей транснациональных корпораций и глобального криминалитета. Глобальные сети начинают манипулировать не только государствами, но и транснациональными структурами. Поэтому мощным игроком глобального информационного воздействия, сила влияния которого в мире все возрастает, становится т. н. «нетократия» – представители новой формы власти, связанной с сетевыми ресурсами. Впервые термин «netocracy» появляется в начале 1990-х годов. Теория нетократии сформулирована в книге А. Барда и Я. Зондерквиста «Нетократия» (мировой бестселлер 2000 г.). В книге предсказаны такие явления, как теракты 11 сентября, «Википедия», финансовый кризис и др. А. Бард, в частно-

сти, показал, что современные финансово-экономические кризисы являются уловкой, при помощи которой нетократы крадут деньги у буржуазии. Нетократы надувают «экономические пузыри», развязывают войны и революции и т. д.

«Нетократия» заявляет себя как новый господствующий класс, идущий на смену буржуазии. Основной ценностью ее объявляется достоверная информация, доступ к которой и манипуляции которой обеспечивают власть в стране, государстве, мире. Нетократ в этом смысле становится влиятельнее традиционной финансово-экономической власти и на национальном, и на транснациональном уровнях. Обосновывая свои текущие и будущие победы, нетократы указывают на деградацию буржуазной элиты, на утрату ею чувства реальности и, соответственно, контроля над миром с помощью традиционных средств социального влияния. Подчеркивается, что новые информационные ресурсы могут быть использованы для деструкции старых структур. Отметим, что деятельность нетократии показывает современные формы функционирования непубличной власти в ее взаимодействии с публичными политикой и экономикой. Выделим важные для данного раздела книги психологические моменты (см. также: Бард, Зондерквист, 2000; Гостев, 2009).

Нетократы имеют широкий круг общения в «паутине», в которой они ведут социально направленную деятельность, используя сеть и для самовыражения (в этом смысле вспоминается «креативный класс» Р. Флориды), и для бизнеса. Успешный блог дает финансовое благополучие его создателям и участникам. Поисковые информационные системы (например, Google) превратились в среду сетевого общения с большими доходами. Считается, что интернет – это глобальное общество, очень открытый и честный мир, позволяющий создать сети, пользующиеся доверием и поэтому дающие хороший финансовый результат. Нетократы, однако, упускают важный вопрос о дезинформации, невежестве и прочих психоманипуляциях в сети. Возможность проверки подобной информации маловероятна – слишком много времени нужно для этого.

Необходимо отдавать себе отчет в том, что ценности нетократов – это ценности многих представителей сегодняшней молодежи, свободной от традиционной морали, но имеющей свой этический кодекс, разделяющий, например, по их мнению, правильное и неверное, конструктивное и деструктивное и т. п. Аль-Каида не осуждается как террористическая организация, а оценивается отрицательно по различным другим критериям. Также может подчеркиваться неправильность

«потребительской психологии», но не с духовно-нравственных позиций.

Современной политической психологии важно учитывать, что целью нетократов является мировая власть, к которой приведет информационный потенциал глобальных сервисов (типа Facebook). Они станут могущественнее, чем отдельные страны, – даже такие, как США. И это произойдет не только потому, что миром все более «цепко» будут управлять хозяева и менеджеры ведущих сетевых ресурсов, но и потому, что этими ресурсами будут пользоваться иные субъекты социально-политического проектирования в интересах собственных проектов. Нетократов будут нанимать. В этом плане указанная война традиционной финансово-экономической власти в мире и нетократов принимает более сложные формы. Полагаю, что нетократы переоценивают свою мощь и недооценивают традиционные рычаги власти. Нет сомнения, что транснациональный уровень финансовой власти эффективно пользуется возможностями «сетевого общества». Но можно предположить, что ей придется потесниться перед новым мощным субъектом геополитических игр. В любом случае ясно, что для победы в сетевой информационно-психологической войне за «локальную власть» в отдельном государстве или за мировое господство важно завоевать

сердца и умы пользователей сети. И мы видим, как люди по всему миру активно используют сетевые ресурсы для политической борьбы (в главе 4 мы об этом говорили).

Контроль во «всемирной паутине»

Потеря конфиденциальности информации о человеке, являясь одним из главных минусов сети/интернета, указывает на важную грань в изучении глобальной психоманипуляции. Возрастающие возможности слежки в сети за человеком и социальными группами/сообществами людей все более снижают информационно-психологическую безопасность. Это дает дополнительные возможности социального контроля. Фэнтези-пророчества Дж. Оруэлла, О. Хаксли, Р. Брэдбери о «Большом Брате» становятся реальностью – масштабы контроля в сети превзошли все ранее известные формы. Достаточно напомнить о WikiLeaks и Э. Сноудене. Сайт WikiLeaks, запущенный в 2006 г. Джулианом Ассанжем, стал известен благодаря публикации сотен тысяч секретных документов Госдепа США (информация о войне в Ираке и Афганистане, дипломатическая переписка и пр.), отчетов Исследовательской службы Конгресса США[103], электрон-

[103] URL: http://www.lenta.ru/articles/2009/02/10/leaks (дата обращения:

ные письма Сары Пэйлин, материалы, относящиеся к тюрьме Гуантанамо, разбирательства с крупными банками, данные по России и многое другое. В Тунисе публикация «WikiLeaks» о коррумпированности в верхах подтолкнула уличные выступления. В Египте местная «арабская весна» подогрелась информацией о подготовке Вашингтоном госпереворота в стране в 2011 г. Ливийские события совпали с публикацией на сайте компромата на семью Каддафи.

Подобная активность WikiLeaks порождает интересный с точки зрения психоманипулятивных информационных технологий вопрос о неслучайности информационных вбросов на данном сетевом ресурсе. Не работает ли он сразу на несколько транснациональных целей в глобальной информационно-психологической войне?

Э. Сноуден не только разоблачил масштабы слежки в сети, но и раскрыл много частностей в работе американских спецслужб, – например, то, как разведданные из открытых источников собираются в ЦРУ. Стали известны технологии слежки за людьми со стороны разведслужб и правоохранительных органов западных и иных стран. Стало известно о существовании программы компьютерных шпионов. Доступ к персональным компьютерам, как оказалось,

---

28.11.2016).

можно осуществлять втайне от провайдеров. Специальными кодами для входа в личные компьютеры владеет Агентство национальной безопасности США (АНБ). АНБ имеет встроенный в Windows доступ к операционной системе пользователя (кроме версии Windows-95 и более ранних). Windows-7 позволяет отслеживать каждое движение в сети. Например, интерес представляет суперсекретная программа PRISM для массового сбора информации из коммуникаций и файлов интернет-пользователей (Темная сторона…, 2013). Особое место занимают системы слежения за пользователями социальных сетей.

В результате этих разоблачений даже социально наивные люди узнали (а реалисты подтвердили), что каждое действие пользователя интернетом, все сказанное по телефонной связи, действительно, перестало быть секретом. Жизнь человека открыта on-line не только для спецслужб, но и для преступного мира, начальства, личных врагов и пр. WikiLeaks и Э. Сноуден рассказали о Большом Брате много неожиданного для наивного западного обывателя, убежденного в правдивости публичных «демократических» заверений о свободе личности, о защите ее от конспирологических действий, тем более со стороны собственного правительства (см. например: Асанж…, 2011).

Чем активнее пользователь в сети, тем больше

электронных следов он оставляет (см., например: Десять жертв…, 2011). Исследование газеты The Wall Street Journal показало: 50 топовых сайтов США используют различные технологии слежения, позволяющие наблюдать за действиями пользователя в сети практически в реальном времени. Отслеживание, в частности, cookie-файлов позволяет узнать историю посещений различных сайтов. Такие файлы «опознают» человека при повторном заходе на данную вебстраницу. Есть возможность определения пола, возраста, социального статуса, интересов пользователя, его доходов и пр. Человек, имеющий профиль, например, в Facebook, Google, «Одноклассники», находится в базе данных, которой может воспользоваться кто угодно. По фотографии из сети можно не только получить всю информацию о любом пользователе, но идентифицировать его на улице – достаточно лишь сфотографировать его на камеру «мобильника» и воспользоваться специальной программой распознавания (По фото…, 2011). У Facebook, например, уже возникали проблемы из-за технологий, которые были восприняты как нарушение права на неприкосновенность частной жизни. С другой стороны, подобные технологии очень востребованы правоохранительными органами.

Итак, изучение психологического аспекта слежки в

сети теоретически и практически значимо, ибо знание человека о контроле над собой и другими людьми изменяет его сознание и поведение.

Доктор технических наук, академик РАЕН, профессиональный специалист в области новых военных технологий профессор В. Ф. Прокофьев показывает, к чему может привести постоянная связь каждого индивидуума с глобальными информационно-управляющими сетями (Прокофьев, 2003). В интернете возможно использовать приемы воздействия на сознание и подсознание пользователей. Здесь применимы суггестия, приемы НЛП, гипнотехнологии. Определенным образом структурированные звук и цвет, форма и содержание материалов служат основой создания компьютерных биовирусов, влияющих на психику и физиологию пользователя сети. Мультимедийные технологии расширяют возможности компьютерных сетей для подсознательного воздействия. Есть данные о создании компьютерных вирусов, способных вызывать дискомфорт, страх, беспокойство, головокружение, тошноту, боль и различные психические расстройства. Целевая адресация информации конкретным лицам, определенным категориям пользователей, мгновенное донесение ее до выбранных серверов, отсутствие возможности защиты от скрытых манипулятивных воздействий, действительно, превра-

щают интернет в паутину для ловли человеческих душ.

Отдельной темой является социальный контроль и управление в сети в политических целях, о чем мы начали говорить в главе 4.

Сеть – активный участник политических игр

«Всемирная паутина» является мощным субъектом ведения современных политических информационно-психологических войн. Сетевой контроль и социально-политическое управление через интернет, в зависимости от целей участников этих войн, осуществляются по-разному. Можно работать на оппозицию в стране, намеченной для реализации «цветной революции», а можно мешать координации оппозиционного движения в этой же стране. Соответствующее оборудование продается странам. Оно, например, было обнаружено в Египте и Ливии.

Оперативность интернета, широта охвата аудитории в кризисной ситуации эффективно обслуживает участников конфликтующих сторон. Сеть используется и для взаимной дезориентации, для усиления хаоса. Мы уже указывали на роль Twitter, Facebook, YouTube в «цветных революциях» и политических ак-

циях в Молдавии (2009 г.), Таиланде (2010 г.), на Филиппинах (2001 г.), в Испании (2004 г.), в странах «арабской весны» (2010–2012 г.). В Египте был использован даже сайт знакомств. Есть и более конкретные данные (см., например: Овчинский, 2011). В организации беспорядков в Египте участвовали представители крупнейших IT-структур, поддерживающих стратегию США по борьбе с диктаторскими режимами через интернет и помогающих политически активным деятелям сети в таких странах. В 2010 г. в Facebook была создана страница против режима Мубарака, призывающая к уличным выступлениям. Google открыл новый сайт накануне массовых выступлений в Каире: в сети ходил видеоролик, рассказывающий о твиттер-технологиях, выводящих египтян на улицы, и о моделях, позволяющих переигрывать в интернете силы правопорядка. Другой видеоролик в Facebook показал подготовку оппозиционных египетских блоггеров под руководством представителей администрации США. Использовались специальные программы, помогающие обходить цензуру в сети, не оставлять следов от электронных писем, очищать память компьютеров. У США есть средства связи, которые могут быть использованы (например, с военных кораблей) при отключении в стране интернета. США для работы в зарубежных социальных сетях закупило компью-

терную программу создания в сетевых сообществах фиктивных личностей для распространения дезинформации. Система создает видимость присутствия пользователя в заданном районе мира, одновременно маскируя его принадлежность к США (В соцсетях…, 2011).

6.2. Психоманипуляции в сфере новых информационных технологий

В данном разделе мы остановимся на ряде аспектов изучения возможностей психологического воздействия НИТ.

Компьютерное зондирование психики

НИТ способно вторгаться в подсознание человека, раскрывая «тайны души». Так, при компьютерном зондировании психики содержание возникающих образов показывает основные составляющие внутреннего мира человека, его социальную ориентацию и пр. И. В. Смирнов указывает (2003), что компьютерные психотехнологии, используя прямой доступ в несознаваемые сферы психики человека, позволяют получать представление о ядре личности, другую диагностическую информацию, и проводить психокоррекцию. Появилась возможность излечивать шизофрению, маниакально-депрессивный психоз, эпилепсию, неврозы, алкоголизм, наркозависимости, психосоматические заболевания. Метод позволяет выявлять

психически неуравновешенных, социально опасных и экстремистски настроенных военнослужащих во время дежурства на объектах стратегического назначения. Он отмечает, что зондирование психики (один из вариантов компьютерного психосемантического анализа) – принципиально иное явление, чем детектор лжи. Оно исключает влияние сознания на результаты обследования (невозможно осознанное восприятие семантического содержания стимулов). Обследуемый человек имеет дело с совокупностью близких по смыслу слов/образов, которые априорно семантически связаны между собой для популяции, к которой он принадлежит. Зондирование психики выявляет особенности реагирования на стимулы, связанные с образом Я, на морально неприемлемую информацию.

И. В. Смирнов говорит о недопустимости несанкционированного применения данного метода, но в реальной жизни соблюсти это требование очень трудно. «Компьютерный психоанализ» чреват контролем за внутренним миром личности, возможностью влияния на него. И здесь возникает серьезная духовно-нравственная проблема. Доктор медицинских наук, профессор, иеромонах Анатолий (Берестов) обеспокоен такими возможностями. Компьютерный психоанализ полезен для криминалистики, для выяснения пред-

расположенности к наркомании, самоубийству и пр. Но возникает возможность извлекать из глубин души такую информацию, которая во благо человека не подлежит актуализации. У меня возникает аналогия относительно перспектив чтения мыслей – вспомним «двоемыслие» в романе Оруэлла «1984». Компьютерное «анатомирование» души, на мой взгляд, увеличит возможности психоманипуляции через глубокое знание объекта воздействия, а также через влияние на внутренний мир человека самого факта прохождения им процедур данного метода.

В связи со сказанным следует упомянуть и проект Всемирной сети «Psynet», в котором применяются наработки И. В. Смирнова. Проект направлен на создание возможности прямого обмена семантическими структурами своего подсознания (в проекте участвует российско-американская корпорация «Psycor»). Масштаб и сила взаимосуггестивного влияния в данном случае не требуют комментариев.

НИТ и биополе

Следует более предметно говорить о разрушении энергетической системы человека под влиянием электронных приборов, прежде всего – мобильников-смартфонов-планшетников, других представите-

лей многоликого экрана и др. Многие люди не случайно отмечают, что электронные книги, например, не дают того эмоционального и интеллектуального наслаждения, которое приносят печатные книги. В экологии появилось понятие «электромагнитный смог», отражающее процесс электронной деструкции: человек «тонет» в электромагнитных полях, создаваемых электроникой, не ощущая энергоинформационной хаотизации[104]. Специалисты заявляют, что вокруг тела человека исчезает некий «защитный энергетический кокон». Человек не замечает, что излучения подобных приборов подавляют его организм на клеточном уровне, но это объективно регистрируемые реалии (Звоников, 1993; Прокофьев, 2003; Файдыш, 2000, 2013; и др.). Е. А. Файдыш, например, подробно рассматривает полевое влияние современных видов экранного воздействия (компьютеров, «планшетников», мобильников и смартфонов, телевизионных экранов), других электронных приборов и даже бытовой техники.

Закономерности данного феномена хорошо изложены в статье «Пожиратели ауры» (Пожиратели ауры, 2012). Биоэнергоинформационная система организ-

[104] Уже появилась специальная маркировка (два усеченных непересекающихся овала), информирующая об отсутствии электронной опасности.

ма резонансно взаимодействует с неживыми объектами. Сегодня, при сильной электромагнитной загрязненности среды обитания человека, вероятность случайного совпадения вибраций увеличилась. Эксперты говорят о «саморазрушении биополя», о «волновом микробе/вирусе» и даже о появлении нового человеческого вида, который использует «волновую оболочку» для подпитки жизнедеятельности. Такой человек функционирует, питаясь окружающими его электромагнитными полями. Понятным становится, почему подобные люди имеют интернет-зависимость, не расстаются с мобильником, имеют пристрастие к компьютерным играм и другим «экранным развлечениям». Не случайно современный трудоголик – это прежде всего работник за компьютером. Когда человек становится некоммуникабельным, а его действия приобретают очевидный автоматизм, это означает, что аура поглощена подцепленными от электроники вибрациями. Обращение к психотерапевтам и психиатрам не дает эффекта: эмоциональный психоэнергетичес кий центр уже не функционирует. Саморазрушение биополя заканчивается инфарктами, инсультами во время отдыха на природе.

О психотронных воздействиях

«Психотронный» в переводе с греческого значит «тот, что изменяет душу», вызывает нарушения восприятия, мышления, поведения. Это понимание термина в широком смысле синонимично пониманию сути информационно-психологического воздействия. В узком же смысле часто подразумевается использование различного рода «излучений», «полевых воздействий», парапсихологических влияний и т. п. Предполагается, что в «психотронном воздействии» некая «отрицательная энергия», излучаясь через специальные устройства, бьет по глубинным основаниям внутреннего мира человека, действуя на его подсознание, влияет на групповое сознание. Существуют экспериментальные данные о том, что низкочастотные импульсы могут формировать «искусственные мыслеформы», в частности передавать неслышимые слуховые сигналы людям (в описании проекта Blue Beam в разделе 6.4 мы поговорим об этом подробнее). Об опасности применения психотронных генераторов неоднократно высказывался академик В. П. Казначеев. В работах В. М. Звоникова, Е. А. Файдыша, В. Ф. Прокофьева раскрываются грани психотронного воздействия, обосновывается их физический но-

ситель (в частности, т. н. «торсионные поля»). Например, последний из названных авторов рассматривает информационные системы скрытого воздействия на психику человека т. н. психофизического оружия, информационно-суггестивного, психотронного оружия как оружия массового поражения. Е. А. Файдыш говорит о «черной магии психотроники».

Действительно, необходимо большее внимание академической науки к энергетическому и информационному влиянию физических полей (электромагнитных и звуковых волн) на живые существа, особенно на человека. Показано, что излучения малой мощности определенной частоты и в определенной последовательности подачи сигнала производят сильное влияние на биообъекты. Психотронные средства могут быть использованы для контроля над населением (подавления волнений, нейтрализации активистов). Есть данные о создании портативных и мобильных психотронных генераторов[105] (Психофизическое оружие, 2013). Хотя эти данные пока не проверены с научных позиций, саму идею психофизического ору-

[105] Будучи размещенным на автомобиле, такой генератор-излучатель спецсигналов способен устроить автокатастрофу. Портативные варианты излучателей используются для уничтожения физических лиц. Прибор настраивается на частоту работы сердца находящегося рядом человека, и производится «отстрел»: дифибрилляция сердца и множественные разрывы сердечной мышцы.

жия следует иметь в виду.

Отметим, что тема психотронных полевых воздействий относится в психологической науке к разряду «некомфортных» из-за своей конспирологичности, особенно если подходить к проблеме с точки зрения психотронного терроризма со стороны различных групповых субъектов, политических сил, тем более – влияния на население страны со стороны власти. Но о простых проявлениях «психотроники» в психологии все же стали говорить. Рассматривая, в частности, применение СВЧ-генераторов для психологического воздействия на население, А. Н. Лебедев, отмечает, что нет смысла отрицать возможность негативного дестабилизирующего воздействия определенных частот электромагнитного излучения на психику человека. Однако искусственно вызванная дестабилизация психики без целевой установки, побуждающей к конкретному действию (например, «Голосуй за этого кандидата!»), может повлечь лишь жалобы на психические расстройства, депрессивное состояние и т. п., но не превратит человека в послушного реализатора воли суггестора. А. Н. Лебедев также указывает, что понять подобные воздействия возможно только с материалистических позиций (Лебедев, 2012, с. 106–107). На мой взгляд, дело обстоит как раз наоборот. Именно непризнание, недооценка онтологии отрица-

тельных метафизических сил не позволяет получить целостную объективную картину манипулятивных информационно-психологических воздействий, в частности, психотронно-полевого воздействия. Эти воздействия способны создать некий психофон, на котором могут действовать различные подпороговые влияния, инерция социально-политических установок, а также деструктивная духовность.

В связи с полевыми энергоинформационными воздействиями отметим существование «квантовой телепортации», работающей на биологическое оружие. Есть сообщения об американском суперкомпьютере Blue Gene, обслуживающем расово-ориентированное «геномное оружие». Мы не будем далее вдаваться в круг проблематики психотронно-полевых воздействий. Это действительно чрезвычайно сложная тема.

О самообучаемости компьютерного интеллекта

Мне встречались данные о том, что высокообучаемые нейронные сети[106] на основе закладывае-

[106] В плане успехов моделирования искусственного интеллекта отметим существование проекта, целью которого является создание нейронной имитации мозга млекопитающего с помощью суперкомпьютера –

мой информации создавали фантастические иррациональные умозаключения. Возможность расстройства «психики компьютеров» опасна для будущего человечества. Способность искусственного интеллекта к саморазвитию позволяет многим специалистам предположить, что «война машин против людей» может перестать быть фантастикой. Поэтому сегодня все аномалии в жизни компьютерных систем должны привлекать к себе больше внимания.

В то же время звучат и оптимистичные идеи – какие бы сложные вещи ни научились делать компьютеры, их деятельность будет ограничена программированием со стороны человека. К носителям подобных взглядов относится, например, член-корреспондент РАН Игорь Каляев. Но хочу обратить внимание, что допущение отрицательного метафизического влияния на сферу НИТ (о нем мы будем говорить в следующем разделе главы) все же усложняет проблему. Кто может поручиться, что в перспективе кибер-сфера не обретет способность к саморазвитию, самопрограммированию и выходу в самостоятельное функционирование. Подавление традиционного человечества киберцивилизацией может произойти с участием «homo-кибогов», которые, исходя из философии трансгуманизма, посчитают себя выше обычного че-

---

Blue Brain Project.

ловека. Такие варианты возможны еще в процессе формирования нео-человека, который займет сторону своего киборг-идеала. И такие создания помогут становлению неочеловечества.

Значимый аспект рассмотрения психологических последствий самообучаемости искусственного интеллекта связан с темой «лишних людей». Роботизация вытесняет человека из сферы производства. Идеолог NWO Ж. Аттали отмечал, что у неквалифицированного труда нет будущего. Другой идеолог Р. Курцвейль предрекает, что новые технологии будут порождать свои последующие поколения без человеческого вмешательства» (т. е. людям предназначено исчезнуть) (Гордеев, 2012).

Компьютерные вирусы как субъекты информационно-психологического воздействия

Угроза в связи с компьютерным инфицированием для слежки в сети является актуальной темой психологии информационного воздействия. Мы имеем дело с кибернетическим оружием, разработанным для крупномасштабного компьютерного шпионажа и информационных атак. На сегодняшний день ясно, что шпионские программы на протяжении многих лет

успешно работали в миллионах компьютеров невидимо для антивирусов. Еще в 2005 г. корпорация Sony продемонстрировала вирус-шпиона, которого не видит ни одна антивирусная программа. С 2006 по 2009 гг. специалисты обнаружили в компьютерах уже целые классы невидимых «вредоносов-шпионов». С 2010 г. появляются программы «супершпионы»; различные «вирусы/троянцы» все более активно «расползаются» по компьютерам в глобальном масштабе. Оказалось также, что вычистить их порой невозможно (Киви, 2013)[107]. В специальной литературе тема «информационных вирусов» как кибернетического оружия не получила должной оценки, хотя для психологической науки она является важнейшим аспектом информационной безопасности личности.

Преступления в НИТ-сфере

В разговоре на данную тему речь обычно идет о мошенничестве в интернете, с мобильными телефонами, о «пиратстве». С ними борются во всем мире. В Российской Федерации существует специальное подразделение МВД (Рудницкий, 2009). Есть воз-

[107] В частности, USB-модули, вставленные в зараженную систему, оказывались инфицированными, но это не отражалось в памяти. Заражение происходило даже в ситуациях, когда от компьютера были отсоединены кабели сети и питания.

можность восстанавливать даже удаленные записи, IP-адреса, позволяющие вычислить, с какого компьютера было произведено преступление. Но насколько борьба с преступлениями в сфере НИТ сможет компенсировать последствия этих преступлений для человека, частным случаем которых будут последствия психологические?

«Генопитомцы»

С помощью биоинженерии стало возможным имитировать «живые существа». Их можно купить в качестве домашних питомцев с заданными индивидуальными характеристиками. Но подходят ли такие игрушки для детей? И дело не только в возможности производства «монстроподобных существ». В подсознании играющего с такими «живыми созданиями» человека (маленького и взрослого) может отложиться идея, что ребенок может быть и мутантом. Прививается также мысль, что генетические эксперименты по скрещиванию – это нормально (туловище младенца имеет голову собаки). Очевидна духовно-нравственная подоплека всего этого – издевательство над генетикой человечества.

6.3. Психология homo-киборга и проблемы трансгуманизма

«Киборгизация» человечества перестает быть содержанием научно-фантастической литературы и продукции киновидеоиндустрии Голливуда. Фактически люди-киборги создаются уже сегодня, и данная перспектива способна оказаться реальностью уже для ближайших поколений. Но эта реальность воспринимается многими людьми как этап в «эволюции» человечества. Ведь «кибер-симбиоз» даст новые психофизические возможности. Изменится человеческая природа, и «кибер-люди» будут обладать новыми, в том числе паранормальными, способностями. Под флагом улучшения человеческой природы мы слышим, например, о политкорректно сформулированных планах генетического изменения людей. Под действием различных факторов стали возможны изменения на клеточном уровне. Нанотехнологии способны влиять на мозг на самом глубинном уровне.

Духовно-нравственные последствия киборгизации человечества, однако, не осознаются в должной мере большинством людей, включая представителей науки. Идея «киборгизации» в целом развивается. Вместе с тем, отрадно отметить, что относительно генети-

чески-технического «переустройства» человека звучат и тревожные голоса (например, среди православных христиан). Каковы многоплановые последствия «успехов в улучшении» человечества? Кто поручится, что при уничтожении гена агрессивности не будет уничтожен ген милосердия (представления о добре и зле уже искажены и без генетического вмешательства).

Идеология создания «нового сверхчеловечества эры Водолея» опирается на современные технологии, в частности, на генную инженерию, нейропротезирование, евгенический опыт по клонированию и созданию «искусственной жизни» и пр. Нейроинтерфейсы, нейроимплантанты уже связывают мозг человека и компьютер. Проекты «неочеловечества» направлены на совершенствование соединения НИТ с телом человека (на основе нанотехнологий) – для непрерывного контроля за его жизнедеятельностью и обеспечения беспроводного контакта человека с компьютерами, с электронными объектами окружающего мира и, в перспективе, с другими «homo-киборгами». Новая антропологическая реальность готовится по многим направлениям: виртуализацией сознания человека, примитивизацией его картины мира и неадекватностью оценки духовного смысла происходящего, уходом жизни общества/государства в сетевые структуры, торжествующей безнравственностью с профа-

нацией культуры и религии. Все свободнее и шире присутствует в компьютерных сетях отрицательные энергоинформационные силы. В интернете – это и демоническая символика, и «духовные учителя», и удовлетворение людьми своих низменных страстей, и контакты с «потусторонним миром», и др. (Файдыш, 2013). Человечество уходит в создаваемый им искусственный виртуально-иллюзорный мир и радуется этому. Оно не задумывается о том, как существовать без утраты в себе «традиционно человеческого». Поэтому актуальнейшую проблему психологической науки я вижу в *осмыслении и изучении психологических и духовно-нравственных последствий подавления человечества кибер-цивилизацией*. Тем более, учитывая, что НИТ способны к саморазвитию и, соответственно, к «захвату» традиционных форм жизнедеятельности человечества (Kurzweil, 1999).

Тенденция «киборгизации» человечества обозначила и совсем фантастические перспективы – достижение человеком бессмертия с помощью НИТ (Гордеев, 2012). К этой цели устремилась «мировая элита» уже со второй половины XX в. То, что «победой над смертью» не смогут воспользоваться все «земляне», является нравственной проблемой «золотого миллиарда» уже сегодня, особенно на фоне идей «зачистки планеты от лишнего человечества» (Аттали, 1993;

Рябинин, 2009).

К «бессмертию» человека предлагается подходить по аналогии с независимостью программного обеспечения от компьютера. «Бессмертие личности» обеспечивается перезаписью содержимого сознания (внутреннего мира личности) в искусственное тело, имеющее неограниченное существование во времени и возможность неограниченного перемещения в пространстве. Предполагается даже возможность жизни индивидуального сознания в нескольких бессмертных телах одновременно и в нескольких реальностях. Интенсивное развитие нано-, био-, информ-, генетико-, робото-технологий позволит, как полагают энтузиасты идеи, поэтапно приближаться к решению проблемы «бессмертия» через: создание интерфейсов «мозг – компьютер», появление антропоморфных роботов, управляемых силой мысли, возникновение симбиотического интеллекта, «оцифровку воспоминаний» и перенос личностного опыта на НИТ-носитель. К середине XXI в. основная часть человеческого мышления будет иметь небиологический характер (Kurzweil, 1999). Подобные идеи озвучены и в России (О формировании…, 2000).

Но можно ли душу человека воспроизвести вычислительной машиной? Онтология человеческой души имеет метафизический статус: это «Божья искра»,

соединенная со своим Источником. Даже с секулярных позиций ясно, что сущность сознания слишком сложна и имеет аналоговую природу. Можно ли такую структуру скопировать в цифровой полупроводниковой схеме? Если переселить внутренний мир человека в компьютер, останется ли он тем самым человеком? Не перечеркивает ли обретение бессмертия базисные экзистенциальные мотивы человека, его человеческую сущность? Наконец, кто решает, кому быть бессмертным?

«Бессмертие» в физическом искусственном теле является конечной целью идеологии *трансгуманизма*. Мировая «элита» активно работает над этим проектом, руководствуясь своим «сверхчеловеческим» мировоззрением. Поскольку трансгуманизм сегодня – это реальные планы использования новейших технологий для улучшения умственных и физических возможностей человека, укажем на ниточку, приводящую к ницшеанству. Это усиливает духовно-нравственный аспект темы. Цепочка от идей Ницше до трансгуманизма не прерывалась уже в том смысле, что расовые теории нацистов являлись выражением трансгуманизма, в частности, в плане устранения «неполноценных» людей и народов. Гитлер стал инструментом для установления одного из вариантов элитарного NWO. Сегодня мировая элита продолжает работать

над этим проектом, руководствуясь модернизированным «сверхчеловеческим» мировоззрением. Но никогда не следует забывать, что Ф. Ницше был психически нездоровым человеком, 11 лет провел в психиатрической больнице, где и были написаны известные его произведения (От чего нас хотят «спасти»…, 2001, с. 316).

Психология трансгуманизма имеет много других междисциплинарных аспектов, которые раскрывают тему глобальной психоманипуляции. О некоторых из них мы поговорим в следующем разделе. Я также настоятельно рекомендую читателю ознакомиться с работами, выступлениями, интервью Ольги Четвериковой, – в частности, выделяю ее монографии (Четверикова, 2015, 2016).

6.4. Духовно-нравственная и метафизическая составляющая новых информационных технологий

Психология пользователя сети должна рассматриваться в том числе и с *духовно-нравственной и религиозно-мистической* точек зрения. Уже просто самоотгораживание человека от мира через пребывание в сети «в свое удовольствие», когда «мир за экраном компьютера» становится более реальным, чем мир окружающий, является иллюстрацией актуальности темы. Не должны быть обойдены вниманием и более сложные проблемы – «энергоинформационно-полевые» аспекты взаимодействия человека и «всемирной паутины» (о чем мы уже говорили), а также фактор религиозного опыта пользователей НИТ в широком смысле. Все это выводит исследования психологического влияния НИТ на человека в метафизические ракурсы. Необходимость учитывать традиционные для психологии духовно-метафизические основания в подходе к любому предмету научного рассмотрения была неоднократно показана мною (Гостев, 2007а, б, 2008, 2011а, б; Гостев,

Борисова, 2012). Духовно-нравственная сфера, религиозный опыт, гипотетический конструкт метафизических факторов рассматриваются как важнейшая теоретико-методологическая проблема психологической науки в ее поиске возможностей расширения своего предметного поля и развития методологических оснований, в частности, возвращения в научный анализ метафизических измерений человеческого бытия. В контексте данного раздела книги ограничимся краткими замечаниями, значимыми для понимания духовно-нравственных проблем глобальной психоманипуляции.

Метафизические аспекты виртуализации человеческого бытия

В разговоре на данную тему необходимо уделить больше внимания метафизическому содержанию интроецируемых человеком образов с экрана компьютерных устройств. Значимость учета отрицательного метафизического фактора задается последовательностью психологических понятий: виртуальная реальность – возможная реальность – вымышленная реальность – сфера воображения – искажение в познании высших духовных смыслов (Гостев, 2008; Гостев, Борисова, 2012). Виртуализация субъективной карти-

ны мира выступает стержневым моментом, связанным с искажением духовного познания. Но образы виртуальных миров – это не только ложные образы, скрывающие от человеческой души невидимый «горний мир», но и средство метафизического психоманипулирования душой человека. Напомним, что образы измененных состояний сознания облегчают неосознаваемое людьми вхождение инфернального мира в их жизнь. Для большинства людей невидимый духовный мир в его влиянии на человека является вымыслом, фантазией. Но человеку дана возможность двигаться к познанию высшей реальности, восходить к «видению горнего мира» (согласно святоотеческой традиции, окружающий мир является лишь символом мира духовного)[108].

Главная проблема в рассмотрении виртуализации системы сознания с духовно-метафизических и, в частности, христианских позиций – это осмысление *отчуждения человека от естественного богосозданного мира*. Субъект системы виртуального сознания остается носителем «образа Божьего», удаляющимся от своего Прообраза. Отвержение богосоздан-

---

[108] Напомним, что об иллюзорности восприятия окружающего мира говорит не только святоотеческая традиция (концепция «прельщения»), но и другие духовно-религиозные системы, достаточно вспомнить индуистское понятие «майя».

ного мира подталкивает человека к имитации реальности. Виртуализация внутреннего мира на уровне полного ухода от мира реального означает, что «человек – образ Божий» не желает пребывать в мире, созданном Богом, и отдается миру Фантазии с элементами метафизического содержания. В то же время в духовном смысле виртуализация картины естественной земной реальности («мира дольнего» в христианской терминологии) является признаком ухода от богосозданного мира. В православном осмыслении это равнозначно богоотступничеству.

Итак, *виртуализация человеческого бытия есть отвержение богосозданного мира, которое происходит в измененном информационными технологиями состоянии сознания на основе искаженной нравственности под влиянием отрицательного метафизического фактора.*

Проблема виртуальной реальности в метафизическом плане предполагает ее рассмотрение и в эсхатологическом ракурсе. Построение «бесосотворенного земного рая» и появление нового типа духовной синергии – «человек – инфернальный мир» – было предсказано святыми отцами: «Придет время, когда в жилища проникнут бесы под видом небольшой коробки, а их рога будут торчать на крышах», – говорил святой Косма Этолийский (XVIII в.). Старец XX в. Лаврен-

тий Черниговский предупреждал: «В каждом доме в углу, где стоят и висят сейчас святые иконы, будут стоять обольстительные прилады для прельщения людей. Многие скажут: „Нам нужно смотреть и слушать новости“. Вот в новостях-то и явится антихрист» (Преподобный Лаврентий…, 2001).

В подобном социуме люди перестанут понимать, в каком мире они находятся. И это будет означать крах человеческой цивилизации. Человек замкнется на своем «иллюзорном Я» и иных виртуальных образах, которые, в свою очередь, через «материализацию» будут создавать «объективную» реальность.

С. Строев справедливо рассматривает фильм «Матрица» как метафору-притчу, описывающую современную реальность (Строев, 2005). Показывая угрозу виртуализации, фильм создает фэнтези-симулякр, поощряющий уход в мир грез. Сформированная под воздействием фильма система образов становится мощным каналом внедрения «антихристианского мессианства». Возникает и новый уровень подчинения людей «метафизическому хозяину» – виртуальной реальности. Фильм показывает, как создается не только псевдопредметный чувственный мир для удовлетворения желаний низшего Я, но также мир «социальный», причем прикрывающийся виртуальной демократией под «магическим психоманипу-

лятивным „наркозом“».

Духовно-нравственную составляющую виртуальной реальности несут присутствующие в ней *символические образы.* Прежде всего отметим, что поскольку через символ выражается духовная сила символизируемого, символические образы способны вызывать всплеск энергии и фокусировать ее (Каплан-Уильямс, 1997, с. 53). М. Назаров указывает на другую значимую закономерность: принимая некий символ, человек впитывает мировоззрение, выражаемое им, и соответствующий духовный заряд (Назаров, 2004). Христианский Крест, например, властвует над демоническим миром. Метафизическую отрицательную силу воздействия имеют оккультные символы, например, перевернутая пентаграмма. Символы способны приобщать человека к содержанию символизируемого. «Символ несет смысл идеи, которую он выражает, а идею питает дух. Так через символ осуществляется духовная связь с той духовной сущностью, которую этот символ выражает. ‹…› Люди, принимающие и использующие какой-либо символ, соединяются в соответствующем этому символу духе» (Филимонов, 2003, с. 301).

Вопрос о роли осознания символа в его воздействии на человека неоднозначный. Есть мнение о том, что внешняя имаго-символосфера может ока-

зывать непосредственное влияние на душу человека. Существуют, например, факты о сильном влиянии на «бесноватых» христианских святынь. Это говорит о том, что символы/образы входят в душу человека даже без осознания им этого процесса, воспринимаясь на некоем глубинном уровне. Это влияние, естественно, усиливается осознанием содержания символа и согласия/отвержения символизируемого содержания. Порожденные компьютером виртуальные реальности используют архетипическую символику, различные образы, сила воздействия которых зависит от отношения к ней человека. Следует учитывать преднамеренное и непроизвольное использование людьми символики отрицательного метафизического содержания, отражающейся в его системе сознания и через материализацию, влияющую на окружающий мир. Отметим, что при добровольности контакта человека с символикой (независимо от ее понимания) ее влияние усиливается[109].

Любой образ, извне попавший в душу – через сознание ли или минуя его, как, например, при гипнотическом воздействии, – не исчезает (Гостев, 2007б, 2008). Он оседает в неосознаваемых областях психи-

[109] Действительно, если «вещи зримые – суть явленные образы вещей незримых» (св. Дионисий Ареопагит), взаимодействие с первыми означает взаимодействие со вторыми.

ки, взаимодействуя с различными ее структурами и влияя на человека. Это связано, в частности, с тем, что: а) образы проникают в сферы, недоступные рациональному познанию, б) неосознаваемое выражает себя на языке образов символического содержания, в) существующие в глубинах души прототипические образные формы обладают энергоинформационным потенциалом. Влияние образов может быть и незаметным, но оно есть, и потому все образы способны участвовать в изменении реальности. Но мы также знаем, что актуализация «архаики человеческой психики» не безобидна. Вспомним все, что уже говорилось о «возвращении голливудских фантомов» в реальную жизнь планеты, о психоманипуляциях через экранные образы. Понимание механизма взаимодействия неосознаваемых сфер души, семантики образов и отрицательных метафизических прообразов в невидимом мире раскрывает сущность «войны образов».

Взаимодействие внутреннего мира личности с образно-символической информацией может иметь следующие варианты. Человек может:

• не замечать символы;

• просматривать информацию «по касательной», как-то фиксировать ее без придания ей когнитивной или эмоциональной ценности;

• проявлять внимание к символам в различной степени;

• выражать добровольное согласие или несогласие с символизируемым и соответствующую эмоциональную реакцию на него (симпатию, безразличие, отвержение);

• принимать выражаемые символами идеологические, мировоззренческие и иные ценности.

• использовать символы в жизни, что усиливает приобщение к их содержанию и изменяет внутренний мир человека.

Важно, что один и тот же символ может быть использован метафизическими силами разной полярности. В Библии есть описание (Исх., гл. 7 и 8), как через жезлы – символы духовной власти – действовала и сила Духа Божьего (у Аарона), и сила «духов тьмы» (у волхвов). Обращаясь, например, к символам христианства, человек соединяется с «горним миром». Но использование тех же символов в «христианских» сектах или экстрасенсами (их обращение к иконам за «духовной подзарядкой» известно) не дает этого. Принятие нехристианских символов носителями христианской культуры отдаляет людей от благодати. Воздействие символов в магии описано и в святоотеческой литературе, и в оккультных кни-

гах[110]. Можно найти многочисленные примеры того, как, лишь из любопытства читая оккультный текст, а тем более употребляя заклинания как бы невзначай, человек вызывал отрицательные метафизические силы[111]. Примером выступает и воздействие восточных мантр, которые облегчают принятие конкретного учения.

Сегодня многих людей (причем не только христиан) волнует то, что НИТ социального контроля основаны на «числе антихриста»[112]. Такие представления опираются на идею о том, что использование символики, а тем более добровольное согласие на это (даже субъективно беспроблемное, не затрагивающее совесть), является для христианина прообразом духовного предательства, при котором увеличивается воз-

---

[110] Для понимания влияния архетипической символики на внутренний мир человека могут быть привлечены данные трансперсональной психологии, также говорящей о взаимодействии физической и духовной реальности через энергоинформационный потенциал символики.

[111] В качестве иллюстрации может выступить описанный в святоотеческой литературе случай, когда монах из любопытства почитал гадательную книгу. И как-то ночью перед ним возник «черный исполин», пообещавший исполнить все, что угодно, если монах поклонится ему. Монах ответил отказом. «Зачем же призывал меня, узнавая мои тайны?» – спросил гость, ударил монаха и исчез.

[112] Независимыми экспертизами в Греции, России и других странах доказано, что в основе системы электронного контроля лежит известное апокалиптическое число 666.

можность воздействия на его внутренний мир инфернальных сил. Эту обеспокоенность можно понять, поскольку использование символа является движением в сторону признания его смыслового содержания, которое переходит и на все образы, возникающие у человека по ассоциации. Следовательно, мы имеем многоуровневое соотнесение *прообразов* известных христианской эсхатологии вещей: предательства/отречения и принятия сатанинской символики. Иеродиакон Авель Семенов и Александр Дроздов указывают, что принимающий антихристианский символ на символическом уровне принимает «царство антихриста» (Авель Семенов, Дроздов, 2002, 2006). Иными словами, есть основания гипотетически признать фоновое действие антихристианской символики, искажающей духовное познание.

В Апокалипсисе сказано, что в образ зверя вложен «дух», и люди будут поклоняться иконе/образу зверя, которая будет говорить и действовать. Не говорит ли Священное писание о современном глобальном идоле – «Экране», не указывает ли на телевидение, на видео и всеобщую компьютеризацию, на все современные СМИиК? Доказать, что это не так, трудно. СМИиК могут быть сопоставлены и с «иконой зверя», и с апокалиптическим лжепророком, творящим «ложные знамения» (см.: Откр. 13: 14–15). Священник Ан-

дрей Горбунов отмечает, что слово «икона» в переводе с греческого означает образ, изображение (Горбунов, 2004, 2005). Экран имеет свой «дух» и жизнь; это подвижная и «говорящая» «картинка». В ярких заманчивых образах экран представляет зрителям «мир, лежащий во зле» (1 Ин 5: 19), а также виртуальный мир «демонических мечтаний». Экран называется о. Андреем «звериным образом, потому что за образами стоят незримые отрицательные метафизические силы и их «энергоинформационные послания», внедряемые в зрителей. Многоликий Экран, к тому же, – орудие построения Нового Вавилона. Заметим, что Апокалипсис не говорит о том, что противящиеся «зверю» будут убиты: они будут *убиваемы*, т. е. подвергнутся преследованиям. Речь идет о выборе между «земным» и «Небесным». Примечательно, что в Откровении апостола Иоанна Богослова не сказано, что кто-то будет требовать сознательного отречения от Христа[113], а вот о поклонении антихристу говорится (Откр. 13: 8–12). К настоящему моменту Русская православная церковь признала, что система электронного контроля имеет духовный смысл (история внутрицерковных дискуссий по данной теме хорошо представлены на интернет-странице Константина Гордеева, в тру-

[113] Действительно, в этом случае все было бы ясно и не существовало бы опасности *прельщения избранных* (Мк 13: 22).

дах В. П. Филимонова).

Сегодня отрицательная метафизическая реальность, опираясь на мировоззренческие установки «земного беснующегося мира» и вытекающие отсюда следствия, все теснее соприкасается с жизнью людей, все более открытых мистическим, оккультным идеям. Многие люди пребывают в «тонком богоборчестве». Это происходит через служение апостасийности современного мира, через подверженность глобальной психоманипуляции.

Итак, метафизика виртуализации проявляется в примитивизации сознания человека, в неадекватности оценки духовного смысла происходящего, в уходе жизни общества в сетевые структуры, в торжестве безнравственности, в профанации культуры и религии. Человечество радуется своему уходу в создаваемый им искусственный мир как показателю «прогресса». Оно не задумывается о том, как существовать в виртуальном мире без утраты в себе «традиционно человеческого».

Метафизика «всемирной паутины»

Мы уже говорили о присутствии духовно разрушительных отрицательных метафизических сил в сети – через символику, «лжедуховных учителей», пропаган-

ду реализации желаний низшего Я, через отражение экстремистских идей и проектов переделки мира. В интернете человек может произвольно и непроизвольно контактировать с тем, что обычно называется «потусторонним миром», «тонкоматериальной реальностью», «метафизическими пространствами и силами».

Идея проникновения «темных метафизических сил» в наш мир через экранные образы хорошо показана в фильме С. Спилберга «Полтергейст-1». И современная православная мысль предупреждает, что настанут времена, когда с телеэкранов будут вещать «бесы в образах светлых ангелов» (Филимонов, 2003, с. 208). Интернет как вариант многоликого экрана более явно и широко открывает дверь в «образно-символические пространства невидимого мира» и ставит человека под влияние присутствующих в них сил. Метафизические аспекты взаимодействия человека с компьютером усиливаются наличием в нем источников психотронного излучения (микропроцессор, винчестер и пр.). Интернет является дверью в невидимый мир, через которую возможен приход «нечистого духа».

Иными словами, сеть выступает средой для взаимодействия человека с отрицательными духовными силами, т. е. областью их влияния на его внутренний

мир. Поэтому следует учитывать возможность «тонкого энергоинформационного инфицирования» этими силами. «Энергоинформационным вирусом» могут стать, например, воздействия метафизической символики.

Интересный вопрос – поиск в сети отрицательными метафизическими силами объекта для «инфицирования»: он выбирается по отклику на информацию, активизирующую низменные желания, т. е. по резонированию с греховным в человеке. «Виртуальные стрелки», посетители порно-сайтов и тому подобные пользователи сети со своей стороны также питают эту отрицательную метафизическую сферу через свой резонанс с определенными наклонностями, установками, ценностями. Роль «закона духовного резонанса» во взаимодействии человека с невидимым миром через компьютер подчеркивает значение представленности в памяти компьютера не только «семантики темных сил», но и символов духовно-нравственного содержания. Этот подход характерен для современной православной традиции. Он также имеет аналоги и в других религиозно-мистических учениях. В частности, данную экзотическую тематику изучает часто упоминаемый нами академик РАЕН Е. А. Файдыш, обосновывающий метафизические аспекты «всемирной паутины» с точки зрения восточных подходов в их со-

отнесении с открытиями в области «новой физики». Его исследования, как уже отмечалось, раскрывают *метафизику «психотронно-полевого» воздействия* на людей, в том числе *«техно-магические влияния»* (Файдыш, 2000, 2002, 2013). Он говорит о сложных вирусах на «тонкоматериальных носителях»[114], что объясняет дистанционные воздействия НИТ на людей. Указывается, что принципиально возможно даже магическое кодирование частотой или напряжением тока в лампах накаливания (соответственно, это является каналом влияния через световую уличную рекламу). «Психотронным воздействием» могут обладать не только компьютеры, сотовые телефоны/планшеты в их современной реализации с возможностью подключения к интернету, но и бытовые приборы.

Допущение существования «тонкоматериальной реальности», подчеркивает Е. А. Файдыш, дает новый взгляд на последствия компьютеризации мира. Чем сложнее управляемая система (а эта сложность увеличивается), тем сильнее непредсказуемость ее поведения. Действительно, легко представить последствия отрицательных метафизических воздействий

[114] Такой вирус может попасть в организм с пищей в результате ее магической обработки (поэтому в древности внимательно относились к личности повара). В этой связи понятна озабоченность многих людей относительно импортируемых продуктов питания (Иеродиакон Авель (Семенов), Александр Дроздов, 2002).

на компьютерные сети, контролирующие авиаперелеты, военные объекты и т. п. Но объектом метафизического влияния через НИТ и интернет может стать и групповой субъект, – например, элита конкретной страны, политические силы в ней и т. п. (Файдыш, 2002, с. 359–363).

Итак, чем выше уровень НИТ, тем сильнее отрицательное метафизическое воздействие. Дистанционное воздействие на компьютер, которое становится реальностью, открывает дополнительные возможности для метафизических психоманипуляций в сети. В будущей «глобальной виртуальной реальности они несоизмеримо возрастут (это, например, хорошо описано в фэнтези-романе Юлии Вознесенской «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами»). Психологи в настоящее время, однако, недостаточно обеспокоены энергоинформационным, а тем более – «психотронно-полевым» и «техно-магическим» воздействием, влиянием информационных «пси-вирусов» с демонической символикой на человека и на сообщества людей. Действие деструктивных сил в компьютерных сетях не попадает в сферу научного интереса. В «сетевом обществе» такое воздействие будет только возрастать.

* * *

Актуальность изучения возможностей психотронного манипулятивного воздействия с метафизическим содержанием иллюстрируется возможностями НИТ в создании гигантских мистификаций планетарного уровня. В 1994 г. канадский журналист Серж Монаст обнародовал содержание проекта NASA «Blue Beam»[115] (Shapan, 2011[116]). Проект предполагает сеть запущенных на земную орбиту спутников для создания любого «голографического спектакля». Он будет доступен для просмотра в любой точке земного шара одновременно. На глобальном «сценическом пространстве» с помощью лазерной проекции в разных местах планеты создаются голографические изображения со звуковым сопровождением. Организуется влияние на систему сознания человека с помощью низкочастотных волн, излучаемое со спутников и наземных установок (типа HAARP). Будут задействованы все средства информационного воздействия с целью психической дестабилизации созданием индиви-

[115] Отметим, что вскоре после публикации он скоропостижно скончался от «внезапной» болезни легких.

[116] См. также видеоматериал: http://www.youtube.com/watch?v=3seTlvQtIgc (дата обращения: 28.11.2016).

дуальной и коллективной галлюцинации.

Иными словами, целью проекта Blue Beam является управление сознанием масс как в планетарном масштабе, так и в локальном. Предполагается создание массовых беспорядков в регионах, провоцирование эйфории у людей или паники в войсках противника и пр. Главная же цель проекта заключается в организации гигантской планетарной мистификации – голографической имитации наступления «конца света» и «Второго пришествия Иисуса Христа»[117]. Она мыслилась как огромное шоу в небе – голографические картины «прихода мессии» должны быть видны по всему миру. Но при этом они имеют свою религиозно-культурологическую специфику. Это – «проекции образа универсального Спасителя» – т. е. не только образы Иисуса Христа, но и Мохаммеда, Будды, Кришны и т. д. Каждый человек не только увидел бы «мессианского персонажа» из своей религии, но и услышал бы его на своем языке при помощи специального низкочастотного волнового воздей-

[117] Согласно христианской эсхатологии, в период между Вознесением Христа и Вторым пришествием будут появляться многочисленные антихристы. Но основная подмена будет реализована в конкретной персоналии Антихриста – «откроется человек греха, сын погибели», которого человечество примет как «всемирного царя и бога» на 3,5 года. Заметим также, что «пришествие антихриста» будет с «силою и знамениями, и чудесами ложными» (2 Фес. 2: 3–9).

ствия на людей. Иными словами, «голографическая анимация» со звуковым сопровождением «появится в небе из глубин космоса», и последователи различных религий будут считать, что они «видят и слышат своего мессию». Акцент, однако, планировалось сделать на образах «Пришествия Спасителя»[118] – для христианского мира, к которому формально принадлежит большинство развитых стран. Поэтому изображения «Спасителей» из различных религиозных доктрин как бы объединятся в одной фигуре. И этим персонажем будет тот, кто в Библии называется Антихристом. Именно он разъяснит человечеству религиозные тайны и откроет «новые истины», объясняя, что священные тексты были неверно истолкованы, и потому старые религии сталкивали людей друг с другом. Произойдет дискредитация и переоценка всех религиозных знаний человечества. Для объяснений человечеству того, что их научные исторические концепции, религиозные доктрины были неправильными и извращались столетиями, будут использованы исторические фальсификации. Новые же «историче-

[118] «Спаситель» скажет, что начинается эра «земного царства божьего», и в этой связи все устаревшие религии должны уступить место новой единой религии для всего человечества. В христианской эсхатологии она именуется «религией антихриста». Еще раз заметим, что согласно святоотеческим пророчествам ее появление является признаком приближения реального Второго Пришествия.

ские открытия» подтвердят ошибочность всех прошлых представлений. Предполагалась возможность внедрения и конкретных идей, например, «доказательство» зарождения жизни и человека от «космических пришельцев» или спасение ими человечества. В итоге будет объявлено, что все религии должны быть заменены «религией новой эры». Духовная почва к тому времени будет подготовлена (вспомним то, о чем мы говорили в предыдущей главе).

Все «спектакли» будут сопровождаться «сверхъестественными» явлениями. Элементом проекта является их моделирование. В частности, это будут «апокалиптические события» по пророчествам различных религий. Люди же (к тому времени изрядно напуганные и уставшие от происходящих на земле затяжных конфликтов), находя «подтверждения» религиозных пророчеств своей культуры, примут «правильные» интерпретации к объяснениям всех тайн, предсказаний и откровений прошлого.

Содержанием «голографического спектакля» может стать любой сюжет из популярных блокбастеров. Особое место занимает моделирование инопланетного вторжения, от которого землян спасет «бог», учредив свой «божественный порядок» на земле. Но «мессия» может предложить покинуть Землю и отправиться в «светлые миры». И люди будут склонны под-

даться на эту манипуляцию.

Итак, проект «Blue Beam» соответствует идеологии установления NWO. С помощью НИТ в сознание людей могут быть внедрены любые идеи. Данный процесс будет опираться на виртуальное воплощение содержаний коллективного бессознательного локальных цивилизаций и человечества в целом. Это будет, пожалуй, самым ярким примером глобальной психоманипуляции. Ее результатом выступит раскрутка страхов и агрессивности людей, их желания найти выход. Очевидно, что подобные «голографические НИТ-спектакли приведут к массовому психическому расстройству землян.

Метафизика «сетевого общества»

Что касается этой темы, то прежде всего напомним о наличии оккультных идей в разрабатываемых подходах к объединению мира, которые воплощались уже с конца 1980-х годов. Сеть, например, является одним из основных понятий движения New Age[119]. В

[119] Одним из программных документов «New Age» считается книга «Заговор Водолея» (The Aquarian Conspiracy). Ее автора, Мэрилин Фергюсон, называют одним из виднейших идеологов этого движения. Она рассматривала «сетевые структуры» в связи с «информационными законами Вселенной», тем самым создавая предпосылки для построения «глобальной сети (Ferguson, 1980).

этой связи о духовно-метафизической сущности сетевого общества говорят православные ученые и публицисты, на работы которых мы часто ссылаемся: Т. Грачева, В. Филимонов, К. Гордеев, В. Манягин, О. Четверикова и др. Но есть и другие аспекты, о которых хочется сказать несколько слов.

Религиозный аспект манипулирования политическим сознанием хорошо виден, например, в связи с противопоставлением принципа сетевой организации мира принципам традиционной государственности. Сеть порождает сектантство, питает этно-сепаратизм, взращивает отчужденность в духовно-нравственной и религиозной сферах общества. Духовно-метафизические манипуляции политическим сознанием связаны с уже упомянутыми «психотронно-полевыми» воздействиями на людей информационных «пси-вирусов». Человек же стал нечувствительным к таким воздействиям, приписывая изменения в собственных социально-политических установках и ценностях своему «свободному выбору».

Существует мнение, что психотронное оружие в разных странах применяется против государственных и политических деятелей, против верующих, духовенства. В православном мире это не только обсуждаемая тема. Это реальность для многих верующих, разубедить которых словами «этого не может быть» не

удается.

Сеть, вместе с тем, уязвима для парапсихологических/экстрасенсорных «полевых воздействий» (см., например, книгу «Кибернетик» В. Пелевина). Подобные воздействия на компьютеры изучались еще в 1950-х годах в СССР («Владимирский проект»). Показана ненадежность компьютеров в военных целях (известные исследования Г. А. Сергеева подтвердили это). К настоящему времени известно, что применение определенным образом настроенных и синхронизированных магнитных дисков усиливает парапсихологическое воздействие на выбранный объект. Но интернет содержит огромное количество таких элементов (винчестеры ПК), которые могут быть объединены в некую «глобальную торсионную антенну». «Всемирная паутина» превращается в сверхмощный усилитель «пси-полей», который можно использовать в воздействии на мир.

Цифровая идентификация с грядущей чипизацией также является темой с метафизическим содержанием. Эта проблема до недавнего времени игнорировалась, умалчивалась как в церковных, так и в светских кругах. Между тем, в среде некоторых православных христиан есть обеспокоенность возможностью «лечения» веры информационным воздействием через чипы. В святоотеческой терминологии чип играет роль

«контролирующего и внушающего беса». Люди, например, опасаются получения в подсознание установки на принятие ценностей и норм жизни антихристианского «Нового Вавилона». Отсев «граждан нового мира», как уже указывалось, будет определяться принятием человеком NWO. И беспокойство вызывает, не позволит ли микрочип устранять неугодных, передав команду на остановку сердца или дыхания, что технически уже возможно. Добровольная же чипизация в мистическом смысле означает принятие власти «падших духов» над собой. Но для истинного христианства принять «транснациональное сетевое общество» с наднациональным правительством, электронным социальным контролем, прозрачностью личной жизни в религиозном смысле означает отказ от истинной богоданной свободы, традиционных ценностей своей культуры, вступление на путь расчеловечивания. Метафора «мирового компьютерного концлагеря» интересна и в связи с предсказанными трудностями «поднадзорной жизни» истинных христиан в «царстве антихриста», о чем мы уже говорили.

Метафизика неочеловечества

В этой теме подчеркнем прежде всего то, что «киборгизирующийся человек» вряд ли будет догады-

ваться о том, кто он есть с духовно-нравственной и религиозной точки зрения. Он также вряд ли усомнится в идеях «прогрессивности неочеловечества», состоящего из homo-киборгов с новыми психофизическими возможностями. Но мы уже отмечали озабоченность людей относительно генетико-технического переустройства человека. В какой мере «homo-биороботы», соединенные с компьютером и другими достижениями НИТ типа электронных имплантантов, останутся созданием Творца и сохранят качество «образа Божьего»? Будет ли новая природа человека обладать этим божественным достоинством или «homo-биороботы» будут уже существами с иной онтологией? В виртуальном мире глобального киберпространства человечество будет существовать в созданном с помощью инфернальных сил искусственном мире, к которому «человек – образ Божий» вряд ли приспособится, не утратив данной сущностной характеристики. Здесь уместно еще раз напомнить, что духовно-нравственной основой сетевой цивилизации выступает антихристианство. С православно-христианских позиций мы видим реализацию богоборческого замысла: человек осознанно стремится избавиться от онтологии своего естества не путем исправления его искаженного состояния, а подавляя человеческое в себе с помощью НИТ.

Еще раз отметим, что создание «нового сверхчеловечества эры Водолея» опирается на сочетание, с одной стороны, оккультно-магических идей и подходов, связанных с различными проявлениями отрицательного метафизического фактора (например, с аморальностью имаго-символосферы общества, с подпиткой психофармакологических зависимостей), и, с другой стороны, современных технологий, в частности, генной инженерии, евгенического опыта по клонированию и созданию «искусственной жизни, совершенствованию нейропротезов органов тела. Научное внимание к манипуляции с генами, яйцеклетками и т. п. понятно, исходя из учета метафизических позиций. Создание человекоподобной телесной оболочки, имеющей функции человеческого организма, но свободной от души в ее онтологии «образа Божьего», облегчает материализацию инфернальных сил. Генетические разработки для отрицательных метафизических сил становятся предельно привлекательными. Святоотеческая мысль говорит о желании демонов испытать плотские удовольствия. Это всегда, если так можно выразиться, создавало их мотивацию к овладению телами людей (т. е. к «вселению/ подселению»), а сегодня стимулирует научные разработки по клонированию. Отрицательные метафизические силы не могут сотворить телесно-душевно-*духовный* ор-

ганизм: им доступно лишь создание телесного муляжа. Цель клонирования руководитель одной секты определил недвусмысленно – создание «живых машин во плоти» (подробнее см.: От чего нас хотят «спасти»…, 2001, с. 321). Это в определенном смысле проясняет и психодуховный статус клонированных людей, и нравственный аспект данного вопроса.

Перспектива появления «демоно-человечества» на основе сочетания магии и современных НИТ, согласно мнению ряда светских и религиозных православных авторов (К. Ю. Гордеев, Т. В. Грачева, М. М. Дунаев, иеродиакон Авель (Семенов), иеромонах Анатолий (Берестов), иеромонах Серафим (Роуз), Георгий Мандзаридис, священник Андрей Горбунов, В. П. Филимонов, О. Н. Четверикова), может оказаться реальностью уже для ближайших поколений. Постепенное и незаметное для многих духовно-нравственное вырождение и превращение людей в управляемое «стадо» за счет совершенствования методов манипуляции системой сознания – это и есть движение в указанном направлении. Идеология построения NWO основывается на идеях, допускающих появление новой расы с помощью НИТ (см. диаметрально противоположные позиции по данному вопросу: Рябинин, 2009; Андрей Горбунов, священник, 2005, Атали, 1993, Kurzweil, 1999). Воздействие отри-

цательного метафизического фактора, действительно, направлено на создание «сверхчеловека эры Водолея», обладающего паранормальными способностями. С позиций православно-христианской традиции появление такой особи предвидится и понимается как трагическое превращение человека в, условно говоря, «бесочеловека» – Homo satanicus, сопоставимого со «сверхчеловеком» Ф. Ницше, Е. П. Блаватской. На светском уровне в гуманитарных науках уже в 1980-е годы А. И. Неклесса говорил о появлении т. н. «негантропа», обладающего данными качествами. Подобные утраты «человеческого в человеке», действительно, могут произойти при отходе людей от нравственного закона. Однако святоотеческая традиция особо подчеркивает, что обретенное при этом деструктивное для личности, отрицательно-духовное ее состояние не лишает человека «образа Божьего» в нем. Данный образ невозможно потерять ни при каких условиях. Человек может лишь не двигаться в своем развитии к богоуподоблению. Homo-satanicus, следовательно, надо понимать лишь как обличительную метафору, напоминающую человеку об опасностях утраты духовно-нравственного здоровья.

Мы уже говорили об идее обретения «личного бессмертия», достигаемого перезаписью содержимого внутреннего мира человека в компьютер. Но свято-

отеческое знание позволяет понять, что душа онтологически и субстанционально – не «файл», который может переноситься. Неясно и то, как в «цивилизации бессмертных киборгов» будет действовать Промысел Божий.

Но, пожалуй, главное, что не осознается современным человеком в его движении к «неочеловечеству» через совершенствование НИТ, – дерзостное взятие на себя роли Творца. На основе известной из Священного Писания претензии «стать как боги» человеку стало казаться, что он способен быть «творцом» нового мироздания. В этом духовном прельщении люди отвращаются от духовных законов мироздания и строят новую реальность – и виртуальную, и физическую. Человек начинает стремиться преобразовать Природу/Реальность, разбирая материю на «кирпичики» (например, коллайдерами), а потом собирая их в «нужном», по своему усмотрению, порядке. Становится понятным желание создавать искусственные тела, межвидовые гибриды, осуществлять генетическую коррекцию биологических объектов и нанотехнологическую сборку объектов физических, развивать сверхчеловеческий искусственный интеллект на основе симбиоза людей с НИТ. Человек поверил, что бионанотехнологии позволят ему управлять и своим организмом, и окружающим миром. Призывая оп-

тимизировать человеческий геном, он берет эволюцию в свои руки. Именно на этом ложном понимании прогресса, развития личности и разворачивается процесс создания «нового киборг-социума», «цивилизации негантропов», которая представляется способной изменять пространство и время, творить новые миры, спонсировать безграничность существования псевдо-людей.

Глобальная психоманипуляция движется к своему апофеозу. Посмотрим, как она проявляется в основных областях приложения информационно-психологических воздействий.

Глава 7. Основные сферы современной глобальной психоманипуляции

В данной главе обозначены актуальные задачи изучения манипулятивных информационно-психологических влияний на личность в идеологическом, социально-политическом, экономическом и иных видах глобального проектирования. Каждый из этих аспектов имеет свою психологическую тематику, тесно завязанную на проблеме коренной реорганизации системы сознания человека. По сути, речь идет об областях, в которых происходит переформатирование отношений личности и общества. В этих областях глобальная психоманипуляция имеет свои актуальные задачи в рамках тенденций создания нового глобального социума. Согласно идеям мондиализма, NWO будет создан на основе единства – политической системы и органов мирового управления, общемирового судебного органа, валюты, системы налогообложения, универсальной мировой религии. Ставятся и более конкретные задачи:

• создание наднационального «центра планетарного управления и согласования»;

• установление наднационального контроля над планетарными ресурсами;

• уменьшение численности населения планеты;

• установление социального контроля над сознанием/поведением людей за счет психоманипуляций, примитивизации образования, НИТ, био- и химиофармакологических воздействий (ГМО, искусственные вирусы, вакцинация и др.);

• концентрация «элитарной жизнедеятельности» (новых технологий, науки и образования и пр.) в зонах, отделенных от хаотизированного мира.

Эти идеи следовало бы соотнести с показателями неадекватности современных социальных представлений о глобализме, о которой мы уже говорили. Она проявляется, например, в бытовании представления о наступлении на Земле некой «новой постхристианской эпохи», образа человечества как «плавильного котла» народов, рас, культур и т. п. Заметим попутно, что именно этот образ питает представление о необходимости создания единого центра мировой власти во главе с единым «президентом планеты», выступающим также в роли религиозного лидера всех землян. Отметим и широко распространенное мнение о необходимости и неизбежности глобализации. Но наибольшей иллюзорностью, пожалуй, обладает

представление о том, что в NWO все государства и народы будут обладать равными возможностями, что наступит всеобщее процветание. Поговорим в данной главе о всех подобных «нестыковках».

7.1. Манипулирование образами мировой политики

Начнем с одного из главных оснований для психоманипуляций в области глобальной политики – идеи многополярности мира в ее противопоставлении однополярному миру во главе с США.

N-полярность мира

Профессор международных отношений Амитав Ахария (Ахария, 2014), например, сравнивает новый миропорядок с мультиплексным кинотеатром: множество кинозалов внутри одного комплекса, в которых идут самые разные фильмы. У аудитории есть большой выбор, и ни один режиссер не захватывает ее внимание надолго. «Мультиплексный мир» состоит из множества взаимосвязанных участников (стран, международных институтов, транснациональных корпораций и пр.). Идея мультиплексного мира хорошо иллюстрирует роль виртуализации современной геополитики, раскрывает идею «общества спектакля». Тем не менее, основные объективные моменты в мировой политике социальной и политической психологии надо знать для формирования образа геополитики,

более адекватного представления об информационно-психологических войнах на этой сцене.

Прежде всего, несмотря на эвристичность идеи мультиплексности, важно понимать, что реальной многополярности мира пока нет. Существует достаточно явный полюс «коллективного Запада» во главе с США (предстоит решить вопрос о включении в этот полюс Японии и других высокотехнологичных незападных стран, например, Южной Кореи). И есть страны, стремящиеся выйти из-под американского диктата. Их интеграция (например, в рамках БРИКС) способна создать многокультурный полюс с политическим влиянием на мировой сцене. Это возможно, тем более что у полюса «коллективного Запада» за последние годы возникли проблемы. Разрушению исторической Европы начинают противостоять региональные и национальные общественные и политические структуры, выступающие против текущей версии «нового мирового порядка». «Евроскептицизм» в 2015–2016 гг. набирает обороты не только в ряде стран Восточной Европы (например, Польша, Венгрия), но и в «базовых» европейских странах (например, Франция). По признанию аналитиков, кризис беженцев, похоже, сильно ударит по политкорректному и толерантному европейскому политическому сознанию. Как минимум, это не будет способствовать

ускорению европейской интеграции. Понятно, что поле политических манипуляций увеличивается. Особенно если признать, что игроками на нем выступают и внеевропейские силы национального (США и неевропейские представители «коллективного Запада») и наднационального уровней[120]. Тем не менее, возникшие трудности глобализации не позволяют говорить об отмене проекта однополярного мира. Геополитическим оппонентом многополярности остается однополярный мир, строящийся на основе североатлантической цивилизации с конвергенцией национальных элит США, ЕС, с привлечением национальных элит других стран (обычно политологи связывают этот полюс с «новым Севером»). Существуют также страны, обладающие псевдогосударственностью, характеризующиеся криминальностью или социальной турбу-

[120] Политолог О. Н. Четверикова, например, указывает, что объединение европейских промышленников, связанное с теневыми структурами, существует с 1983 г. Французский журналист Эммануэль Ратье раскрыл механизмы управления Францией. В частности, он описал парамасонскую структуру «Век» (Siècle), созданную в 1944 г. для консолидации французского крупного бизнеса, финансистов и журналистов. Данная организация собирается ежегодно и решает многие вопросы политической жизни Франции. Существует также Трансатлантическая политическая сеть, которая объединяет крупнейшие транснациональные корпорации Европы и США. Целью является принятие Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, которое ставит ЕС под контроль транснационального бизнеса. Естественно, подготовка его осуществляется на теневом уровне (Антикрестовый поход, 2015).

лентностью общественного бытия («глубокий Юг»). Но они не являются строителями многополярного мира и могут быть включены в проект однополярного мира как его сырьевой придаток.

Следует обратить внимание на некоторые явные противоречия в социальном восприятии современной политики, на которых строятся информационно-психологические операции. Например, много говорится о сохранении территориальной целостности государств, в то время как в реальности происходит уменьшение их реального суверенитета. Декларируется тезис о принципиальной неспособности национальных правительств справиться с политическим хаосом – с терроризмом, этническими и религиозным конфликтами. И на этой основе нациям, государствам помогают разрушаться[121]. Осуществляется финансирование одних вариантов этносепаратизма и осуждение других как очагов терроризма. Наряду с тенденцией снижения роли государственного управления обществом происходит «перекачка» властных полномочий на наднациональный уровень. Во многом это является результатом манипуляции общественным со-

[121] Это наблюдается в последние 20–25 лет, например, на постсоветском пространстве, в частности, на Украине, на территории бывшей Югославии, а также в Ливии, Сирии. Суверенитет стран ЕС – отдельная тема.

знанием с точки зрения принижения роли государства. За последние десятилетия мы видим усиление наднациональной власти в мировой политике, усиление транснациональных корпораций, укрепление международных организаций (ООН, Всемирный банк и Международный суд и пр.). В мировой политике существуют и другие тенденции (скрытые и явные), осознание которых помогает человеку двигаться к более адекватным представлениям о геополитических процессах. Например, это кризис демократии в традиционном западном понимании, о чем много говорится в данной книге. Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия доказали нежизнеспособность экспорта демократии и идеи унификации одинакового для всех стран «западно-подражательного исторического пути».

Элиты и государственный суверенитет

Характерная черта образа современной мировой политики – возрастающая отстраненность национальных элит от интересов своих народов, пребывание их между национальными и международными центрами власти. Элиты все более открыто демонстрируют дистанцию от своей национальной «почвы». Об этом говорят многие эксперты, например, профес-

сор А. С. Панарин (Панарин, 2000а, б, в). Он отмечает, что создание «субъекта глобальной политики» в большей мере происходит «за спиной народов». И в изучении восприятия людьми геополитики этот фактор нужно учитывать. Глобализм-проект предполагает демонтаж сложившихся форм национальной самоорганизации. Люди не получают адекватной информации о том, насколько *реально* суверенными будут государства в новом мироустройстве, не станет ли их независимость лишь элементом «глобального спектакля».

Отметим, что за последние 15–20 лет представления о глобализации сильно менялись. Процесс постепенно переходит к этапу «снятых масок» – становится все более явной идея силового доминирования «глобального Нового Вавилона», стремящегося к разрушению национальных суверенитетов. Идею уничтожения национальных государств мы видим в марксизме, анархизме, социал-демократии, в идеологии либерализма, а также в масонстве. В итоге при сохранении тенденции к десуверенизации стран строящийся «глобальный социокосм» предстанет миру элитарным и жестко иерархичным. И тогда актуальным станет психологический вопрос: насколько восприятие уходящего старого мира, его «остаточного демократического фасада» будет зависеть от степени «отманипулированности» человека.

Между тем, надо отметить, что в последнее время обсуждение тенденции ослабления национальных суверенитетов на фоне мировых событий немного поутихло. По крайней мере, об этом стали меньше говорить политики, политологи, публицисты, участники интернет-форумов. Иллюстративны примеры со странами ЕС (Италия, Испания, Венгрия и др.), особенно в связи с кризисом 2015 г. в Греции. И в представлениях людей, реализующих принцип активного аналитика информационных воздействий, возник вопрос: что это? Естественный объективный поворот в геополитических процессах, требующий поиска образа новой архитектоники мира? Срыв некоего предыдущего глобального политического проектирования? Пауза, вызванная сопротивлением народов, конкретных людей, и связанная с перегруппировкой сил? Поиску ответа может помочь социальная и политическая психология.

Интересными объектами изучения должны стать *образы планетарных центров силы*. В исследовании данных представлений важно учитывать, что в процессе становления новой геополитической реальности взаимодействие всех ее элементов происходит как на публичном уровне, так и на уровне «теневом», «подковерном», предполагающем «закулисное» взаимодействие. На сегодня в образе системы управле-

ния «планетарным социумом» просматривается отражение: а) *монополярной* тенденции, доминирующей над интересами традиционных субъектов международного права (государств), б) *многополярной* тенденции образования в мире политических центров силы из традиционных государств, в) тенденции надгосударственной – *«сетевой»,* выражающей интересы различных социально-политических и экономических транснациональных проектов/субъектов. Транснациональный вариант тяготеет и к однополярности (связь корпоративных интересов с доминированием США в мире[122]), и к многополярности в зависимости от идеологических, политических, экономических и иных интересов. Он может видеться как сочетание многополярности и однополярности «мирового элитарного закулисья».

Отметим, что политические представления людей все чаще отражают тенденцию многополярности в борьбе с однополярностью американоцентрического мира, который начал давать сбои. Возникли тенденции, которые многие называют деглобализацией.

Действительно, в нулевые годы усилились позиции

---

[122] Политика США направлена на сохранение глобального лидерства с превращением американских транснациональных корпораций в ведущих субъектов мировой политики, стоящих над национальными государствами.

сторонников многополярного мира. До этого у многих людей было представление о том, что мы уже живем в однополярном мире, возглавляемом единственной сверхдержавой. Кто-то от счастья принадлежать заокеанскому хозяину впал в социальную эйфорию, кто-то просто согласился с перспективой американо-центрического мира, кто-то был против. Но события в Ираке, Афганистане, обострение противоречий между США и странами ЕС, успехи Индии, Китая, других стран Азии, наконец, ситуация в России поставили под сомнение представление об однополярном будущем человечества. В мире усилился антиамериканизм, а это ресурс и для манипуляций политическим сознанием в глобальном масштабе, и для повышения адекватности социального восприятия. Деструкция образа неизбежного доминирования в мире «коллективного Запада» позволяет людям отвергать тезис о том, что «глобальный социум» является закономерным продуктом «естественного» многовекового преобладания Запада. Уже в 2007 г. в Мюнхене Владимир Путин говорил о навязывании США миру своих экономических, политических, гуманитарных представлений (эта тема с новой силой зазвучала из уст президента России с 2012 г.).

Итак, глобальное поле геополитической информационно-психологической войны дает простор для са-

мого широкого спектра психоманипуляций с политическим сознанием людей. Это связано с индивидуальным выбором человеком и выбором групповыми субъектами «образа полярности». Но надо быть реалистичным и отдавать себе отчет в том, что представлениям/чаяниям о многополярности мира все же по-прежнему противостоит сила представлений об американоцентристской модели планетарного социума[123]. Пока столь же явны и расширение зон национальных интересов США до общепланетарного уровня, и их силовые претензии контроля над миром. США по-прежнему стремятся стать «глобальным городом», окруженным «странами-провинциями» различной степени зависимости[124]. Распад социалистического мира породил представление о глобальной ответственности США (за экспорт демократии и т. п.). Этот образ, однако, трансформировался в образ «допустимости господства над миром». Тем американцам, которые воспринимают свою политическую си-

[123] Отметим, что в России прозападность сознания людей, особенно в элитарных слоях общества и среди значительной части интеллигенции, видна отчетливо. А это означает внутреннее согласие (и даже желание) жить в однополярном мире.

[124] Это интересная геополитологическая метафора (А. И. Неклесса), поскольку такое явление в принципе сопоставимо с воссоздаваемой в апокалиптические времена (по православно-христианским пророчествам) неоязыческой Римской Империей – «Новым Вавилоном».

стему как идеальную, которые слепы к ее недостаткам, трудно понять, почему народы сопротивляются внедрению американского социального идеала. Отметим, что это сопротивление людей питается и тем, что мировая политика все чаще напоминает реконструкцию феодального мира. Об этом, например, хорошо пишет историк и политолог А. Фурсов. М. Делягин также отмечает, что сегодня глобальные монополии, стремясь блокировать технологический прогресс ради увековечивания своего доминирующего положения, задают путь, ведущий к архаизации общественных отношений. Современный либерализм, по его мнению, является идеологией глобального бизнеса, враждебной человеку.

Главной тенденцией в *образах новой мировой политики* как объектах информационно-психологического воздействия, на мой взгляд, является новая централизация власти с новыми официальными и неформально-теневыми субъектами глобального управления. Планетарная ситуация все более определяется оппозицией «стран золотого миллиарда» и «стран-изгоев». Снижение роли национального государства ведет к «транснациональному тоталитаризму», прикрывающемуся «демократическими ценностями». США все чаще воспринимаются базой наднациональной власти, стремящейся контролировать

мировые ресурсы. В «новых центрах власти» начинают доминировать непубличные цели и решения, для реализации которых декларируемая защита прав человека служит лишь «дымовой завесой». И в этом заключается важный аспект *виртуализации политической жизни планеты*. Лишь преодолев ее, человек сможет ответственно ответить на вопрос, каким он хочет видеть мир: основанным на партнерстве уважающих себя носителей национального/ государственного суверенитета или подчиненным наднациональной власти со специфической новой идеологией. В то же время приходится считаться с тем, что, имея гражданство одной страны и дорожа им, люди жизнедействуют и на территориях иных государств, и в транснациональных пространствах. Вектор на подобную «мульти-гражданственность», включая самоидентификацию с «гражданином мира» и одновременно со своей страной, ставит много интересных вопросов перед психологической наукой.

Отметим, что становлению «мирового государства» мешают пока: а) внутренние противоречия внутри глобальных финансовых кланов (это неизбежно при дележке ресурсов планеты); б) патриотические силы внутри государств, и в) гипотетический для позитивистской науки метаисторический фактор – Промысел Божий.

Итак, относительно области геополитики исследователю соответствующих социальных представлений должно быть ясно, что изменяется вся архитектура внешнеполитических отношений, создаются новые союзы, разрушаются государства. Новые реалии ломают стереотипы социального восприятия. Вокруг этих процессов и происходит локальная, региональная и глобальная манипуляция сознанием.

Важный аспект изучения *непроизвольных* политических манипуляций связан с *взаимообменом иллюзорными представлениями* участниками политических игр. Мировые лидеры, в частности, не видят своих иллюзий, а замечают лишь заблуждения политиков других стран (см. например: Трейсман, 2014). Возникает проблема психологического осмысления формирования подобных заблуждений под влиянием различных факторов. К ним относится в том числе и непубличная политика транснациональных структур, и отражение ее влияния в сознании политических лидеров стран, их элиты, т. е. речь идет о системе иллюзорного политического сознания на всех уровнях «геополитических разборок».

Отдельным аспектом проблемы является понимание влияния индивидуально-психологических и личностных особенностей мировых лидеров на порождение подобных заблуждений, самообмана, недаль-

новидности и т. п. В частности, мне было бы интересно познакомиться с работами по изучению проекций политического сознания политиков в зависимости от специфики их индивидуальной системы защитных механизмов. Надо всегда помнить, что иллюзорные образы также способны влиять на реальность, участвовать в ее построении. Жанр психологических портретов мировых политиков должен развиваться.

Предметом психологического изучения должна стать *психология космополитизма* – идеология и психология «мирового гражданства», проповедующая отказ от национальных традиций, от патриотизма. Важнейшим классом представлений о политической реальности становятся образы противостояния глобальной идентичности людей их традиционной государственной идентичности. Эту проблему следует рассматривать на индивидуальном и групповом (различного масштаба) уровнях. Речь, конечно, идет лишь о преобладании данных классов социальных представлений, поскольку в чистом виде государственно ориентированной власти в мире не существует. Но ориентация на национальный суверенитет формирует у людей установку на его сохранение, что обеспечивает защиту национальной и религиозной идентичности. Т. Грачева подчеркивает, что традиционно русский народ – это сообщество государственно ориен-

тированных личностей. Но сегодня, к сожалению, мы не видим сильного проявления данной черты национального менталитета.

Следующий аспект рассмотрения касается некоторых исторических параллелей в современной политике. Для человека, борющегося с манипуляциями его политическими установками, интересны подсказки о том, что полезно видеть в современной политике, исходя из знания истории. Исторический опыт, в частности, показывает, что мировая элита использует войну и ее последствия для трансформации экономических, социальных и политических структур. Познакомимся в качестве примера с некоторыми идеями уже известного нам историка и политолога Андрея Фурсова (Фурсов, 2013, 2016).

На рубеже XIX–XX вв. Великобритания, указывает он, в лице своей элиты была мировым финансово-политическим сообществом, организованным в закрытые наднациональные структуры (клубы, ложи, «общества круглого стола» и т. п.), нередко скрепленные семейными связями. Данным мировым субъектом была поставлена, в частности, задача установить контроль над ресурсами России, ослабив европейские империи. Частной задачей было уничтожение немецких закрытых наднациональных структур. Создать на месте разрушенных империй несколько мел-

ких легко управляемых государств, которые не мешали бы формированию некоего единого европейского политического образования и мирового органа финансовой власти. Взять под полный контроль мировые деньги, в частности, финансы США (в 1913 г. была создана ФРС). Средством решения перечисленных задач стала Первая мировая война.

А. Фурсов подчеркивает, что спустя 100 лет мы наблюдаем те же тенденции создания тотального контроля над миром. Но в последние десятилетия мы видим лишь внешний триумф глобализма. Капитализм в виде глобальной системы исчерпал свое физическое пространство. От экстенсивного развития он должен перейти к интенсивному, что означает необходимость деиндустриализации, депопуляции, дерационализации человечества. Глобализация должна стать средством создания нового посткапиталистического социума, который призван сохранить власть и привилегированное положение мировой элиты. А для этого необходимо обеспечить контроль над ресурсами, психосферой и, что особенно важно в условиях эколого-климатических угроз, над территориями, которые останутся стабильными и ресурсообеспеченными в ближайшие столетия (а это Россия).

Средством противостояния глобализации, по мнению А. Фурсова, могут стать «имперoподобные об-

разования» – крупные по территории и численности населения (250–300 млн) структуры. Эти структуры можно считать новым субъектом стратегического действия Их ядро составят армия, ВПК, спецслужбы, научно-технический сектор, перестроенные в соответствии с задачами противостояния глобализму и комбинирующие иерархический и сетевой принцип организации. Империоподобные образования должны строиться на основе социальной справедливости и отрицания идеи «столкновения цивилизаций», реализация которой приближает «конец истории» (кризис с беженцами в 2015 г. относится к этой теме – *А. Г.*). В то же время А. Фурсов предполагает, что победа над «капиталистическим глобализмом» породит эпоху «воюющих царств».

7.2. Манипулирование образами глобальной финансово-экономической системы

Изучение манипулирования подобными представлениями ставит свои интересные вопросы, имеющие отчетливое психологическое содержание. Экономическая информация является одним из самых мощных психологических воздействий, тем более что она подается на в значительной мере малопонятном профессиональном языке. Сведения о сложных финансово-экономических закономерностях, управляющих «глобальным рынком», способны кого-то подавлять авторитетом, кого-то завораживать, кого-то ставить в тупик. Например, встречается идея о том, что глобализация должна стать не хищнически капиталистической, а «с человеческим лицом». Но как это совместить с тем, что глобализация по самой своей сути выражает интересы глобального бизнеса, чуждые идеям альтруизма, «слепые» к бедам и проблемам конкретного человека? Также отметим, что многие люди в различных странах под влиянием современных экономических концепций могут не задаться вопросом, насколько глобальная экономика подрывает ре-

альный национальный суверенитет.

Система глобального управления миром предполагает тотальный контроль над экономикой и финансами. Завершается становление «глобального капитализма», свободного от государственных ограничений. Послевоенный «золотой период» «демократического капитализма», связанный социальными обязательствами перед обществом, исчерпал себя еще к середине 1970-х годов. Глобализм-проект декларирует полную независимость капитала от обязательств по отношению к странам и обществам. На смену мировой экономике как взаимодействия национальных хозяйств приходит иная геоэкономическая модель[125].

Контрманипулятивный потенциал личности должен питаться сведениями о том, что: а) государства постепенно теряют возможность защищать свои ресурсы от транснационального разграбления, б) глобализм-проект направлен на ослабление всех инструментов, мешающих беспрепятственному вывозу национального

[125] Ее нижний уровень предполагает добычу природных ископаемых и их использование. На следующем уровне производится интеллектуальный продукт и происходит его высокотехнологичное освоение. На высшем транснациональном уровне находится система управления геоэкономикой, направленная на получение прибыли в результате контроля над экономической деятельностью в масштабе планеты и тотального налогообложения (Глобальное сообщество. Картография…, 2002, с. 42).

капитала. Глобальная экономика, иными словами, не допускает защиты национальных интересов. Отметим, что тезис о правах народов на их природные богатства изъят из многих международных программ. Это закономерно, ибо национальные ресурсы должны быть инвентаризированы для «глобального налогообложения». Чем богаче некая страна, тем больше на транснациональном уровне желание отнять ее ресурсы под флагом новой мировой экономики. И человечеству навязывается тезис о расточительности национальных экономик. Это декларируется при известных цифрах об энергозатратах и загрязнении планеты со стороны Запада, особенно США.

Представления людей о новом состоянии мировой экономики должны отражать тот факт, что борьба с барьерами в сфере торговли и финансов означает следование стран под транснациональное управление. Возникают *экономические координаты глобальной империи*. Конструируется мир, подчеркивает в своих работах профессор А. С. Панарин, в котором партнерство подменено делением на «расу господ» и «расу неприкасаемых». Действительно, проект глобализации предполагает даже исключение «нерентабельного», экономически неэффективного населения. Один из идеологов глобализации Ж. Аттали прямо говорит (Аттали, 1993), что в новом мировом порядке будут

победители и побежденные, на которых никто не станет обращать внимания.

Итак, для проведения адекватных социально- и политико-психологических исследований необходимо знание о том, что мировая экономика трансформирует под себя мировую политическую систему, которая, в свою очередь, начинает обслуживать глобальный бизнес. Глобальный социум (равно как и конкретные общества) постепенно преобразуются в кастовую структуру. Возникают географические «оазисы для элиты», агропромышленные регионы и территории управляемого и неуправляемого хаоса.

Отметим также, что значимой характеристикой образа современной экономической ситуации выступает сдерживаемый масштабный глобальный финансово-экономический кризис, который поставит перед психологией много проблем. Этот кризис во многом обязан и объективным причинам, – в частности, переходу человечества к шестому экономическому укладу, при котором снижается и переоценивается значимость труда. Это обострит экономические и социально-политические противоречия и на глобальном, и на национальном уровнях. Столкнутся традиционные и новые ключевые социально-политические и культурные идеалы, ценностные приоритеты, нравственные нормы.

Иллюзии «свободного рынка»

Иллюстрации таких иллюзий мы находим в книге экономиста Джона Перкинса «Исповедь экономического убийцы» (Перкинс, 2012). В ней раскрываются «тайные пружины» мировой экономической политики. Подчеркивается, что старые представления о саморегулировании рынков и о минимальности государственного вмешательства неадекватны не только современности, но и временам прошлых десятилетий.

Книга представляет собой автобиографический рассказ о деятельности особой секретной группы «экономических убийц», призванных работать с высшими политическими и экономическими лидерами интересующих США стран мира. Именно «экономические киллеры» строят глобальную империю. Это элитная группа, которая использует международные финансовые организации, чтобы создать ситуации, в которых другие страны становятся подвластными мировой корпоратократии – системе власти, в которую входят крупнейшие корпорации, правительство и банки США. В качестве примеров описывается деятельность киллеров в Индонезии, Панаме, Саудовской Аравии, Ирае, Колумбии и др. Показано, к чему приводило сопротивление данной программе: отмечается

неслучайность несчастных случаев, в результате которых погибали в катастрофах президенты стран (например, Хайме Рольдос, президент Эквадора, и Омар Торрихос, президент Панамы), выступавшие против навязываемой им непубличной экономической политики.

В книге Дж. Перкинса рассказывается, как экономические средства используются для продвижения политических интересов США. Лидерам стран, в чьей политической лояльности или природных ресурсах заинтересованы Соединенные Штаты, навязываются «кредиты для развития инфраструктуры». Главное условие состоит в том, что осуществление подобных проектов должно вестись инжиниринговыми и строительными фирмами страны, дающей кредит. Страна-должник обязана выплатить долг с процентами. Полный успех предполагает объявление дефолта через несколько лет. Лидеры стран оказываются пойманными в ловушку долгов, которая гарантирует их лояльность для удовлетворения политических, экономических или военных интересов США[126].

---

[126] Например, правительству Эквадора предлагался следующий проект: с каждых 100 долларов от сырой нефти, добытой в стране, нефтяные компании получают 75 долларов. Из оставшихся 25 долларов 3/4 идут на выплату иностранного долга. Большая часть остатка покрывает военные и другие правительственные расходы. Лишь 2,5 доллара идут на здравоохранение, образование и программы помощи бедным.

Автор также поясняет, что работа экономических убийц – только начальная из мер, направленных против привлекательных для Америки стран. Если экономические киллеры терпят неудачу, то в дело вступают другие силы и люди. Когда они появляются, главы правительств свергаются или погибают в «несчастных случаях». Если же и здесь неудача, то американцев «посылают убивать и умирать».

Описанное Перкинсом косвенно подтверждается данными новой мировой экономики, – в частности, теми, которые приведены в нашей монографии. Напомним, что система различных фондов в 1990-е годы щедро финансировала пропаганду неолиберализма и подготовку «пятых колонн» в широком политическом спектре во многих странах. Большую роль в экономическом расслоении стран в 1970–1980-е годы сыграли навязанные странам третьего мира реформы «от МВФ». Экономический рост в этих странах стал ниже. В их экономики пришел криминальный сверхрентабельный бизнес (торговля наркотиками, человеческими органами и т. п.). Страны доводились до кризиса, национальные ресурсы приватизировались и скупались по дешевке (Мексика – 1994–1995 гг., Аргентина – 2001 г., Юго-Восточная Азия – 1997–1998 гг.). Экономика ведущих стран росла за счет слабых стран. Делались многомиллиардные состояния, обогащаю-

щие национальную и глобальную элиту (кризис в Мексике породил 24 миллиардера, дефолт 1998 г. в России – 38).

Некоторые грани виртуализации современной финансово-экономической системы

Известно, что оборот виртуального банковского капитала сегодня многократно превышает реальное производство. Возникла спекулятивная экономика «делания денег» – финансовых игр, не связанных с производством товаров. Главным в виртуализации экономики становится «индустрия образов», создающих бренды и искусственные потребности. Федор Гиренок подчеркивает (Гиренок, 2012, 2016), что экономическая реальность сегодня является набором иллюзий. Торговля сферой воображаемого составляет суть современной экономики. Капиталист, присваивая богатства воображаемой реальности, спекулирует на этом. Ресурсом становится вовлеченность субъективности в движение капитала. Капиталу нужно богатство субъективного, а не отражение реального. Задача экономики состоит в том, чтобы дезорганизовать сознание, особенно сознание элиты. Подлинные экономисты – это манипуляторы сознанием. Человек ду-

мает, что мир вертится для него, что для него производят товары и услуги. На самом же деле лишь производится прибыль. Потребитель просто встроен в логистическую цепочку виртуального мира.

Значительным психоманипулятивным потенциалом обладают *виртуальные представления о мировой валюте*. Святые отцы пророчествовали, что в апокалиптические времена будут введены общие для всех стран деньги (Паисий Святогорец…, 2002; Гордеев, 2003; Рябинин, 2005; Филимонов, 2005). И сегодня в мире заговорили о единой валюте. Россия в 2009 г. предложила даже созвать международную конференцию для обсуждения данного вопроса (подробнее см., например: Кузьмин, 2010).

Понятно, что это предполагает лишение государств контроля над своей национальной валютой. Конечной целью введения единой мировой валюты является переход на безналичный расчет с помощью идентификационных карточек с изъятием из оборота наличных денег, что станет большим шагом в виртуализации финансово-экономических представлений людей. То, что это создаст ограничения относительно купли-продажи, получения услуг, передвижения, голосования и т. д. для всех тех, кто по религиозным и иным соображениям не приемлет электронного контроля, стараются замалчивать. Между тем ломка тра-

дицинного представления о денежном обороте в обществе достойна статуса важной проблемы социальной и экономической психологии.

Дж. Сорос как-то сказал, что кризис не будет преодолен до тех пор, пока мировая финансовая система остается разделенной по государственным экономикам. Отметим, что мировая экономика уже в последние десятилетия прошлого века была ориентирована на замену экономик национальной государственности. Но передача государственной собственности в наднациональные руки является самым действенным приемом уничтожения национального суверенитета (Грачева, 2010, с. 69). Действительно, целью транснационального экономического проекта является постановка под контроль валютных систем различных стран при сохранении видимости их управления со стороны национальных правительств. Эту идею высказал еще в XVIII в. М. Ротшильд. Манипуляционная база для реализации этой цели очевидна. Идею единой мировой валюты очень постепенно, но раскручивают СМИиК. Создается образ МВФ как структуры, работающей в этом направлении. Но замалчивается, что МВФ не собирается «лечить» экономику национальных государств.

Финансовый контроль над национальными государствами обсуждается в формате небезызвестного

Бильдербергского клуба[127]. Заметим, что в этом нет никакой конспирологии. В этом «Клубе по глобальным политико-экономическим интересам» представители мировой элиты просто согласовывают представления о происходящем и концентрируют усилия для разрушения «устаревших» национальных государств, расчищая путь для нового «прогрессивного» мироустройства, в том числе и экономического.

О новой мировой экономике в России

Это отдельная, многоаспектная и для нашей страны – особенно «больная» тема. Ввиду недостаточной сформированности экономических представлений граждан России простор для манипуляций с экономическим сознанием огромен. Поэтому изучение понимания российскими гражданами ключевых вопросов функционирования национальной и мировой финансово-экономической системы становится все более актуальным (полезный в этой связи матери-

[127] Бильдербергский клуб/группа (*Bilderberg group*) – неофициальная, непубличная (посторонние не допускаются) ежегодная конференция (проходит с 1954 г.), участники которой (около 400 человек) являются влиятельными людьми в области политики, бизнеса и банковского дела, а также главами ведущих западных массмедиа. На встречах обсуждаются проблемы мировой политики и экономики, отсутствует пресса. Отчеты об обсуждаемых вопросах и принятых решениях не публикуются.

ал представлен, например, в следующих трудах: Глазьев, 2016; Делягин, 2000, 2016; Касатонов, 2014, 2016). В частности, речь должна идти о разгроме советской экономики под видом перестройки-реформ, о непреодоленной до сих пор тенденции превращения России в сырьевой придаток Запада и следовании «вашингтонскому обкому» в финансовой сфере (что на деле означает денежное питание «партнеров» за счет ресурсов России). Не обойти и знаковую тему участия России в ВТО (а до этого обсуждение в СМИиК перспектив вступления в нее). Вся указанная социально-политико-экономическая тематика имеет свою психологическую проблематику. Исследователю, например, надо четко понимать, что ВТО является одним из главных инструментов новой мировой экономики, используемых для подавления экономик отдельных стран. ВТО для России означает прессинг на промышленность и значительную часть сельского хозяйства. Небеспочвенны опасения, что «Россия в ВТО» – ход в большой геополитической игре, в которой своими ресурсами Россия платит победителю в «холодной войне». Известно, что З. Бжезинский предлагал поделить имущество России между США и Китаем (Бжезинский, 2010). Полезно знать и о конкретных проектах уничтожения исторической России как геополитического культуроисторического субъек-

та. Это, например, т. н. Гарвардский и Хьюстонский проекты (Гарвардский и Хьюстонский…, 2011; Гарвардский…, 2015)[128].

Сегодня же следует изучать психологию социального восприятия гражданами России санкций против нашей страны. Здесь существуют экспертные мнения и со стороны либерального крыла в обществе, и со стороны патриотической оппозиции (см., например, журнал «Изборский клуб. Русские стратегии»). По-

[128] Примечательно, что так называемый «Гарвардский проект» состоял из трех томов: «Перестройка», «Реформа», «Завершение». В начале первого тома говорилось, что на грани XX и XXI вв. человечеству грозит страшный кризис из-за нехватки ресурсов. Спасение, соответственно, зависит от разрушения СССР, в котором этих ресурсов много. В первое пятилетие с 1985 по 1990 гг. планировалась «Перестройка» с лозунгом борьбы за социализм «с человеческим лицом», с подготовкой реформ «от социализма к капитализму». Второй том был посвящен «Реформе» (в 1990–1995 гг.): 1. Ликвидация мировой социалистической системы. 2. Ликвидация Варшавского договора. 3. Ликвидация КПСС. 4. Ликвидация СССР. 5. Ликвидация патриотического социалистического сознания. «Реформой» должен был руководить уже другой вождь. Третий том назывался «Завершение» (1996–2000 годы) и предполагал ликвидацию России как государства. «Завершение» сопровождалось вымораживанием голодного населения России, постройкой хороших дорог в морские порты, по которым сырье из России надлежало вывезти за границу. «Хьюстонский проект» представляет собой проработку этапа «Завершение». Здесь уже речь идет о расчленении России на мелкие государства. По этим же планам Сибирь должна отойти к США, Северо-Запад – к Германии, Юг и Поволжье – к Турции, Дальний Восток – к Японии. Показательна, например, статья под названием «Сибирь станет частью Соединенных Штатов» (Ради чего началась…, 2015).

следняя, например, говорит о целесообразности выхода страны из «сетей» либерально-монетаристской доктрины, пересмотра ряда навязанных России обязательств. И те, и другие точки зрения имеют свои аргументы. Для психологической науки интересной проблемой, на мой взгляд, выступит восприятие людьми убедительности доводов сторон. В частности, не следует отрицать положительное значение интегративных экономических тенденций в мире: пытаться жить в самоизоляции вряд ли будет полезно для страны. В целом же психология сталкивается со спектром социальных представлений о пользе и вреде интеграции России в мировую экономику. В этом спектре существуют обозначенные два полярных класса образов. Один из них принадлежит сторонникам либерального финансово-экономического курса страны, ориентированным на интересы Запада и свои собственные интересы. Второй – «державникам», ориентированным на восстановление реальной отечественной экономики в интересах страны.

В нашу задачу не входит более детальное рассмотрение обозначенных в разделе 7.2 вопросов и возникающих в связи с ними дополнительных проблем. Еще раз констатируем очевидную актуальность осмысления психологической наукой манипуляций с экономическим сознанием людей.

7.3. Новые идеологические манипуляции

По этому вопросу в данной монографии уже было сказано достаточно много. По сути, все, что говорилось о психоманипуляциях вокруг темы глобализации, особенно в главе 5, относится к заглавию данного раздела. Однако уместны некоторые дополнения.

Действие идеологии как многопланового, сложного социально-политического феномена в жизни обществ/народов/государств относится к сильным психоманипулятивным воздействиям. Они могут быть непроизвольными (в результате усвоения определенных идей самим человеком) и преднамеренными (пропаганда определенных идей). Еще раз отметим, что современные идеологические влияния предполагают особое внимание к изучению их духовно-нравственных аспектов. Это связано с тем, что одним из трендов в западном общественном сознании является деидеологизация. Но моральная составляющая идеологических представлений очевидна в связи с содержанием глобализм-проекта. Картина иллюстрируется и современными метаморфозами в области псевдорелигиозного сознания, о чем говорилось выше.

Итак, актуальной темой является *психологическое, духовно-нравственное и религиозное психоманипулятивное воздействие идеологии на современного человека.* При этом будем понимать идеологию как многоуровневый интегратор-регулятор функционирования государств, народов, социальных общностей, конкретных личностей. Сегодня надо говорить об идеологиях планетарного масштаба – мондиализме/глобализме, неолиберализме и др. Идеология может сплетаться с религией, взаимопроникать, подменять и отрицать ее (советская идеология придавала мирским вещам религиозный смысл). Идеологией является содержание универсальной религии, о чем мы говорили в главе 5.

Подчеркнем также значимость образной сферы личности для идеологических манипуляций. Имаго-символосфера современного общества эффективно разрушает картину мира, неотъемлемо включающую идеологическую составляющую. Идеология как система определенных социальных представлений, имеющих предметный наглядно-чувственный референт, вытесняется более мощным виртуализирующимся сознанием. Уже сам факт возросшей многозначности субъективной трактовки человеком виртуал-имиджей выступает важной гранью психоманипулятивных информационных воздействий. Психомани-

пуляция же, в свою очередь, основывается на интерпретациях явления объектом воздействия.

Для раскрытия психологии идеологических манипуляций значимо рассмотрение связи идеологии с политикой. В. А. Рябинин (Рябинин, 2009) отмечает, что на Западе в XIX в. идеология понималась (в том числе марксизмом) как «ложное сознание», содержащее комплекс идей, придуманных и вброшенных в общество некой влиятельной группой людей для обоснования своих политических действий и целей в обществе. Для марксизма-ленинизма идеология превратилась в систему идей, выражающих классовые интересы. Разговоры о замене идеологии «научными знаниями» во второй половине XX в. (Д. Белл, К. Поппер, и др.) расчистили путь идеологии мондиализма, обосновывающей политику глобализации. Хлынувшие в Россию после 1991 г. идеи были выражением интересов глобалистов «в научной упаковке»[129].

Чрезвычайно эффективным средством психоманипуляций является связка «религиозный фактор – идеология – политика»[130]. В любой идеологии мо-

---

[129] Это показал П. Бурдье, уличивший социологию Э. Гидденса в концептуальном обслуживании транснациональных корпораций (Фурсов, 2013).

[130] В качестве иллюстрации укажем на размышления А. Г. Дугина о предвыборной кампании 2012 г., когда даже некоторые «крайне левые» силы сблизились с прозападной либеральной оппозицией (Дугин, 2012).

гут быть найдены религиозные компоненты; каждая идеология, в том числе, реализованная в политической жизни, является скрытой религиозной доктриной (А. Малер). Наиболее часто встречаемые примеры – связь германского национал-социализма с оккультизмом, марксизма – с иудаизмом. Существует также религиозный аспект либерализма (Егишянц, 2004; Лагутов, 2012; Можаровский, 2002; Панарин, 2000а; Рябинин, 2009; Субетто, 2003).

Идеология, усвоенная человеком, становится его мировоззрением. Положительное значение идеологии с духовной точки зрения можно проиллюстрировать православным мировоззрением, в соответствии с которым главным является посильное воплощение в жизнь высоких духовных начал (архиеп. Серафим (Соболев), 2002; Митрополит Иоанн (Снычев), 1995).

К связке «идеология – религия» подключается и наука. Современная идеология либерализма привлекает «авторитет научного знания» в религиозной функции. Идея о независимости науки от идеологии и религии неверна (Лагутов, 2012). Либерализм, коммунизм, фашизм имеют научно-философский фундамент. С. Кара-Мурза также показывает, что наука тесно связана с философскими учениями и религиозным мировоззрением, выполняет идеологические заказы. Наукообразная мифологизация использует-

ся в целях информационно-психологического воздействия для обеспечения «превосходства» идеологии для влияния на массы (Кара-Мурза, 2002).

Современные СМИиК превратили идеологию глобализма в главное средство манипулирования системой сознания человека. Поэтому важно напомнить и уточнить основное в содержании понятия «мондиализм». Данная идеология предполагает слияние всех государств и народов в единое планетарное образование с установлением Мирового Правительства, уничтожением расовых, религиозных, этнических, национальных и культурных границ (Дугин, 1997). Наименования государств могут оставаться прежними, и это прекрасная иллюстрация принципа сокрытия информации как приема психоманипуляций. Мондиализм питается многовековым стремлением Запада к мировому господству, ренессансом современного неоязычества на фоне усиливающегося антихристианства, мечтой о воплощении своей идеологии в жизни всего человечества.

Иными словами, в исследованиях социального восприятия происходящего в мире следует понимать, что термины «глобализация», «мондиализм» идеологически прикрывают негативные аспекты NWO. Александр Зиновьев писал, что термин «глобализация» выступает идеологической маскировкой войны, кото-

рую западный мир во главе с США ведет за господство над всем человечеством (Зиновьев, 2002). Это признает один из главных идеологов глобализма З. Бжезинский. Он указывает, что глобализация является доктриной глобальной гегемонии. Она стала модной идеологией постидеологической эпохи; она своевременна, обращена к элитам, обещает светлое будущее (Бжезинский, 2010, с. 187–189). Поэтому главным для разработки психологии манипулятивных воздействий является то, что глобализация обеспечивает привлекательную упаковку «новой колонизации мира» наднациональным управляющим субъектом под прикрытием разговоров о лучшем будущем (Батчиков, 2003; Субетто, 2004).

Предметом рассмотрения, соответственно, становятся *мифы о «глобализации»*, которые навязываются и российской гуманитарной науке (Гордеев, 2003; Субетто, 2006). Некоторые «мифы глобализации» выделяют сами мондиалисты (Бжезинский, 2010, с. 191–193). Главный из них уже обозначен нами: это представление о закономерном, естественном и «прогрессивном» движении мира к единству. Политика, экономика, мировоззрение NWO строятся на мифологии «слияния мира». Усиление, умножение социальных связей в мире, слияние рынков во взаимодействии различных транснациональных корпораций и пр. не

отменяют главного: глобализация является системным проектированием, не дающим основания сводить все его элементы к естественности и спонтанности. Нельзя признать объективным и неизбежным исчезновение этнокультурного разнообразия и самих носителей этого разнообразия – народов и культур. Мифологическими, соответственно, являются идеи позитивности финансово-экономической глобализации под «крышей» Федеральной резервной системы, единых образовательных стандартов (для неэлитарных людей запланированы знания, не препятствующие «глобальному промыванию мозгов»), форм противодействия «глобальным угрозам».

Идеология, говоря об истинном и ложном мировоззрении, всегда выражала чьи-то социально-политические интересы. Этим подпитывалась конфликтность в обществе. И данный фактор не ушел от современного человека вслед за манипулятивными декларациями о ценностях и «современной реальности» деидеологизированного общества. То, что происходит с «коллективным неосознаваемым» социального субъекта – приверженцев/носителей той или иной идеологии, – является актуальной проблемой психологической науки. Общее для социальных групп/страт в конкретных странах остается: язык, культура, историческая память, национально-культурные архети-

пы, доминирующий тип переживаний социальной реальности. И встает вопрос о том, как это включено в переработку человеком идеологических манипуляций? Психологической проблемой является также соотнесение идеолого-мировоззренческой дифференциации людей с «общечеловеческой прототипической матрицей», которую, на мой взгляд, не следует смешивать с т. н. общечеловеческими ценностями» в либеральном прочтении. Это поможет находить пути социально-психологических компромиссов, снижающие конфронтацию в обществе.

Итак, необходимо прописать концептуально-терминологические «мостики» современных идеологий с политикой, экономикой, экологией[131]. Осмысление всего разнообразия глобальной манипуляции должно учитывать полученный результат. Особое внимание следует уделить идеологическим основам нового мироустройства, аргументирующим «эзотерическое элитарное избранничество». Уже неоднократно указывалось, что для идеологии мондиализма характерно обезличивание человека через тотальный контроль над ним, социал-дарвинизм (с отсевом не вписавшихся в NWO). По отношению к «золотому миллиарду коллективного Запада» остальной мир – колония

[131] Деятельность «Гринпис», например, обусловлена не только любовью к природе.

и «пространство с ресурсами». Также понятно, что с идеологией глобализации связаны идеи неочеловечества и представления людей о глобальных угрозах.

Сказанное в трех разделах данной главы может породить известный упрек в «конспирологических измышлениях». Обвиняют в этом люди, которые либо не знают фактов, либо не желают их знать и тем более признавать, либо знают и намеренно используют «жупел конспирологии».

7.4. Субъекты манипулятивных информационно-психологических воздействий

Знание об информационных воздействиях в современном мире будет неполным без рассмотрения главных субъектов глобальной психоманипуляции. Психоманипулятивные воздействия в информационном поле человечества, включая сокрытие, умалчивание подобных влияний, должны изучаться, осмысливаться относительно основных субъектов глобального действия. Будем исходить из того, что система глобального управления является многоуровневой структурой. Главы государств демократических стран представляют собой лишь среднее управляющее звено на сменяемой основе. Выше находятся наднациональные структуры. В частности, это уровень транснационального корпоративного управления мировой экономикой. Еще выше – хозяева мировой финансово-экономической системы. На самом верху можно расположить субъектов/ структуры глобального действия, контролирующие и направляющие мировую политику и экономику. Это люди с мировоззрением религиозного типа, ибо идеология мондиализма, которую они ис-

поведуют, – религиозная.

Знакомство с «игроками»

Отталкиваясь от обозначенных макроуровней глобального управления, укажем на следующих «игроков» (не будем выделять, однако, особо их приоритетности, соподчиненности, социально-политической и экономической значимости и пр.):

• глобальные финансовые группы, «суперкорпорации»;

• мировая банковская система (с особым вниманием к Федеральной резервной системе);

• основные субъекты международных отношений (прежде всего США, страны ЕС);

• военные блоки (прежде всего НАТО);

• национальные и транснациональные спецслужбы;

• лидеры государств и официальные политики высокого уровня;

• влиятельные политические партии;

• основные глобальные СМИиК;

• интернет-сообщества;

• неформальные, но влиятельные социальные институты в различных странах, в том числе имеющие и «наднациональную аккредитацию»;

• политические движения в различных странах; «группы влияния» на самых разных уровнях – от правительственных структур до финансовых центров, транснациональных корпораций;

• неправительственные организации, фонды поддержки «прав человека и демократии» и другие правозащитные организации;

• глобальные преступные и террористические группы.

Каждый из названных субъектов информационно-психологического воздействия формирует свои тактики и стратегию пропагандистского и манипулятивного влияния на мир. Соответственно, каждое такое влияние следовало бы изучать, и на основе полученных результатов писать отдельные книги. Но есть и общая проблема: насколько при влиянии столь большого количества различных сил, взаимодействующих друг с другом согласованно или конфронтационно в достижении своих целей, можно говорить о существовании центра согласования и контроля социального бытия человечества?

До сих пор мы ограничивались общими указаниями на непубличность транснационального и национального уровней социальной регуляции, говорили о функциях контроля, мониторинга текущей планетар-

ной ситуации. Пришло время углубить данную тему, задав дополнительные ракурсы ее психологического рассмотрения. Необходимо прежде всего «размифологизировать» стереотипные представления о т. н. конспирологии. Это вопрос для публичного обсуждения или как будто бы не существует (судя по попыткам обойти его или поиронизировать над ним), или закрыт (по причине неполиткорректности). Но страхи «теории заговоров» или иронию по этому поводу, как уже отмечалось, я рассматриваю как мощную блокировку осознавания, искажающую социальное восприятие происходящего и антиципацию образов грядущего. Конспирологический блок в сознании является основой глобальной психоманипуляции.

Носителем информационного и в том числе психоманипулятивного воздействия может быть любой субъект – индивидуальный и коллективный. Субъективный фактор исторического процесса существует. Не вдаваясь в столь сложную философскую тему, будем исходить из этого, имея в виду только что обозначенный широчайший спектр субъектов психологического воздействия на информационно-дезинформационном планетарном поле. Интересно более предметно поговорить о главных «игроках» на этом поле (и в России, в частности) и тем самым вывести «на свет» обыденного осознания, а в перспективе и науч-

ного рассмотрения, некоторые из них.

Уже с конца 1970-х годов многими ощущалось, что человечество вошло в эпоху широкомасштабных преобразований. Изменения, происходящие во всех сферах жизни, виделись проявлениями *самоорганизации* «планетарного социума». Существующее мироустройство воспринималось как несовместимое с наступающим временем. Возникли своеобразные «чаяния нового эволюционного витка», связанные с объединением человечества. Грядущий этап, называемый по-разному – «Космическая эра», «Новый век», «Эра Водолея» и т. д., – стал знаковым для возникновения знакомого нам движения New Age (которое, однако, ошиблось (подчеркнем это особо) относительно времени начала «новой эры» (Нойергард, 2004). Чаяния нового века не могли остаться без материализации. Образ дал мощный импульс *проектированию* будущего. Подчеркну, что следует говорить об усилении социально-политического и иного проектирования, ибо оно было достаточно активным и в предыдущих веках, особенно в XIX и XX.

Напомним, что представления о глобализации мы рассматривали одновременно с антиглобализационными социально-политическими и иными установками, которые люди могут иметь по различным причинам. Диалектическая связка «глобализм – антиг-

лобализм» позволяет лучше понимать информационные потоки в СМИиК с их психологическим и духовно-нравственным воздействиями и соответственно выстраивать контрманипулятивную защиту. Иными словами, *объективная интеграционная планетарная тенденция*[132] рассматривается в диалектической связи глобализационных процессов и противодействия им, несогласия граждан (выражаемого в различных вариантах) с заявленными формами объединения человечества. За каждой из названных макроустановок стоят *субъекты информационно-психологических воздействий*, направленных на продвижение в мир их видения будущего планеты. *Борьба информационного обеспечения тенденций мировидения* во многом определяет расклад планетарных сил.

Мы также различали естественный процесс объединения человечества в силу комплекса объективных причин и *глобализм* как мировоззрение/проект его осуществления. Но с точки зрения психологии и

---

[132] Можно использовать термин «планетаризация», включающий в свое значение, например, объективное и естественное возрастание межкультурного взаимодействия и обмена информацией, резкое увеличение объема финансовых операций на международном валютном рынке, экономическую интеграцию, связанную с подчинением планетарных ресурсов экономическим интересам транснациональных корпораций и т. д.

метафизики образной сферы человека любое мировоззрение не существует само по себе. Оно, проецируясь на мир через своих носителей, воплощается в реальности. В этом смысле глобализм становится *проектом по претворению в жизнь представления его участников о том, каким они хотят видеть мир.* К магии непроизвольно материализующегося образа с необходимостью добавляется и тема преднамеренности в воплощении этих представлений. Глобализм/мондиализм как проект – это программа нового мироустройства, в которую вовлечены колоссальные финансовые, интеллектуальные, информационные ресурсы (хотя следовало бы говорить преимущественно о ресурсах дезинформационных). Скорость осуществления глобализм-проекта зависит от того, насколько страны – пока еще носители государственного суверенитета (все чаще условного) – примут NWO-идеологию и вслед за этим само новое мироустройство. Глобализация лишь при высокой степени неадекватности социального восприятия может, как мне кажется, восприниматься процессом, происходящим самопроизвольно, неизбежно, независимо от человеческой воли. Уже отмечалось, что на сегодня исходный проект однополярного мира, управляемого глобальным финансово-экономическим центром через «коллективный Запад», забуксовал. Но имен-

но это указывает на роль субъективного фактора в планетарном процессе, – в частности, в плане сопротивления людей NWO. Видна особая актуальность психологического аспекта в изучении данной темы. В частности, предметом изучения должен стать многоликий *антиглобализм,* который с духовно-нравственной и психологической точек зрения несет в себе общую идею протеста против все более очевидной, хотя и достаточно успешно маскируемой тоталитарности NWO.

Субъекты информационно-психологического манипулятивного воздействия стоят за образами и однополярного, и многополярного мира, а также за вариантом архаизации человечества. Поэтому взаимодействие, конкуренция или борьба всех *«проектов мировидения» с их информационным/дезинформационным обеспечением на фоне форм сопротивления* способны породить самые различные конфигурации будущего человечества.

Тема субъектов непубличного социально-политического проектирования актуальна, теоретически и практически значима, ибо от признания ее или отрицания людьми сегодня зависит многое в плодах манипулятивных информационных воздействий на личность и, соответственно, ее духовно-нравственная безопасность. Поэтому существующие представле-

ния многих людей о достаточно анонимном «мировом закулисье» должны стать предметом исследований.

Тема *субъектов* социально-политического и иного проектирования и их освещение/сокрытие в СМИиК возвращает нас к теме конспирологических представлений. В каком смысле можно говорить о данном классе образов социального восприятия? Психологические причины такой формы социального восприятия являются теоретически и практически значимой проблемой.

О конспирологических представлениях

> *Никому не хочется выглядеть сумасшедшим теоретиком заговоров. Однако нет ничего безумного в том, чтобы раскапывать истинные намерения неких политических сил*
> ***Пол Робин Кругман, лауреат Нобелевской премии***

Обычно термин «конспирология» относится к т. н. «теориям заговоров». Предположения человека о «тайных намерениях» других людей, о реализации этих намерений являются одним из факторов формирования индивидуальных и групповых социальных

представлений. Подойдем к проблеме широко, введя метафизическое измерение вопроса и абстрагируясь от любых этнических ассоциаций.

Прежде всего отметим, что в проблемном поле «конспирологического сознания» видны полярные оценки. С одной стороны, существуют некие конспирологические измышления – ни на чем не основанные выдумки, работа механизма проекции, искажение восприятия неких фактов. Это рождает психопатологические акцентуации, мании преследования, невротические страхи и пр. С другой стороны, отчетливо видно высмеивание идеи любых заговоров как таковых по известному принципу «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». Заметим, что именно такой ход часто употребляется в СМИиК при обсуждении мировых событий.

Поскольку полярные оценки вряд ли полезны, посмотрим, что все-таки следовало бы иметь в виду. Начнем с очевидного: люди во все века и во всех культурах заключали тайные соглашения относительно своих целей и интересов, и, соответственно, осуществляли действия по их претворению, в том числе и скрытые, замаскированные. Но в сознание большого количества людей умело внедрено мнение: только «невежественные, необразованные» люди могут считать, что в мире существует не афиширующая себя

сила, оказывающая серьезнейшее влияние на ход мировой истории. Просвещенные же люди должны свято верить в свободный рынок, «прозрачную» мировую финансовую систему и представительную демократию. И надо признать, что это оказалось очень эффективным способом заставить многих людей даже не пытаться самостоятельно анализировать происходящее. Кто захочет быть причисленным к «невежественным»? Поэтому то, что в мире происходит слишком много событий, которые не могут быть внятно объяснены рационально, игнорируется значительным количеством людей.

Будем также абстрагироваться от понимания «заговоров» на уровне магии – как «приколдовывания в подвалах при свечах». Однако массовому сознанию навязываются образы, похожие именно на это. В то же время заметим, что оккультные секты с политическими интересами существуют, и что, действительно, мистическими методами преследуются некие цели. Исторические факты об использовании магии в политических целях, включая современность, есть (Нойергард, 2004)

Задаваемая установка на абсурдность и примитивность представлений о конспирологии вряд ли успокаивает «пытливый здравый смысл», стремящийся к обсуждению любых проблем, например, с целью по-

лучения ответа на известный вопрос: «А кому это выгодно?». Отметим, что «теории заговора» обычно сводятся к утверждению наличия *готовых* замыслов у некой социальной группы, навязывающей сценарии по воплощению этих замыслов другим группам, стране и миру. Информацией к размышлению является геополитический уровень осмысления проблемы. Так, в директиве Совета национальной безопасности США за 1948 г. четко сформулированы цели в отношении СССР по его ослаблению. На сегодняшний день данные цели в значительной степени достигнуты.

Известный отечественный историк и писатель Михаил Назаров отмечает два важных для «конспирологической психологии» момента: а) определение понятия «заговора» затруднено, поскольку в нем сочетаются стихийная и преднамеренная составляющая; б) люди, служащие конспирологическим целям, имеют различную степень понимания своего участия – исполнители на низких уровнях не знают конечных целей проектов. Я бы добавил и конкретизировал идею: и на высоких уровнях люди могут не знать главного замысла, целевой установки вышестоящего уровня. Аналогом является многоуровневое посвящение людей в тайных мистических организациях (вроде масонских лож).

Для рассмотрения проблемы конспирологических

представлений полезно использовать социально-психологическое понятие *групповой интерес*. Интересы конкретных социальных субъектов различного уровня диктовали политику, влияли на принятие государственных решений в экономике, идеологии, образовании, других сферах социальной жизни. Об этом говорит вся история человечества. Тем, кому не нравится слово «заговор», я советую говорить о целеполагании определенных социальных групп, Прежде всего это относится к представителям мировой и национальных элит. Сегодня при переделе мира, переформатировании мироустройства столкновение социально-политических интересов, установок, ценностей становится все более очевидным. В этом, кстати, многие эксперты видят пробуксовку проекта однополярной глобализации. Наряду с геополитическими государственными интересами стран это интересы транснациональных корпораций и мировой финансовой олигархии со своими общеэлитарными и узкоэлитарными целями и противоречиями. Достижение же любой цели требует времени и скоординированных усилий. Однако при анализе данных процессов следует учитывать многофакторность в единстве объективных тенденций и всего множества субъективных влияний на арене борьбы интересов в планетарном социокосме. Наш мир слишком сложен, чтобы его мож-

но было объяснить только лишь субъективным конспирологическим фактором.

Другой полезный антиконспирологический термин – «*проект*». Сегодня много говорится о самых разных индивидуальных и групповых проектах, реализация которых невозможна без многоплановой скоординированной деятельности. Проект имеет свой «пиар», направленный на сторонников и противников. Человек может участвовать в проекте, не осознавая этого: он просто включен в какую-то работу, владеет нужной для целей проекта профессией (например, журналиста) и т. п. Люди могут не видеть идеологический контекст, а потому не осознавать свое участие в проекте вследствие «зашоренности сознания» стереотипами, отсутствия понимания духовных смыслов в происходящем вокруг них. Такие люди являются тоже «заговорщиками», только пассивными – в плане неотрефлексированной ими включенности в претворение чьих-то интересов. В любом случае, изучение «поля» всех информационных манипуляций вокруг групповых интересов, реализуемых в проектах, – интересная исследовательская задача.

Обычно иронизирующие над темой понимают под конспирологией примитивные (или преднамеренно подаваемые как примитивные) объяснения исторических событий не историческими закономерностями и

тенденциями развития сообществ и мира в целом, а тайной злонамеренной деятельностью неких сил (масоны, ордены, спецслужбы и т. п.). Историк и политолог Андрей Фурсов проясняет понятие «конспирология» (Фурсов, 2012). Он, в частности, отделяет неэффективные «теории заговоров» от естественного для человека поиска реальных сил, влияющих на происходящее в мире. Многие работы, посвященные «теории заговоров», действительно, написаны недобросовестными и малокомпетентными авторами в погоне за сенсацией или в качестве акции прикрытия. Это делается в том числе и для того, чтобы скомпрометировать серьезные попытки глубоко разобраться в тайных механизмах истории, политики и экономики[133]. Но кто сможет оспорить тот факт, что далеко не все причины происходящего в мире публичны, что не все цели декларируются открыто? Большая политика делается тайно, ибо реальная власть – власть непубличная. Тайной является, в частности, «мир высоких финансов». Например, Коминтерн, напоминает А. Фурсов (там же), располагая огромными финансами, организовывал перевороты, восстания, революции. Несомненно, это была конспиративная структура

[133] Николай Шпанов, например, написал два интересных романа о тайнах мировой политики 1930–1940-х годов – «Поджигатели» (1950) и «Заговорщики» (1952).

с сильным влиянием на ход истории. Структуры мирового капитала также конспиративны по определению (оффшоры – лишь нижний уровень финансово-экономических тайн).

Рассматривая тему исследования конспирации на уровне социально-политических и иных проектов («заговоров»), А. Фурсов говорит о подходах и программах ее изучения. В первом случае – это дедуктивно-аналитический подход, ориентированный на поиск неочевидного в очевидном, на выявление причин, не лежащих на поверхности, проявляющихся в виде странностей, случайностей и т. п. Во втором случае – это особая сфера исследований того, как функционирует реальная власть, тайная по природе. Подчеркивается, что чем внешне демократичнее, прозрачнее становилась с середины XIX в. сфера политики и национально-государственной власти, тем глубже в «тень» и выше в «наднациональное, сокрытое от глаз большинства» уходила власть. Политологи и историки занимаются внешним, поверхностным. Закрытые структуры имеют «непрофанное знание мира», отмечает А. Фурсов. Полноценная наука об обществе должна анализировать закрытые стороны социально-политической реальности, раскрывать тайные пружины истории, секреты непубличной политики.

Каналы конспирологического информационно-психологического воздействия

Это важнейшая тема, которая предполагает в моем подходе к вопросу осмысление в том числе и духовно-нравственных, и религиозно-метафизических влияний. Возьмем за основу некое трехмерное пространство по шкалам *преднамеренности, непроизвольной «аутоканальности»* (человек – проводник определенных проектов без осознания этого) и *метафизического влияния*. По двум первым шкалам выделим сочетания основных четырех вариантов.

1) *Неосознанная* трансляция человеком своих политико-мировоззренческих представлений во всех сферах своей жизни.

2) *Преднамеренная* и *целенаправленная* трансляция человеком своих социальных представлений в своей жизнедеятельности.

3) *Неосознанные* несение и трансляция мировоззренческой позиции, политических и иных интересов референтной группы.

4) *Преднамеренная* и *целенаправленная* трансляция человеком мировоззренческой позиции и инте-

ресов определенной социальной группы: а) в качестве исполнителя заказа, б) исходя из солидарности с некой идеологией, с групповыми интересами и т. п.

При допущении отрицательных метафизических информационно-психологических воздействий указанные четыре варианта выступают их каналами. Сегодня все чаще встречаются предположения о некой массированной дезинформации из неизвестного источника. Это, в частности, проявляется в увеличении количества пророчеств по всему миру. Сферами метафизического влияния выступают искусство, наука, политика. Академик В. П. Казначеев говорит о своеобразном инфицировании, в результате которого люди неадекватно воспринимают реальность, образуют секты и странные общественные движения (От чего нас хотят «спасти»…, 2001, с. 51). Иными словами, заказ на различные виды психоманипуляции имеет своего «невидимого дирижера». В этом плане возникает огромное число вариантов, поскольку метафизические влияния многомерны по своей природе и знаку. Описывать их в данной монографии мы не имеем возможности. Укажем лишь на случаи сознательного и неосознаваемого служения негативным духовным силам. Проблема конспирологических аспектов религиозно-мистических традиций представлена в работах

А. Г. Дугина (Дугин, 1993; см. также: Нойер гард, 2004; Переслегин, 2005). О влиянии божественных сил мы также не будем говорить, ибо это величайшая тайна Божественного Промысла о судьбах мира, область чисто богословская.

Идеи «метафизической конспирологии» помогают преодолевать стереотипные клише как о «заговорах», так и об их отсутствии. Представление о *конспирологии без заговоров* углубляет понимание того, что образы социальных перспектив, долгосрочное планирование событий, многовековые чаяния народов (например, еврейского народа о воссоздании «Третьего Храма») и т. п. реально участвуют в происходящем на планете.

Еще раз подчеркну свою позицию: критика «теорий заговора» является либо психоманипуляцией со стороны тех, кому есть что скрывать в своих проектах различного рода, либо наивностью, граничащей с подчинением идее о том, что «всем правит рынок», а публичная политика объективно отражает происходящее. Я развиваю мысль о том, что конспирология – это не заговоры, а определенное информационное прикрытие социально-политического, экономического, идеологического и др. проектирования. Поэтому считаю, что человеку полезно самому собирать «информационный пазл» о происходящих в мире собы-

тиях, несмотря на то, что абсолютно чистых и объективных источников информации найти невозможно. Но совпадение источников, выявление истории проблемы, «замалчиваемого», поиск ответа на традиционный вопрос «кому выгодно» и пр. все же помогают двигаться к большей адекватности социального восприятия. Полезно помнить, что опровержения «конспирологической аргументации», как правило, малоубедительны. Нет вразумительного ответа про третий рухнувший небоскреб на Манхеттене 11 сентября 2001 г., про отсутствие обломков «самолета, врезавшегося в Пентагон», останков пассажиров и их багажа. Никто не доказал миру, что американская система «Harp» не является климатическим оружием. Не удовлетворены и скептики американской лунной программы. Не опровергнуты исторические данные о роли «фининтерна» в организации обеих мировых войн. Обходятся молчанием проблемы восприятия «тайных пружин истории» в связи с непубличной политикой и тайной дипломатией. В то же время к отдельным аргументам наивных либерал-демократов стоит прислушаться. Недоверие к власти в смутные времена, действительно, усиливает конспирологические установки, вытаскивает соответствующие стереотипы, комбинирует факты и пр.

Сегодня обостряются противоречия: между класса-

ми/слоями/группами, между государствами и их блоками, между кланами в мировой верхушке, между тайными обществами. Андрей Фурсов в этой связи указывает, что было бы странно, если бы к «схватке за будущее» все они не стали готовиться. Согласимся с ним и в том, что кризисные периоды благоприятны для изучения социальной реальности, поскольку на переломе эпох обнажается ложь официальных версий происходящего и прогнозов будущего, замаскированная религиозными и идеологическими построениями или наукообразными схемами. И здесь, конечно, огромное поле работы для психологической науки.

Отрадно, что о наднациональных центрах мониторинга/влияния/управления глобализацией стали говорить более открыто, без конспирологических страхов. Например, академик Сергей Глазьев указывает, что сверхконцентрация капитала и влияния в руках нескольких сотен семей при отсутствии механизмов демократического контроля создает угрозу становления глобальной диктатуры в интересах обеспечения господства мировой олигархии за счет угнетения всего человечества (Глазьев, 2014).

Транснациональная элита

Интересной темой для осмысления глобальной

психоманипуляции выступает «психология элиты» – как национальной, так и транснациональной. Эту тему мы уже затрагивали. Добавим ряд штрихов к «портрету проблемы».

Элитарность в целом сравнивается многими исследователями с членством в закрытом международном клубе. Эти представления хорошо выражены, например, в работах А. С. Панарина (Панарин, 2000, 2003) и А. И. Субетто (Субетто, 2006).

Структура мировой элиты, каждый элемент которой стремится воплотить свое видение будущего, несомненно, значимо влияет на мироустройство. Само по себе элитарно-иерархическое видение мира уже обладает влиянием на него. Это очередная иллюстрация регулирующей функции любого психического образа, – в частности, социальных представлений. Соответственно, мировоззренческая основа элитарного сознания неизбежно вливается в систему глобального психоманипулирования. В то же время все больше людей за истекшие 20–25 лет приходят к пониманию, что наднациональные элитно-клановые отношения и система представлений «власть имущих» о мире стали важнейшими факторами происходящего и грядущего на планете. Поскольку же массы осознают, что национальные элиты все менее связаны с интересами своих стран/народов (и не обременены эти-

кой служения им), это вызывает у людей протестные чувства. Данная реакция понятна, хотя и не изучается современной психологической наукой предметно. Национальные элиты являются сегодня по своей сути компрадорскими, пытающимися выторговать свое место среди глобальной элиты.

Психология элиты показывает, что ее представители видят мир не как обычные люди. Элита исповедует иные ценности, имеет иные цели, иначе реагирует на мир, чем остальное общество. Элитарное и общественное сознание вкладывает разный смысл в одни и те же слова и делает противоположные выводы из фактов. В обществе утрачивается способность к взаимопониманию, которое подменяется информационно-психологической войной политико-экономических структур. Растущее непонимание между обществом и элитой объективно повышает угрозу дестабилизации, а с нею и потребность элиты во внешней помощи.

Итак, мы имеем актуальную проблему социальной и политической психологии (в их взаимодействии с социологией и другими гуманитарными областями научного знания), связанную с изучением механизмов взаимного непонимания элиты и простого народа, адекватности представлений друг о друге, взаимных претензий и т. п. Отметим, что при изучении психологии общественного сознания следует в большей ме-

ре учитывать, что для влияния на него воздействуют также и на менталитет элиты страны. Изучение психологии элиты способно помочь простому человеку корректировать интерпретацию социально-политических и иных решений и действий ее представителей. Исследователю рассматриваемой тематики полезно, например, знать: элита может искренне считать, что она должна действовать (причем «во благо обществу»), исходя из информации, секретной для масс.

В марте 2016 г. в Вильнюсе состоялся форум представителей либерального крыла российского общества, который показал высочайший уровень их враждебности к России. Высказывалось предложение сбивать российские самолеты в Сирии, демонстрировалась готовность к утрате территорий, приветствовалось требование от коллективного Запада установить тотальную антироссийскую блокаду, провозглашалась желательность оккупации с передачей политико-экономической власти в стране внешнему управлению и пр. Впервые либеральная оппозиция столь явно обнажила свои социально-политические установки, а вместе с ними – и свою духовно-нравственную сущность. С точки зрения психологии информационного воздействия, главными целями данного мероприятия были легитимизация внутрироссийского противостояния и перетягивание к себе еще

неопределившихся относительно «национал-предательства». Кто-то из журналистов задался вопросом: а не является ли это открытием «окна Овертона»? И это очень адекватный вопрос, исходя из знаний об овертон-возможностях. Актуальность противодействия психоманипуляции этими возможностями очевидна.

Следует отметить проблему социально-психологического изучения различных внутриэлитных противоречий в их влиянии на мир. Картографирование специфики элитарного мировоззрения/мироощущения представителей национальных и наднациональных верхов необходимо для выявления влияний данного субъективного фактора на происходящее в мире. «Кланово-элитарное сознание», закладываемое в раннем детстве через семейные традиции, воспитание, обучение в элитарных учебных заведениях и т. п., характеризуется, например, спецификой трактовки реальности, ощущением «параллельного бытия» с национальным и мировым «плебсом». Психологической проблемой должно стать изучение механизмов воспроизводства элиты и ее устойчивости, охраны от проникновения в элиту чуждых элементов, равно как и условий приема в свои ряды представителей не-элиты. Это вопросы, которым психологическая наука не уделяет должного внимания.

Большую роль для укрепления созидающей силы социальных представлений играет их согласованность. Общее русло/поле представлений без всякой конспирологии позволяет людям действовать автономно в одном направлении: сходная резонирующая система образов осуществляет регуляцию деятельности. Любой образ, разделяемый представителями некой группы, действительно, работает по законам «созидающей магии воображения». Именно данная закономерность питает иллюзию естественности, закономерности, самопроизвольности и неизбежности происходящего в мире. Элитарная картина мира, существующая в головах «сильных мира сего», сама по себе оказывает влияние на мир, даже без специальных действий по планированию и претворению в жизнь неких целей. Действительно, достаточно иметь общие ценности, цели, представления о чем-то – и люди будут работать на них вне всякого сговора. В «узком кругу своих» разного уровня (этнически своих, «своих» по элитарному клубу, по совместным проектам и т. п.) используется система понятий, отражающая представление о том, каким мир должен быть, чтобы «отвечать нашим интересам». С точки зрения психологии социальных представлений, например, важно понимать, что достаточно быть охваченным элитарным снобизмом – и непроизвольно воз-

никнет «поле коллективного элитарного единомыслия и едино-чувствия». И данное поле будет скоординированно регулировать совместные действия единомышленников даже без непосредственного их общения.

Следовательно, еще один ракурс изучения темы «конспирологических представлений» очевиден: мир строится теми, в чьих руках находится производство образов, управляющих социальными смыслами, взглядами на мир. Нужные образы своей материализацией в деятельности людей участвуют в регуляции планетарной социально-политической реальности. Особенно эффективны образы в связи с идеологическим, мировоззренческим контекстом, который на значительный временной период способен предопределять историю.

Влияние образов будущего на ход событий в настоящем стало осознаваться с конца 1960-х годов. А. И. Неклесса отмечает, что именно тогда в мире активно заговорили о содержании наступающей эпохи. На Западе выстраивается инфраструктура «мониторинга будущего», создаются «интеллектуальные фабрики» («think tanks» и т. п.). Их деятельность была связана с анализом сценариев развития человечества, их прогнозированием и планированием. Рассматривая механизм принятия ключевых решений,

А. И. Неклесса подчеркивает, что сама политико-экономическая стратегия и идеологическое прикрытие действий по ее реализации формируются вне правительственных структур. Они осуществляются через систему закрытых элитарных клубов и иных центров влияния. Правительст во лишь реализует избранную стратегию.

В подобном положении вещей была усмотрена суть нового поколения социальных проектов, дающих новые возможности воздействия на социальные процессы в глобальном масштабе. Власть без государства, указывает он, стала обретать новые формы управления миром: новое мироустройство обсуждается в интеллектуальных кругах, в элитарных клубах, в международных правительственных и неправительственных организациях.

В течение последних десятилетий оттачивались формулировки стратегических целей Запада: перераспределение мировых ресурсов, создание «клуба» ведущих государств мира (от G3 до G…), замена национальных демократий господством наднациональной власти мировой элиты.

Способность элиты влиять на события на новом уровне, выражаемая в известной формуле «We build History», видна в духе элитарности, усиливающемся в

мире[134]. А. И. Неклесса указывает, что складывается механизм эффективной частной власти, новый класс неформальных организаций, способных совершать политические действия планетарного значения. Он говорит о специфичном инструменте управления обществом со стороны «аморфной и эклектичной „власти без государства“, оперирующей транснациональными эскадронами смерти» (Неклесса, 2003, с. 7–9). В то же время, как отмечает М. Назаров, «мировая закулиса не в состоянии контролировать жизнь во всем множестве ее хаотичных проявлений ‹…›, но она стремится взять под контроль властные, информационные и экономические структуры государства в их *ключевых точках* – и таким способом контролировать главные процессы» (Назаров, 2003, с. 17–20).

А. С. Панарин подчеркивает, что «элита граждан мира» обладает психологией сектантского подполья, чувствует себя «реконструктором» мира и наслаждается свободой от нравственности. Показательно, что центральной фигурой становится представитель «элитарного меньшинства» – «турист-кочевник» (вспомним Ж. Аттали) или «доброжелательный

---

[134] Появляется интересный образ: строящаяся «пирамида» мирового управления (известный символ, в том числе эзотерический) является перевернутой: в апостасийном человечестве элита возглавляет процесс духовно-нравственной деградации.

расист» (меткая метафора А. С. Панарина), потребляющий культурную экзотику. Она развлекает, но не колеблет представлений о преимуществах «цивилизованных ценностей». На мой взгляд, правы считающие, что на уровне экзотики ресторанов, ночных клубов и публичных домов специфика национально-культурной мозаичности будет поддерживаться. И люди могут посчитать это сохранением национальных традиций, хотя это таковым не является. Поэтому подчеркнем актуальность изучения психологических последствий отрицания укорененности человека в традиции и воспевания «кочевничества» граждан «золотого миллиарда» в планетарном унифицированном многообразии.

В целом, образы глобализм-проекта демонстрируют паразитарные привилегии «элитарного прогрессивного меньшинства», основанные на принципах индивидуализма и социал-дарвинизма. В этих образах, как неоднократно отмечается в книге, все более явно проступают контуры жестко кастового общества («неорабовладения», «неофеодализма»). И отношение к этому современного человека надо осмысливать теоретически и изучать эмпирически.

Значимые грани понимания роли психологии элит в процессах глобализации обозначает М. Делягин (Делягин, 2016). Элитой общества является его часть,

участвующая в принятии и реализации важных для него решений или являющаяся примером для массового подражания. При этом, отмечает он, современную российскую элиту следует понимать как продукт кадровой селекции, когда в кадровой борьбе побеждают наиболее искушенные в тонкостях карьерных интриг. Отрываясь от общества, элита перестает выполнять свои функции, оправдывающие ее существование. Предательство национальных интересов сравнивается с изменой командования воюющей армии[135]. Но почему элиты незападных стран ориентированы на Запад? Считается, что национальная элита обречена действовать в интересах собственных активов (статус, репутация и пр.). Если значимые активы контролируются конкурентами общества, элита поневоле служит их интересам. Однако этот ответ, по мнению М. Делягина, недостаточен. Следует признать, что финансово-экономический образ коллективного Запада остается носителем наиболее универсальных и общедоступных ценностей. Его экспан-

[135] Пример действия национальной элиты против своей страны – опыт Японии конца 1980–начала 1990-х годов. Освоив американский рынок, японские корпорации посчитали ключевым фактором успеха процветание не Японии, а США. Европа после Второй мировой войны всегда была под влиянием США. После 11 сентября 2001 г. она показала, что рассматривает американскую экономику как структурообразующего лидера мирового порядка.

сии служат все участники глобального рынка. Человек может ненавидеть США, быть исламским фундаменталистом и т. д., но собственные финансово-экономические действия превращают его в проводника ценностей Запада. Финансист принадлежит незападной цивилизации лишь тогда, когда он отказывается от использования финансовых рынков. Иными словами, формирование сознания такой элиты выступает скрытой формой внешнего управления обществом: ценности элиты, отвечая интересам его стратегических конкурентов, разрушают общество. Подобной элите естественно стремиться к ценностям либерализации, дающей новые возможности, несмотря на подрыв страны и беды народа.

М. Делягин указывает также на следующий значимый психологический момент. В слаборазвитых обществах традиционная культура отторгает инициативных людей. Образцом для подражания для них становятся развитые страны, и они пытаются «оздоровить» свою страну насаждением новых реалий и ценностей. Даже войдя в национальную элиту, такие люди не могут избавиться от ощущения своего отличия от большинства сограждан, от враждебности к исторической Родине. По мере распространения западных стандартов образования, культуры и ценностей противоречия обостряются. Прозападная элита утрачивает нацио-

нальные ценности, и ее сознание становится несовместимым с общественной психологией. Иными словами, образованные слои неразвитых обществ начинают произвольно и непроизвольно соотносить с западными стандартами все свои действия. И это, по законам когнитивного диссонанса (Фестингер, 1999), питает враждебность к собственной стране.

Современные коммуникации, отмечает М. Делягин, сплачивают представителей государственных и корпоративных систем управления, спецслужб, деятелей науки, массмедиа и культуры на основе общности личных интересов и образа жизни в качественно новый, не знающий границ глобальный управляющий класс. Образующие его люди живут не в странах, а в пятизвездочных отелях и закрытых резиденциях по всему миру. Их интересы обеспечивают частные военные компании. Новый глобальный класс собственников и управленцев раздираем внутренними противоречиями и жестокой борьбой, но как целое он противостоит национальным обществам. Этот новый класс не привязан к стране и не имеет обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков. Будучи «над традиционным миром», он враждебен любой национально-культурной самоидентифицирующейся общности как таковой, и в первую очередь – традиционной государственности. Государ-

ственные управляющие системы также начинают считать себя частью не своих народов, а глобального управляющего класса. Соответственно, большинство национальных элит переходит от управления в интересах наций-государств к управлению ими (в режиме жестокой эксплуатации) в интересах транснациональных финансовых, политических и иных структур. Вопрос о «предательстве элит» раскрывается также в статье М. Делягина с показательным названием «Где твоя страна, Каин?» (Делягин, 2011). Здесь для психологической науки интересны иные грани обоснования предательства национальных элит. На психологическом языке можно сказать, что *архетип Иуды* актуализируется в человечестве в целом.

Мировое правительство

Уточним и это уже знакомое нам понятие. Систему глобального администрирования обычно называют *«мировым правительством».* Правительства традиционных государств становятся сейчас региональной администрацией. Сами же государства превращаются в корпорации, обеспечивающие функционирование наднациональных структур. Нации распадаются на этносы. Народы утрачивают национально-культурную идентичность и смешиваются с мигрантами. При

этом корпоративный принцип способствует появлению этнокорпораций транснационального уровня.

Хотя существование наднационального управления для большого числа людей уже факт реальности, имеет место различие в представлениях о том, что называется «мировым правительством». Для одних оно находится пока лишь в стадии замысла, для других – создания; кто-то исходит из того, что «мировая закулиса» уже полностью правит миром. В любом случае следует признать структуры планетарного согласования и управления частью глобализационных процессов. Об этом, например, прямо говорил гендиректор информационного аналитического агентства при президенте Российской Федерации А. Игнатов на стыке тысячелетий (Игнатов, 2000). Эта надгосударственная структура с разной степенью эффективности за последние десятилетия исполняет роль штаба NWO. В своей работе она ориентируется на интересы элиты, в значительной степени объединенной этническим родством и инициацией в тайных организациях. К структурам международного управления относятся как официальные организации (типа ООН), так и неофициальные влиятельные институты, например, Римский, Бильдельбергский клубы. Все это является, однако, лишь «верхушкой айсберга» негласных наднациональных элитных коммуникаций. И не

ясен вопрос, как многочисленные субъекты глобального действия соотносятся с идеями необходимости единого центра планетарного управления. Не ясна конфигурация нового мира в связи с остатками национальной государственности, которые, как мы видим в последние годы, будут отстаивать свой традиционный суверенитет.

7.5. Психоманипуляция – реальная угроза человечеству

Изучение глобальной психоманипуляции предполагает более глубокое и предметное осмысление ложных (продукт психоманипуляций) и реальных угроз человечеству. Это тем более актуально, что образы ложных угроз могут породить реальные угрозы. Некая пессимистическая или паническая тенденция в отражении происходящего и антиципации грядущего, действительно, является фактором не только переживания человеком угроз, но и «питает» проблемы человечества. Ощущение того, что оно движется, например, к планетарному или локальному региональному (государственному) хаосу, не остается без результата. Дезориентация современного человека является порождением всего спектра информационных влияний на него. Психологическая и духовно-нравственная дезориентация «землянина» связана как с ослаблением защиты своей национальной культуры (традиционными для нее опорами мышления, чувствования и поведения), так и с появлением принципиально новых реальностей человеческого бытия. Привычное ушло, а новое еще не стало понятным, тем более – на фоне апокалиптических переживаний, принимаемых

частью людей за наступившую реальность. В итоге можно выделить два полярных класса представлений: контроль над миром в новой системе мироустройства униполярного или многополярного мира и «мировая апокалиптическая анархия». Между ними в специальной литературе, публицистике, социальной «фэнтези», в блогосфере встречаются представления о различных вариантах управляемого социального хаоса.

Представления о будущем человечества по сравнению с шестидесятыми годами XX в. (а это были образы некой «идилличной глобальной деревни») принципиально изменились. В начале 1990-х годов на публичном уровне еще оставалось представление о «семье народов и культур». Социал-дарвинистские идеи о «золотом миллиарде» с известной долей умолчания о его антигуманных тенденциях стали теснить этот образ с середины 1990-х. Но термины «постиндустриальное», «информационное общество», «социальный постмодерн» не объясняют происходящее (Неклесса, 2005). Идеи «столкновения цивилизаций» Самюэля Хантингтона (Хантингтон, 2003)[136] тоже не

[136] Автором идеи столкновения цивилизаций, предшественником Хантингтона, можно считать известного геополитика А. Льюиса. Он полагал, что ислам – главный враг европейской иудео-христианской цивилизации. Но мусульмане, подчеркивает О. Четверикова, на уровне своих духовных лидеров протестуют против светских ценностей, которые

стали общепринятыми, хотя и обрели за последние годы некий объяснительный потенциал.

Сегодня мы видим сложный образ сочетания «нового варварства» с иллюзиями продолжения «прогресса человечества». Этим задается и одновременно маскируется апостасийный дух времени. В главе 5 мы говорили о том, что на мировую сцену выходит архаика неоязычества и нравственная дикость, грозящие социальным хаосом и мутацией Homo sapience в «Homo-негантропус». Движение к новой действительности, шоковое с психологической и духовно-нравственной точек зрения для одних и «иллюзорно-пре́лестное» для других, является причиной глобальной многомерной конфликтности.

Специалисты признают, что глобализация рождает новые трудности в связи с распространением идей, распределением планетарных ресурсов, создает новые угрозы для существующих социально-политических институтов, для свободы личности, для реализации интересов социальных групп. Но достаточно ли

разрушают христианство. Националисты в Европе критикуют мусульман потому, что они не хотят принять гомосексуальные браки и пр. Идет двойная игра: христианством прикрываются для борьбы с исламом, при этом мусульман используют для реализации антихристианского проекта. Под видом «светскости» реализуется оккультный проект, который основывается не на гуманистической, но на трансгуманистической концепции человека, а ислам в силу своего традиционализма этому мешает (подробнее см.: Антикрестовый поход, 2015).

признания подобных трудностей, чтобы успокоить человека, взволнованного происходящим? Восприятие некоторыми людьми глобализации как «войны нового типа» против традиционных цивилизационных структур и самобытности народов имеет под собой основание. Наднациональный тоталитаризм под маской «глобальной демократии» в представлении все большего числа людей на планете недопустим. Поэтому следует признать важным изучение спектра «образов опасностей» в различных проектах единения человечества с учетом национально-культурных, социальных, профессиональных, возрастных, половых, личностных особенностей людей в различных странах. Это поможет искать пределы насилия над участниками глобализационных процессов (прежде всего за счет применения информационно-психологического оружия).

Антиглобалистические установки совершенно справедливо рассматриваются А. И. Неклессой как спонтанный эмоциональный ответ части человечества на предчувствуемый «шок нового мира». Не могут не вызвать тревоги и протеста идеи о том, что NWO предполагает освобождение людей от патриотизма, национальной религии и т. д. К. Ю. Гордеев, В. Г. Манягин (Гордеев, Манягин, 2003) приводят примеры того, что эти идеи уже в конце 1990–начале

2000-х присутствовали в официальных документах. В последнее время примеров стало больше.

Отметим, что любое информационно-психологическое воздействие на быстро меняющийся мир чревато нежелательными деструктивными бифуркационными последствиями, которые усилят хаотизацию мира. Человечество вступило в фазу, когда хаос будет усиливаться самопроизвольно и преднамеренно. И переизбыток дезинформации и манипуляции с ней со стороны указанных субъектов информационного воздействия, несомненно, усилит социально-политическую энтропию.

Что касается антиглобализма, то он опасен непредсказуемостью последствий. Сможет ли он защитить мир от нового вида тоталитаризма неолиберальной доктрины, или в своей борьбе против NWO антиглобализм будет способствовать хаотизации цивилизации?

Антиглобализм преобразует протест против новой планетарной реальности в «турбулентную политическую субстанцию», чреватую разнообразными следствиями, указывает в своих работах А. И. Неклесса. Пестрый состав движения «антиглобалистов» – от маргиналов до интеллектуальной и духовной элиты Запада, Востока и России свидетельствует, по его мнению, что будущие опасности скорее ощущаются, нежели осознаются. Но сегодня антиглобализм пра-

вых консерваторов в Европе активно развивается. Следует иметь в виду, отмечает О. Четверикова, что они, подавая себя как патриотов традиционной Европы, представляют интересы крупного капитала (Антикрестовый поход, 2015). Они выступают лишь против того, чтобы мигрантам давали возможность превращаться в инокультурный анклав. Но, придя к власти, они будут способствовать установлению более жёсткого контроля за гражданами Европы (последние, например, активно протестуют против электронного контроля).

Об угрозах, приносимых глобализацией, говорят религиозные лидеры, – например, Иоанн Павел II, иерархи православной церкви. Критикуются претензии на гегемонию в странах «третьего мира», – в частности, результаты программ финансовой стабилизации, разработанных МВФ, фактически, как уже подчеркивалось, являющихся системами по выкачке национальных ресурсов.

Итак, представления о современных угрозах должны стать предметом специального (в том числе эмпирического) исследования в психологии.

Образы угроз человечеству в настоящем и будущем

За последние 15–20 лет у все большего числа людей на планете возникает ощущение, что происходящее ведет к развитию глобальных конфликтов. Этот класс образов социального восприятия является фоном для психоманипуляции информационно-психологическими «ужастиками». Но это также реальный сигнал человечеству к пробуждению противодействия угрозам на основе своего духовно-нравственного преображения.

Выделим некоторые общие моменты представлений об угрозах – глобальных и локальных, – о которых можно было говорить уже в прошлых десятилетиях и которые важны для рефлексии угроз современных. Напомним главное: люди ощущали, что в мире прежняя история заканчивается. Пробивается новая, непривычная эпоха, с «картографией, уже обозначенной руинами», как на этот процесс образно указывает А. И. Неклесса. Он говорит об образах «сети зыбкой государственности», при которой «по коридорам глобального андеграунда» будут двигаться грязные деньги, связанные со спекулятивными финансовыми ресурсами легального транснационального ми-

ра (Глобальное сообщество…, 2002).

Рассматривая представления об угрозах будущего на основе мнений экспертов, укажем, что их порождают социально-экономическое расслоение мира, огромное количество социально неустроенных людей (как живущих в своих странах, так и мигрирующих), региональный социальный хаос и многое другое. Угрозы имеют духовно-нравственные и психологические последствия, которые должны прогнозироваться и осмысляться. Среди главных проблем, чреватых конфликтностью, уже с конца XX в. назывались сфера труда и занятости, права расовых, этнических и иных меньшинств, межконфессиональный диалог, демография, положение детей и др. Грядущим перенаселением планеты Римский клуб озаботился еще в 1970-х годах. Исполненная социального дарвинизма стратегия по спасению мира в этом аспекте была неоднократно подтверждена ООН. Установку глобализм-проекта на контроль, подавление и даже избавление от «лишнего населения» следует отметить особо. В войне за NWO проглядываются перспективы уничтожения «лишних землян». Однако правы те, кто считает, что мечты о «блаженстве в земном раю» наднациональной элиты с нужным количеством ее «счастливой обслуги» являются социальными фантазиями. Программа уничтожения/самоуничтожения

«ненужной биомассы» с большой вероятностью выйдет за рамки задачи «перемолоть народы в атомизированную биомассу» (по выражению М. Назарова) и похоронит само «прогрессивное неочеловечество».

Социальный компромисс внутри «стран золотого миллиарда» (за счет психоманипуляций и экономических подачек) возможен только за счет усиления эксплуатации остального мира. Идея «неофеодализма» в виде жестко стратифицированного глобального социума, о чем мы неоднократно говорили, уже не воспринимается многими людьми, исповедующими «общечеловеческие ценности», как нечто невозможное. Похищение людей и содержание их в роли рабов или появление «неоварварских зон», отгороженных от «элитарных пространств», не шокирует защитников прав человека. Люди должны осознавать, что мир с большой вероятностью стоит на пороге воссоздания структур/черт этих древних и, казалось бы, ушедших навсегда форм социальной организации общества.

Предстоят, однако, терминологические уточнения, которые помогут лучше видеть возможную психологическую проблематику. Термин «неофеодализм», например, способен отражать возрастающую элитарность глобального социума, но может быть отнесен к прогнозируемому результату социальной, военной

или космической катастрофы, которая отбросит человечество к «темным векам». Заметим, что представления об архаике новой социальной стратификации имеет опору в «богословски обоснованных» идеях о том, что на земле живут различные подвиды Homo sapience с разными социальными правами, в соответствии с которыми и должна осуществляться социальная справедливость нового мироустройства[137].

В главе 4 мы говорили о «порядке из хаоса», об «управлении хаосом». Один из вариантов такого управления – проведение социальной системы через «тотальную дестабилизацию», т. е. через разрушение, с последующим созданием новой из обломков. Но тотальная деконструкция, как указывает А. С. Панарин, может не завершиться благополучной реконструкцией, ибо чем смелее экспериментируют международные элиты в различных областях современной жизни, тем выше нестабильность современного мира (Панарин, 2000, с. 27).

Стабильность в мире начинает пониматься как опережение негативного развития событий. Но количество конфликтов в мире растет. А. И. Неклесса, напри-

---

[137] Обоснование идеи связано, в частности, с т. н. «преадамизмом», оспаривающим то, что человечество произошло от одной пары прародителей – Адама и Евы (Рябинин, 2005; Дамаскин Христенсен, иеромонах, 1995).

мер, задается вопросом, а заложена ли вообще идея их превентивного урегулирования, и не имеет ли место реализация новой логики поддержания стратегической стабильности в желаемом ключе глобального управления. И это закономерный вопрос, поскольку вопреки заявлениям о естественном воссоздании гармонии из хаоса, этот процесс происходит не без влияния *субъективного фактора* – определенных социальных сообществ, проводящих свои интересы через все возможные каналы влияния на дела планеты. Обосновано существование субъективного фактора, влияющего на синергетические тенденции в рамках самоорганизации хаотических процессов в планетарной реальности (Порус, 2012). Особое значение здесь имеют мировоззренческие и нравственно-духовные особенности индивидуальных и групповых «дирижеров нестабильности» с их религиозно-идеологическими, социально-политическими и экономическими интересами.

Сегодня в мире, помимо забуксовавшего проекта евроатлантического однополярного мира или контуров многополярной планетарной реальности, присутствуют и другие варианты «объединения человечества». Каждый из них несет свои представления о том, каким должен быть мир и, соответственно, специфические угрозы от актуализации, манифестации и ма-

териализации этих образов. Можно говорить, в частности, как минимум о китайском и исламском глобальных проектах. Влияние Индии затрудняется сложностями национально-культурной и религиозной идентичности ее населения. Социальная, политическая и историческая психология в их взаимодействии должны распространить свой междисциплинарный интерес на эту тематику.

Выступающий от имени ислама ваххабитский проект «священной войны» обладает сегодня значительной силой, в частности, в лице ИГИЛ. Проект содержит идеи воссоздания общеисламского халифата в его прошлых границах от Индии до Испании. Сегодня нам навязывают идеи оправдания мусульманского экстремизма как реакции на угнетение и несправедливость. Военные действия в Ираке и Афганистане, поддержка Израиля называются основными составляющими вины Запада перед исламским миром. Проект связан с межцивилизационными столкновениями западного мира с исламскими странами. Одна из проблем социального восприятия «исламского фактора» заключается в том, что радикальный ислам отвергает апостасийные ценности современного западного общества. Не в этом ли заключается одна из глубинных психологических причин принятия западным человеком предлагаемой исламом картины мира? Ислам-

ское проектирование имеет яркую специфику правовой и финансово-экономической системы.

Китайская версия мироустройства предполагает «расселение по планете» (в частности, с «мирной этнической экспансией» в Россию) с сохранением тесной и многоплановой связи с «Поднебесной». Существуют и другие, более частные инициативы, они ожидают своего часа – «кристаллизации» и манифестации соответствующих образов.

С. Переслегин указывает, что мега-проекты мироустройства собираются из различных программ, доктрин и связываются консенсусом элит (Переслегин, 2005, 2007). Мега-проекты носят локальный и глобальный характер. Глобальная проектность США, например, обусловлена претензиями на планетарное лидерство. С. Переслегин говорит о переходе локальных проектных инициатив к наднациональному статусу и подчеркивает, что все проекты предусматривают конструирование мира как иного. Вполне естественными видятся прогнозы эскалации войн с применением военной силы в международных отношениях. Как следствие вышедшего из-под контроля социально-политического хаоса или международного терроризма возрастает вероятность применения оружия массового поражения.

Поэтому будем исходить из того, что проекты стро-

ительства нового мира со стороны любых национально-культурных субъектов при любом содержании и целях должны быть как-то соотнесены с пониманием необходимости противостояния глобальному кризису. Планета Земля является общим домом для человечества, несмотря на различия в видении его дальнейшего развития. «Конфликт цивилизаций» (Хантингтон, 2003), как минимум, не должен усиливаться.

В этой связи невозможно обойти вниманием *миграционный кризис*. Миграция выступает инструментом уничтожения традиционных культур, обществ, государств. Глобальной наднациональной власти легче утвердиться в социуме, где отсутствуют национальности, религиозные традиции, социальная стратификация. В этом плане миграционную атаку на ЕС в 2015 г. многие эксперты сравнивали со спецоперацией. С этим трудно спорить хотя бы потому, что гигантский поток беженцев на всех уровнях был хорошо организован. Официально известно об участии американских фондов. Нельзя исключить и спецслужбы. Значимый аспект осмысления психологии миграционного кризиса связан с тем, что социальный протест против мигрантов можно легко и быстро превратить в этнорелигиозный, этнокультурный протест с обеих сторон. А это мощное информационно-психологическое оружие для тех, кто будет заинтересован в его

применении в рамках ЕС на полях современных геополитических сражений.

Темы миграции глубоко коснулась политолог О. Н. Четверикова (Антикрестовый поход, 2015). Она напоминает, что еще в 1920-е годы основатель Панъевропейского союза Рихард Куденхове-Калерги указывал, что Европа не мыслится как союз европейских наций: французы, немцы, например, являются искусственными национальными образованиями. Единую европейскую нацию необходимо создавать, размывая при этом существующие в Европе национальные идентичности. Он указал, что Европа будет управляться, обобщенно и условно говоря, некой трансевропейской духовно-финансовой элитой (Куденхове-Калерги, 2006). Остальное же человечество превратится в евразийско-негроидную расу и нации исчезнут. О. Н. Четверикова указывает, что, говоря о миграционном кризисе в Европе, следует иметь в виду интересы различных политических сил. Германский бизнес, например, дал понять, что он приветствует пришедшую массу рабочей силы – как легальную, так и нелегальную. Из Сирии в Европу направляются квалифицированные, образованные люди. Неквалифицированным нелегалам найдут место в теневом бизнесе европейской экономики (наркоторговля, торговля оружием, людьми, человеческими органами).

Также отмечается, что в манипуляции политическим сознанием европейцев включены теневые аналитические центры: Королевский совет по международным отношениям, Европейский институт стратегических исследований, Институт Аспена, Институт Брукингса и др. Особая забота в информационно-психологическом воздействии на европейскую элиту направлена на изменение ее сознания в трансатлантическом духе. Влияние национальной элиты, по мнению О. Четвериковой, уже не является определяющим.

Актуальной темой стали *экологические катастрофы* будущего. Здесь также следует выделять как мифы о подобных угрозах, так и замалчивание фактов. Есть данные о существовании, например, экологического оружия, с помощью которого можно вызывать землетрясения или извержения вулканов, отклонять ветра, посылать в определенном направлении генетически измененных насекомых для уничтожения посевов, лазером прожигать дыры в озоновом слое над территорией противника, управлять погодой (Тоффлер, 2005).

Угрозы несет информационно-сотовое общество. Человечество стало слишком зависимым от информационных сетей, с помощью которых управляются уже практически все сферы жизни в развитых стра-

нах. Любой серьезный сбой в сети может парализовать современный город. Главная же опасность, которая в последние годы вышла в первые ряды, связана с военными конфликтами.

Образы военных угроз

Страхи войны (грядущих войн и уже идущих на планете), нагнетаемые в специальных информационных операциях и закономерные, естественные для человека, являются еще одним актуальным предметом психологического исследования. Необходимо искать контрманипулятивные психологические и духовно-нравственные ресурсы, способные помешать как деморализации людей в различных странах, так и возникновению «духа воинственности» в сердце человека.

Сегодня участие вооруженных сил в многочисленных и расширяющихся «миротворческих» операциях приобретает оттенок ползучей «очередной мировой войны». Капитализм подошел к пределу своего развития. Поэтому конфликт между цивилизацией «коллективного Запада» и всеми остальными цивилизациями неизбежен. Академик Сергей Глазьев своей теорией технологических укладов позволяет более глубоко понять, что гегемония транснациональной фи-

нансовой олигархии уничтожает потенциал развития человечества, разрушает государства. Он говорит о «монетаризме» как об «идеологическом опиуме» для стран «третьего мира». Создание не американоцентричного мирового порядка – единственный выход из системного мирового кризиса. Но Запад противостоит этой тенденции, – «цветными революциями», международным терроризмом, «гибридными войнами» и пр. Поэтому возможен и вариант очередной мировой войны, исходом которой будет либо NWO «золотого миллиарда», либо новый миропорядок с новыми центрами силы. В книгах М. Калашникова и Ю. Крупнова «Гнев Орка» и «Третий проект», например, говорится о «пятой мировой войне» – после «холодной» и «финансовой». Иными словами, «малые войны», которые мы видим во многих точках планеты, могут перейти и в «острую фазу», не исключающую применение ядерного оружия. Но в случае провала проекта однополярного мира военных угроз не станет меньше. Как подчеркивает Андрей Фурсов, настанет «эпоха воюющих царств». Возникнут «имперoподобные образования» военизированного характера, что обусловлено необходимостью защиты своей территории от массовой миграции.

Изучение представлений о военных угрозах предполагает знание человеком современной концеп-

ции *«гибридной войны»*, отражающей многоаспектность современной войны и увеличение разнообразия субъектов ее ведения. Война регулярными вооруженными силами трансформируется в войну, которая ведется частными военными компаниями, или будет дополнена ими. Гибридная война предполагает различные виды необъявленной войны в сфере политики, экономики, культуры, демографии и пр. Она, в частности, предопределяет наличие специальных армейских подразделений, подготовленных для действия на территории государства-жертвы в целях подавления сопротивления со стороны народа при оккупации (Грачева, 2011, с. 82–87). Политика США в отношении России заключается в «многомерной гибридной войне», включающей в себя санкционное и информационное давление, кибердиверсии, судебные преследования, создание вокруг нашей страны «загона из проамериканских режимов» и другие методы.

Психологическая война во всем многообразии своих информационных воздействий является элементом гибридной войны. Атаки с помощью информационно-психологического оружия на традиционные духовно-нравственные и религиозные ценности также являются важнейшей частью гибридных войн. Как уже отмечалось в предыдущих главах, это оружие особо эффективно бьет по странам с разрушенной

отечественной идеологией общества (в 1990-х годах Россия была конституционно деидеологизирована не случайно), ослабленной национальной и государственной социально-психологической идентификацией, развитой «толерантностью», позволяющей вбрасывать идеи, разрушающие страну.

Эксперты также заговорили и о «сетецентричной войне» США за достижение информационного превосходства над любым потенциальным противником. Здесь планируется с опережением уничтожать центры обработки информации и управления. «Сетецентричную войну» кто-то метко сравнил со стаей пираний. Спецподразделения защищают собственные сети связи и управления и обучаются выводить из строя компьютерные сети противника и взламывать его базы данных. Масштабные проблемы могут вызвать атаки на интернет-серверы в стране, компьютерное обеспечение ее гражданских институтов власти, технических сооружений и военных объектов.

В информационно-психологическом обеспечении геополитической тематики следует обращать особое внимание на *представления людей о военных опасностях*. Россия, например, вновь рисуется империей зла. Еще в середине нулевых годов, а тем более после событий в Южной Осетии и в Украине, звучат «новофултоновские речи», подсчитываются боеголовки,

которые нужно сбросить на Россию, чтобы она не смогла ответить «ударом возмездия», раздаются призывы не бояться реагировать военными средствами на российскую угрозу.

В качестве предмета специальных исследований обозначим виды социальных представлений о геополитической безопасности.

На основании нашего анализа материалов СМИиК, публицистики, интернет-форумов и т. п. есть основания заключить, что в *представлениях о военных угрозах* сегодня у все большего числа людей присутствует образ военных конфликтов с участием России, включая возможность «третьей мировой войны». В этом контексте должны осмысляться все образы международной и национальной безопасности. В России, в частности, это образы ситуации в Украине, на Кавказе и Закавказье, в Сирии, в странах СНГ. Образы военных угроз – это также представления о геополитических последствиях продвижения НАТО на Восток, о потенциальных исламской и китайской опасностях. Они связаны с образами состояния армии, обороноспособности страны. Темой социального восприятия выступают образы внешнего вмешательства для изъятия природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока на фоне представлений о возможностях защищать данные регионы.

Представления об утрате реального суверенитета связаны прежде всего с образами современного «партнерства» России с «коллективным Западом». В рассматриваемую группу следует отнести и систему взглядов прозападной российской элиты с описанием того, как она представляет себе настоящее и будущее страны и мира. У российской элиты в 1990-е годы при уже очевидной цели у основных геополитических игроков по переделу ресурсов планеты не было представления о возможном военном противнике. Существовало и представление о том, что элита, повязанная счетами в западных банках, не решится применить «ядерный щит» в случае необходимости. Актуален также учет представлений людей о возможности внешнего управления Россией через прозападную элиту (при демонтаже российской государственности). Соответственно, актуален *образ защитника государства* в лице национально ориентированной элиты.

При изучении *образов угроз национальной безопасности невоенного характера* следует говорить об отсутствии общенационального идеала как следствия огромного неравенства людей, кризиса национальной идентичности. Поэтому актуально изучение представлений людей о ценностях, адекватных задачам национальной безопасности. К представлени-

ям рассматриваемого класса, несомненно, относятся образы: *а) наркобизнеса, б) состояния науки, образования, здравоохранения, в) вымирания населения, г) захвата территории страны вследствие миграции других народов*. Актуален *образ «потерянного поколения»* (1985–1990-е годы) и *образ восприятия* этим поколением происходящего в мире. Печальный исследовательский интерес вызывает типичный образ недавнего прошлого – превращение России в «мировое захолустье». Данному образу соответствует и образ «санитарного кордона» вокруг России и даже возможности силового внешнего контроля над «зоной бедствия» (мировые СМИиК, несомненно, дополнят образ, рисуя «вечную угрозу», исходящую от России миру). Отметим, что содержание всех классов перечисленных социальных представлений определяется в континууме «прозападного» и «почвеннического» мировосприятия.

В плане осмысления информационно-психологических операций в военном измерении глобальной политики важной является *теория справедливой войны*, заложенная в военную доктрину США. Данная теория подается как «инструмент мира», маскируя сущность американской внешней политики и придавая «человеческое лицо» оккупантам (Майкл Чосудовски, цит. по: Грачева, 2010, с. 87–90). Война пред-

ставляется как «гуманитарная операция», как военная интервенция по «этическим соображениям» против «мятежников», «террористов», «неправильных стран» и пр. «Нанесение первого разоружающего удара» обосновывается «правом на самооборону». И «справедливая» война получает достаточно широкое признание в мире; по крайней мере, не вызывает вопросов у правозащитников. Пример с Югославией показателен. Агрессия же против России может начаться в рамках «справедливой» войны не только на Кавказе, как об этом прямо говорили несколько лет назад, но и в связи с Украиной. Локальные военные конфликты в последние десятилетия направлены на ослабление титульных наций в государствах. Примерами являются Сербия, Россия. В 1990-е годы в нашей стране, подчеркивает В. А. Рябинин, национально-патриотические движения были в значительной степени табуированы, создавалась законодательная база для рычагов подавления народного самосознания.

О роли России в новом военном измерении мира

Большую роль в реализации или предотвращении глобальных угроз играет Россия. Возникает актуальный вопрос изучения представлений об этой роли, ко-

торые имеются и у ее граждан, и у людей за рубежом. В последние 2–3 года эти представления стремительно меняются в связи с тенденцией возвращения нашей страны на геополитическую арену. Поэтому мы не будем рассматривать последние инновации в системе социальных представлений людей. Отметим лишь некоторые общие моменты, имеющие место на период до украинских и сирийских событий.

С. Переслегин (Переслегин, 2007) указывал на взаимодействие России с тремя мировыми цивилизациями, на исторический опыт существования страны в форме империи. Он подчеркивает, что для России возможна либо глобальная проектность, либо никакой. Этот момент соотносим с идеями об исторической роли России в мире. Но реализация этой роли будет зависеть от того, каким путем пойдет Россия. Современное международное положение нашей страны, его восприятие нами и извне мировым сообществом – тема отдельного разговора в контексте именно проблематики психоманипуляций с политическим сознанием людей. Можно видеть как возможность позитивного вклада России в будущее мира, так и опасности ее дезинтеграции. И в этом плане велика роль информационно-психологических операций, которые проводятся и внешними противниками «исторической российской государственности», и их «пятой колон-

ной» внутри страны. Необходимо искать «золотую середину» участия России в интеграционных процессах – не выпадая из того, что определяется объективными моментами, но и не допуская снижения национального суверенитета.

С психологической точки зрения важна типологизация социальных представлений по тематике угроз. В этой связи следует указать на отсутствие в российской элите ясных представлений о смысле существования России в мире. Роль управляемого извне сырьевого придатка или идеи «либеральной империи» в результате транснационализации российской элиты не могут быть (и не стали) стратегией страны. В 1990-е годы «в верхах» доминировали подобные образы. В эти годы интересы элиты заключались в использовании ресурсов России для личного обогащения. Все происшедшее со страной за почти 30 лет закономерно. Но подобные цели элиты несовместимы с сохранением России в качестве независимого государства. Ведь даже рост населения невыгоден прозападной элите.

Образ России с бутафорским национальным суверенитетом и функцией сырьевого придатка будет влиять на происходящее, определять будущее страны. Поэтому ошибочны представления граждан, согласно которым в реформах после 1991 г. было просто что-

то не продумано, не состыковано. Данные представления являются результатом эффективных психоманипулятивных информационно-психологических воздействий в перестроечно-реформаторские годы. Чтобы остановить сокращение реального суверенитета страны, сужения ее возможностей, необходима ориентация элиты на национальную экономику, на самостоятельную геополитическую стратегию. При смене власти легко провоцируются конфликты в элитах. Политико-экономические, военные и пр. кланы начинают воевать друг с другом за бюджетные деньги, экономические проекты и т. д. В этих условиях элитный консенсус по поводу государственных интересов выработать трудно.

На Западе Россию хотели и хотят видеть играющей по правилам глобализирующейся экономики (особенно в сфере энергетики), реагирующей на угрозы в сфере безопасности в западном понимании. Запад в 2000-е годы не устраивала выборочная интегрированность нашей страны в мировую экономику, минимизация воздействия на страну глобального рынка. Он был обеспокоен тем, что Россия готова участвовать в международной экономике на своих правилах, что она и подтвердила противостоянием западным санкциям после 2014 г. Возрождение страны в нынешнем виде делает образ ее национальной субъектно-

сти на Западе отрицательным, к тому же усиливаемым традиционным западным страхом перед Россией. На Западе ее право на безопасность и благополучие декларируется только в ответ на преодоление «имперскости», на «вестернизацию» российской политической системы. России обещано место в глобализм-проекте при условии предоставления ресурсов страны на транснациональный уровень и следования в фарватере Запада. Заявлялось, что при вхождении России в реализацию монополярного глобализм-проекта выгоды превысят ценности сохранения независимой внешнеполитической субъектности. Образ России в многополярном мире – это образ страны, мешающей решению многоуровневым «коллективным Западом» своих задач.

Известный термин «суверенная демократия» (В. Сурков) в прошлом десятилетии предполагал как уход от конфронтации с экономическими реалиями, так и отказ предоставить национальные ресурсы в распоряжение «новых хозяев планеты» (Третьяков, 2005). Но как Россия сможет взаимодействовать с Западом, если предлагаемая форма участия в глобализм-проекте для нее неприемлема, а ее современная позиция в связи с украинскими и сирийскими событиями вызвала отрицательную реакцию у основных геополитическо-экономических игроков? Как сов-

местить выгоды от участия в глобализации и дистанцирование от нее для сохранения субъектности международных действий и контроля над национальной экономикой? Как соотнести это с тенденциями де-глобализации и многополярности мира?

Отметим также, что информационные воздействия в СМИиК строятся из убеждения, что Россия не является реальным полюсом силы. А это психоманипулятивный ход – продавливание определенного образа в глобальное информационное поле. Поэтому представления людей – от простых граждан до носителей экспертного уровня в области политики и экономики, а также представителей властной вертикали – также должны изучаться предметно с акцентом на их прогностичность и материализацию. Это послужит важной задаче – созданию и транслированию системы образов/символов, выражающих геополитическую позицию России в новой для нее ситуации возрастания угроз в связи с санкциями и давлением на нашу страну. В поиск ответа на вопрос, сможет ли Россия противостоять «гибридной войне», должна включиться и психологическая наука, осмысливая глубинные социально-психологические коды российской ментальности. Бóльшее самопонимание на основе большей рефлексии происходящего с миром и со страной поднимет уровень национального само-

уважения.

Идеи многополярности мира, сохранения традиционных нравственных норм и высших духовных смыслов должны родить новое качество «послания России миру», оправдав пророчества о ее особой роли «евразийского сердца мира». Интересной проблемой является изучение социальных представлений людей об исключительно «европейском пути России», не приемлющих идею ее особого исторического пути. Причем интересны особенности социального восприятия смотрящих на Россию как извне, глазами иностранца, так и изнутри – с позиции ее граждан. Носители прозападного сознания склонны не вспоминать о постоянных попытках вторжения Запада в нашу страну.

Отметим, что в СМИиК можно увидеть достаточно абсурдные утверждения о существовании якобы традиционного российского инстинктивного страха перед «более высокоорганизованными сообществами», т. е. страха контакта с западным миром. Подобная идея, на мой взгляд, является проявлением защитных механизмов социального восприятия носителей прозападного сознания. Более резонно говорить о проекции западных страхов – например, известного страха перед необъятностью и непредсказуемостью России (об этом, в частности, говорил Ф. М. Достоевский), ее

исторической «непотопляемостью», обладанием историко-мистическими качествами «птицы Феникс».

Темой для психологического анализа СМИиК является, конечно, и Украина. Но эта тема, в силу свой крайней политизированности, требует предельно тщательного рассмотрения, что невозможно в рамках данной монографии. Поэтому отмечу лишь несколько моментов. На Западе, например, считают, что главным заблуждением Путина является непонимание того, что аннексия Крыма несет России больше потерь, чем приобретений. Но исходя из геополитических интересов современной России, из исторических (и метаисторических), нравственных аспектов, отраженных в историческом сознании народа, должно быть ясно: иначе поступить в украинском кризисе было нельзя. Для российского исторического сознания создание в Севастополе базы НАТО немыслимо. И дело не столько в изменении баланса сил в черноморском регионе, опасного для национальной безопасности страны, но и в исторической памяти народа о борьбе за Черное море (оборона Севастополя в XIX и XX вв. и т. д.). Социальная и политическая психология должна осмыслять, что происходит в Украине. Для научного анализа в этом направлении полезны любые идеи, высказанные политиками, публицистами, журналистами, писателями. Писа-

тель Александр Проханов, например, отмечает: если единоверцы, родственники, сослуживцы, коллеги по работе ненавидят и даже убивают друг друга, то это гражданская война, но если система социальных установок на национально-культурную полифонию в стране встретилась с национализмом, симпатиями фашизму, с объявлением кого-то второсортными людьми, то это уже столкновение цивилизационных ценностей. Нельзя оспорить и право тех людей, кто считает донбасское противостояние защитой русскоязычного украинского народа с пророссийскими социально-политическими установками и ценностями от будущих унижений, преследований, уничтожения глубинной национально-культурной идентификации[138].

В целом же осмысление кризиса отношений России со странами СНГ, с различными этнокультурными образованиями в самой Российской Федерации подводят психологическую науку к одной из главных теоретических проблем психологии информационных воздействий. Речь идет о соотношении планетарных и локальных архетипов, понимаемых

[138] Я не склонен исключать из анализа присутствующий в любой геополитической точке наднациональный фактор. «Крым наш» может быть шагом, неким зарезервированным ходом с отдаленными последствиями в очень большой геополитической «шахматной игре» на евразийском пространстве, в том числе в плане попыток переформатирования всего «подбрюшья России» от Черного до Каспийского морей.

как глубинные «внутренние условия», через которые действуют внешние информационно-психологические воздействия в роли соответствующего одноименного оружия.

Большой интерес, соответственно, представляет анализ форм искажения духовно-нравственных смыслов в российской общественной жизни. Эти искажения духовного познания на уровне макросубъектов должны сопоставляться с аналогичными данными в других культурах. Понятно, что здесь особую значимость приобретает изучение *манипуляции духовно-нравственной сферой и религиозным сознанием*. Этому вопросу не случайно посвящена глава 5. Особая тема перспективных исследований – влияние духовно-метафизического и метаисторического факторов на современный российский менталитет (Гостев, 2015а). Известное в социальной психологии, психологии личности, психологии религии (например, о сектантской психологии, о переживании мистического опыта, оккультных магических практиках и т. п.) получает иное видение в качестве элементов глобальной психоманипуляции в процессе духовно-нравственной апостасии человечества. Психология должна выйти на тему «психологии апостасирующего сознания» современного человека как важнейшего аспекта изучения роли духовно-нравственной сферы в жизни со-

временного человечества.

Итак, более широкое знание о происходящем социально-политическом, экономическом, идеологическом и ином планетарном проектировании помогает человеку складывать информацию от СМИиК в свой индивидуальный «информационный пазл». И этот «пазл» затрудняет глобальную психоманипуляцию, помогает человеку проявлять свой потенциал активного субъекта СМИиК в движении к адекватности социального восприятия и антиципации будущего. Психологической науке же в целом пора более предметно и интенсивно думать о противостоянии глобальной манипуляции.

Глава 8. Контрманипулятивные психологические и духовно-нравственные ресурсы

К счастью для нас, эти торговцы ложью, наживающиеся на людском легковерии, еще не дошли до такого совершенства, чтобы все происходило по их желанию, потому что люди не бывают только дураками или мошенниками. Средний человек достаточно разумен по отношению к вещам, представляющимся его непосредственному вниманию, и достаточно альтруистичен там, где дело касается общественного блага или индивидуальных страданий, которые он видит собственными глазами.
Норберт Винер, «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине»

Информация, представленная в предыдущих главах, показывает, что современный человек живет в спонтанно возникающих неконтролируемых и преднамеренно организованных информационных потоках, от которых трудно защититься. Это предполагает раскрытие закономерностей и механизмов защиты от таких воздействий. Психоманипулятивные информационные влияния не являются чем-то фаталь-

ным, жестко предопределенным в жизни человечества. Возможность противодействия манипулированию социальными представлениями и мировоззрением человека существует. Например, создание образа криминальной России бесчисленными сериалами в течение почти 30 лет не означает, что картина мира у большинства россиян уже не содержит здоровых элементов жизни общества. Одно лишь знание об информационно-психологических операциях, проводимых в мире, способно быть защитой. При всех успехах «промывания мозгов» будем помнить о потенциальных возможностях противодействия личности психоманипулятивным влияниям. Человек, в частности, склонен искать информацию, которая подкрепляет его уже сложившиеся политические представления, не избегая при этом иных мнений (Латынов, 2014а). Иными словами, современный человек пока достаточно устойчив в сохранении своей интеллектуальной и духовно-нравственной свободы. Он не бежит механически вслед навязываемым ему мнениям, ценностям, идеалам, духовно-нравственным нормам. Более того, люди не всегда действуют в соответствии со своими же собственными социально-психологическими установками (в психологии рекламы и маркетинга это ясно показано).

Однако для того, чтобы контрманипулятивные ре-

сурсы реализовались в полной мере, психологической науке все же предстоит более глубоко разобраться с проблемой сопротивления серьезной «промывке мозгов». Исследование противодействия человека психоманипулированию по всем обозначенным в книге каналам информационного влияния предполагает раскрытие механизмов и способов его нейтрализации. Причем сделано это должно быть на различных уровнях – от простых психологических приемов до нравственно-духовного самосозидания человека: воздействие имаго-символосферы на внутренний мир личности предполагает веру в способность человека именно в этом качестве противодействовать образам с ложно-духовной, скрытой и явной отрицательной семантикой. Именно поэтому главным аспектом в наших исследованиях социального восприятия и прогнозирования оказывались искажения в познании духовных смыслов бытия.

Основной трудностью в поиске контрманипулятивного ресурса является возросшее влияние НИТ – *нового уровня организации имаго-символосферы общества и глобального социума.* Этот новый уровень развивает, усиливает манипулятивные возможности информационно-психологических влияний. Насколько они могут быть скомпенсированы человеком, – например, его творческой конструктивной и обществен-

но-полезной социальной активностью? Какова роль духовно-нравственной и религиозной жизни человека и общества в противостоянии навязываемым идеям, образам, социальным установкам?

Итак, с одной стороны, мы видим усиление психоманипулятивных влияний на личность. С другой – есть основание для оптимизма относительно возможностей противодействия этим влияниям: человек обладает устойчивостью в сохранении собственной системы социальных представлений. Обобщая, подчеркнем, что были бы неверными *как занижение, так и завышение* возможностей внутреннего психологического и духовно-нравственного сопротивления. Только такая исследовательская установка позволит определить, насколько человек реально поддается манипуляции. Психику и трудно, и легко повредить намеренно, как подчеркивает И. В. Смирнов (Смирнов, 2003). В силу многомерности она устойчива к действию нового стимула. В то же время, минуя сознание, в нее можно ввести информацию, которая добровольно не была бы принята человеком.

8.1. Активность объекта информационно-психологического воздействия как ресурс противостояния

Главным психологическим фактором контрманипуляции, как неоднократно отмечалось, выступает активность человека в качестве объекта информационно-психологического воздействия. В то же время теоретический тезис о том, что человек является активным субъектом, строящим свою картину мира и социальной реальности, а потому он не подвластен «промыванию мозгов», является в достаточной мере идеалистичным утверждением. Методологическая установка на изучение активности личности в ходе ее взаимодействия со СМИиК в определенном смысле игнорирует негативные стороны воздействия массмедийной информации, постулирует чрезмерную рациональность человека, его осознанный выбор необходимой ему информации. Многие исследования показали, что люди не до конца осознают причины своего поведения и бывают иррациональны в своих поступках (Латынов, 2014а, с. 14). Добавим, что сформированная на основе целостного жизненного опыта

(или опыта отдельных периодов жизни) система мотивации человека прямо или опосредованно влияет на выбор им информационных воздействий вместе с соответствующей им долей психоманипуляций. Выбрав же те или иные источники информации, человек может в дальнейшем оказаться в зависимости от них. Мы видим, что либеральная и патриотическая пресса в современной России имеют свои целевые аудитории, задавая им оценки происходящего.

Итак, с одной стороны, будем исходить из того, что человек обладает высоким контрпсихоманипуляционным потенциалом. Всегда есть люди, видящие неправду, интуитивно чувствующие ложь «кожей», способные на рациональном уровне докопаться до истины. Проамериканизмом и прозападничеством не болеют сотни миллионов людей на планете. В России всегда были, есть и будут противники реформирования страны по западным лекалам и встраивания ее в фарватер коллективного Запада. На Украине есть оппозиция «послемайданным» властям. В христианстве были, есть и будут «противоапостасийники». С другой стороны, отметим, что все же творческие субъекты контрманипуляции, к сожалению, не составляют большинства.

Принцип активности субъекта противодействия психоманипуляциям работает и на уровне группово-

го/общественного сознания. И в эмпирических исследованиях, и на уровне обыденного сознания подтверждено, что люди часто поступают наперекор навязываемым им мнениям, ценностям, идеалам, нормам поведения или остаются равнодушными к ним (по крайней мере, как им кажется). Также отметим, что сознательно или неосознанно человек выбирает из потока СМИиК сообщений то, что отвечает его интересам. Иными словами, оказавшись в роли объекта информационного воздействия, человек не превращается в марионетку, в пассивный приемник информации. Занимая активную позицию в отношении информационно-психологических влияний, он становится участником ситуации воздействия (Латынов, 2012а, б, 2013, 2014в; Юревич, Марченко, 2012). Эта активность проявляется в разных направлениях: в выборе стратегии и конкретных приемов реагирования на воздействия, в глубине и типе когнитивной обработки поступающей информации. Привлекательность источника воздействия или характер аргументации в зависимости от когнитивной установки человека оказывает различное влияние на эффективность воздействия.

Вместе с тем, будем отдавать себе отчет в том, что принцип активности объекта психологических воздействий является неким теоретико-методологиче-

ским идеалом. В реальной жизни на данный принцип накладываются разнообразные ограничения частных случаев. Экспериментальные исследования, как отмечает в своих работах В. В. Латынов, показали ошибочность представлений об объективном, обстоятельном и вероятностно-правильном подходе людей к задаче анализа социальной информации. Часто в ситуации воздействия человек идет по пути наименьшего сопротивления и использует (в силу отсутствия желания или возможностей) минимум когнитивных усилий при анализе информации и вынесении суждений. В этой связи следует указать на роль амбивалентных, т. е. подверженных изменениям, социальных установок: их наличие у человека снижает его устойчивость к психологическому воздействию, повышает восприимчивость к информации, поступающей из ближайшего социального окружения.

Примечательно, что в 1970-е годы преобладающим был тезис о том, что человек при обработке социальной информации становится «когнитивным скрягой», принимающим в расчет наиболее заметные признаки социальных объектов и не особенно утруждающим себя анализом. В дальнейшем исследователи отказались от такого «минималистского» понимания обработки социальной информации человеком. Но для осмысления глобальной манипуляции (а это, напом-

ним, высший и неотъемлемый от нашего анализа уровень психоманипуляций) указанные ограничения «когнитивного скряги» остаются более чем актуальны. Прежде всего они теоретически значимы в плане объяснения значительной слепоты в социальном восприятии современного человека. В предыдущих главах отмечалось, в частности, что на уровне глобальной политики эффективно используются, например, двойные стандарты, но очень многие люди не видят манипуляций на их основе. Применительно к менее сложным объектам социального восприятия отказ от «минималистского» подхода является адекватным. Начиная с 1980-х годов, отмечает В. В. Латынов, все больше сторонников стала приобретать идея «мотивированного тактика». В зависимости от мотивации, индивидуальных способностей и объективных возможностей человек выбирает различные подходы к *анализу* информации – от практически мгновенных, порой *слабо* осознаваемых реакций до обстоятельной и длительной ее обработки.

Итак, сегодня мы видим определенный рост интереса к *проблеме сопротивления информационно-психологическим воздействиям.* Выявились факторы, активизирующие установку на такое сопротивление, а также возможности формирования у человека критичности к поступающей информации. На ее

переработку влияют мотивация, когнитивные способности человека, его осведомленность о проблеме. Становится понятным, что контрманипулятивный феномен надо изучать в зависимости как от «тонкости психоманипулятивных искушений», так и от особенностей сопротивления человека: от непроизвольного, «инстинктивного сопротивления» до интеллектуальных и духовно-нравственных усилий. Важнейшим аспектом выступает конкретное содержание воздействия, его информационный канал, субъект психологической атаки. Психологическая наука должна включиться в поиск контрманипулятивных мер противодействия информационно-психологическим воздействиям, деструктивным для России. Эта тема должна рассматриваться в контексте национальной безопасности, определяемой, в частности, устойчивостью национального менталитета (Смирнов, 2005). Такая устойчивость является контрманипулятивным ресурсом.

Сопротивление группового и тем более общественного сознания – отдельная тема. Главным контрманипулятивным ресурсом здесь также выступает адекватность социального отражения. В этой связи полезен поиск параллелей в индивидуальном и общественном сознании, о чем говорилось в главе 5. Преодоление массовой деградации нравственного созна-

ния и повышение на этой основе адекватности социального восприятия в социальных группах является значимым фактором сохранения баланса традиционного и инновационного в мировоззрении людей. Данный баланс, защищающий от крайностей, может сохраниться и в национальных культурах, и в человечестве в целом. Будем понимать его сохранение как аналог покаяния, т. е. изменения образа мыслей и самой жизни человека в соответствии с духовными законами мироздания.

Глобальная психоманипуляция предполагает всеохватность, непрерывность, адресность информационно-психологических воздействий определенного содержания. Она стала реальностью при отсутствии действенного противостояния людей. Приходится признавать, что психоманипуляции на всех уровнях планетарной жизни эффективны. Возможности противодействия психоманипуляциям изучаются недостаточно. Эмпирические данные на уровне лабораторных исследований практически отсутствуют.

Областями интереса в исследовании контрманипулятивных ресурсов выступают:

• инвентаризация психологических и социально-психологических приемов противодействия психоманипуляциям;

• знания об охранной и «искажающей» роли инер-

ции социальных стереотипов, политических установок, экономических представлений и пр.;

• создание информационных каналов для формирования определенных социальных установок, оценок массмедийных сообщений и задаваемых СМИиК социальных представлений;

• донесение до аудитории аргументированных иных точек зрения, разрушающих навязываемые психоманипулятивные представления и оценки;

• учет национально-культурных особенностей проявления массовидных реакций в «психосфере» общества (например, историческое знание о склонности общественного сознания к массовой истерии);

• углубление понимания людьми сути глобализации – за происходящими событиями надо учиться видеть «ноуменальные» причины в глубоких пластах планетарного культурно-исторического процесса;

• опора на религиозную традицию как «фильтр» социальных инноваций; в частности, апостасийные тенденции в мире должны быть осмыслены с духовно-нравственных и метаисторических позиций и отделены от своего идеолого-мифологического прикрытия.

Рассмотрим эти контрманипулятивные ресурсы.

8.2. Психологический уровень сопротивления психоманипуляции

Прежде всего, нужно знать основные информационно-психологические угрозы: как известно, «предупрежден – значит вооружен». Сопротивление им задается, например, негативным отношением человека к самой возможности изменения его внутреннего мира и поведения. В. В. Латынов (Латынов, 2012а, 2013) анализирует различные трактовки понятия сопротивления информационному воздействию. Он подчеркивает задачу выявления факторов (социально-ситуативных и индивидуально-психологических), определяющих появление установки на сопротивление воздействию. Люди, в частности, могут считать, что их представления о мире не требуют коррекции, и потому не интересуются мнением других людей. Кто-то стремится к независимости суждений по принципу «может быть, я и не прав, но не вам учить меня», а кто-то не хочет менять уже высказанное мнение. Именно установка на сопротивление воздействию побуждает человека к контрманипулятивной активности, порождая соответствующие эмоциональные, поведенческие и когнитивные реакции. Данные реакции могут объединяться в целостные системы, получившие на-

звание *стратегий сопротивления воздействию.*

Использование той или иной стратегии зависит от ряда факторов, в том числе от степени ее социальной приемлемости. Так, стратегия, предполагающая оспаривание истинности навязываемой позиции, используется чаще, чем стратегия дискредитации воздействия. Стратегии различаются и тем, на каком этапе воздействия они используются. Стратегии первого уровня активизируются в момент непосредственной оценки поступающей информации. К ним относятся: дискредитация субъекта воздействия, поиск контраргументов в отношении навязываемой информации и аргументов в поддержку собственного мнения. Если человеку не удается отвергнуть поступающую информацию как ложную или несущественную, приходят стратегии: а) снижения значимости объекта, оценку которого пришлось изменить под информационным воздействием, или б) ограничения применения полученной информации к оценке объекта.

Перейдем к более конкретным аспектам в сопротивлении информационно-психологическим воздействиям.

Простые методы противостояния

Исследование контрманипулятивных ресурсов мо-

гут начинаться с описания и анализа простых рекомендаций информационно-психологического сопротивления. Представим обобщенно приемы и социальные факторы, снижающие психоманипулятивность информационно-психологического влияния. Они достаточно репрезентативно изложены в книге С. Кара-Мурзы (Кара-Мурза, 2000).

1. Минимизация контакта с источником в СМИиК при ощущении «втягивания» в информационный поток. Внимание следует обращать на оценку объективных оснований сенсационности и срочности сообщения. При ощущении сенсационности надо усилить недоверие к информации или прервать контакт. Человеку полезно учиться понимать, что телевизионные новости являются внушением, преследующим цель формирования доверия к официальной версии событий (прекратившие смотреть телевизор, как правило, осознают его суггестирующее воздействие).

2. Формирование самостоятельных и более глубоких интерпретаций некой информации на основе установки непринятия сообщения «за чистую монету» и поиска того, что стоит за ним. Нежелающий стать объектом манипулирования должен стараться «чуять подвох» и стараться проверять получаемую информацию.

3. Отвержение в СМИиК безальтернативных, навязчивых (навязчивость – признак «информационного вируса») и «продавливаемых» трактовок[139].

4. Осознание психоманипуляций в случаях привлечения авторитета из совершенно иной сферы для поддержки какой-то позиции[140].

5. Тренировка внутреннего диалога, помогающего замечать противоречия в задаваемых версиях событий, в информационном сообщении[141].

6. Восприятие некоего сообщения «без лишних эмоций». При обнаружении «игры на чувствах» следует воспринимать сообщения максимально трезво[142].

7. Знание о собственном стиле интерпретации сообщений. Одних людей сомнения относительно полученного сообщения подталкивают на поиск исти-

---

[139] Так, в 1990-е годы на российском телевидении проблемы деградирующей страны не поднимались. Внушалась установка «иного пути нет». В теледебатах допускались лишь «противоречия» между олигархами.

[140] Например, должны возникнуть вопросы, зачем киноактер Депардье приезжал в Москву агитировать за Ельцина, а академик Сахаров внушал мысль, что СССР должен разделиться на 35 государств.

[141] Так, при организации международной политики с позиции «права сильного» трудно не заметить диссонанс с «демократической» риторикой.

[142] Полезно, например, помнить, что предлагаемый «образ врага» является одним из самых популярных видов политических психоманипуляций. В то же время часто этот образ не является иллюзией.

ны. Другие принимают сообщение как одну из версий. Кто-то не желает тратить силы и время, чтобы критично отнестись к содержанию информационно-психологического воздействия, и усваивает информацию на основе стереотипов, предрассудков и мифологизированных пред ставлений[143].

8. Воссоздание исторического контекста или аналога некой социально-политической проблемы[144]. Восстановление для этого исторической памяти народа, преодоление фальсификаций истории.

9. Осознание того, что через подачу некой информации происходит проведение в жизнь определенными субъектами информационно-психологического воздействия конкретных социально-политических, экономических и иных проектов[145].

---

[143] Особый интерес для исследователя представляет вариант, когда человек не хочет убедиться в чем-то достаточно очевидном, как бы сам желая быть одураченным по разным причинам, – например, чтобы избежать ситуации когнитивного диссонанса.

[144] С. Кара-Мурза отмечает, что проблема приватизации земли в РФ в 1990-е годы, например, представлялась обществу как чисто экономическая. Не сообщалось и о том, что покупка земли считается лучшим способом отмывания денег.

[145] С. Кара-Мурза, например, говорит о том, что социально-экономические последствия реформ в РФ стали возможны благодаря ошибочному выбору большинства людей на основе непонимания ими сути перестройки/реформ под действием манипуляции общественным сознанием.

10. Анализ массмедийного языка. Использование «птичьего языка» означает наличие канала чьих-то интересов. Непонятные слова имеют целью подавить слушателя фальшивым авторитетом «эксперта» либо выполняют роль суггестирующего шаманского заклинания. Полезно пересказать некое сообщение другими словами, избегая идеологических категорий[146].

11. Анализ того, что именно обслуживают рекламные образы. Для этого и исследования психологии рекламы, и сами люди должны оценивать ее нравственно-мировоззренческий аспект. Чисто психологического изучения рекламного образа недостаточно, необходимо учиться видеть символические уровни рекламной имаго-символосферы, духовный смысл предлагаемого ею.

12. Изучение символики информационно-психологических операций.

Поговорим подробнее о некоторых частных аспектах защиты от психоманипуляции.

---

[146] Действительно, интересы глобального капитала в постсоветской РФ обслуживаются малопонятной экономической терминологией (секвестр и пр.). С. Кара-Мурза на одной из лекций в Испании отошел от идеологических категорий и говорил о показателях жизни. И это произвело эффект – для очень многих факт отсутствия наркомании при советском жизнеустройстве перевешивает все блага «общества потребления».

Имаго-символосфера

Социальной психологии предстоит изучать индивидуальный нравственный фильтр потоков образной информации, обслуживающих СМИиК. Актуальность таких исследований определяется тем, что нравственно-психологические фильтры переработки образов изнашиваются под воздействием информационной осады. Задаваемая система образов, включаясь в регуляцию жизнедеятельности человека, способна ослаблять сопротивление информационно-психологическому воздействию в целом. В результате психоманипуляция будет восприниматься все менее критично. Соответственно, образы больше повлияют на формирование/изменение социальных представлений и мировоззрения людей. Б. М. Сапунов подчеркивает (Сапунов, 2001), что навязывание определенных мыслей, картин мира через подсознательное в человеке разрушает «культурные скрепы». Г. П. Бакулев также отмечает (Бакулев, 2010), что сегодня часть социально-культурных барьеров, препятствующих прямому влиянию массмедиа, разрушена. Сами СМИиК стали технологичней, функциональней, доступней. Основная незащищенная аудитория значительно увеличилась за счет детей, остающихся перед экраном

без присмотра (Юревич, Марченко, 2012). Тема поиска возможностей противостояния психоманипуляции с экрана должна стать одной из центральных в психологии личности.

Следует учитывать возможность «энергоинформационного инфицирования» отрицательным духовным содержанием в интернете и избегать контактов с сайтами, содержащими символику и образы, активизирующие низменное начало в человеке. Интернет – это инструмент в руках человека, от которого зависит, чем наполнится его личное виртуальное пространство. Надо учиться использовать многоликий экран, самостоятельно минимизируя его психоманипулятивное воздействие. В прямом смысле это означает смотреть телевизор при включенном ярком свете. Люди часто наивно считают, что они, смотря телевизор, хорошее примут, а плохое отвергнут. Но мы уже говорили о роли сформированной системы установок социального восприятия. Она автоматически работает в качестве его «призмы» и, соответственно, снижает возможности человека противостоять манипуляциям. Надо стараться понимать скрытый смысл и цель теленовостей, телепередач, ряда документальных и художественных фильмов. Сложнее будет научиться фильтровать сюжеты.

Согласно законодательным нормам, европейское

телевидение обязано соблюдать определенные правила, которые призваны минимизировать его информационное влияние. Приведем данные правила с некоторыми комментариями относительно российского телевидения (Кара-Мурза, 2000). Итак, телевидение должно:

1. Давать объективную и беспристрастную информацию.

2. Четко разделять информацию и мнение с указанием субъекта мнения (телеведущие обязаны прямым текстом и интонационно разделять факты и мнение о каком-то вопросе)[147].

3. Предупреждать о различии социальных позиций в обществе[148].

4. На государственном телевидении предоставлять время для изложения точек зрения всем парламентским партиям пропорционально числу мандатов.

5. Обеспечить право граждан и организаций на опровержение информации на том же канале.

---

[147] По мнению С. Кара-Мурзы, телеведущий, телекомментатор в 1990-е годы, рассуждая на тему о сталинских репрессиях, обязан был бы сказать, что по официальным данным к смертной казни было приговорено 700 тыс. человек.

[148] Говоря, например, о приватизации земли в Российской Федерации, в 1990-е годы телеведущий должен проинформировать, что против этой идеи выступают почти все крестьяне, большинство горожан, конкретные партии.

В западном обществе на фоне декларирования свободы телевидения уже в 1980-е годы в США 2/3 телезрителей признавали, что оно оказывает на детей отрицательное влияние. Современные дети (82 %) считают, что телевидение должно учить различать добро и зло, 77 % недовольны тем, что их приучают к мысли, что люди нечестны. В США была создана ассоциация, которая ежегодно организует в национальном масштабе недельный полный бойкот телевидения[149] (там же, с. 277–278).

Одна из основных психологических причин всех зависимостей, в том числе экранных, – нереализованная потребность человека (особенно детей и подростков) в подлинном общении (Колпакова, 2013). Противоядие формированию информационной зависимости нужно искать в понимании внутреннего мира детей. Психологи должны увеличить свой вклад в предупреждение формирования зависимостей через психологическое консультирование, просветительскую работу, раскрывающую механизмы экранных психоманипуляций.

Определенная роль в разработке контрманипуля-

[149] Бойкот был поддержан губернаторами 26 штатов. Клинтон и его соперник Доул начали свои предвыборные кампании, высказавшись за цензуру телевидения.

тивных мер принадлежит практическому исследованию образной сферы человека. Практическая психокоррекционная работа – как частный случай психоимажинативного подхода (Гостев, 1998) – должна быть направлена на помощь в осознании людьми социальной мифологии и стереотипов социального восприятия, на ослабление в нем оценочности и негатива, на коррекцию этнических предрассудков и пр. В то же время надо создавать и нравственные фильтры, способствующие противодействию психоманипуляции с экрана.

Защитные меры против рекламы

Самый простой способ противодействия навязчивой пошлой рекламе – не смотреть. Но противодействием рекламе могут выступать также знания о психологии рекламы. Прежде всего укажем на обнадеживающее содержание российской национальной психологии. «У нас реклама скомпрометирована больше, чем где-либо, – писал А. Веригин в 1898 г., – …потому, что нравственное, психологическое воздействие самого общества, его отрицательное и недоверчивое отношение ко всякому нескромному, наглому, соблазнительному выкрикиванию значительно сильнее в России, чем где бы то ни было» (цит. по: Лебедев, Бокови-

ков, 1995, с. 100). Полезно также учиться видеть глубокие символические уровни рекламной имаго-сферы, о чем мы говорили в главе 3.

Ресурсом противодействия рекламе может быть знание о механизмах доверия источникам маркетинговой информации, в которых проявляются особенности доверия/недоверия личности миру, себе, окружающим людям. В то же время, как отмечалось в главе 3, надо отдавать себе отчет, что это доверие может быть показателем подверженности психоманипуляции на основе неадекватной самооценки и социального восприятия, а также «попустительского» отношения к рекламе, не отличающейся в целом нравственным содержанием.

Растущее разнообразие форм и содержания рекламы делает проблему защиты от нее все более острой. А. Н. Лебедев, например, видит опасности в том, что человек может посчитать приемлемым в рекламе то, что недопустимо в реальной жизни. Содержание рекламы может быть примером нарушения нравственных норм. Реклама, действительно, способна ослаблять моральную саморегуляцию, навязывать искусственные потребности, аморальные ценности и установки, дезориентировать волевое целеполагание, актуализировать иррациональные страхи, т. е. в целом примитивизировать человека. Ито-

гом воздействия рекламы, как отмечают А. Е. Воробьева и А. Б. Купрейченко (Воробьева, Купрейченко, 2012б), может стать образ социальной действительности, в котором неэтичное поведение является нормой. Неэтичная реклама, по их мнению:

• использует навязчивое вторжение в личное информационное пространство потребителей (частая повторяемость, прерывание интересных передач, повышенная громкость);

• содержит сюжеты, слова и образы (агрессивные, циничные, вызывающе-сексуальные), нарушающие принятые в обществе этические нормы;

• размещена в контексте, в котором она воспринимается как не соответствующая общепринятым нормам (типа изображения обнаженной или полуобнаженной натуры рядом с храмом и т. п.);

• рекламирует товары и услуги, не являющиеся полезными для человека (игорный бизнес, табак, алкоголь, вредные пищевые продукты);

• содержит слова, образы и действия персонажей, пропагандирующие вредные привычки и нездоровый образ жизни;

• предоставляет неверную, преувеличенную информацию о качествах рекламируемого товара, использует внушение, применяет обман и подлог при демонстрации свойств товара;

• предоставляет информацию, порочащую товары конкурентов.

Оценить психологическую опасность или безопасность для личности неэтичной рекламы можно по уровню готовности повторять действия рекламных персонажей, по степени идентификации с ними, по представлениям о соответствии этих действий этическим нормам, по представлениям об отношении к рекламе значимого окружения и т. д.

Данные авторы рассматривали актуальную, но не изученную в отечественной психологии проблему отношения к неэтичной рекламе. Это ценно для нашего анализа темы эмпирическим подтверждением негативных аспектов рекламного воздействия, о которых мы говорили в главе 3. Психологически опасная реклама способна вызывать негативные когнитивные, эмоциональные, личностные и психофизиологические изменения. Вскрылись детали духовно-нравственного «вердикта» современной рекламе. Отношение молодежи к неэтичной телевизионной рекламе амбивалентно: есть и осознание несоответствия рекламы общепринятым нормам, и позитивное восприятие. Молодежь наиболее лояльна к неэтичным рекламным роликам и, следовательно, более подвержена их негативному влиянию. Респонденты с бо-

лее высоким уровнем образования, имеющие семью и детей, более негативно воспринимают неэтичную рекламу. Семейные респонденты давали ей следующие оценки: не вызывающая доверия, не способствующая запоминанию товара, не побуждающая его приобрести, тем более копировать персонажей. Зрелость личности и жизненный опыт, в частности, ответственность за близких людей, также способствует формированию критичности восприятия неэтичной рекламы. Были вскрыты и другие закономерности относительно социально-демографических групп молодежи. Отношение у молодых мужчин и женщин различалось в зависимости от вида рекламы. Было установлено, что молодежь старшего возраста более негативно относится к неэтичной рекламе.

Для защиты личности от психологически опасной рекламы предлагается избегать ее воздействия, развивать критичность мышления, повышать образовательный уровень и осведомленность (в том числе о технологиях производства рекламы).

Итак, показано, что сопротивление неприемлемому в рекламе существует. Оградительным «барьером» против негативного воздействия неэтичной рекламы выступают личностные особенности – высокий уровень саморегуляции, позитивное нравственное самоопределение, развитый эмоциональный интеллект и

др.

Опасная для внутреннего мира личности реклама способна вызвать негативные психофизиологические изменения, перегрузить каналы восприятия, разрушить базовое доверие к миру, спровоцировать неадекватные эмоции, пошатнуть систему ценностей и табу, разрушить идентичность, снизить самооценку, побудить к опасному поведению.

Даны и более частные признаки психологически опасной рекламы. К ее *информационным* аспектам относятся: превышение ресурсов сознания, навязчивость, обман при демонстрации товара, порочащая информация о конкурирующих товарах, «двойные стандарты» в аргументации, подпороговое воздействие, скрытое внушение. К *ценностным* аспектам относятся цинизм, кощунство, обещание легкого достижения эйфории, ломка социальных табу, сюжеты, слова и образы, нарушающие нравственные нормы, размещение рекламы в контексте, в котором она воспринимается как несоответствующая общепринятым нормам, дискредитация идентичности человека, посягательство на самоуважение. *Эмоциональные* аспекты предполагают форс-мажорную или форс-минорную презентацию с использованием аффектогенных образов. *Поведенческие* аспекты – это демонстрация слов, образов и действий персонажей,

пропагандирующих вредные привычки и нездоровый образ жизни, демонстрация опасного поведения.

Напомним, что реклама способна приводить к *психофизиологическим* изменениям. Это относится к использованию ритмов, интонаций, монотонных пульсаций, воспроизводящих основные биологические ритмы и др. Резкая и частая смена среднего и крупного планов на экране является вторжением в персональное пространство зрителя и может вызывать отрицательные эмоции, а движение по диагонали, справа налево и снизу вверх – смутные негативные ощущения. Необычные, гиперболические, вычурные стилистические фигуры усиливают эмоциональное давление и могут стать причиной стресса (Мокшанцев, 2000; Пронина, 2000).

Обращение к биологической природе человека при отрицании табу в виде моральных норм, которые призваны охранять права других членов социума, угрожает социальной адекватности и личностной целостности человека. Обращение к биологически напряженным потребностям человека (сексуальному влечению, страху смерти, физической боли, боязни телесных повреждений и т. п.) наносит двойной ущерб. С одной стороны, человек лишается охранительной функции социальных норм, оказываясь один на один со своими инстинктами. С другой стороны, он попада-

ет в ситуацию конкретного вида психологической зависимости, в данном случае от рекламы. Человек продолжает смотреть то, что зачастую противоречит его нравственным установкам, хотя мог бы сразу выключить (Пронина, 2000).

Соответственно, реклама может считаться психологически безопасной в том случае, если она не содержит всего перечисленного*. И как минимум об этом человек должен знать, чтобы искать свои собственные ресурсы противостояния.*

Специалисты по психологии рекламы, озабоченные ее духовно-нравственным состоянием, отдают себе отчет в наличии проблемы допустимых форм и степеней манипуляции и внушения, неизбежно присутствующих в рекламе, а также определения степени и границ допустимого негативного эмоционального фона в рекламе (в связи, например, с борьбой со СПИДом, наркотиками, терроризмом и т. д.). Понятно, что создатели рекламы, рекламодатели не откажутся от использования «умеренной» дозы страха и «слабых» манипулятивных воздействий, таких как сексуальные или агрессивные образы, преувеличенные обещания, назойливые повторы и т. д. В этом случае необходимо вводить ограничения по размещению рекламы (Воробьева, Купрейченко, 2012б). Поэтому актуальна разработка методов противодействия пси-

хологически небезопасной рекламе, способов противостояния рекламной манипуляции. Простейшая из рекомендаций – *не смотреть телевизор во время рекламной паузы*.

Для противодействия пошлости полезны наполнение души высокими устремлениями, развитие классического эстетического вкуса и т. п.

Отметим также, что полученные в этом исследовании данные отмечают некое освобождение молодежи от информационного влияния телевидения и прессы в пользу интернета. Положительная тенденция видится также, например, в отказе молодежи от брендовых марок в пользу изделий ручной работы малоизвестных дизайнеров (Воробьева, Купрейченко, 2012а).

Защита понятийно-логической сферы

Особое значение для сопротивления психоманипуляции имеет противостояние тенденции дерационализации сознания. Андрей Фурсов (Фурсов, 2013) подчеркивает концептуальную неосознанность для большинства людей происходящего в мире, неадекватность существующего понятийного аппарата для анализа текущей реальности. Новая эпоха уже наступила, но ведутся арьергардные бои прошлого: многие дискутируемые проблемы иррелевантны. Необ-

ходимы принципиально новая когнитивно-аналитическая структура, новое человекознание и обществоведение, новое концептуальное осмысление мира, создание реальной картины настоящего.

Сопротивление воздействию в понятийной сфере предполагает распознавание манипуляции в массмедийных речевых воздействиях, (Павлова, 2012). В них заложена многозначная интерпретация действительности и тем самым создается основа доверчивого отношения к дискурсу, а это широкая база для психоманипуляции. Поэтому так важно человеку тщательно анализировать предлагаемые в СМИиК толкования, версии и т. п., стараться выстроить свой собственный взгляд на события в мире, подкрепленный, конечно, максимально солидными, авторитетными, надежными мнениями извне.

В широком смысле надо знать о максимально большом количестве подмен понятий, о чем мы неоднократно говорили, в частности, в связи с понятием свободы, демократии и пр. Надо учиться вещи называть своими именами. То, что было названо психоманипулятивной герменевтикой, должно развиваться как научно-практическое направление в психологической науке.

Россия, подчеркивает А. Фурсов, как правило, проигрывала информационные войны, а нередко просто

отступала с поля боя. Сегодня, считает он, необходимо противостоять дерационализации сознания, причем именно в информационно-психологическом плане. Нужно создавать особые «когнитивно-аналитические структуры», которые должны активно участвовать в «психоисторической борьбе», в «интеллектуально-разведывательных операциях», заниматься стратегической разведкой не только настоящего, но и будущего. Необходимо воздействовать на интеллектуальную рефлексию противника. Борьба за будущее перемещается в сферу контроля над психосферой. Нужно написать реальную собственную историю, а не «универсально восхваляющую историю Запада»[150], и при этом исходить из того, что он является геополитическим и цивилизационным противником. Именно с этих позиций на Западе пишут российскую историю. Нужна адекватная, без демониза-

[150] Примером противодействия фальсификации истории может служить документальный фильм «Большая игра» Ф. Кудряшова и А. Гарянина (2014). Череда «цветных революций» на Ближнем Востоке, война в Сирии, усиление талибов в Афганистане, пылающая дуга нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Азии, являются продолжением истории «Большой игры» разведок, дипломатов и военных Российской и Британской империй. Неофициальное начало этой «игры» восходит к убийству императора Павла I. Дальше – присоединение Россией Средней Азии, война на Кавказе, две англо-афганские войны и освобождение Болгарии, Крымская война, басмаческое движение 1920-х годов.

ции, но и без профанации, история реальных геополитических игроков. Чтобы конкурировать с закрытыми структурами сетевого типа (а это субъекты глобального действия), нужны структуры военно-интеллектуального типа, «когнитивный спецназ».

Но и без помощи специальных когнитивных структур человек может многое понять сам, активно анализируя имеющиеся информационные источники. Невооруженным глазом, как мне кажется, видно, что через обострение противоречий в российском обществе, использование слабых мест в его единстве, субъекты информационно-психологической войны против исторической России создают условия для возникновения гражданской гибридной войны. И человеку надо осознать серьезность этой войны, направленной на уничтожение суверенной России и растворение ее в NWO. Без признания этого невозможно информационно-психологическое контрнаступление в ответ на атаки оппонентов-«партнеров». А без контрнаступления невозможно долго держать оборону «противостоящим силам противника». Невозможно только отбиваться от новых обвинений, нападок, провокаций, подтасовок, подлогов. Для противодействия технологиям «цветной» революции необходимо создать свою модель активного информационно-психологического сопротивления. Знание технологии «гибридных» опе-

раций помогает просчитать действия «цветных революционеров» и бить на опережение. Журналист Андрей Иванов (Иванов, 2016) подчеркивает, что нужен атакующий контент, создание медиа-оружия, более конструктивные формы разоблачения информационно-психологической войны против России. Надо изучать новейшие американские технологии и опыт организации «цветных революций» по всему миру. Но необходима готовность власти продемонстрировать волю для противодействия «цветным» революциям. У власти есть право и обязанность защищать граждан, и поэтому она должна действовать жестко против организованных групп.

Для сопротивления манипуляциям с NWO-образами необходимо знание обо всех указанных тенденциях в мировой политике, экономике и пр., обо всем том, что говорилось в книге о теневой стороне глобализм-проекта. В этой связи человеку поможет позиция, выраженная Александром Дугиным (Дугин, 1993), согласно которой изучение конспирологической тематики носит строго научный характер, хотя специфика данной темы заставляет обращаться к изучению мифологии, к сложным, не проявляющимся открыто социально-политическим закономерностям.

Для развития интеллектуального сопротивления психоманипуляциям полезно также осознавать, что

с одной стороны, Россия связана «международными обязательствами» по построению глобального сообщества. И с чем-то придется мириться. С другой стороны, страны, в которых заметное влияние обретают другие государства, транснациональные корпорации, неправительственные общественные структуры, глобальные сетевые структуры и т. п., попадают под внешнее управление. А это противоречит национальным интересам. Выстраивание человеком внутреннего баланса в понимании этих двух тенденций уменьшит возможность манипуляций и таким образом усилит позиции коллективного сознания нашего народа в информационно-психологической войне.

Значительным контрманипулятивным ресурсом в России является борьба за чистоту русского языка. Русский язык в нашей стране следует изучать с точки зрения богатства той картины мира, которая им строится. Известный специалист в области лингвистики Т. Л. Миронова подчеркивает (Миронова, 2008), что граждане России должны уметь выражать свои мысли не на англо-американском сленге, особенно (подчеркну от себя) когда дело касается социально-политической и экономической жизни, сферы идеологии. «Иностранщина» в языке, указывает Т. Миронова, работает на «политический камуфляж», который закрывает суть явления, на замещение национальной кар-

тины мира инокультурной. Действительно, «американизмы» маскируют смыслы, сглаживают социальные аферы. Вспомним использования терминов «приватизация», «дефолт», «ваучер» для маскировки разграбления страны. Относительно духовных смыслов также возможны подмены, искажения. Т. Л. Миронова, в частности, делает лингвистический анализ русских и английских слов, связанных с идеей приобретательства, стяжательства (Миронова, 2008). Интересны лингвистические маркеры поляризации «свой – чужой». В русском языке отрицательной окраски у такой поляризации нет. У многих других народов, например, у китайцев, обозначение чужака, особенно иноэтничного, имеет очень отрицательную окраску.

Защитные механизмы социального восприятия

В изучении контрманипулятивных механизмов важным является осмысление двойственной роли *психологических защит* индивидуального и группового уровня в формировании социальных представлений.

С одной стороны, следует подчеркнуть известную положительную, охранную роль психологических защит. Так, охранной функцией обладает традиционно отрицательное отношение «русской ментальности»

к нескромному, наглому, соблазнительному.

С другой стороны, психозащиты способны препятствовать выходу из иллюзорности социального восприятия, мешать «духовному трезвению» и нравственному оздоровлению (Котенева, 2013). Человек может, например, добровольно пожелать быть прельщенным идеей «рая на земле» и не видеть духовно-апостасийной сущности происходящих в мире процессов. Действие психологических защит, в частности, препятствует осознанию антихристианских тенденций в мире, ослабляет противодействие людей нравственной деградации. Действие защит особенно очевидно, когда осознание некой правды горько, тяжело, травматично или когда человек неосознанно стремится избежать сложного выбора в своей жизни. Речь обычно идет о целом комплексе факторов, способствующих сопротивлению человека осознанию происходящего в мире и социальному познанию в целом.

Наиболее трудным моментом в изучении контрманипулятивных ресурсов выступает проблема тотальной виртуализации жизни. Это тоже вид психологической защиты. Но и здесь останемся оптимистами: виртуальная реальность не разрушит естественный мир, если человек «заякорится» в нем[151].

---

[151] В романе Д. Брина «Глина» иронично описаны фанаты виртуаль-

Но для противодействия уходу в виртуальную реальность следует вначале научиться противостоять утрате духовного зрения, осознавать актуальность установки на преодоление искажений в познании духовных смыслов относительно любых возникающих социальных представлений.

Изучению подлежат типы личности, по-разному подверженные влиянию информационно-психологических манипуляций. Люди действуют исходя из масштабности своей личности, широты и глубины внутреннего мира, адекватности и социальной конструктивности целеобразования, других индивидуальных, личностных особенностей. Все это является внутренними условиями, через которые преломляется внешнее информационно-психологическое воздействие. На эгоцентричного «правильного потребителя», не выходящего на проблемы человечества, воздействовать легче. Чтобы защититься от внутриполитических и геополитических психоманипуляций, требуется знание о сути геополитических процессов.

Важны и более конкретные знания об индивидуальных особенностях подверженности информационно-психологическому влиянию. В. В. Латынов, например, показал (Латынов, 2014б), что люди со сред-

---

ности. Мир переболел увлечением виртуальностью, и лишь отдельные чудаки по-прежнему сидят в своих вымышленных мирах.

ним уровнем самоуважения обнаруживают меньшую сопротивляемость воздействию по сравнению с теми, кому присуще высокое или низкое самоуважение. Экстраверты более восприимчивы к аргументации, основанной на привлекательных характеристиках объекта. Высокотревожные люди учитывают привлекательность субъекта воздействия. Низкотревожный человек больше ориентируется на качество аргументации. Доминантные личности более подвержены воздействию уверенного в себе источника сообщений. Оптимисты – воздействию аргументов позитивного характера, а пессимисты – негативного. На результативность воздействия влияет и такая характеристика, как индивидуализм/коллективизм. Люди с высоким уровнем самомониторинга стремятся к соответствию поведения социальной ситуации, с низким – самовыражаются открыто. Наиболее подвержены воздействию СМИиК нетревожные и ориентированные на поиск внешних стимулов люди. Также показано, что чем выше у человека интеллект, тем ниже его подверженность воздействию[152].

---

[152] Этот результат, на наш взгляд, нуждается в корректировке. Так, роль отдельных слоев российской интеллигенции в истории нашей страны неоднозначна, особенно в конце XIX – начале XX в. и в революции 1917 г. В период перестройки-реформ 1990-х годов именно представители определенных слоев российской прозападной интеллигенции, поддавшись на психоманипуляцию извне, на мифологию, порожденную

С позиции защитных механизмов психики следует подходить к присутствию у человека *амбивалентных аттитюдов* (установок) (Латынов, 2012б, 2013). Устойчивость к психологическому воздействию снижается при их наличии. Отношение личности к объектам, событиям, проблемам бывает одновременно и положительным, и отрицательным. Принятие их на сознательном уровне может сочетаться с отторжением на уровне бессознательном. Имплицитные аттитюды могут отличаться от осознаваемых эксплицитных, представляющих сочетание эмоционального отношения и последующего его когнитивного осмысления. Эксплицитные аттитюды изменяются относительно легко. Имплицитные более стабильны и устойчивы к воздействию. Добившись изменения эксплицитных аттитюдов, нельзя быть уверенным в том, что отношение к объекту существенно изменилось. Через некоторое время эксплицитные аттитюды придут в соответствие с имплицитными, и отношение к объекту станет таким же, как и до воздействия.

Механизм амбивалентных аттитюдов основан на наличии у человека двух различных систем оценивания объектов внешнего мира: быстрой, слабо осозна-

---

этой манипуляцией, атаковали общественное сознание деструктивными идеями и смыслами. И сегодня значительная часть «интеллектуал-креаклов» в возобновившейся «холодной войне» находится по «ту сторону баррикад».

ваемой, с выраженным эмоциональным компонентом, и медленной, контролируемой сознанием, основанной на тщательном анализе. Этот механизм и порождает несоответствие эксплицитных и имплицитных аттитюдов. Причиной амбивалентности аттитюдов может выступать, в частности, информация, поступающая из ближайшего социального окружения (амбивалентность аттитюдов в референтной группе приводит к переживанию человеком амбивалентности собственных установок).

Укажем еще на одну грань в проблеме сопротивления информационным воздействиям. Психоманипуляция невозможна без «резонансного союзника» внутри человека, ибо она – попытка соблазна, для противодействия которому у каждого человека должен оставаться ресурс свободы воли и ответственности. Людям полезно стремиться осознавать любые социальные проблемы и внутренне сопротивляться навязываемым их интерпретациям. Человек становится жертвой психоманипуляции, если он соучаствует в процессе воздействия на него. И в этом смысле принцип активности человека как объекта информационно-психологического воздействия вновь напоминает о себе, требуя дополнительных комментариев с духовных позиций. Кто, как, почему, зачем соблазняется визуально оформленными ложью, иллюзиями,

безнравственностью и т. п.? Предстоит изучить роль индивидуального «нравственного фильтра» информационных потоков и духовно-психологический механизм, компенсирующий отрицательное влияние имаго-символосферы. Навязывание определенных образов разрушает, отметим еще раз, защитные механизмы психики, ослабляет сопротивление человека всем последующим информационным воздействиям.

Действие некоторых защитных механизмов свидетельствует об искажении понимания человеком высших духовных смыслов, утрате глубины и чистоты его веры, высоты духовной жизни. И здесь надо признать: социально-политические и экономические реалии, разрушающие многовековые устои обществ, многими встречаются не духовным противодействием, гражданской патриотической позицией, но безразличием, нежеланием занять позицию непримиримости ко всему «недолжному» (греховному), прежде всего в нем самом.

В связи с темой защитных механизмов уместно рассматривать проблему сублиминальных воздействий на людей, исключающих контроль сознания, а также вспомнить о возможности «полевых» энергоинформационных влияний. Рекомендации по организации противодействия подобному «психофизическому оружию» даны, например, Прокофьевым (Про-

кофьев, 2003). В главе 3 мы коснулись вопроса об управлении выбором человека, о влияниях на предпочтение или избегание чего-то, о возможности научить людей чему-то и пр. И. В. Смирнов предлагает на уровне глубинных сфер психики создать «новый иммунитет» к восприятию информационных воздействий (Смирнов, 2003). Речь, в частности, идет об экспертизе наличия в рекламе неосознаваемых компонентов (что в США делается уже давно). Предлагается также изучение роли информационных влияний в возникновении неадекватных состояний психики, например, в росте наркозависимости людей. Актуальна и разработка соответствующих методов психокоррекции.

Относительно противодействия информационно-психологической войне против России следует сказать, что правовые запреты на ее ведение малоэффективны. Апелляции к принципу невмешательства во внутренние дела государства и иным основополагающим принципам международного права неспособны прекратить информационно-психологическое противоборство. Поэтому надо учиться вести информационно-психологическую войну и соответствующим оружием обеспечить отпор враждебным психологическим операциям в России.

8.3. Духовно-нравственный уровень сопротивления психоманипуляции

Главным в противодействии психоманипуляции выступает *духовно-нравственный* уровень развития личности и общества. Значимость данного фактора как ресурса сопротивления информационно-психологическим воздействиям возрастает в связи с нравственной деградацией в российском обществе, представляющей угрозу национальной безопасности страны (Юревич, 2012). Например, в контексте проблемы национальной безопасности можно рассматривать отсутствие в СМИиК нравственной цензуры (Смирнов, 2003). Но сильнейший удар «перестроечных» лет, резко повысивший криминальную готовность, социальную апатию и агрессивность, уже перенесен, пережит. Наработан определенный психический иммунитет. Люди уже знают, что адресованное человеку может быть ложью, и потому могут выключить телевизор сознательно.

Роль нравственных фильтров показана А. Е. Воробьевой и А. Б. Купрейченко (Воробьева, Купрейченко, 2012а). Они указывают, что для «желтой» прес-

сы, ориентированной на возбуждение аффективных реакций человека, характерно легкомысленное, циничное изложение социально табуированной тематики с демонстрацией связанных с ней картинок. Но оказалось, что нравственные нормы, разделяемые человеком или его значимым социальным окружением, могут быть мощным фактором, противостоящим влиянию неэтичных публикаций. При этом нравственно-психологическая регуляция может не осознаваться личностью или носить отсроченный характер. Иными словами, тип нравственного самоопределения опосредствует психологическое воздействие СМИ и может выступать мощным инструментом защиты.

Высокую роль духовно-нравственной сферы мы видим в противодействии попытке реализовать главную цель информационно-психологической войны против России. Ее граждан подталкивают к тому, чтобы они перестали любить свою Родину, свою историю, традиционный жизненный уклад, возлюбили западные ценности общества потребления и порой самоубийственной толерантности к проявлениям зла в мире.

Показательно, что западные ценности с бóльшим трудом принимаются культурами, сохраняющими свои традиции. В России же присутствует духовно-охранная сила святой Руси и ее небесных покро-

вителей, к которой людям нужно обращаться за помощью через молитву. Святая Русь, согласно православной традиции, – это дом Богородицы. Вера, жизнь в Боге, искренняя молитва Ему, Благодать церковных Таинств компенсируют отрицательное влияние информационно-психологических манипуляций, помогут человеку справиться с искушением «прельщения виртуальностью» и *добровольно* не оказаться «счастливым рабом» NWO. Но необходимо, чтобы имаго-символосфера в нашей стране стала нравственной, выступила орудием борьбы с индифферентностью/толерантностью ко злу, послужила помощью в духовном и культурно-историческом возрождении народов России.

Противоядие от воздействий НИТ в целом должно питаться осознанием духовно-нравственной и религиозной сущности различных вариантов глобализации. В частности, только лишь понимание целей сбора личных данных для электронных средств социального контроля уже вносит вклад в противостояние глобальной психоманипуляции. Также полезен учет того, что говорилось в главе 6 относительно сетевого общества и «киберцивилизации неочеловеков».

Особая тема для обретения контрманипулятивного ресурса – знание о манипуляциях вокруг идеи единой мировой религии, о чем мы говорили в главе 5. На-

пример, в книгах Т. В. Грачевой (Грачева, 2009, 2011, 2013) и О. Н. Четвериковой (Четверикова, 2015, 2016) мы находим указания на то, что среди мировой элиты утвердилось *мессианское* ожидание «хилиастического христа», «мессии-мошиаха». Поэтому контрманипулятивным противоядием выступает предупреждение православной традиции, что «земной рай для избранных» и будет «царством антихриста», что «пришедшим от бога мессией» станет человек, который с помощью манипулятивных психотехнологий будет лишь *изображать* свою «божественность». Телевидение же примется транслировать «чудеса» и политическую деятельность данного персонажа по всему миру. Иными словами, лжемессия опасен для людей возможностью прельщения иллюзиями. В этом случае не сработают христианские критерии второго пришествия Иисуса Христа, размываемые сегодня в инославии, но подчеркиваемые в святоотеческой традиции: «Ибо как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24: 27). Если не придерживаться этого критерия, земное появление «лжемессии» трудно будет отвергнуть. Тем более, что его «приход с небес» может быть имитирован уже сегодня (о чем мы говорили в главе 6).

Главное же в духовном понимании происходящего

в мире мы неоднократно подчеркивали: все это есть проявление единого процесса отхода человечества от духовных законов мироздания – заповедей Божьих. Психологической науке надлежит выйти на осмысление проблематики апостасирующего сознания современного человека, уходящего от понимания высших духовных смыслов не как умозрительных моральных абстракций, а как требующих конкретного нравственного действия.

Необходимым в этой связи является переход на духовный уровень поиска информационной безопасности – стяжание благодати. Огромную роль играет практика православной духовной жизни в современном мире, которая при правильном ее устроении показывает, что «внутренний манипулятор» в человеке слабеет и восприятие действительности изменяется. Люди понимают, что были объектами переформатирования их картины мира. Приходит осознание необходимости самоограничения в просмотре телевидения и пользовании интернетом, возникают вопросы: какая по своему содержанию информация воздействует на нас? От кого она? Человеку, не воздерживающемуся от потребления «информационного мусора», в котором могут быть спрятаны конкретные информационные воздействия, не вырваться из матриц восприятия действительности. Надо осознавать но-

вые социальные установки, оторванные от традиционных, реально общечеловеческих, и видеть, как они задаются сегодня на всех уровнях, включая глобальный.

Противодействие террористическим угрозам

Актуальной проблемой является противодействие информационно-психологическому обеспечению и сопровождению современного системного терроризма. Ему должно быть противопоставлено оружие контрманипулятивной защиты, созданное на мощном фундаменте противостояния в духовно-религиозной и мировоззренческой сферах. В. А. Соснин, говоря о борьбе с терроризмом как об *идейно-духовной* борьбе, помогает сформулировать стратегию противодействия терроризму в психолого-идеологической сфере (Соснин, 2014). Элементами этой стратегии выступает поиск и предложение «амбициозным» молодым людям мусульманского мира альтернативных возможностей самореализации. Анализ идеологии глобального джихада, психология самих террористов, кризис социокультурной идентичности в исламских сообществах свидетельствуют о трудности ухода с «тропы терроризма». В качестве психологических

операций предлагается *создание разногласий внутри террористической группы* (посеять недоверие, изменить образ лидера, ухудшить социально-психологический климат и т. п.). Необходимо пособничество уходу террориста из террористической группы, развенчание в глазах исламской молодежи извращенных версий ислама. Экстремистские интерпретации Корана искажают и нарушают его дух. Традиционный ислам проповедует мирное сосуществование с другими религиями. Необходим подрыв легитимности групповых лидеров террористических групп. Относительно противодействия суицидальному терроризму следует раскрыть религиозный догмат «мученичества» в исламе, показать, что убийства и самоубийства противоречат Корану.

Разработке мер противодействия информационно-психологическим манипуляциям будет способствовать изучение последствий воздействия терактов на переживание террористической угрозы. Н. В. Тарабрина и Ю. В. Быховец (Тарабрина, Быховец, 2012) доказали влияние информации о терактах и их последствиях (а также имеющихся у человека знаний о прошлых террористических событиях) на интенсивность переживания террористической угрозы. Оно является субъективной оценкой риска стать жертвой теракта. Было выделено три группы по-

следствий (психопатологические, психологические и социально-психологические) массмедийного влияния на людей, получивших информацию о теракте через СМИ. Воздействия массмедиа способны вызвать глубокие изменения аффективного и поведенческого характера. Психология занимает ведущее место в изучении терроризма, поскольку переживания террористической угрозы могут вызывать различные формы психической дезадаптации, что негативно влияет на психическое здоровье нации и конкретного человека. Авторы подчеркивают, что переживания террористической угрозы затрагивает основы человеческого бытия.

Значимым вопросом является психологическое изучение политической составляющей терроризма. Е. Б. Батуева, например, на студентах изучала (Батуева, 2012) проблему формирования в обществе отношения к терроризму как способу политической борьбы. Она пришла к выводу, что отношение к терроризму вообще и к частным его формам у человека различается. Считая терроризм в целом предосудительным, человек может оправдывать действия, имеющие террористическую направленность. Отношение к социально-политическому и религиозно-этническому терроризму зависит от комплексов социально-психологических факторов. Нейтральное или оправда-

тельное отношение к терроризму как способу защиты политических, этнических и религиозных интересов способствует расширению социальной базы явления. После трансляции террористического акта в СМИиК в обществе наиболее отчетливо определяются две группы. 1) «виктимизированная» группа, т. е. прямые и косвенные жертвы теракта, которые негативно относятся к террористам и их действиям; 2) группа, члены которой нейтрально или положительно относятся к террористам, считая их борцами за справедливость и оценивая их действия как вынужденную меру защиты своих национальных, религиозных, социальных и т. д. прав и свобод. Иными словами, содержание представлений раскрыто через характеристику (отрицательную, неоднозначную, оправдательную), даваемую респондентами терроризму, личности террориста. Прослеживается изменение оценок от признания терроризма преступлением к мнению о том, что это допустимый или даже единственный выход. Террорист при этом из убийцы становится героем, а отношение к терроризму изменяется от негативного через неопределенное к положительному. Идентификация респондента либо с борцом за справедливость, либо с террористом зависит от особенностей самооценки, оценки борца за справедливость и террориста, размера дистанции между образами «Борец за спра-

ведливость» и «Террорист». Эти образы также могут слиться в едины образ, что влияет на двойственность оценок терроризма[153]. Показана роль личностных особенностей в этом процессе. Склонность к экстернализации контроля, например, влияет на идентификацию с террористом.

Наиболее продуктивным подходом к изучению терроризма является социально-культурный, сформировавшийся на основе исследований систем убеждения, мировоззренческих ценностей, связанных с социокультурной идентичностью, и других характеристик террористических групп (Соснин, 2012б, 2015). Именно за счет своей междисциплинарности данный подход позволяет разрабатывать меры противодействия психоманипуляциям вокруг тематики терроризма. Социокультурные условия позволяют просчитывать возникновение потенциальных террористических групп. В попытках понять психологию террориста, в частности, террориста-смертника, необходим выход за пределы этноцентричной теоретико-методологической ориентации (характерной для западных подходов).

Для усиления контрманипулятивного ресурса относительно терроризма выделяется несколько направ-

---

[153] О «двойных стандартах», двойственной оценке терроризма» см.: Ольшанский, 2002.

лений работы. Прежде всего, это просвещение людей в области психологии терроризма. Люди должны знать о социально-психологических корнях терроризма, базовых его источниках в неустойчивом психологическом состоянии общества, его психолого-политической нестабильности. Последняя является общей социально-психологической «питательной средой» для мотивации преступной деятельности вообще и терроризма в частности. В многонациональном и поликонфессиональном российском обществе в условиях системных кризисов происходит смена идентификационных критериев в регуляции межгрупповых отношений. На первое место выдвигается этносоциокультурный фактор. Человек должен знать и о мотивации терроризма на индивидуальном уровне, что предполагает определение симптомо-комплекса личности террориста. К нему относятся такие индивидуально-личностные качества, как агрессивность, депрессивные состояния, чувство вины, приписывание себе и другим недостатка мужественности, эгоцентризм, крайняя экстраверсия, потребность в риске и принадлежности к группе, поиск сильных ощущений. В. А. Соснин говорит о трех типах личности террориста:

1. Террорист по идеологическим, политическим и религиозным убеждениям, который считает, что его

действия полезны для общества и любые жертвы для достижения целей оправданы.

2. Террорист – это просто крайне агрессивный человек, и его участие в террористической деятельности – проявление этой агрессивности. Однако теории человеческой агрессивности непригодны для объяснения психологической природы терроризма.

3. Агрессивно-озлобленная личность с антисоциальными наклонностями.

Полезным представляется знание о социально-культурной мотивации международного терроризма. Основной причиной усиления международного терроризма в мире является «цивилизационный разлом», на почве которого формируется образ врага в террористических сообществах.

Социокультурный анализ позволяет оценивать вероятность формирования террористических групп. Важно знание о стилях восприятия социальных изменений и стабильности общества. В социально-культурном подходе, указывает В. А. Соснин, делается акцент на характеристике универсальных культурных условий для формирования потенциальных террористических групп. При этом признаются фундаментальные отличия в поведении различных террористических групп. Выделяются общие положения, связан-

ные с особенностями социокультурной идентификации, влияющие на вероятность возникновения террористических групп в обществе. В частности, группы возникают из-за: а) притеснения и исключения из социальной жизни социума, б) противопоставления «божественной» и «дьявольской» воли; в) восприятия существующего общества как незаконного и несправедливого, требующего его радикального изменения; г) убежденности в том, что некое идеальное общество – это цель, которая оправдывает любые средства для его достижения, и пр. Для борьбы с терроризмом необходимо обращать внимание на причины формирования чувства безысходности, потери перспектив жизни и надежды у широких масс населения.

В. А. Соснин указывает, что война с международным терроризмом является и психологической. Организация информационно-психологических противодействий поэтому занимает значимое место. В частности, отметим целесообразность привлечения закономерностей «окон Овертона», знание о которых укрепит позиции не желающих быть жертвой «промывки мозгов» этой по-иезуитски хитрой психотехнологией.

Значительный ресурс в противодействии терроризму я вижу в области психологической коррекции и психотерапии людей, по каким-то причинам пришедших

за помощью к психологу. Надо использовать контакт с ними для усиления адекватности их социального восприятия.

Главный же ресурс связан с освещением темы нарушения терроризмом нравственного закона. Невинных людей нельзя убивать ни при каких условиях. Никакие защитные механизмы психики, успокаивающие совесть как самих террористов, так и сочувствующих им, не могут быть приняты как извиняющее объяснение.

Защита отечественной духовной традиции

Относительно всех форм «промывания мозгов» в нашей стране главным контрманипулятивным направлением является *защита отечественной духовно-нравственной традиции*. Это не только обеспечит сохранность нравственных фильтров многоликой лжи, но и защитит от атак отрицательных метафизических сил через колдунов, магов, экстрасенсов и т. п. Духовный уровень сопротивления тотальной психоманипуляции предполагает победу над «идолами» потребительства, ложной деструктивной толерантности и политкорректности, «содомо-гоморрских» ценностей. Глобальное зло реализуется, ибо не

находит должного сопротивления со стороны конкретной личности, народов, стран, национально-культурных систем. Осознать масштаб надвигающихся катастроф в условиях дезинформационных потоков на понятийно-логическом уровне невозможно. Необходимо «стяжание одухотворенного разума» и объявление чрезвычайного положения в духовном пространстве нашей страны, подчеркивает Т. Грачева (Грачева, 2010, с. 309–315). Большую роль она отводит формированию национальной православной элиты. Духовно-нравственное разложение народа, утрата своей исторической идентичности привело к утрате делегирования во власть здоровых национально ориентированных сил. Должно быть осознано, что сохранение суверенного российского государства в долгосрочной перспективе возможно лишь при наличии во власти людей с духовно-нравственным стержнем, носителей высших духовных смыслов. Соответственно, необходима поддержка проектов, направленных на оздоровление общества, блокирование и разоблачение лиц во всех его элитарных сферах, чьи действия, идеи направлены на уничтожение российской государственности, разрушение православной идентичности и морали, растление народа. Приоритетным должно являться «отвоевывание» информационного пространства, духовная победа над всем враждебным отече-

ственной духовно-нравственной традиции.

Важный духовный аспект изучения контрманипулятивных ресурсов связан с огромной ролью, которую играет защита от манипуляций исторической памяти. «Историческое беспамятство», указывает Т. Грачева (Грачева, 2011, с. 10–33), является духовной категорией – история России неразрывно связана с православной верой. Но утрата исторической памяти выступает и психологическим термином, поскольку порождает общую расслабленность человека во всех сферах его психики, социальный пессимизм, чувство обреченности, убежденность в том, что невозможно противостоять деструктивным силам, работающим в информационном пространстве страны и мира в целом. Духовное порабощение любого народа, подчеркивает Т. Грачева, проявляется в ложной интерпретации своей истории (надругательстве над памятью предков). Национальное возрождение начитается с возвращения к «памяти русской души», которая должна быть представлена в информационном поле страны как контрманипулятивный шаг нации[154].

Противодействие манипуляции с исторической па-

[154] В этом информационном поле должно быть изменено *отношение к военному служению,* которое нужно поднять на пьедестал почета, как это было всегда в истории Руси. В русских дворянских семьях военное служение считалось в первую очередь долгом чести (Грачева, 2011, с. 371).

мятью, фальсификациям и переписыванию истории является темой особой важности в связи с использованием «игр в правильную историю» в качестве геополитического оружия. Т. Грачева в своих книгах подчеркивает, что манипулирование исторической памятью русского народа является одной из самых больших угроз национальной безопасности России. Историческая память – это память базовая, позволяющая правильно мыслить и действовать в перспективе.

Оппоненты и недоброжелатели исторической России стараются стереть историю побед нашего народа из сознания людей. Историческая память, как подчеркивалось в главе 4, – главная мишень в психологической войне против нашей страны. Русская история должна стать главным полем информационной битвы. «Нужно рассказывать, распространять всем и повсеместно… правду о русской истории. Нужно всегда и везде решительно разбивать лжеисторические мифы, внедренные в сознание людей (Грачева, 2011, с. 357–358). Духовное иго в России началось с предательства исторической памяти и набирало силу, когда мы отдали право интерпретировать нашу историю и писать учебники. Народ удалось подвести к тому, что он оказался способным надругаться над памятью предков. Пора разбить мощный блок в отечественном коллективном сознании – отрицание особого истори-

ческого пути России. Этот особый путь есть, и он подтверждается не только пророчествами православных святых, но и носителями духовного знания иных национально-культурных систем. Вернувшись на дорогу собственного исторического развития в новом качестве, Россия сможет вести полезный для всех «землян» диалог с людьми во всем мире. Но для этого необходима национальная идея в роли идеологического оборонительного оружия нации. Православным патриотам, указывает писатель Михаил Назаров, надо продолжать отстаивать Истину, распространять правду о России и ее месте в мире, о смысле человеческой истории. «Не в силе Бог, а в правде», – эти слова являются главным и мощнейшим оружием против геополитических атак на нашу страну.

Послесловие

В данном разделе книги хотелось бы еще раз коснуться дискуссионных вопросов, затронутых в монографии. В частности, я предвижу внутренний протест многих читателей против тезиса о высокой степени подверженности современного человека психоманипуляциям. Я предполагаю также негативную реакцию на удар по иллюзиям прозрачности происходящего в мире, полной открытости «информационного поля планеты». Подобная реакция, действительно, может возникнуть вследствие нежелания признать реальность «мирового спектакля» с его завершением в форме «демократически обоснованного» глобального тоталитарного нового мироустройства. Кто-то считает, что уничтожение национальных государств и унификация культурного многообразия при глобализации представляет прогресс в развитии человечества. Несомненно, среди читателей найдутся люди, считающие финансовую деятельность Федеральной резервной системы неоспоримым благом для каждой страны. Полагаю также, что многие не согласятся с достаточно критичной оценкой в книге психологического и духовно-нравственного состояния человечества. Они могут считать, например, защиту прав сек-

суальных меньшинств, права на эвтаназию или проявления толерантности к разрушителям традиционности в жизни человечества, к педофилам, насильникам и убийцам, как раз демонстрацией прогресса морали.

Я искренне готов выразить свои сожаления за любой причиненный читателю внутренний дискомфорт по перечисленным или иным поводам. Но я убежден, что каждому полезно прислушаться к изложенному в книге взгляду на проблему глобальной и тотальной психоманипуляции в современных информационных потоках. Представленная в монографии система взглядов опирается на достаточно весомую фактологию, соответствуя критериям истинности гуманитарного знания.

Подчеркнем в этой связи ряд значимых моментов для дальнейшего исследования изучаемой тематики. Прежде всего отметим, что изучение манипулятивных информационно-психологических воздействий предполагает разработку теоретико-методологических оснований подхода к данной проблеме. Основным здесь мне представляется раскрытие особенностей междисциплинарности ее изучения. Достаточно еще раз упомянуть необходимость углубления взаимодействия социальной, политической и исторической психологии в их видении тематики. Но изучение

глобальной психоманипуляции не может замкнуться в рамках психологической науки. Необходимо тесное взаимодействие с другими гуманитарными науками, среди которых следует выделить культурологию, историю, политологию, экономику и пр.

Другим направлением теоретико-методологической проработки проблемы глобальной психоманипуляции, вытекающим из лучшего использования междисциплинарного потенциала, является концептуализация и теоретико-методологическая проработка макропсихологического статуса данной проблематики. Еще раз подчеркну, что я вижу развитие моего подхода в русле макропсихологии, разрабатываемой А. В. Юревичем. И это предполагает значительное расширение предметного поля исследования темы «глобализации», изучения информационно-психологических воздействий в современном мире. Мы видели это не только в содержании конкретных глав монографии, но в еще большей степени во взаимодополнении их содержания. Но надо идти дальше. Глобальная, тотальная психоманипуляция в современном мире, действительно, является в высочайшей степени многоплановой, поэтому так важно тесное взаимопересечение отдельных направлений анализа, активное привлечение междисциплинарного знания. Мы видели, что полезно и интересно выйти за рамки тра-

дицонных тематик информационно-психологических воздействий – массмедиа, реклама, маркетинг, манипулирование предвыборными технологиями. В монографии рассмотрены многие другие аспекты центральной темы книги. Именно они должны привлечь к себе внимание исследователей и сравняться по степени изученности с обозначенной основной проблематикой изучения психологического воздействия.

Необходима разработка системного подхода к формам и содержанию информационно-психологических воздействий в мире. Тотальность психоманипуляции во всех видах жизнедеятельности современного человека приводит к тому, что ему становится все труднее укрыться от информационно-психологических потоков, разрушающих его внутренний мир. Особое значение, в частности, приобретает изучение «информационно-психологического оружия», информационных войн «на полях истории» и в «идеологических пространствах», непубличных аспектов мировой политики и экономики и мн. др. Информационно-психологическая война – это война за общественное сознание, в которой происходит саморазрушение стран, государств. В этом смысле она может стать предтечей горячих геополитических битв.

Дальнейшее изучение тотально-глобальной психоманипуляции предполагает учет недостаточного по-

нимания многими людьми происходящего и, соответственно, их низкой способности к социальной антиципации в социально-политическом, экономическом, идеологическом и иных аспектах. Неадекватно воспринимается возникающее новое качество мира, которое несет деструктивный смысл для человечества. Искажение социального восприятия и цивилизационного прогнозирования имеет место на индивидуальном, групповом, национально-государственном, регионально-цивилизационном и глобальном уровнях и обладает кумулятивным эффектом, который трудно оценить и тем более просчитать. Нужны специальные исследования, и в них психологической науке предназначено особое место.

Для психологии информационно-психологического воздействия важное значение имеет осмысление сложности объекта социального восприятия и прогнозирования: планетарный процесс является в чрезвычайно высокой степени многомерным. Отмеченную низкую адекватность социального восприятия порождает реальная сложность *объективных* закономерностей трансформации человечества, которые не улавливаются в должной мере и тем более не концептуализируются системой гуманитарного знания. Но мы осознанно сделали акцент на *субъективном* факторе в искажениях социального восприятия, возни-

кающих при тотально-глобальной психоманипуляции. Субъективный фактор охватывает все те познавательные и регулятивные возможности, которыми человечество отражает объективные планетарные процессы, переживая их, стараясь адаптироваться к ним, воздействовать на них, менять. Субъект отражает объект, преобразуя его. Понятно, что психологическая наука как система знаний работает именно на субъективный фактор человеческого бытия. Она раскрывает его всем накопленным познавательным исследовательским потенциалом. Применительно к тематике данной монографии, современная психология предлагает, в частности, изучать специфику преднамеренных и непреднамеренных информационно-психологических воздействий, особенности их отражения объектом воздействия на индивидуально-личностном и групповом уровнях различного масштаба. В основе глобальной манипуляции, действительно, как мы видели, лежат и непроизвольные искажения подаваемой субъектом воздействия информации, и преднамеренное сокрытие им реально происходящего, и тем более – планируемого/проектируемого. Подобные искажения социальной перцепции в широком смысле во многом происходят непроизвольно под влиянием неолиберальных и псевдодемократических представлений и ценностей. В случае же преднамеренности

речь должна идти о том, что некий «системный манипулятор» осознанно использует эти ценности для прикрытия своих информационно-психологических воздействий.

Высказанная критика в адрес либерально-демократических представлений в современном мире, однако, не должна возмущать или смущать их приверженцев. Еще раз хочу отметить, что мы не отрицаем ценности данных представлений в их классическом варианте, т. е. в случае их очищения от того, что стало в данной монографии предметом критики. Более того, еще раз подчеркнем, что лишь усиление позиций гражданского общества в мире, развитие неманипулятивной демократии, борьба с современными формами тоталитаризма способны породить силу противодействия проектам транснациональной планетарной власти. Психологическая наука должна найти свое место в плане помощи в диалектическом разрешении подобных антиномий.

Итак, перспективы изучения системных кумулятивных информационно-психологических воздействий на внутренний мир личности мы видим в разработке теоретико-методологической базы системного рассмотрения глобальной психоманипуляции в междисциплинарном контексте. Но нужны и конкретные *эмпирические исследования*. В частности, они должны

охватить проблему манипулирования внутренним миром человека со стороны имаго-символосферы во всех ее разновидностях, рассмотренных в книге. Особый интерес, на мой взгляд, представляет эмпирическое изучение индивидуально-типологических и личностных особенностей человека, определяющих разную подверженность психоманипуляциям через многоликий экран. Влияние рекламы/брендов на ценностно-мировоззренческие позиции человека, а также на разрушение национального самосознания и культуры народов является важнейшей темой.

Эмпирические исследования должны также охватить структуру и функционирование системы социальных представлений о планетарной ситуации по политическим, экономическим и прочим основаниям. Эти образы являются конкретными объектами информационно-психологических воздействий, в том числе и с манипулятивными намерениями. И было бы интересно знать, насколько люди осознают необходимость сохранения баланса между накопленным планетарным опытом в локальных культурах и цивилизационными новациями.

Особое внимание следовало бы уделить информационно-психологическим воздействиям на политические установки, ценности, стереотипы людей с определенным типом ментальности. Высокую акту-

альность, на мой взгляд, приобретает эмпирическое изучение восприятия людьми «театра политического спектакля» разного уровня. В качестве результата можно ожидать не только раскрытие особенностей осознания данного феномена и его содержания. Выявятся глубокие уровни нравственных оценок пиар-политтехнологий, имиджмейкерства, других средств изменения системы политического сознания.

В изучении манипулирования внутренним миром личности на основе НИТ полезно уделить внимание осознанию человеком негативных аспектов данных технологий, пониманию им духовно-нравственного аспекта отчуждения от реальной действительности при уходе в виртуальность. Особая тема – психоманипуляция идеями «неокиберчеловечества».

Изучение устойчивости к информационно-психологическим воздействиям по всем их каналам является необходимым дополнением к перечисленным задачам. Контрманипулятивные ресурсы в качестве предмета эмпирических исследований предполагают отдельную проработку. Поиск способов противодействия широчайшему спектру явных и скрытых психоманипуляций надлежит расширять применительно и к отдельным областям информационно-психологических воздействий, и к некой общей суммарной психоманипуляции современным человеком. Очевидна, в

частности, значимость дифференциально-психологического подхода – определения индивидуальных особенностей противодействия информационным влияниям по тем или иным их каналам, в разных аспектах.

Дальнейшее осмысление многоликой тотальной психоманипуляции позволит двигаться к выявлению ее системообразующего фактора. Таковым можно считать *состояние духовно-нравственной сферы человеческого бытия*. В названии книги данное словосочетание появилось неслучайно. Это, действительно, главный акцент в моем подходе к теме. Но следует всегда помнить, что духовно-нравственная сфера сама подвергается манипулятивным воздействиям. И уже результат суммарного воздействия на духовность и нравственность человека проявляется во всех аспектах глобальной «промывки мозгов», в том числе происходящей непроизвольно. Поэтому необходимо осмыслять состояние духовно-нравственной сферы и как главный контманипулятивный ресурс личности, и как усилитель психоманипулятивных возможностей субъекта информационно-психологических воздействий.

Закономерным продолжением раскрытия роли духовно-нравственной сферы в защите от нежелательных влияний я вижу принятие к научному рассмотрению гипотетического *метафизического* фактора ин-

формационно-психологических воздействий. У меня нет сомнений, что он с неизбежностью будет принят психологической наукой, знакомой с открытиями в «новой физике», вплотную подошедшей к тематике «духовной основы мироздания», к проблеме природы сознания. Досадны инерция современной психологии в сохранении уже устаревших и потому псевдонаучных установок, ее сопротивление новому пониманию подобных реалий, уже пришедшему в научное познание.

Изучение проявления «невидимого духовного мира» в имагосимволосфере общества, в системах группового сознания, в образной сфере конкретной личности становится необходимым для полноты научной картины избранного предмета исследования. Допущение метафизического плана глобальной психоманипуляции предполагает выход психологической науки на новый уровень осмысления роли религиозного опыта человека в современном мире. Особое внимание должно быть привлечено к неосознаваемому отрицательному метафизическому каналу психоманипуляции. В мире происходит столкновение смыслов и ценностей человеческого бытия, метафизических и метаисторических сил, идет духовная война Лжи с Истиной. И это главный фактор и одновременно метауровень планетарной «информационно-психологиче-

ский войны». Поэтому так важно содержание внутреннего мира современного человека, обязательное присутствие в нем «духовной вертикали», которая многократно усиливает способность сопротивляться любым информационным воздействиям. Только это может затормозить стройку «Нового Вавилона». И здесь психологической науке есть к чему приложить себя. Ее помощь в очищении, прояснении, просветлении системы сознания человека я считаю главным положительным моментом и причиной написания данной монографии. В этой связи ее автор желает читателю усиливать зоркость социального восприятия по отношению ко всем проявлениям глобальной психоманипуляции и с Божьей помощью укрепляться в противостоянии любому деструктивному информационно-психологическому влиянию.

Литература

Абраменкова В. В. Социальная психология детства: Учеб. пособие. М.: Пер Сэ, 2008.

Абраменкова В. В. Во что играют наши дети: Игрушка и антиигрушка. М.: Лепта, 2012.

Абульханова К. А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследования: Материалы юбилейной научной конференции (ИП РАН, 28–29 января 2002 г.). Ч. 3: Социальные представления и мышление личности / Отв. ред. К. А. Абульханова, М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 88–103.

Авель (*Семенов*), *иеродиакон, Александр Дроздов.* Знамение пререкаемо: Глобализм, цифровая кодификация личности и печать антихриста. Владимир: Храм Казанской иконы Божьей Матери, 2002.

Авель (*Семенов*), *иеродиакон, Александр Дроздов.* Во что мы верим. М.: Бумажная галерея, 2004.

Авель (*Семенов*), *иеродиакон, Александр Дроздов.* На рубежах веры. Владимирское книжное издание. Владимир: Собор, 2006.

Аверинцев С. С. Собрание сочинений: В 4 т. Киев: Дух и Литера, 2004-2006.

Аверкий (*Тау шев*), *архиепископ.* Современность в свете Слова Божия. М.: Институт русской цивилизации, 2012.

Аверкий (*Таушев*), *архиепископ, Серафим* (*Роуз*), *иеромонах.* Апокалипсис в учении древнего Христианства. М., 2001.

Авченко В. Теория и практика политических манипуляций в современной России // Пси-фактор. 2002. URL: http://psyfactor.org/polman.htm (дата обращения: 03.10.2016).

Агапов П. В., Афанасьев В. В. Консервативная мысль в России: Учеб. пособие. М.: Канон-Плюс – РООИ «Реабилитация», 2009.

Адрианов М. С. Информационно-психологическое воздействие в процессе правовой коммуникации // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 372–388.

Акопов А. Ю. Свобода от зависимости: Социальные болезни личности. СПб.: Речь, 2008.

Алексий (*Мороз*), *священник.* Основы православной психологии (путь к исцелению). М.: Библио-Глобус, 2015.

Алехина И. В., Комиссарова Т. А., Кузьмичев А. Д. и др. Национальная программа «Российская деловая

культура». М., 1997.

Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс (Экспериментальная психологика). СПб.: ДНК, 2000.

Алмаев Н. А., Сордия Г. М. Воздействие интернет-среды на личностные и когнитивные особенности пользователей // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 75–93.

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М.: ИД «Питер», 2000.

Анатолий Берестов, иеромонах. Число зверя. М., 2000.

Анатолий Берестов, иеромонах, Алевтина Печерская. Православные колдуны – кто они? М., 1998.

Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология: Теоретические подходы. М.: Аспект-Пресс, 2002.

Андрей (*Горбунов*), *священник.* Тайна зверя: опыт истолкования пророчеств Апокалипсиса. М.: ЛайнИнтерКом, 2005.

Андрей (*Горбунов*), *священник, Авель* (*Семенов*), *иеродиакон.* Найдем ли Бога и себя? Современность в свете пророчеств Апокалипсиса. СПб.: Издатель В. П. Борзунов, 2004.

Андрей Кураев, диакон. Сатанизм для интеллигенции: В 2 т. М.: Московское подворье Свято-Троицкой

Сергиевой Лавры – Отчий дом, 1997.

Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук (1971–2006). Вып. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Антикрестовый поход // Newsland. 01.12.2015. URL: https://newsland.com/user/4297833018/content/antikrestovyi-pokhod/4853158 (дата обращения: 14.11.2016).

Артемьева Т. И., Журавлев А. Л., Кольцова В. А. Основные направления исследований К. К. Платонова и их развитие в современной психологии // К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 9–17.

Ассанж услышал голос России // Газета. RU. 03.12.2011. URL: https://news.rambler.ru/world/12002121-assanzh-uslyshal-golos-rossii (дата обращения: 07.11.2016).

Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М.: Международные отношения, 1993.

Афанасьев В. В., Агапов П. В. Православная социология Константина Леонтьева. М.: НИЦ «Инженер», 2013.

Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е., Смирнова О. В.

Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А. Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 32–61.

Байкова Е. Ю., Купрейченко А. Б. Психологическая эффективность рекламного воздействия // Проблемы экономической психологии. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 368–398.

Бакулев Г. П. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции. М.: Аспект-Пресс, 2010.

Барабанщиков В. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А. Системное исследование психического в работах Б. Ф. Ломова // Психологический журнал. 2007. Т. 28 (3). С. 5–13.

Бард А. Кризис – уловка, при помощи которой нетократы украли деньги у буржуазии // Сноб. 17.11.2009. URL: http://www.snob.ru/selected/entry/9084 (дата обращения: 07.11.2016).

Бард А., Зондерквист Я. Нетократия. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2000.

Барсукова С. А. Антропологический подход к пониманию совести в психологии // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Батчиков С. Глобализация: Идеологическая и социальная база // Альманах «Восток». 2003. Вып. 4. URL: http://www.situation.ru/app/j_artp_67.htm (дата обращения: 26.11.2016).

Бейли А. Проблемы человечества. Нью-Йорк – Лондон: Люцис Паблишинг, 1993.

Бейли Ф. Дух масонства: Сменить эзотерические ценности. М.: Свет-Амрита-Русь, 2015.

Бек У. Что такое глобализация. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Берд К. Кивино гнездо: Зачем вам думать? // Компьютерра. 03.06.2011. URL: http://www.computerra.ru/own/kiwi/614390 (дата обращения: 26.09.2016).

Берд К. Параллельная реальность Wal-Mart // Компьютера. 15.05.2007. URL: http://old.computerra.ru/focus/318550 (дата обращения: 30.09.2016).

Бжезинский З. К. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2010.

Бжезинский З. К. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010.

Бобиков А. Ф. Психологическая война империалистических государств против стран социализма и методы борьбы с подрывной пропагандой противника: Дис. … канд. пед. наук. М., 1966.

Бобков Ф. Д. Как готовили предателей. М.: Эксмо,

2011.

Богомолов Ю. Глобализм – новая утопия-2? // РИА-новости. 29.06.2007. URL: https://ria.ru/authors/20070629/68035234.html (дата обращения: 12.10.2016).

Богомолова Л. Подводные камни рейтингов // Петербургский избиратель. 1999. № 5. С. 13–20.

Большая ложь о войне. Критика новейшей буржуазной историографии второй мировой войны. М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1971.

Борецкий Р. Беседы об истории телевидения: Лекции, прочитанные на факультете журналистики МГУ в феврале – мае 2010 г. М.: Икар, 2011.

Брачев В. С. Масоны у власти. М.: Алгоритм, 2006.

Броди Р. Психические вирусы. М.: Центр психологической культуры, 2001.

Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Будылин К. Ю. Информационное противоборство в военной сфере (политологический анализ): Автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2009.

Булгаков С. Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М.: ИД «Республика», 1994.

Бусалаев П. Похищение образа. Онтология современной рекламы // Благовест. Портал Православной газеты. 2012. URL: http://благовестсамара.рф/-obraz

(дата обращения: 27.09.2016).

Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003.

В Ливии не было восстания: свидетельства очевидцев // Москва III Рим. 20.03.2011. URL: http://3rm.info/10091-v-livii-ne-bylo-vosstaniya-svidetelstva-ochevidcev.html (дата обращения: 04.10.2016).

В соцсетях орудуют промывщики мозгов // Politonline. 09.03.2011. URL: http://www.politonline.ru/ventilyator/7902.html (дата обращения: 07.11.2016).

Варнава (*Беляев*), *епископ* Основы искусства святости: Опыт изложения православной аскетики: В 4 т. Нижний Новгород: Издание братства во имя св. кн. Александра Невского, 1998.

Вахин А. А., Журавлев А. Л. Особенности исследования динамики социальной напряженности по материалам СМИ // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 101–108.

Вейник В. Почему я верю в Бога: Исследование проявлений духовного мира. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2000.

Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Виртуальные игры справятся с хронической бо-

лью // Рамблер-новости. 09.02.2010. URL: http://www.infox.ru/03/soul/2010/02/08/fantastika_pryevrash.phtml (дата обращения: 26.09.2016).

Владислав Цыпин, протоиерей О толерантности. 2016 // Православие. RU. URL: http://www.pravoslavie.ru/93339.html (дата обращения: 28.11.2016).

Война психологическая // Война и мир в терминах и определениях: Военно-политический словарь / Под общ. ред. Д. Рогозина. М.: ИД «ПоРог», 2004.

Войскунский А. Е. Исследования Интернета в психологии // Интернет и российское общество / Под ред. И. Семенова. М.: Гендальф, 2002. С. 156–163.

Волков И. П. Экстрасенсорный обмен информацией. СПб.: Изд-во БПА, 2000.

Волкогонов Д. А. Психологическая война: Подрывные действия империализма в области общественного сознания. М.: Воениздат, 1984.

Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Воловикова М. И. Нравственная психология: задачи, методы и современное состояние // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Ин-

ститут психологии РАН», 2011. С. 21–39.

Воловикова М. И. Житейские представления о порядочном человеке. М.: Канон+–РООИ «Реабилитация», 2012.

Воловикова М. И., Журавлев А. Л. Имплицитные представления о признаках нравственной элиты // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 50–59.

Воробьева А. Е., Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Представления К. К. Платонова о моральной воспитанности личности как теоретическое основание изучения нравственного самоопределения // К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 169–187.

Воробьева А. Е., Купрейченко А. Б. Нравственное самоопределение личности как ресурс противодействия неэтичным публикациям // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012а. С. 179–201.

Воробьева А. Е., Купрейченко А. Б. Отношение к неэтичной рекламе у представителей различных социально-демографических групп молодежи // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 103–132.

Воронин А. П., Горюнова Н. Б. Интеллектуальная деятельность в современных сообществах глобализации // Уровень жизни населения регионов России. 2010. № 1. С. 25–33.

Восканян М. Неолиберализм как он есть // Globoscope. 2011. URL: http://globoscope.livejournal.com/30859.html (дата обращения: 07.09.2016).

Выступление митрополита Владимира Почаевского за круглым столом в комитете Верховной Рады // Москва III Рим. 07.06.2013. URL: http://3rm.info/publications/36044-mitropolit-vladimir-pochaevskiy-vnedrenie-etoy-pagubnoy-sistemy-yavlyaetsya-prestupleniem-pered-bogom-i-chelovechestvom.html (дата обращения: 11.10.2016).

Гавриил (*Кранчук*)*, иеромонах* Афонское приношение современной православной духовности. М.: Синтагма, 2000.

Газетов В. И., Ветров М. Н. Сетевые бои на Ближнем Востоке // Независимое военное обозрение. 2013. № 27. URL: http://nvo.ng.ru/wars/2013-08-02/1_media.html (дата обращения 26.11.2016).

Галкина И. А., Журавлев А. Л. Развитие научного творчества Я. А. Пономарева // Психологический жур-

нал. 2016. Т. 37. № 1. С. 16–25.

Ганзен В. А., Гостев А. А. Системное описание индивидуального сознания // Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов. М.: Институт психологии РАН – Федерация мира и согласия – Центр политических и международных исследований, 1993. С. 110–120.

Гарвардский и Хьюстонский проекты // Славянская Европа. 10.09.2015. URL: http://www.slavic-europe.eu/index.php/articles/63-usa-articles/3018-2015-08-10-02-12-23 (дата обращения: 14.11.2016).

Гарвардский и Хьюстонский проекты уничтожения славян // Правда-TV. 17.04.2011. URL: http://www.pravda-tv.ru/2011/04/17/7006/garvardskij-i-xyustonskij-proekty-unichtozheniya-slavyan (дата обращения: 16.11.2016).

Генштаб РФ: Россия должна овладеть методами гибридной войны // Вести. Ru. 01.03.2016. URL http://www.vesti.ru/doc.html?id=2726067&cid=7 (дата обращения: 30.09.2016).

Геращенко Л. Л. Мифология рекламы. М.: ИД «Диаграмма», 2006.

Гермоген, свщмч., епископ Тобольский и Сибирский. Толкование на «Откровение» Иоанна Богослова. М., 1917 (Нальчик, 1997). URL: http://

www.zaistinu.ru/articles?aid=1440 (дата обращения: 26.11.2016).

Гиренок Ф. И. Абсурд и речь: Антропология воображаемого. М.: Академический проект, 2012.

Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2016.

Глазьев С. Российская экономика остается уязвимой // Рамблер-новости. 02.12.2014. URL: http://news.rambler.ru/28172711 (дата обращения: 14.11.2016).

Глазьев С. Ю. Последняя мировая война: США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир, 2016.

Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира / Под ред. А. И. Неклесса. М.: Восточная литература, 2002.

Глобальное сообщество: Новая система координат (подходы к проблеме) / Под ред. А. И. Неклесса. СПб.: Алетейя, 2000.

Глоточкин А. Д., Журавлев А. Л., Кольцова В. А., Лоскутов В. Н. Жизнь и научное творчество К. К. Платонова // К. К. Платонов. Мои личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 5–38.

Голобуцкий А. П., Шевчук О. Б. Электронное правительство. Киев: UMC-Атлант, 2002.

Гоним В. Революция 2.0: Документальный роман /

Пер. с англ. Т. Даниловой. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2012.

Гордеев К. Ю. Глобализация – вызов человечности. М.: Библиотека Сербского Креста, 2003.

Гордеев К. Новый Вавилон, или Куда бедному христьянину податься // Live Internet. 14.07.2012. URL: http://www.liveinternet.ru/users/4908417/post227920809 (дата обращения: 07.11.2016).

Гордеев К. Ю., Манягин В. Г. В тени тенет: кошмар «сетевой цивилизации». М.: Библиотека Сербского Креста, 2003.

Горжалцан Е. Технология промывания мозгов. 2014. URL: http://baznica.info/article/tekhnologiya-promyvaniya-mozgov/#sthash.ghuLqSHC.dpuf (дата обращения: 06.09.2016).

Гостев А. А. Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов. М.: Институт психологии РАН; Федерация мира и согласия; Центр политических и международных исследований, 1993.

Гостев А. А. О проблемах становления религиозно-ориентированного психологического знания // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007а. Т. 4. С. 35–45.

Гостев А. А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007б.

Гостев А. А. Психология и метафизика образной сферы человека. М.: Генезис, 2008а.

Гостев А. А. Адекватность социальных представлений как фактор формирования православного сознания // «Альманах» Научного архива. М.: ПИ РАО, 2008б. С. 151–161.

Гостев А. А. Метапсихология новых информационных пространств в духовно-нравственном измерении // Материалы XVII Международных Рождественских чтений «Святоотеческая психология и воспитание человека». М.: ПИ РАО – МГППУ, 2010. С. 68–86.

Гостев А. А. Святоотеческая и научная психология: на перекрестке проблем // Материалы XVIII Международных Рождественских образовательных чтений «Психология воспитания и образования современного человека: диалог со святоотеческой традицией». М.: ПИ РАО – МГППУ, 2011а. С. 147–155.

Гостев А. А. Психология духовно-нравственного начала человека – направление развития методологических основ психологической науки // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики: Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011б. С. 360–378.

Гостев А. А. Актуальные проблемы изучения сферы вторичных образов // Психологический журнал. 2012а. № 4. С. 17–26.

Гостев А. А. Манипуляция социальными представлениями путем воздействия на образную сферу личности // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 225–246.

Гостев А. А. Манипулирование образной сферой человека и проблема безопасности личности // Психология безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012 в. С. 205–226.

Гостев А. А. Религиозный менталитет как политический фактор: на «перекрестке» исторической и политической психологии // Развитие психологии в системе комплексного человекознания: В 2 ч. Ч. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012 г. С. 87–90.

Гостев А. А. О духовно-нравственных и политико-психологических аспектах фальсификации российской истории // Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Т. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 68–71.

Гостев А. А. Манипулирование внутренним миром личности: духовно-нравственный аспект (на примере

экранных образов) // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014а. С. 54–75.

Гостев А. А. Психологическое и духовно-нравственное здоровье личности: о некоторых современных симптомах «болезни» // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014б. С. 132–153.

Гостев А. А. Влияние православно-христианской традиции на российский менталитет как проблема исторической психологии // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015а. С. 25–47.

Гостев А. А. Духовно-нравственная сфера как «призма» для информационных воздействий // Социально-гуманитарные исследования и технологии: Научно-практический журнал. № 4 (13). 2015б. С. 77–82.

Гостев А. А. Духовно-нравственная сфера человечества как проблема психологического здоровья и измененных состояний сознания // Психология сознания: этнонациональные, религиозные, правовые и ре-

гулятивные аспекты: Материалы международной научной конференции (15–17 октября 2015 г.). Самара, 2015 в. С. 240–245.

Гостев А. А., Борисова Н. В. Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина: на путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Гостев А. А., Елисеев В. А., Фомин А. Г. К проблеме концептуально-терминологического перевода святоотеческих описаний психологических реалий // История отечественной и мировой психологической мысли. Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 177–187.

Грамши А. Избранные произведения: В 3 т. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957–1959.

Грачева Т. В. Невидимая Хазария: Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань: Зерна-Слово, 2009.

Грачева Т. В. Когда власть не от Бога. Рязань: Зерна-Слово, 2010.

Грачева Т. В. Память русской души. Рязань: Зерна-Слово, 2011.

Грачева Т. В. Последнее искушение России. Рязань: Зерна-Слово, 2013.

Грибашев В. П., Шелейкова Н. И. Что такое: «Спектральная логика» и «спектроглобус Грибашева». М.: Беловодье, 2009.

Григорьева А. А., Павлова Н. Д. Взаимосвязь интенциональных характеристик массмедийного дискурса и используемых в нем приемов речевого воздействия // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 163–178.

Григорьева А. А., *Павлова Н. Д.* Интенциональные модели психологического воздействия в дискурсе масс-медиа // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 45–53.

Гриняев С. Н. Поле битвы – киберпространство: Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Минск: Харвест, 2004.

Гуру «цветных революций» объяснил, что в протестах в России не виноват: наоборот, сам учился у русских // NEWS.RU.com. 22.02.2012. URL: http://www.newsru.com/world/22feb2012/sharp.html (дата обращения: 04.10.2016).

Даллес А. Искусство разведки. М.: Изд-во «Между-

народные отношения», 1992.

Даллес А. Тайная капитуляция. М.: Центрполиграф, 2004.

Дамаскин (*Кристенсен*), *иеросхимонах.* Не от мира сего. Жизнь и учение иеромонаха Серафима (Роуза) Платинского. М.: Русский паломник, 1995.

Дейнека О. С. Экономическая психология: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.

Делягин М. Г. Идеология возрождения. М.: Форум, 2000.

Делягин М. Где твоя страна, Каин? // Однако. 2011. URL: http://www.odnako.org/magazine/material/show_11526 (дата обращения: 28.11.2016).

Делягин М. Г. Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчак и Навального. М.: Книжный мир, 2016.

Десять жертв Интернета // BFM.RU. 04.01.2011. URL: https://news.rambler.ru/scitech/8640826-10-zhertv-interneta (дата обращения: 07.11.2016).

Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Джин Шарп – разработчик технологий «цветных революций» // Сайт Анатолия Владимировича Краснянского. 04.03.2014. URL: http://avkrasn.ru/article-2325.html (дата обращения: 05.10.2016).

Динамика социально-психологических явлений в

изменяющемся обществе / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.

Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Науч. ред. М. С. Рождественская, отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.

Доклад Высокопреосвященнейшего Агафангела, митрополита Одесского и Измаильского, на Всемирном Русском народном Соборе // Россия и православный мир. Москва, 3–4 февраля 2004 г. URL: http://www.zaistinu.ru/econtrol/startsy/agafangel.shtml// (дата обращения: 11.10.2016).

Докука С. Цветы кризиса // Однако. URL: http://www.odnako.org/magazine/material/show_16645 (дата обращения: 11.10.2016).

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 26. Дневник писателя. 1877, сентябрь – декабрь, 1880, август. Л.: Наука, 1984.

Дружинин В. Н. Психология способностей: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Дугин А. Г. Конспирология (наука о заговорах, тайных обществах и оккультной войне). М.: Арктогея, 1993.

Дугин А. Г. Основы геополитики: Глоссарий. М.: Арктогея, 1997.

Дугин А. Левые и Запад: Неожиданный альянс // Око планеты. 13.03.2012. URL: http://oko-planet.su/first/106842-adugin-levye-i-zapad-neozhidannyy-alyans.html (дата обращения: 14.11.2016).

Дугин А. Г. Русская война. М.: Алгоритм, 2015.

Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. М.: Издательский совет Русской православной церкви, 2002.

Егишянц С. А. Тупики глобализации: Торжество прогресса или игры сатанистов? М.: Вече, 2004.

Елисеев В. А. Православный путь к спасению и восточные и оккультные мистические учения. М.: Даниловский благовестник, 1995.

Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Емельянова Т. П., Журавлев А. Л. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.

Ениколопов С. Н. Массовая коммуникация и проблема насилия // Информационная и психологическая безопасность в СМИ. М.: Аспект-Пресс, 2002.

Ермолаев А. Семь рекламных трюков из прошлого, которые работают и сегодня // Афиша Daily. 2016.

URL: http://daily.afisha.ru/brain/400-7-reklamnyh-trykov-iz-proshlogo-kotorye-rabotayt-i-segodnya/?utm_medium=rexchange&utm_campaign=9&utm_source (дата обращения: 26.09.2016).

Ефанова В. Н. Н. Нарочницкая: «Карла дель Понте 5 лет молчала о злодеяниях албанцев в Косово» // Православие и мир. 07.04. 2008. URL: http://www.pravmir.ru/n-narochnickaya-karla-del-ponte-5-let-molchala-o-zlodeyaniyax-albancev-v-kosovo (дата обращения: 15.10. 2016).

Журавлев А. Л. Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 5–18.

Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А. Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Журавлев А. Л., Юревич А. В. Введение // Психологические исследования нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013а. С. 5–10.

Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013б. Т. 34. № 3. С. 4–14.

Журавлев А. Л., Юревич А. В. Патриотизм как объ-

ект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 88–98.

Зазворка Г. Психологическая война НАТО. М.: Изд-во МО, 1963.

Захарченко В. Кровавый Евромайдан – преступление века. СПб.: Питер, 2016.

Звоников В. М. Психология и психофизиология экстрасенсорных явлений // Психологический журнал. 1993. № 6. С. 142–143.

Звоников В. М., Агапов И. В., Стрельченко А. Б., Поспелов А. А. Дистанционное биологическое информационное экстраординарное взаимодействие (БИЭВ) в системе «человек – человек» // Актуальные вопросы железнодорожной и клинической медицины: Опыт диагностики и лечения больных в ЦКБ МПС РФ: Сб. науч. тр. сотрудников ЦКБ МПС. М., 2000. С. 20–43.

Зеланд В. Трансерфинг. Проектор отдельной реальности. СПб.: ИГ «Весь», 2014.

Зеньковский В. В. Апологетика. М.: Лепта, 2004.

Зиновьев А. А. Глобальный человейник. М.: АСТ, 2000.

Зиновьев А. Идеологическая глобализация // Гуманитарные технологии. Информационно-аналитический портал. 2006. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2656 (дата обращения: 26.11.2016).

Иванов А. Оборонительные рубежи «гибридной» войны. Насколько наше общество готово к отражению угрозы «цветной» революции? // Свободная пресса. 02.03.2016. URL: http://svpressa.ru/politic/article/143509 (дата обращения: 14.11.2016).

Иваны, лайков не помнящие // Рамблер-новости. 29.03.2016. URL: https://news.rambler.ru/articles/33190207-ivany-laykov-ne-pomnyaschie (дата обращения: 26.09.2016).

Игнатов А. Стратегия «глобализационного лидерства» для России // Независимая газета. 05.09.2000. URL: http://www.ng.ru/ideas/2000-09-07/8_strateg.html (дата обращения: 14.11.2016).

Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарогъ, 1993.

Иоанн Кронштадтский, святой праведный. Моя жизнь во Христе. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991.

Иоанн Снычев, митрополит. Самодержавие Духа. Очерки русского самосознания. СПб.: Царское Дело, 1995.

Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Каплан-Уильямс С. Работа со сновидениями. М.: Изд-во Трансперсонального института, 1997.

Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.

Кара-Мурза С. Идеология и мать ее наука. М.: Алгоритм, 2002.

Кастельс М. Информационная эпоха. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Катасонов В. Ю. Иерусалимский храм как финансовый центр. М.: ИД «Кислород», 2014.

Катасонов В. Ю. Мировая финансовая пирамида: Финансовый империализм как высшая и последняя стадия капитализма. М.: Книжный мир, 2016.

Квигли К. Трагедия и надежда: мировая история новейшего времени. Лондон: Колье-Макмиллан Лтд, 1966.

Киви Б. BadBIOS, или Большие проблемы // Offсянка. 13.11.2013. URL: http://www.3dnews.ru/777783 (дата обращения: 07.11.2016).

Китаев-Смык Л. А. Психология стресса: Психологическая антропология стресса. М.: Академический проект, 2009.

Китаев-Смык Л. А. Организм и стресс: стресс жизни и стресс смерти. М.: Смысл, 2012.

Китаев-Смык Л. А. Сознание и стресс. М.: Смысл, 2015.

Клаус В. Нет больше в Европе никакой свободы. 2014. URL: http://news.rambler.ru/27912154 (дата обра-

щения: 07.09.2016).

Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов. М.: Добрая книга, 2012.

Кобзев А. Эпоха политического доминирования Вашингтона заканчивается // Lenta.Ru. 08.05.2016. URL: http://lenta.ru/articles/2014/05/08/chiesa (дата обращения: 07.09.2016).

Ковалев Г. А. Психология воздействия: теория, методология, практика. М.: НИИ ОПП АПН СССР, 1991.

Ковалев И. П. Тайна нашего времени глазами современника // Русский Вестник. 2002. № 43–44.

Кожинов В. В. Грех и святость русской истории. М.: Яуза – Эксмо, 2006.

Кожинов В. В. От Византии до Орды: История Руси и русского слова. М.: Эксмо – Алгоритм, 2011.

Колеман Дж. Комитет 300: Тайны мирового правительства. М.: Витязь, 2000.

Колпакова М. Ю. Введение в диалогическую психологию. М.: Канон+–РООИ «Реабилитация», 2013.

Кольцова В. А. История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Кольцова В. А. Российский менталитет как предмет социально-психологического исследования // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова.

М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 5–15.

Кольцова В. А., Журавлев А. Л. Введение: Уникальность научного подхода Б. Г. Ананьева // Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 9–13.

Кольцова В. А., Журавлев А. Л. К 40-летию Института психологии РАН и 85-летию со дня рождения Б. Ф. Ломова // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 4–6.

Кольцова В. А., Соснин В. А., Олейник Ю. Н. Феномен исторического сознания как фактор консолидации современного российского общества // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 21–45.

Константин (*Зайцев*), *архимандрит.* Чудо русской истории. М.: НТЦ «Форум», 2000.

Концепция внешней политики Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. 12.03.2013. URL: http://archive.mid.ru//BRP_4.NSF/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF (дата обращения: 30.09.2016).

Коньков Н., Нагорный А. Големы либерализма. Завершаем коллективный портрет

«пятой колонны». 2015. URL: http://izborskiy-club.livejournal.com/391085.html (дата обращения: 07.09.2016).

Коровин В. М. Россия на пути к Империи. СПб.: Питер, 2016.

Королев А. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А. История и психология: неумолчный диалог: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.

Королева Н. Н. Психосемантика субъективных реальностей личности: Дис. … д-ра психол. наук. СПб., 2006.

Корчевная Т. (Текст без названия) // Lifejournal. 24.02.2009. URL: http://tanya-ogf.livejournal.com/202793.html (дата обращения: 05.10.2016).

Котенева А. В. Психологическая защита с позиций христианской антропологии. Дис. … д-ра психол. наук. М.: ПИ РАО, 2010.

Котенева А. В. Психологическая защита личности. М.: МГГУ, 2013.

Коэн С. Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001.

Кубрак Т. А. Роль психологических характеристик восприятия кино в процессе его воздействия // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Пав-

лова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 94–111.

Куденхове-Калерги Р. Н. Пан-Европа. М.: Вита Планетарии, 2006.

Кузьмин В. Рублевое притяжение // RG.RU. 04.06.2010. URL: http://www.rg.ru/2010/06/03/fincentr-site.html (дата обращения: 14.11.2016).

Куликов Л. В. Общенаучные категории в отечественной психологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013.

Ку прейченко А. Б. Доверие как ключевой компонент психологической эффективности рекламного воздействия // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 142–162.

Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л. Отношение современных российских предпринимателей к морально-этическим нормам делового поведения // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 89–109.

Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л. Роль нравственной элиты в российском обществе: Постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 5–19.

Кургинян С. Организационное ору-

жие // Экспериментальный творческий центр. 2007. URL: http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&auth=40&id=1957 (дата обращения: 06.09.2016).

Кургинян С. Е. Исав и Иаков: Судьба развития в России и мире. «Перестройка-2»: В 2 т. М.: Международный общественный фонд, 2009.

Лагутов Н. В. Теологический анализ стратегий и техник психотерапии. Сергиев Посад: АгиОН, 2012.

Лазарь (*Абашидзе*), *а рхимандрит.* Грех и покаяние последних времен: О тайных недугах души. М.: Сретенский монастырь – Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000.

Лайнбарджер П. Психологическая война. М.: Воениздат, 1962.

Лассуэл Г. Техника пропаганды в мировой войне. М. – Л.: Гос. изд-во, отдел военной литературы, 1929.

Латынов В. В. Критерии и факторы эффективности психологического воздействия / Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012а. С. 74–96.

Латынов В. В. Психологическое воздействие: принципы, механизмы, теории // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности

противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 11–52.

Латынов В. В. Подпороговое воздействие на психику человека: возможности и ограничения // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012 в. С. 285–296.

Латынов В. В. Психология коммуникативного воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Латынов В. В. Психологическое воздействие массмедийного дискурса // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014а. С. 11–31.

Латынов В. В. Средства воздействия и личностные характеристики его объекта как факторы эффективности психологического воздействия // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014б. С. 222–240.

Латынов В. В. Пропагандистское воздействие на примере здорового образа жизни // Психологическое

воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014 в. С. 347–371.

Лебедев А. Н. Влияние опыта реципиента на эффективность психологического воздействия // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 97–112.

Лебедев А. Н. Информационная неопределенность как механизм психологического воздействия // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред.

А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 32–43.

Лебедев А. Н., Боковиков А. К. Экспериментальная психология в российской рекламе. М.: ИЦ «Академия», 1995.

Лебедев А. Н., Гордякова О. В. Психологические воздействия в системе современных маркетинговых коммуникаций / Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 129–141.

Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2006.

Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2011.

Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004.

Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Третья мировая информационно-психологическая война. М.: Институт социально-политических исследований, 1999.

Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского, 15–16 октября 2008 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990.

Лосев А. Ф. Вещь и имя // Имя. СПб.: Алетейя, 1997.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.

Лосский В. Н. Боговидение. М.: АСТ, 2003.

Маклюэн М. Понимание медиа. М.: Кучково поле, 2014.

Макропсихология современного российского обще-

ства / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Максим (*Попов*), *иеромонах.* Анализ и критика внеконфессионального мистицизма как методологической основы трансперсональной психологии: Богословский аспект. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2012.

Мандзаридис Г. Глобализация и реальность: химера и истина. М.: Бумажная галерея, 2005.

Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства // Пси-Фактор. 2003. URL: http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm (дата обращения: 15.11.2016).

Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М., 2012.

Манягин В. Г. Апология грозного царя. М.: Русский вестник, 2002.

Манягин В. Г. Вождь воинствующей Церкви. М.: Изд-во «Библиотека Сербского Креста», 2003.

Манягин В. Правда Грозного царя. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006.

Мараховский В. За что цивилизованный мир будет нас убивать: К фильму «Планета обезьян: революция» // Однако. 2014.

URL: http://www.odnako.org/blogs/kak-civilizovanno-odichat-k-filmu-planeta-obezyan-revolyuciya (дата обращения: 07.09.2016).

Мараховский В. Принуждение к зрителю. Что нужно сделать с российской киноиндустрией. 2015. URL: http://www.kultpult.ru/prinuzhdenie-k-zritelyu-chto-nuzhno-sdelat-s-rossijskoj-kinoindus-triej-167/ (дата обращения: 24.09. 2016).

Маркова Н. Е. Интервенция культур. М.: Интернет-издание вэб-центра «Омега», 2002.

Маркова Н. Е. Капканы на потребителя: Реклама и манипуляция // Народное образование. 2005. № 2. С. 40–43.

Матвеева Л. В., Аникеева Т. Я., Мочалова Ю. В. Психология телевизионной коммуникации. М.: РИП-Холдинг, 2004.

Мацан К., Ашманов И. Под властью ментального вируса, или Как отличить вброс от новости // Православие. ru. 01.10.2012. URL: http://www.pravoslavie.ru/smi/56442.htm (дата обращения: 26.09.2016).

Медведева И. Я., Шишова Т. Л. Родители и дети: Конфликт или союз? Рязань: Зерна, 2012.

Мединский В. Мифы о России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.

Мейссан Т. 11 сентября 2001 года. Чудовищная махинация. М.: Карно, 2003.

Методология комплексного человекознания и современная психология / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Мироненко И. А., Журавлев А. Л. Система научных представлений Б. Д. Парыгина в области социальной психологии // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 28–38.

Миронов Б. С. Нация и государство. М.: Алекс-информ, 2002.

Миронов Б. С. Русские. Последний рубеж. М.: Алгоритм, 2009.

Миронов И. Б. Аукцион «Россия». Как продавали Аляску. М.: Алгоритм, 2010.

Миронова Т. Л. Крест и меч. М.: Пресс-В, 2008.

Можаровский В. В. Догматическое мышление и религиозно-ментальные основания политики. СПб.: ОВИЗО, 2002.

Мокшанцев Р. И. Психология рекламы. М.: Инфра-М, 2000.

Морозов В. П. Невербальная коммуникация: Экспериментально-психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 1. С. 3–18. № 2. С. 3–14.

Мы живем в обществе, где сказка, в том числе мрачная, становится былью // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. 11.05.2012. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/05/11/my_zhivem_v_obwestve_gde_skazka_v_tom_chisle_mra (дата обращения: 07.09.2016).

Назаров М. Тайна России: Историософия XX века. М.: Русская идея, 1999.

Назаров М. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2005.

Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004.

Научный православный взгляд на ложные исторические учения // Материалы совместной конференции Русского культурно-просветительного фонда имени святого Василия Великого и Института Российской истории РАН. М.: Русский издательский Центр, 2011.

Неклесса А. И. Интеллект, элита и управление // Россия XXI. 2002. № 1. С. 4–25.

Неклесса А. И. Управляемый хаос // Интеллектуальная хроника России. Год 2003: Приложение к журналу «Экономические стратегии». М.: Институт экономических стратегий, 2003.

Неклесса А. И. Люди воздуха, или Кто строит мир? М.: Институт экономических стратегий, 2005.

Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Обмен знаниями, груп-

повая рефлексивность и корпоративная память как объекты социальной психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 3. С. 5–16.

Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–28.

Николай (*Велимирович*), *святитель.* Символы и сигналы. М.: Покров, 2003.

Нойергард О. Полдень магов. М.: Крымский мост-9Д – Форум, 2004.

Носиков Р. У русских жизни нет. Значит, и убивать можно // Однако. 15.01.2015. URL: http://www.odnako.org/blogs/u-russkih-zhizni-net-znachit-i-ubivat-mozhno-k-oskaru-leviafana (дата обращени я: 24.09.2016).

Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия-Весь Мир, 1996.

Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

О формировании группы поддержки Программы-50. Поручение Правительства Российской Федерации от 1 марта 2000 г. ХВ. П8 – 05601. URL:

http://pelic98.chat.ru/program50_koi.html (дата обращения: 07.11.2016).

Овчинский В. Мистерии арабских взрывов // Завтра. 2011. № 9 (902). U R L: http://old.zavtra.ru/content/view/2011-03-1541 (дата обращения: 07.11.2016).

Овчинский В. С., Сундиев И. Ю. Организационное оружие: Функциональный генезис и система технологий XXI века // Совет по внешней и оборонной политике. 02.08.2013. URL http://svop.ru/news/5424 (дата обращения 26.11.2016).

Ольшанский Д. В. Психология террора. Екатеринбург: Деловая книга; М.: Академический проект, 2002.

Омае К. Упадок национального государства: Становление региональных экономик. Нью-Йорк, 1999.

Оргоружие: О том, что хаос может быть рукотворным. Сводная аналитическая группа Центра Кургиняна об угрозах суверенитету России. М.: Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр», 2007.

От чего нас хотят «спасти» НЛО, экстрасенсы, оккультисты, маги. М.: Даниловский благовестник, 2001.

Павлова Н. Д. Механизмы и средства оказания субъектом дискурсивного воздействия // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 53–73.

Павлова Н. Д., Журавлев А. Л. К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 6–11.

Павлова Н. Д., Журавлев А. Л., Зачесова И. А. О дискурсе, дискурсивном воздействии и информационно-психологической безопасности (вместо предисловия) // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 5–10.

Паисий Святогорец. Телевидение нанесло людям огромный вред. 2011. URL: http://www.odigitria.by/2011/09/01/televidenie-naneslo-lyudyam-ogromnyj-vred-starec-paisij-svyatogorec (дата обращения: 24.09.2016).

Паисий Святогорец, блаженной памяти старец. Слова: В 5 т. Т. 1. С Болью и любовью о современном человеке. Изд-во Монастырь святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Суроти, Салоники: ИД «Святая Гора», 2002.

Панарин А. С. Агенты глобализма // Москва. 2000. № 1–11.

Панарин А. С. Глобальное и политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2002.

Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003.

Панарин А. С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

Панарин И. Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006.

Панарин И. Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб.: Питер, 2010.

Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационная война. М.: Поколение, 2012.

Панкин А. Первая мировая информационная // KP.RU. 03.05.2014. URL: http://www.kp.ru/daily/26227.3/3109654 (дата обращения: 30.09.2016).

Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Паренти М. Демократия для избранных: Настольная книга о политических играх США. М.: Поколение, 2006.

Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: АСТ – Terra Fantastica, 2005.

Переслегин С. Б. Онтология утопии. Взгляд из настоящего // Русский журнал. 2007. URL: http://www.russ.ru/pole/ontologiya-utopii.-vzglyad-iz-nastoyaschego (дата обращения: 16.11.2016).

Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы. М.:

Протекст, 2012.

Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма, М.: Новый хронограф, 2010.

Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства: 1731–1996. М.: Родник, 1996.

Платонов О. А. Тайна беззакония. М.: Родная страна, 2014.

По фото в соцсети можно узнать о человеке все! // Москва III Рим. 08.11.2011. URL: http://3rm.info/13829-po-foto-v-socseti-mozhno-uznat-o-cheloveke-vse.html (дата обращения: 07.11.2016).

Пожиратели ауры // Shivadance777. 18.06.2012. URL: http://nnm.ru/blogs/shivadance777/pozhirateli-aury/#cut (дата обращения: 07.11.2016).

Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / Под ред. С. Кургиняна. М.: ЭТЦ, 2011.

Полубота А. Цинизм в квадрате: Политика двойных стандартов, как показал кризис на Украине, стала нормой // Свободная Пресса. 09.04.2014. URL: http://svpressa.ru/politic/article/85216 (дата обращения: 30.09.2016).

Пономарев Я. А. Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии. М.: ООО «ТНД „Арис“», 2010.

Пономаренко В. А. Авиация. Человек. Дух. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; Универсум, 1998.

Пономаренко В. А. В слове – позиция. Красноярск: Поликом, 2004.

Пономаренко В. А. На чьих плечах стоим? М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

Порус В. П. Рациональность. Наука. Культура. М.: Ун-т РАО, 2002.

Порус В. Н. Перекрестки методов (опыты междисциплинарности в философии культуры). М.: Канон, 2012.

Почепцов Г. Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук; К.: Вак лер, 2002.

Православная Церковь о номерах, электронных паспортах и новом мировом порядке. М.: Изд-во «Библиотека Сербского Креста», 2003.

Православные Молдовы против Всеправославного Собора 2016 // Москва III Рим. 27.01.2016. URL: http://3rm.info/main/61208-pravoslavnye-veruyuschie-moldovy-protiv-vsepravoslavnogo-sobora-2016-video.html (дата обращения: 11.10.2016).

Практика глобализации: Игры и правила новой эпо-

хи / Под ред. М. Г. Делягина. М.: Инфра-М, 2000.

Преподобный Лаврентий Черниговский: Житие, поучения, пророчества и акафист. Типография Почаевской Лавры, 2001.

Пригожин И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.

Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Проект «Blue Beam» // Triosfera. 18.04.2011. URL: http://2012god.ru/proekt-blue-beam (дата обращения: 08.11.2016).

Проклятые фильмы Голливуда. 2008. URL: http://botinok.co.il/node/51541 (дата обращения: 24.09.2016).

Прокофьев В. Ф. Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание. М.: СИНТЕГ, 2003.

Прокофьев В. Ф. К проблеме формирования основ-

ных понятий в области информационной безопасности М.: Генеральный штаб вооруженных сил Российской Федерации Центр военно-стратегических исследований, 2004.

Прокофьев В. Ф. Теоретические аспекты совершенствования государственной политики развития информационного пространства и обеспечения информационной безопасности России в современных условиях: Дис. … канд. полит. наук. М., 2006.

Пронина Е. Е. Психологическая экспертиза рекламы. М.: РИП-холдинг, 2000.

Психологическая война // Контрразведывательный словарь / Отв. ред. В. Ф. Никитченко. М.: Науч. – издат. отдел ВШКГБ им. Ф. Э. Дзержинского, 1972.

Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Психологические исследования проблем совре-

менного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Пер Сэ, 2003.

Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Психология власти – 2008: Материалы Второй меж-

дународной научной конференции / Под науч. ред. А. И. Юрьева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Психология здоровья: Учебник для вузов / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Питер, 2006.

Психология и психоанализ рекламы / Ред. – сост. Д. Я. Райгородский. Самара: ИД «Бахрах-М», 2001.

Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Психология человека в современном мире. Том 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Психология человека и общества: научно-практические исследования / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина.

М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.

Психофизическое оружие: Информация с закрытого сайта // Live-journal. 14.09.2013. URL: http://irwi99.livejournal.com/814769.html (дата обращения: 07.11.2016).

Ради чего началась вторая холодная война // Рамблер-новости. 28.10.2015. URL: http://news.rambler.ru/head/31761877 (дата обращения: 16.11.2016).

Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Рафаил (*Карелин*), *архимандрит.* Христианство и модернизм // Покаяние и исповедь на пороге XXI века. СПб.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999.

Рафаил (*Карелин*), *архимандрит.* Тайна спасения: Беседы о духовной жизни. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001.

Рафаил (*Карелин*), *архимандрит.* Векторы духов-

ности. М.: Лествица, 2003.

Рафаил (*Карелин*)*, архимандрит.* Церковь и мир на пороге Апокалипсиса. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2010.

Рескин Дж. Лекции об искусстве. М.: БГС-Пресс, 2006.

Рогожников М. Очень жаркая дискуссия // Русский репортер. 2014. № 32. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2014/32/ochen-zharkaya-diskussiya/ (дата обращения: 23.11.2016).

Роль социальных сетей в мобилизации протестных настроений на Ближнем Востоке и в Северной Африке в январе – марте 2011 года // Идеологические аспекты военной безопасности: Научно-практическое приложение к журналу «Армия» Министерства обороны Республики Беларусь. 2011. № 1. С. 40–47.

Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.

Рощин С. К. Западная психология как инструмент идеологии и политики. М.: Наука, 1980.

Рубель В. А., Савин А. Ю., Ратников Б. К. Пси-войны: Запад и Восток. История и свидетельства очевидцев. М.: ТОМедиа, 2015.

Рудницкий Г. Бойцы невидимого фронта. 19.01.2009. URL: http://old.computerra.ru/

interactive/395567 (дата обращения: 07.11.2016).

Русская доктрина: Государственная идеология эпохи Путина / Отв. ред. О. А. Платонова. М.: Институт Русской Цивилизации, 2016.

Рябинин В. А. Идеология «Тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм». М.: Аиро-XXI, 2009.

Саппак В. Телевидение и мы: Четыре беседы. М.: Искусство, 1988.

Сапунов Б. М. Культурология телевидения: Основы истории мировой и российской культуры. М.: Айыына, 2001.

Сегела Ж., Лебедева Т. Ностальгия по будущему. М.: Изд-во МГУ, 2014.

Семенко В. П. Как разрушают Церковь. М.: Великий Град, 2013.

Семенов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008.

Семикин А. Дикое телевидение // Русский журнал. 09.05.2012. URL: http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/dikoe-televidenie (дата обращения: 24.09.2016).

Семин К. Рок-лоботомия: как мы гробили свою идентичность. Часть 1 // Однако. 12.11.2014а. URL http://www.odnako.org/blogs/rok-lobotomiya-chast-1 (дата обращения: 30.09.2016).

Семин К. Рок-лоботомия: диктатура уныния, бездарности и вторичности. Часть 2 // Однако. 01.12.2014б. URL http://www.odnako.org/blogs/rok-lobotomiya-chast-2-diktatura-uniniya-bezdarnosti-i-vtorichnosti (дата обращения: 30.09.2016).

Серафим (*Роуз*), *иеромонах.* Приношение православного американца. М.: Братство преподобного Германа Аляскинского, Российское Отделение Валаамского Общества Америки, 2003.

Серафим (*Соболев*), *архиепископ.* Русская идеология. 2002. URL: http://apocalypse.orthodoxy.ru/ideology (дата обращения: 15.11.2016).

Серафим (*Соболев*), *архиепископ.* Об истинном монархическом миросозерцании. 2009. URL: http://samoderjavie.ru/serafim-sobolev-ob-istinnom-monarhichescom-mirosozercanii (дата обращения: 15.11.2016).

Сергейцев Т. Заводной апельсин // Однако. 2012. URL: http://www.odnako.org/magazine/material/zavodnoy-apelsin (дата обращения: 04.10.2016).

Сергиенко Е. А., Таланова Н. Н., Лебедева Е. И. Телевизионная реклама и дети. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Серова О. Е. Психологические аспекты духовно-нравственного учения о личности и народе И. В. Киреевского (историко-психологическое иссле-

дование): Дис. … канд психол. наук. М., 2007.

Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учеб. пособие для вузов. М.: Школьная пресса, 2000.

Смирнов А. А. Информационно-психологическая война: Об одном средстве международного информационного противоборства // Журнальный клуб Интелрос «Свободная мысль». 2013. URL: http://www.intelros.ru/readroom/svobodnaya-mysl/sv6-2013/23349-informacionno-psihologicheskaya-voyna.html (дата обращения: 06.09.2016).

Смирнов И. В. Психоэкология. М.: ИД «Холодильное дело», 2003.

Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1988.

Современная психология: многообразие научного поиска / Под ред. Р. А. Ахмерова, С. П. Дырина, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Современная психология: состояние и перспективы: Тезисы докладов на юбилейной научной конференции ИП РАН. Том 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002а.

Современная психология: состояние и перспекти-

вы: Тезисы докладов на юбилейной научной конференции ИП РАН. Том 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002б.

Современная психология: Справочное руководство / Отв. ред. В. Н. Дружинин. М.: Инфра-М, 1999.

Современная социальная реальность России и государственное управление: Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2 т. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.

Соснин В. А. Проблема религиозных и ненаучных духовных практик в воздействии на массовое сознание населения // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012а. С. 247–265.

Соснин В. А. Проблема терроризма как социально-психологического и культурно исторического феномена современной цивилизации // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 427–439.

Соснин В. А. Духовно-нравственное противодействие терроризму в современном мире: роль психологических операций // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 331–346.

Соснин В. А. Особенности менталитета народов христианско-православной и исламской культур и современный терроризм // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 330–348.

Соснин В. А., Журавлев А. Л. Психология массового поведения: истоки и современные тенденции исследования // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 49–61.

Соснин В. А., Журавлев А. Л. Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема // Человеческий фактор: Проблемы психологии и эргономики. 2013. № 4 (67). С. 6–16.

Соснин В. А., Журавлев А. Л., Красников М. А. Социальная психология: Учебн. пособие для студентов вузов. М.: Форум – Инфра-М, 2011.

Соснин В. А., Нестик Т. А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Сотрудники BBC, в том числе авторы «Маззи» и «Телепузиков», работали под кокаином. 2009. URL: http://newsru.com/cinema/21oct2009/bbc.html (дата обращения: 24.09.2016).

Социальная психология: Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.

Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

Социальные сети не так страшны, как их малюют // Рамблер-новости. 12.01.2012. URL: http://news.rambler.ru/12417559 (дата обращения: 26.09.2016).

Старикова Е. Чего не знают родители: Размышления вчерашней школьницы. М.: Даниловский благовестник, 2009.

Степанов В. Н. Эмоциогенная речь и ее жанры в рекламе // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 121–137.

Стратегическая психология глобализации: психология человеческого капитала. Учеб. пособие / Под науч. ред. А. И. Юрьева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

Страха же вашего не убоимся, яко с нами Бог. Рязань: Зерна, 2008.

Стрельченко А. Б., Звоников В. М. Целенаправленное дифференцированное гипнотическое воздействие как метод активации резервных возможностей человека // Парапсихология и психофизика. 1993. № 2. С. 49–56.

Строев С. Матрица: фантастика или реальность? // Первый и последний. 2005. № 6 (34).

Субетто А. И. Мифы либерализма и судьба России. СПб.: Астерион; Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2000.

Субетто А. И. Разум и Анти-Разум (Что день грядущий нам готовит? Начало, очерки 1–3) // Академия Тринитаризма. 2003. URL: http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120103.htm (дата обращения: 27.11.2016).

Субетто А. И. Битва за Россию: 1991–2008 гг. СПб.: Астерион; Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009.

Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Султанов Ш. Терроризм в «гибридном интерьере» // Завтра. 2015. № 46 (1147). URL: http://zavtra.ru/blogs/terrorizm-v-gibridnom-interere (дата обращения: 30.09.2016).

Сухарев А. В. Этнофункциональная информационная безопасность в условиях кризиса культуры // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 100–101.

Сухарев А. В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»,

2013.

Сухарев А. В. Структура ментальности русского и западноевропейского общества в X–XVII веках: этнофункциональный анализ // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 2. С. 129–141.

США создадут «теневой» интернет в помощь иностранным диссидентам // Lenta.ru. 13.06.2011. URL: http://www.lenta.ru/news/2011/06/13/shadow (дата обращения: 26.09.2016).

Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В. Террористическая угроза: современное состояние и проблемы // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 367–398.

Тарабрина Н. В., Журавлев А. Л. Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–21.

Темная сторона животных // KIWI BIRD. 06.11.2013. URL: http://kiwibyrd.org/2013/11/06/1311/ (дата обращения: 07.11.2016).

Тенденции развития современной психологической науки: тезисы юбилейной научной конференции. Часть 1 / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой.

М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007а.

Тенденции развития современной психологической науки: тезисы юбилейной научной конференции. Часть 2 / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007б.

Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Тихомиров Л. А. Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира. М.: Москва, 1996.

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат» – ТОО «Алир», 1998.

Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 2000.

Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник. М.: Рольф, 2001.

Тоффлер Э. Война и антивойна. М.: АСТ, 2005.

Трейсман Д. Почему Обама, Меркель и Путин выдают желаемое за действительное // Forbs. 15.07.2014. URL: http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/262565-pochemu-obama-merkel-i-putin-vydayut-zhelaemoe-za-deistvitelnoe (дата обращения: 14.11.2016).

Третьяков В. Суверенная демократия // RG.Ru. 28.04.2005. URL: https://rg.ru/2005/04/28/tretyakov.html

(дата обращения: 14.11.2016).

Убийство демократии: Операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период: Сборник статей международного авторского коллектива М.: АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив» – Кучково поле, 2014.

Усов В. В., Васькин Е. В. Волшебный мир рекламы. М.: Московский рабочий, 1982.

Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 5–13.

Ушакова Т. Н. Рождение слова: Проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Файдыш Е. А. Техно фэн-шуй и геомантия для современного человека. М.: Велигор, 2000.

Файдыш Е. А. Жизненные энергии в мистическом космосе. М.: Союз Книга, 2013.

Феномен и категория зрелости в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Феофан Затворник, епископ. Толкование на книгу св. Ермы «Пастырь». Свято-Введенский монастырь Оптиной Пустыни, 1999.

Феофан Затворник, святитель. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. М.: Благовест,

2013.

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999.

Филимонов В. П. Но избави нас от лукавого. СПб.: Домострой, 2003.

Филимонов В. П. Архипастыри, пастыри и монашествующие Русской Православной Церкви о глобализации и цифровом кодировании людей. СПб.: Вектор, 2004.

Филимонов В. П. Святое Православие и тайна беззакония – XXI век. СПб.: Вектор, 2005.

Филимонов В. П. Человек должен оставаться человеком. СПб.: Сатис, 2009.

Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии. Наука о душе. М.: Владос, 2001.

Флоренский П. Столп и утверждение истины. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. Ч. 1.

Франке Г. Манипулируемый человек. М.: Молодая гвардия, 1964.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Фролов Д. Б. Информационное противоборство в сфере геополитических отношений: Дис. … д-ра полит. наук. М., 2006.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: АСТ –

ОАО «Люкс», 2004.

Фурсов А. Тайная история // Завтра. 02.05.2012. URL: http://zavtra.ru/blogs/tajnaya-istoriya (дата обращения: 14.11.2016).

Фурсов А. И. Далекие зеркала: 1913–2013 // Однако. 2013. № 2 (151). URL: http://www.odnako.org/magazine/material/show_23487 (дата обращения: 26.11.2016).

Фурсов А. Психоисторическая война против России // День TV. Аналитический онлайн телеканал. 22.05.2015. URL: http://www.dentv.ru/content/view/andrej-fursov-psihoistoricheskaya-vojna-protiv-rossii/ (дата обращения: 05.10.2016).

Фурсов А. И. Вопросы борьбы в русской истории: Логика намерений и логика обстоятельств. М.: Книжный мир, 2016.

Фурсов А. И. Мировые войны: происхождение и классификации. URL: http://www.dentv.ru/content/view/andrej-fursov-mirovyie-vojnyi-proishozhdenie-i-klassifikatsiya (дата обращения: 26.11.2016).

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

Харламенкова Н. Е., Журавлев А. Л. Психология личности как открытой и развивающейся системы (к

юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.

Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. М.: Эксмо – Мидгард, 2007.

Хомский Н. Создавая будущее: Оккупация, вторжение, имперское мышление и стабильность. М.: АНФ, 2015.

Христодул Святогорец, иеромонах. На закате свободы. Фальсификация учения о начертании антихриста. Опровержение взглядов Преосвященного митрополита Никопольского и Превезского г. Мелетия в его книге «Начертание антихриста в Православном Предании». Афон: Святой монастырь Большие Метеоры, 2004. URL: http://www.torrentino.com/torrents/924710 (дата обращения: 13.11.2016).

Цветные революции: разработчик Джин Шарп // Lifejournal. 2016. URL: http://mashiah-1.livejournal.com/3842.html (дата обращения: 04.10.2016).

Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Том 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013а.

Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Том 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013б.

Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Том 3 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013 в.

Четверикова О. Н. Разрушение будущего: Кто и как уничтожает суверенное образование в России. М.: Институт высокого коммунитаризма, 2015.

Четверикова О. Н. Диктатура «Просвещенных»: Дух и цели трансгуманизма. М.: Благословение – Техинвест-3, 2016.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. М.: Канон+–РООИ «Реабилитация», 2006.

Шалыганов Ю. В. Проект Россия: Полное собрание. М.: Эксмо, 2012.

Шарп Д. От диктатуры к демократии: Концептуальные основы освобождения. М.: Новое издательство. 2005.

Шарп Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2012.

Шелейкова Н. И. Диалоги на вечные темы. Книга не для всех. М.: Беловодье, 2011.

Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.

Шишкин Д. «Люси». Все дело в наркотиках. // Однако. 19.09.2014. URL: http://www.odnako.org/blogs/lyusi-vsyo-delo-v-narkotikah (дата обращения: 24.09.2016).

Шувалов А. В. Здоровье личности: мировоззренческий и методологический аспекты // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 76–99.

Эвола Ю. Люди и руины. М.: Русское стрелковое общество, 2002.

Эжезипп С. В чем сила, брат? // Завтра. 2015. № 50 (1151). URL: http://zavtra.ru/content/view/v-chem-sila-brat (дата обращения: 03.10.2016).

Этим миром правят 9 человек (интервью с Д. Кьеза) // Росбалт. 21.02.2011. URL: http://www.rosbalt.ru/ukraina/2011/02/21/821655.html (дата обращения: 03.10.2016).

Юнг К. Психологические типы. Минск: Попурри, 1998.

Юревич А. В. Интеграция психологии: утопия или реальность // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт

психологии РАН», 2007. С. 503–523.

Юревич А. В. Нравственная деградация как угроза национальной безопасности России // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 25–46.

Юревич А. В. Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Юревич А. В., Журавлев А. Л. Проблемы российского патриотизма // Наука. Культура. Общество. 2016. № 1. С. 56–69.

Юревич А. В., Марченко Ф. О. Эксплицитные и имплицитные представления о зрителе в социально-психологических исследованиях телевидения // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 115–128.

Юренкова А. Исследование: социальные сети делают человека неадекватным // Социальные медиа. 10.07.2012. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=846107&cid=780 (дата обращения: 29.11.2016).

Юрьев А. В. Введение в политическую психологию. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992.

Юрьев А. В. Глобализация как новая форма политической власти, изменяющая человека и миропорядок // Россия: Планетарные процессы. СПб.: Изд-во

СПбГУ, 2002а.

Юрьев А. В. Рецензия на монографию В. В. Можаровского «Догматическое мышление и религиозно-ментальные основания политики». СПб.: ОВИЗО, 2002б.

Юрьев А. В. Концепция стратегической психологии // Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: Учеб. пособие / Под ред. А. И. Юрьева. СПб.: Logos, 2006. С. 13–55.

Юрьев А. В., *Шевякова Л. П.* Системное психологическое описание глобализации // Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: Учеб. пособие / Под ред. А. И. Юрьева. СПб.: Logos, 2006. С. 56–66.

Яковлева О. А. Новые технологии и права человека. Рязань: Зерна, 2012.

Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2009.

Amitav Acharya. The End of American World Order. John Wiley and Sons, 2014.

Brzezinski Z. Between Two Ages: Americas Role in the Technetronic Era. N. Y.: The Viking Press, 1970.

Chossudovsky M. Obama and the Nobel Prize: When War becomes Peace, When the Lie becomes the Truth. November 11, 2009.

URL: http://www.globalresearch.ca/obama-and-the-nobel-prize-when-war-becomes-peace-when-the-lie-becomes-the-truth/15622 (дата обращения: 27.11.2016).

Ferguson M. The Aquarian Conspiracy. Los Angeles: J. P. Archer, 1980.

Gostev A, Tucker J. C., Gilliland M. Zemlyanin: The emerging global citizen? (Essays on the evolution of human consciousness). Moscow – San Francisco, 1998.

Kahneman D. Thinking, fast and slow. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011.

Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence. N. Y.: Penguin Books, 1999.

Lévi-Strauss C. Structural Anthropology. N. Y.: Basic Books, 1963.

Mann S. R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters. 1992. V. 22 (3). P. 54–68.

Mann S. R. The Reaction to Chaos // Complexity, Global Politics and National Security / Eds D. S. Alberts, T. J. Czerwinski. Washington, D. C.: National Defense University, 1998. P. 62–68.

Moscovici S. The Phenomenon of Social Representations // Social Representations / Eds R. Farr, S. Moscovici. Cambridge – Paris, 1984. P. 6 – 35.

Robertson R. Globalization. London: Sage, 1992.